

Кира Соловьева

**НЕБЕСНЫЕ
КОРАБЛИ**

Annotation

Эльва — профессиональный некромант. Он любит находиться вне дома и охотно выполняет мелкие поручения от Гильдии Магов: отвези белобрежное письмо в Ландару, помоги преподавателю кафедры некромантии провести практические уроки, покажи, как правильно охотиться на нежить и сопроводи проклятого — в буквальном смысле — эльфа на свидание с драконами. Все это достаточно просто, если обладать легкомысленным характером и не замечать некоторых деталей. А если наоборот?

Соловьёва Кира Александровна

Небесные корабли

ЧАСТЬ 1

ПРОКЛЯТЫЙ

Я не видел цветов с того времени, как ушли
в белоснежную дымку небесные корабли.

Я не видел цветов. И не помнил, как пахнут
травы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЭЛЬВА

Эльва Тиез де Лайн, третий сын маркиза северного белобережья, встретил раннее утро на границе чужой страны. Ландара, известная благодаря отшумевшим бунтам и безумству Высшего Совета, никак не желающего искать короля, была тиха и пустынна. Торговцы не горели желанием платить втридорога за проезд через патрульные посты, менестрели предпочитали места поспокойнее, а разношерстный сброд еще спал, укрывшись обрывками грязных тряпок. Поэтому к Эльве отнеслись с большим подозрением — что, впрочем, было вполне понятно, если учесть его внешний вид.

Сейчас господин Тиез напоминал скорее разбойника, чем дворянина. Льяные волосы растрепаны, синие глаза сощурены, тонкий нос украшен глубокой ссадиной. На поясе болтаются четыре человеческих черепа, а за спиной, на крепких дорогах ремнях — тяжелый гномий топор.

— Спрашиваю еще раз. — Начальник смены зевнул, намекая, что очень хочет вернуться к прерванному гостем отдыху. — Зачем вы приехали?

— Повторяю, — в тон ему отозвался Эльва. — Я путешествую. Всю жизнь мечтал посмотреть на ландарские храмы и на старика Леаши. Кстати говоря, у меня для него письмо.

— От кого?

— От Его Величества Найле.

Патрульный загрустил, бросил взгляд на товарищей и промямлил:

— Ну не знаю. У нас напряженная обстановка, люди злые, повсюду кровь... трупов, опять же, хватает, болезни всякие. Возможно, чума, — добавил он.

Господин Тиез улыбнулся:

— Уважаемый, вы ослепли? Я — маг.

— И что? Маги тоже смертны. — Начальник нахмурился и решил: — Ладно, проходите. Только пешком вам до Ледена не добраться. Купите лошадь в придорожных селах, не пожалеете.

— Спасибо, — с облегчением вздохнул Эльва.

Страж закона кивнул и отступил, освобождая ему путь между двух сторожевых вышек. Высоко вверху, за грубыми деревянными укреплениями, резались в карты лучники. Судя по невнятным возгласам, один из них как раз выигрывал полновесную серебряную монету, а другой сердился и обвинял противника в недобросовестности.

Господин Тиез миновал недружелюбное общество и оказался на тракте. Широкая светлая полоса, по которой спокойно могли проехать три телеги, а между ними поместилась бы еще и лошадь, уходила за горизонт. Кое-где она ныряла в рощицы или огибала холмы, а кое-где становилась такой себе линией жизни для скопления домиков. Соломенные крыши желтели под лучами солнца, на траве серебрилась роса... словом, Ландара оказалась вовсе не такой ужасной, как Эльве описывали.

До первой деревушки он дошел спустя час. Начиналась жара, и господину Тиезу пришлось надеть шляпу. Черепушки на поясе нагрелись и притягивали взгляды жителей.

В отличие от большинства коллег, сын маркиза никогда не скрывал род своей деятельности. На вороте его рубашки красовался жетон с высеченной надписью "Гильдия Магов", а человеческие останки намекали, что парень — опытный некромант. Он закончил Алаторскую Академию несколько лет назад, по просьбе декана провел пару курсов лекций, а потом умыл руки и отправился скитаться по миру. Время от времени Эльва был вынужден возвращаться домой, предстывая перед родителями. Конечно, он их любил, но навязчивая опека раздражала.

Его отец, господин Лиайга, собирался передать титул старшему сыну. Средний служил при королевском дворе, в каком-то малоизвестном полку, а младший послал к черту благородное происхождение и сбежал из дома. В Академии его приняли, с удивлением обнаружили темный дар и оправдали перед родичами — мол, мальчик еще юн, погорячился, к тому же от него требовали слишком многого. Маркиз и маркиза покряхтели, посетовали на судьбу и смирились. Но с тех пор обращались к Эльве официально, без теплоты.

Он об этом ни капельки не жалел. Брату Грайзу, как наследнику, уделялось всеобщее внимание, и Эльва с детства привык оставаться в тени. Немалую поддержку юному некроманту оказал брат Кайта — и до, и после начала службы. Во-первых, он обожал нянчить и баловать кроху-братца, во-вторых, по достоинству оценивал колдовство. Между господами Кайтой и Эльвой сохранялись дружеские отношения, и оба не раз друг другу помогали. Маг все еще с улыбкой вспоминал тот случай, когда лейтенант де Лайн обратился к нему с письмом, умоляя избавить полк от внимания ведьмы. В итоге "ведьмой" оказалась исхудавшая гарпия, которой кто-то не очень добрый выбил половину зубов. Несчастное существо утратило способность охотиться, но продолжало наблюдать за людьми — видно, в надежде, что они сдохнут самостоятельно и можно будет полакомиться трупами. Некромант избавил его от мучений, отрубив женскую башку и повесив ее над воротами крепости, где был расквартирован полк господина Кайты — в назидание другой нечисти, охочей до мяса простых солдат.

Размышления путника прервал звонкий крик:

— Милорд!

— М-м-м? — он обернулся и увидел грязную девушку, одетую в лохмотья. Удивленно приподнял брови. Несомненно, здесь всего лишь деревня, но остальные жители не были оборванцами. — Что с вами произошло?

— Со мной? О, нет! — возразила девушка. — Беда с моей мамой. Она, знаете, заболела еще месяц назад, но мне отказали в помощи. Вы не могли бы... то есть... я заплачу! Я

заработала немного денег, я...

Эльва заметил, что женщина, половшая огород неподалеку, презрительно фыркнула.

— Пожалуйста, — просительница залилась слезами. — Пожалуйста, милорд!

— Начнем с того, что я не милорд, — подумав, сообщил парень. — Я некромант. И в исцелении не силен. Вам нужен профессиональный лекарь, желательно с...

— Мне некогда его ждать! — настаивала она.

Маг смерил ее внимательным взглядом. Не то, чтобы он был черствым, но долгие годы странствий научили все оценивать хладнокровно. Извлекать отовсюду выгоду, искать обходные пути — и все это осторожно, не теряя самообладания.

— Сколько вы заплатите?

— Восемь серебряных монет, милорд... то есть господин.

— Неплохо, — оценил он. — Что же вам пришлось сделать, чтобы столько заработать в простой деревне?

Девушка смутилась и покраснела.

— Мне... мне...

— Я понял, — с отвращением перебил ее Эльва. — Молчите. Показывайте, куда идти.

"Чертовы селяне! — ругался он про себя. — Вместо того чтобы спасти пожилую даму, воспользовались ее дочерью..."

Просительница миновала деревню и по узкой тропинке углубилась в лесок. Молодые остролисты покачивали ветками, листва шелестела, птицы выводили замысловатые трели. Некромант расслабился, распустил шнуровку на воротах и закатал рукава. Девушка тут же покосилась на его шрам — приметный, широкий и белый, он тянулся от среднего пальца левой руки и дальше, по внешней стороне ладони к запястью. Там расходился семью отростками, словно корни, и нырял глубоко под кожу.

— Кто это вас... так?

Эльва покачал головой. Рассказывать ему не хотелось.

Тропинка почти исчезла, теряясь в густых зарослях папоротника. Остролисты возмужали, потянулись к голубому небу, щекоча кронами пушистые облака.

— Мы пришли, — глухо сказала просительница. — Я живу тут.

Некромант осмотрелся. Маленький, поросший бородами мха дом, с темными окнами и сорванной с петель дверью, приставленной к проему, устроился на поляне. Он был низеньким и кособоким, явно построенным женщиной.

— Извините, — едва слышно попросила девушка. Ей, наверное, стало стыдно, что она привела благородного господина в такое место.

— Все в порядке, — заверил ее Эльва. — Как тебя зовут?

— Тальта. Тальта Егере, — виновато пробормотала она. — А... вас?

— Эльва, — он обменялся с ней рукопожатием. — Эльва Тиез де Лайн. Приятно познакомиться. Вы не будете против, если я отодвину створку?

— Пожалуйста.

Сквозь щели между деревянными гранями пробивался отвратительный запах. Некромант совладал со своими чувствами и открыл прямоугольник проема, впуская внутрь свет. Всего одно помещение, заставленное бочонками и бадьями. Лежак, накрытый походным одеялом, и старушка, чье худое морщинистое тело покрывала кровь.

— О Аларна, — воззвал к Богине Смерти маг. — Каковы причины ее... кхм... плачевного состояния?

— Охотники, господин.

— Охотники? Разве человечина высока в цене?

— Я не об этих охотниках, — отмахнулась Тальта. — Я о тех, что убивают людей. За деньги, — поспешно добавила она.

— За деньги, — повторил Эльва. — А-а, наемники? А что им понадобилось от вашей матери? Кому она могла насолить?

Девушка уставилась в пол:

— Не она, господин. Я.

— Ты?

— Да, — тихо-тихо подтвердила Тальта. — Несколько месяцев назад через нашу деревню проезжал мальчик. Лет четырнадцати, не старше. Он представился, как Сэтлео Каерра Хааль. Как наследник династии королей. У нас не было бунтов, и староста, опасаясь гнева Совета, велел ему убираться. А мальчик... ну... в общем, я его пожалела. Накормила и позволила переночевать. Утром он уехал, а через пару недель, когда я решила, что ничего не будет, явились эти... наемники. Они потребовали выдать тех, кто помогал лже-наследнику, и меня... долго били, а потом я упала. Не помню, что было дальше. Очнулась на улице, надо мной хлопотала мама, а вокруг стояли соседи. Хмурые, мрачные... им любая власть по душе, лишь бы внутренние налоги не менялись. Староста крикнул, что мы преступники, что нам следует задать... полетели камни... кузнец вилы принес, и...

Под конец речи она не выдержала и зарыдала, закрыв ладонями лицо. Эльва, в свою очередь, сжал кулаки. Недаром женщина в огороде фыркала — по ее мнению, Тальта была полной дурочкой, раз осмелилась прийти в деревню снова.

Не рискуя утешать девушку — он никогда не отличался удачей в таких делах, — маг шагнул к ее матери. Убрал простыню, скрывавшую раны, и едва не выругался.

— Мне нужен чистый свиток пергамента, — попросил он. — Одна свеча и, если есть, грифель.

— Грифеля нет, — безнадежно всхлипнула Тальта. — И чернил тоже.

— Ладно, обойдусь без них.

Пока хозяйка искала пергамент, Эльва убрал со стола посуду, освобождая поверхность. Протер тряпкой влажные доски, расстелил на них свиток и поставил свечу на верхний правый уголок. Девушка ойкнула, когда похожее на перевернутую каплю пламя окрасилось в зеленый цвет.

— Спокойно, — велел некромант. — Если вы боитесь, лучше покинуть дом. Пойдите под деревом, полюбуйтесь птичками... спойте песенку. Или помолитесь, чтобы я нигде не напутал, — пошутил он.

Тальта схватила кружку и покорно вышла, оставив мага в одиночестве.

Он вытащил из-за изнанки пояса агшел — черный, матовый, остро заточенный нож. Вырезал на указательном пальце витой символ, потерпел, пока царапины нальются кровью, и принялся рисовать на желтом листе.

Стоило вывести последнюю линию, и огонек свечи изменился. Дрогнул, поплыл, отращивая крылышки, лапки, и поглядел на мага изумрудными песчинками глаз.

— Смертный, — в тонком голоске смутно звучали снисходительные нотки. — Зачем ты призвал меня?

— Хочу, чтобы ты вылечил вон ту женщину, — объяснил Эльва. — Ей крепко досталось.

Дух метнулся к раненой, комаром покружился над ее плечами.

— Вижу, вижу, — согласился он. — А что взамен?

— Не знаю, — огорошил некромант. — Ты можешь назначить свою цену.

— Хм-м-м-м, — погрузился в тяжелые мысли дух. Он молчал довольно долго, потирая лапки на манер мухи, прежде чем изрек: — Что ж, раз так — дай мне десять светлых волосинок.

— Мои подойдут?

— Подойдут, — немного полетав среди льняных прядей, важно ответило призванное существо. — Давай, оплата вперед.

Эльва, страдальчески морщась, выдрал названную сумму. Дух пощупал свой еще не отработанный трофей, довольно муркнул и бросился к женщине. Залетел в приоткрытый рот, разразился неприятным жужжанием — и краешки ран сошлись, покрылись карминовым дымом, а затем и вовсе исчезли. "Лекарь" выскользнул на свободу и исчез за миг до того, как мама Тальты закашлялась, разомкнула веки и прохрипела:

— Ох...

— Доброе утро, — поздоровался некромант. — Как вы себя чувствуете?

Женщина моргнула. Ее взгляд опустился на черепа, после заклинания чуть-чуть покрасневшие, поднялся до все еще обнаженного агшела и, наконец, остановился на воротнике Эльвы.

— Гильдия Магов, — прочла она.

— Совершенно верно. Меня пригласила ваша дочь, — кивнул парень.

Старушка серьезно обдумала его слова. Помрачнела:

— А как мы расплатимся?

— Не стоит, — отмахнулся некромант. — Я не нуждаюсь в деньгах. Но вы можете оказать мне услугу...

— Какую же?

Маг протянул ладонь. Женщина взялась за нее, изогнула губы в подобии улыбки:

— Ну, молодой человек?

— Тальта... ваша дочь, она защитила Сэта. Я знаю того, кто щедро за это заплатит и предоставит вам все необходимое для жизни. После взбучки, учиненной вашими соседями, я бы не советовал оставаться в деревне.

— Вы видели мальчика? — неожиданно мягко уточнила старушка.

— Да, видел. Его приютил мой друг.

Спровадив Тальту и ее мать в Айл-Минорские графства через руны перехода, с короткой запиской для господина Тинхарта, Эльва решил вернуться на тракт. Солнце стояло в зените и нещадно припекало. Сквозь открытые окна из домов доносились звуки — вот кто-то уронил горшок, а кто-то разорвал старую, прогнившую ткань.

В самом центре деревни, у черного колодца, из которого некромант бы пить не рискнул, собралась компания мужиков. Один, судя по телосложению — кузнец, другой носит шапку старосты.

Некромант кровожадно усмехнулся. Лучшего расклада и быть не могло.

— Господин маг, — с укоризной начал староста. — По какому праву вы помогаете врагам короны?

— Да вот по этому, — бодро заявил Эльва... и со всей дури вмазал ему в ухо.

Мужик рухнул под ноги своим товарищам. Те обозлились, выхватили оружие — неплохое, но легкое, с топором нечего и тягаться, — и бросились на мага.

Странные они, думал он, аккуратно отступая. Обычно на представителей Гильдии и роптать-то боятся, а эти пытаются убить. Улучив момент, Эльва с боевым воплем опустил лезвие на затылок тощего парня. Хрустнула черепушка, брызнула алая и... другая жидкость.

— Чертов урод! — завыл кузнец, бросив три метательных ножа. Очень бездарно бросив — первые два пролетели мимо, не причинив господину Тиезу никакого вреда, а второй столкнулся с крепким гномьим древком.

— Попрошу заметить, что это вы на меня напали, а не я на вас, — нравоучительно произнес Эльва. И сорвал с пояса связку человеческих останков: — Вперед, Звездный, Лунный, Солнечный и Темный!

Черепастучали уцелевшими зубами, зажгли в провалах глазниц блеклые огоньки. Они держались в воздухе без поддержки мага и зловеще пялились на людей. Мол, ну что, голубчики, зарвались? Готовы огрести?

Кузнец попятился, помог старосте встать и спрятал его за своей спиной. Солнечный на это расхохотался:

— Что они делают, хозяин?

— Да, — вмешался Звездный. — Что делают?

Некромант вздохнул:

— Они изволят меня сердить.

— Сердиться вредно, — отметил Темный. — Тебе угодно их убить, хозяин?

Эльва кивнул:

— Мне...

— Пощадите! — не своим голосом заорал кузнец. — Пощадите, господин маг! Пожалуйста, пощадите, и мы...

— ...угодно, — закончил парень.

Черепастрадно оскателились, утонули в рассеянном свете — и, когда снова появились, уже венчали целостные скелеты. Грохоча костями, слуги некроманта двинулись к мужикам, наклонились, потянулись к живому миру...

— Хозяин, они вам еще нужны? — поинтересовался Лунный.

— Нет, — открестился парень, покосившись на мертвецов. — Можете их съесть.

Ночь господин Тиез встретил в пшеничном поле. Расстелил походное одеяло, лег и посвятил себя слежке за небом, высоким и синим, словно океанская глубина.

Две луны, младшая и старшая, то прятались в облаках, то выныривали и плыли по известному только им маршруту. Серебристое сияние, мягкое и ненавязчивое, а главное — совсем не горячее, падало на землю. Огоньки звезд, как драгоценные камни, рассредоточились в маленькие созвездия, и Эльва с ходу отыскал шесть знакомых — Кентавр, Арфа и Цветок на востоке, Демонический Глаз, Волкодлак и Корона Слез на юге.

Стебли пшеницы шелестели, где-то вдали, из крохотного пяточка рощи, с надрывом ухаля сова. Обстановка была самая что ни на есть спокойная, и некромант, поворочавшись с боку на бок, уснул.

Его разбудил скрип. Не протяжный и не противный, но прекрасно различимый. Сонно оглядевшись, маг сообразил, что по тракту едет телега. Ее возница — высокий, худой силуэт, — дремал, склонив седую голову, и собирался вот-вот сверзиться под колеса. Не то

чтобы Эльве было до него дело, но и ночевать по соседству с дохлым неудачником он не жаждал. Поэтому потянулся, на всякий случай захватил топор и окликнул:

— Эй, уважаемый!

Возница дернулся, вырвал из ножен меч:

— Ты кто?

— Да никто, — рассмеялся парень. — Катись, куда катился.

— погоди. — Возница присмотрелся к нему внимательнее, указал на жетон Гильдии и вытащил из кармана точно такой же: — Я из хасатинской Башни.

— А-а-а, — разочарованно протянул Эльва. Хасатиния ему никогда не нравилась, хотя ее заслуги перед магической частью общества были несомненны. — А я родом из белобрежья. Эльва Тиез де Лайн, третий сын маркиза Лиайги. Некромант, вторая ступень.

— Ого, — изумился возница. И тоже представился: — Я Шейн. Шейн Эль-Тэ Ниалет виконт юго-западной части айл-минорских графств.

Он спрыгнул на краешек поля и обменялся с магом рукопожатием. Голубые глаза заглянули в синие.

— Так ты, значит, сосед графа Тинхарта, — констатировал Эльва.

— Верно, — улыбнулся Шейн. — А ты?

— Смею полагать, что я его друг. Как поживает малыш Сэт?

— Превосходно. Учится этикету и фехтованию, уже освоил искусство чтения и письма. К тому же Тинхарт нанял ребят из Гильдии, чтобы они истолковали мальчику основы стихийного колдовства.

Седой помолчал, размышляя над ситуацией, и негромко спросил:

— Куда ты направляешься?

— В Леден, — не колеблясь, ответил некромант. — Нужно кое-что передать господину Леашви.

— А я в Кадрид, — хитро сощурился Шейн. — Если тебе скучно, могу заложить крюк и составить компанию. До города недалеко, к тому же он знаменит, а я бывал только в Ристве и Аулине.

— Вообще-то я планировал прогуляться до Ледена пешком, а там сориентироваться по рунам, но... согласен, — улыбнулся Эльва. — Поехали вместе. По дороге поделишься новостями.

Он собрал вещи, скатал походное одеяло и забрался в телегу. Меланхоличный конь поплелся вперед, не нуждаясь в понуканиях мага. Тот, впрочем, опять взялся за поводья и устроился на козлах. Видно, так он чувствовал себя увереннее.

— Леден, Леден, Леден... — повторял седой. — Что-то мне о нем говорили... причем совсем недавно, но я забыл. Черт возьми... и откуда берется склероз, в мои-то годы?

— А сколько тебе? — осведомился некромант.

— Двадцать пять.

— Ну да, это немного. Может, информация показалась тебе пустяковой — ты ведь все равно туда не собирался?

— Может... а, точно! Это была Нэлинта, и она сказала, что в Ледене так называемые "люди короля" сцепились с ребятами из ландарской гвардии. Последние вынуждены подчиняться Совету.

— А что им еще остается? Тут либо Совет, либо смерть. Леашви, не мудрствуя лукаво, вздернет каждого недовольного.

— В основном этим он и занимается. До меня дошли слухи, будто в начале весны на центральной площади повесили господина маршала. Причиной стала поддержка неофициальной политики, проще выражаясь — казненный человек намекнул, что Леашви не имеет права вечно заменять короля, и рано или поздно Сэт, как единственный наследник, взойдет на престол. Следует полагать, старик ужасно обиделся. Повесить маршала... интересно, как он будет воевать, если тому же герцогству Алагейя надоеет жить рядом с беспокойными идиотами, и оно попробует заполучить дармовый кусочек земель.

— Ну, не такой уж и дармовый, — со смешком возразил Эльва. — Людей поляжет достаточно. Бунты бунтами, недовольство недовольством, а лишаться своего дома никто не захочет.

Шейн задумчиво кивнул, признавая его правоту, и уточнил:

— А если пообещать им помочь избавиться от Леашви? Сам посуди — никакого лишнего кровопролития. Чистая работа. Одним дураком меньше. На трон посадят достойного человека... к слову, Тинхарт может предложить им объединиться с Его Высочеством — взамен на ряд каких-нибудь поблажек...

— Ты прирожденный заговорщик, — оценил некромант.

Седой безмятежно хохотнул, но больше ничего не сказал.

Ночь расстилалась вокруг во всем своем величии. Листва редких одиноких деревьев казалась серебряной, а пшеница образовала сплошное море. Ветер гонял по нему волны, и тихий шелест походил на шум настоящего прибоя. Мелкие зверьки носились на безопасном расстоянии, поглядывали на телегу яркими искорками глаз. Среди них было немало духов, таких же занятых и суетливых, как, в общем-то, и любое живое существо.

Ближе к рассвету, когда Шимра и Дайра погасли, телега выехала на перекресток. Шейн худо-бедно сориентировался и направил коня к Ледену. Дорожный указатель, побитый временем и весенними дождями, не вызывал ни капли доверия — парню пришлось слезть и подойти к нему впритык, почти уткнувшись носом в доску, чтобы прочесть руны "L" и "D".

— Мне всегда говорили, будто по ландарским трактам легко путешествовать, — пожаловался он. — А в итоге что? Тут даже надпись не обновили.

— Обнови сам, — деловито предложил Эльва.

— У меня и так дел полно.

Некромант фыркнул, выражая свое отношение к этим словам, и перевернулся на бок. Да, дел у Шейна действительно хватает — пока нашел попутчика, пока побеседовал с ним, пока довел... но спорить из-за подобной мелочи было лень.

Небо немного посветлело, хотя запад оброс пушистыми черными тучами. Телега мерно поскрипывала, Шейн что-то бормотал себе под нос — судя по оборотам, разбирал сложное заклинание. Эльва уловил знакомые фразы и собирался намекнуть, что без ритуального рисунка у седого ни черта не получится, когда сзади раздался крик:

— Именем Высшего Совета, стойте!

Маги в один голос выругались, и Шейн натянул поводья. Некромант приподнялся на локтях, чтобы испепелить взглядом нарушителя спокойствия, и увидел миловидную девушку в белой с красными вставками форме ландарской гвардии.

Она была невысокой, гордой и самоуверенной. Оба последних качества так и лезли из-под тяжелых воспаленных век. Радужки, затянутые белой пленкой, едва заметно зеленели.

— Представьтесь, — приказала девушка.

Эльва повиновался. Седой, немного помедлив, тоже.

— Странно. Что двое благородных господ делают на тракте, да еще и ночью? — с подозрением спросила гвардеец.

— У меня письмо для господина Леашви, — не стал темнить маг. — От Его Величества Алетариэля.

— Повелителя Белых Берегов? — удивилась девушка.

— Именно так.

— Что ж... — растерянно произнесла она. — Что ж... вы не возражаете, если я осмотрю конверт? Обязанности требуют быть суровой...

— Да, пожалуйста.

На самом деле осмотреть конверт ландарский гвардеец не могла. Только ощупать — ловко, со знанием всех нюансов, пройтись тонкими пальцами по печати. Похоже, ее ничуть не смущала собственная слепота — девушка легко определяла, где находится собеседник, и даже догадывалась о средствах его передвижения. Шагнув к телеге, она поинтересовалась:

— Что везете?

— Ничего, — честно ответил Шейн.

— Но внутри что-то есть...

— Есть, — невозмутимо подтвердил Эльва. — Это моя сумка, походное одеяло и оружие господина Эль-Тэ.

— Что за оружие?

— Палаш.

— По прибытии в город вам придется поставить его на учет, — сообщила гвардеец. — В нынешней обстановке разгуливать с клинком наголо — опасно и неразумно.

— Почему сразу наголо? — возмутился седой. — Я ведь в ножнах его ношу.

— Ну и что? Людям все равно видно. Они у нас нервные, того и гляди — сцепятся, как свора сумасшедших собак. Я не жалуясь, но, черт возьми, за год кому угодно надоест отгонять первых от вторых, третьих от четвертых, и главное — при этом не навредить Совету... тьфу, — девушка махнула рукой. — Развели бардак, а нам теперь возись. Ну, я вас предупредила. И раз уж мы встретились, не могли бы вы меня подвезти? Трудно странствовать без хорошей лошади, а мою вчера самым наглым образом сожрали.

— Я очарован, — улыбнулся Эльва. — Вы так прямолинейны. Кто же это был?

— Нежить. — Гвардеец уселась на одеяло и обратилась к Шейну: — Трогайте, молодой человек. Если ваше животное поспешит, мы будем в Ледене уже к полудню.

— Нежить? — нахмурился некромант. — Я слышал, что в Ландаре ее почти полностью перебили. Здешние инквизиторы были весьма расчетливы и постарались на славу, защитив жителей деревень.

— Увы, на трупах нежить быстро растет и сбивается в огромные стаи. Наши маги пока держат ситуацию под контролем, но единичные случаи убийств никуда не делись. Позднего путника у границ некрополя загрыз дакараг, на женщину-торговку напала гарпия, потом еще верды вылезли, хотя считалось, что они у нас не водятся... словом, проблем достаточно.

Эльва серьезно покивал, сочувствуя девушке и ее стране:

— А вы? Зачем вы покинули город, зная, что за его стенами бушуют условно мертвые существа?

— Получила голубя из Кадрида. Тамошний градоправитель убит. Мне поручили расследовать обстоятельства, и в целом-то все понятно — мужика прибили вилами к стене ратуши, — нокто это сделал, вопрос. Господин телепат и госпожа прорицатель не нашли

никаких следов.

— А-а, — протянул парень. Вмешиваться во внутренние дела Ландары ему совсем не улыбалось. Тут того и гляди — одна из противоборствующих сторон снесет тебе голову, а потом безжалостно затопчет.

Рассвет мутной розовой пеленой вылез из-за туч, а затем утонул в них, словно корабль — в море. До путников добрались первые раскаты грома, но зато впереди показался Леден — серые стены с башенными зубцами, увенчанные флагами и знаменами. Восемнадцать вышитых серебром звезд, лодка и схематические волны на синем фоне — государственный герб, красное полотно с забавными золотыми шмелями — стяг постоянного войска, белая ткань с красными пятнышками рубинов — знак королевской гвардии. Все они полоскались на ветру, готовые вот-вот сорваться.

Спустя еще несколько часов Эльва различил человеческие фигурки — бравая городская стража охраняла основные участки укрепления. Девушка-гвардеец повернулась к Ледену и полной грудью вдыхала свежий, резко пахнущий цветами воздух — по правую руку от дороги расположился сад. Вроде бы заброшенный, но среди сорняков краснели, розовели и желтели дорогие приморские розы, распускались звездчатые лилии и тянулись к свету алые, неизвестные некроманту соцветия.

— Мы близко, — констатировала девушка. — Перед вами — бывший эльфийский дворец, Хальтэ-Лиа.

— Дворец? — растерялся Эльва. — Seriously? Тут и руин-то нет.

— Они дальше, за садовым полукругом, — пояснила гвардеец. — Белые обломки, единственный уцелевший витраж и, как мне говорили, статуя в память о королеве.

— О принцессе, — поправил ее Шейн. — И это не памятник. Это настоящее тело залитое смолой и покрытое слоем краски.

— Не может быть, — возразила она.

Седой пожал плечами, не желая спорить, и снова уставился на город.

К полудню некромант сдался, вытащил из сумки остатки сыра и копченого мяса, разделил их с попутчиками и позавтракал. Гвардеец порадовала его вином, сладким и легким. После него резко захотелось что-нибудь спеть, а то и станцевать, но шаткая поверхность телеги не располагала к подобным радостям. В конце концов, проклиная на чем свет стоит чертову жизнь, чертов мир и чертов тракт, Эльва задремал. Девушка уступила ему край одеяла, стряхнула с колен сырны крошки и сказала:

— Твой друг не похож на мага.

— Разве? — равнодушно отозвался Шейн.

— У нас все маги находчивые, невозмутимые и величественные. А этот ведет себя, как ребенок.

Седой посмотрел на некроманта. Хмыкнул:

— Сомневаюсь, что он мыслит на том же уровне. Скорее, стремится выглядеть непутевым. Таких... как выражается мой знакомый... раздолбаев никто не воспринимает всерьез, и они могут творить все, что в голову взбредет, не волнуясь о сохранности голов окружающих.

— По-твоему, он опасен?

— Нет, — неожиданно возразил парень. — Для нас — нет.

Гвардеец кивнула и попросила:

— Расскажи мне, как он выглядит.

Шейн посмотрел еще раз.

— Высокий. Ты ему в грудь дышишь. Светловолосый, синеглазый, одет неброско. Но рубаха и сапоги наверняка сшиты под заказ, на ярмарке такие не купишь. Носит с собой топор... я бы даже сказал — секиру, но форма лезвия для нее не подходящая. — Маг подхлестнул коня, заставляя идти быстрее, и поинтересовался: — Как ты потеряла зрение?

— По глупости. — Девушка ничуть не обиделась. — Маленькая была, вечно совалась, куда не надо. Однажды с матерью пошла на рынок, торговать луком, а день жаркий стоял. Она отправила меня домой, искупаться в бадье — мы тогда набирали с вечера, чтоб утром поплескаться в холодной водичке. Бегу я, значит, по переулку, а там двое мужиков. То ли карманники, то ли убийцы. Спорят. Я попятилась, думала — убегу, но правый мужик меня заметил и сыпанул в лицо какой-то дряни. Мелкий такой порошок, на солнце голубым посверкивает. Он-то и был последним, что я видела в своей жизни. Несколько лет назад мне еще снилось нечто реальное, цветное, а потом перестало. Но я привыкла, а новые друзья отца устроили меня в гвардию — как ты мог убедиться, проблем из-за отсутствия глаз у меня не возникает.

— Это верно. Я запросто могу представить тебя в бою.

— И я тебя тоже, — вернула шпильку гвардеец. — У меня создалось крепкое впечатление, что ты способен любому проходимцу отвертеть...

— Эй, ребята, — сонно перебил ее Эльва. — Я сплю.

— Да, прости.

Разговор прервался, но особой необходимости в нем уже и не было. Леден приблизился настолько, что Шейн без труда разглядел стражников у ворот и небольшую, бурную, шумную очередь, вынудившую некроманта окончательно проснуться.

— Что у нас тут?

Девушка опытно прислушалась.

— Три торговца, кузнец и прачки, — вынесла вердикт она.

— Славно. Эти без вопросов пройдут.

— А мы, к сожалению, нет, — поделился бедой возница. — Особенно я. Ты-то можешь оправдаться письмом к Леашви, а у меня в городе нет дел.

— Ничего, я вас проведу, — пообещала гвардеец. — Так сказать, в благодарность за компанию и телегу. И за вашу любезность.

Она тут же спрыгнула на землю, протолкалась к стражнику. Тот окаменел лицом и вытянулся по струнке:

— Доброе утро, госпожа Альнар!

— Доброе утро, Вит. Эти люди со мной, будь добр записать — господин Шейн Эль-Тэ Ниалет носит с собой тяжелый хасатинский палац, а господин Эльва Тиез де Лайн — обладатель гномьего топора. Готово? Отлично. Мы проезжаем.

— ...А ты важная персона, как я погляжу, — тихо произнес седой, когда скрип тележных колес начал отдаваться эхом в арке городских ворот.

— Благодаря бунтам многие высоко взлетели, — невозмутимо пояснила гвардеец.

Шейн буркнул что-то еще, и девушка рассмеялась. Куда больше их милой беседы Эльву занимал город: скопление красивых, белых домиков, чьи балконы уставлены домашними цветами, внушительный храм, облицованный розоватым мрамором, и шпили дворца. Они короной поблескивали вверху, указывая острыми концами в небо — мол, даже Бог не помеха ландарской власти.

На центральной площади Альнар покинула спутников. Еще раз поблагодарила, пожала руку Шейну и уверенно отправилась вдоль трехъярусных построек. В них располагались торговые лавки, но, в отличие от белобрешных, они не имели вывесок — характерные таблички болтались на дверях.

Расхлябанная телега стала целью для взглядов королевских солдат. Один из них, нервно сжимая копьё, сбежал вниз по дворцовой лестнице, неохотно поклонился и возвестил:

— Вы находитесь в сердце Ледена, перед главной резиденцией Высшего Совета. Что вам нужно?

— Во-первых, — невесть зачем полез в перепалку Эльва, — я нахожусь перед обителью короля. Во-вторых, не стоит кланяться с таким постным выражением лица. В-третьих, у меня письмо к господину Леашви от Его Величества Алетариэля, властелина Белых Берегов которое надлежит передать лично и без свидетелей.

— Но...

— Что "но"? — рыкнул некромант.

— Вы маг. — Солдат уставился себе под ноги. — А нам приказано не пускать магов к господину Леашви.

Шейн опасно сощурился:

— Это еще почему? Господину угодно, чтобы мы направили жалобу в Башню Гильдии?

— Нет-нет! — бравый защитник ландарского дворца побледнел. — Просто... понимаете, у нас в королевстве неспокойно... а несчастный случай с главой Совета может окончательно все испортить.

— О Аларна, — вздохнул Эльва. — Вы, наверное, издеваетесь? Мне поручили отвезти письмо, а затем передать ответ с помощью магического вестника. Знаете, насколько было бы проще, не закройся вы от внешней линии связи? Я бы здесь не стоял и не спорил с идиотами, а господин Леашви уже давно знал бы, чего требует Его Величество.

Солдат помялся, переступил с ноги на ногу и с надеждой обернулся к своим коллегам. Те сохраняли неподвижность, словно ледяные скульптуры, и сжимали копьё на случай, если придется силой прогонять незваных гостей.

— Ладно, — наконец решился солдат. — Я сообщу Совету о вашем прибытии. Подождите, пожалуйста, здесь.

Он снова поклонился и бегом бросился наверх, к открытым деревянным створкам. Шейн пренебрежительно фыркнул, а Эльва пробормотал:

— Все это кошмарно раздражает. Того и гляди, я сорвусь и начну убивать людей, а потом мое деяние окрестят самым страшным бунтом из всех.

— А что, ты на это способен? — усмехнулся седой.

— Еще как. По-твоему, я зря ношу на поясе черепа?

Ждать пришлось долго. Некромант заскучал и принялся повторно проклинать лето и предгрозовую жару. Возница к нему присоединился — по ощущениям, затылок просто горел. Когда чертов солдат вернулся, путники уже достигли взаимопонимания и помогали друг другу подбирать слова, чтобы обозвать тучи, открытое пространство и, главное, Ландару позакковыристее.

— Господин Леашви согласен вас принять, — сообщил он. — Идите за мной.

Эльва тут же соскочил на камни, раскаленные, как уголья в костре. Сквозь тонкие мягкие подошвы пробился жар, и парень поспешил подняться по ступеням к провалу входа. Там его встретила прохлада, и он насмешливо переглянулся с Шейном: мол, гляди, Совету

здесь превосходно отдыхается, пока гвардия мучается снаружи.

Тихий щелчок привлек его внимание. Осмотревшись, некромант обнаружил, что на балконах второго яруса выстроились арбалетчики.

— Неплохая охрана, — оценил он.

— В нынешней обстановке она оправдана, — холодно произнес солдат. — Проходите, не задерживайтесь.

Эльва послушался. За ним увязался седой, с интересом оценивая качество лепнины на стенах. Местами она прерывалась, образуя ниши для картин — в основном портретов, — и ваз, наполненных высушенными цветами. Ряды колонн, подпирающих сводчатый потолок, покрывали вычурные узоры.

Провожатый вывел путников в тронный зал, явно заброшенный. На всех поверхностях лежала пыль, и она же серыми нитями колебалась в рассеянных лучах света. Перепуганный слуга носился туда-сюда с двумя тряпками, а за ним, залиvisto хохоча, бегала девочка лет пяти.

— Господин Леашви примет вас тут. — Солдат развернулся и двинулся обратно. — Он будет с минуты на минуту.

— Хорошо, — согласился Эльва.

Шейн подождал, пока провожатый покинет зал и его шаги стихнут. Затем полюбопытствовал:

— Тебе известно, о чем письмо?

— Нет. Я чужие письма не читаю, тем более если они исходят от власти.

— Это, конечно, правильно. Но неужели тебя... ну... не интригует сама ситуация? Властелин Белых Берегов, который живет у черта за рожками, внезапно пишет господину Леашви, который, в свою очередь, не в силах совладать с государственными проблемами.

Некромант немного поразмыслил и отрицательно качнул головой:

— Нет, не интригует. Я не люблю все эти дрязги.

— Ты странный, — вытаращился на него седой. — Таких знакомых у меня еще не было. Чаще по-другому: их хлебом не корми, дай только сунуть нос в какую-нибудь страшную тайну. И не страшно, если этот нос потом отрубят вместе с...

— Прошу прощения, — вмешался слуга. — Вы не отойдете?

Эльва покосился на обтрепанный гобелен — последнюю вещь из тех, что следовало привести в порядок. Пожал плечами и отступил, не видя смысла в белых и красных контурах, составленных из хаотичного переплетения ниток.

Шейн глубокомысленно хмыкнул, поправил ножны и побрел вдоль южной стены, останавливаясь возле картин. Когда он дошел до пятой, в дверях появился немолодой, потный и недовольный мужчина. Короткие русые волосы, кое-где очень редкие, венчало тонкое эльфийское украшение — кажется, диадема. В зеленовато-серых, подслеповато сощуренных глазах плескалось целое море недоверия.

— Господин Леашви. — Некромант отвесил церемониальный поклон. — Я счастлив вас лицезреть.

— Молодой человек, давайте обойдемся без лицемерия, — скривился глава Совета. — Вручите мне чертово письмо и катитесь отсюда восвояси. Ответ для Его Величества я пришлю с посыльным.

— Нельзя. — Эльва скрестил руки на груди, не торопясь расставаться с дорогим конвертом. — Его Величество Найле ясно приказал, что желает получить ваш ответ как

можно скорее, с магическим вестником и моим докладом о... встрече. Либо вы читаете письмо сейчас, при мне, либо не читаете вовсе, и потом расхлебываете конфликт между двумя пусть и отдаленными, но все-таки королевствами.

Леашви нахмурился, наблюдая за сыном маркиза с легкой тенью уважения. Вероятно, давно не вступал в переговоры с кем-то достойнее, чем бунтующие горожане.

— А вы довольно упрямы, господин Тиез. Ладно, пусть будет по-вашему.

Некромант расслабился, протянул главе Совета послание своего короля. Тот бегло прочел, не слишком вникая в смысл. Какая-то из нижних строк заставила его вздрогнуть, тихо помянуть Дьявола и воскликнуть:

— Райстли?! То есть... извините, господин Тиез, я погорячился.

— Ничего, — любезно ответил Эльва, про себя прикидывая, что такого о прежнем короле мог написать Его Величество. Выходило, что что-то серьезное — иначе господин Леашви не вышел бы из привычного снисходительного образа и уж точно вел бы себя, словно человек без эмоций.

— Мой мальчик, — пробормотал глава Совета, прижимая письмо к груди. — Нет, я никогда его не любил... ни Райстли, ни его преемника, но... ни тот, ни другой не заслужили подобной смерти.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ШЕЙН

— Bravo, господин Леашви. — Эльва подошел к окну и щелкнул пальцами, высекая зеленые искры. Ответное письмо, второпях написанное главой Совета, вспыхнуло и превратилось в крупную белую птицу с острым, словно лезвие, клювом. — Вы быстро управились.

— Его Величество не потребовал ничего невыполнимого, — хмуро отозвался мужчина. — Кроме того, он прав. Либо мы принимаем малыша Сэтлео, либо... — он красноречиво провел ладонью поперек шеи. — Как с ним связаться?

— Через графа Тинхарта Ивеля, конечно же. Отправьте посыльного в Айл-Миноре. А нам пора, — некромант выглянул в окно и поежился. — Хотя погода, черт ее заберит, абсолютно не располагает.

— Найдем постоянный двор, — невозмутимо предложил Шейн. — Поужинаем, выпьем, поспим... я бы и помыться не отказался, третий день уже в пути, а вода в озерах и ручьях жуть какая холодная.

— Можете заночевать здесь, — неохотно произнес Леашви. — Я распоряжусь насчет ужина и ночлега.

Маги переглянулись и в один голос отказались:

— Благодарим, но нет!

— Как пожелаете. — Во взгляде Леашви седому почудилось облегчение. — Удачной дороги. Надеюсь, вы без происшествий достигнете дома.

Эльва поклонился, а Шейн просто кивнул, не утруждая себя глупостями вроде этикета. Тот же самый слуга, что протирал в зале пыль, бросился провожать гостей к выходу.

— Ты не находишь, что глава Совета вел себя странно? — поинтересовался седой. Достаточно тихо, но при этом так уверенно, будто имел все права обсуждать людей в их же

доме. — Нервничал, злился, хотя мы были... то есть ты был, крайне вежлив.

— Нахожу, — покладисто признал некромант. — Но не вижу смысла расстраиваться. Письмо я доставил, поручение короля выполнил — теперь можно со спокойной душой таскаться по трактам. Люблю подрабатывать в селах и деревнях, знаешь ли.

— Святая наивность, — закатил глаза Шейн. — Ладно, пошли.

Слуга вывел их на лестницу, где стояли гвардейцы, извинился и отправился прочь. Маги спустились по ступеням, в последний раз посмотрели на дворец, забрались в телегу и поехали вдоль рядов улочек, выбирая ту, где, скорее всего, мог отыскаться приют для путников.

Он и отыскался — трехъярусное деревянное строение, с окнами, затянутыми серой слюдой, и нарисованной у входа елью. Деревце выглядело довольно чахлым, а краска давно облупилась. Однако седой бодро заявил, что вот оно — подходящее место, после чего завалился внутрь и нос к носу столкнулся с вышибалой.

— Кто такие? — по-звериному низко рыкнул тот. — Чего надо?

Эльва сообразил, что Шейна смутила эта "приятная" неожиданность, за локоть выдернул его из опасной точки и буркнул:

— Нам нужны две комнаты, ужин и горячая вода, уважаемый.

— А-а-а... ну, того, проходите.

— Спасибо, мне что-то расхотелось, — пробормотал седой. — Пойду поищу другое заведение.

— Ну уж нет, — твердо возразил некромант. — Мы останемся тут. У меня нет настроения шляться по городу в дождь. Правильно я говорю, уважаемый? Вы мне хозяина не представите?

— Да где-то он в кухне был, — почесал затылок вышибала. — Сейчас позову.

Когда он ушел, парень позволил себе выдохнуть. В конце концов, ему редко приходилось иметь дело с троллями — а именно к ним и относился здешний работник. Эльва никогда бы не нанял никого подобного, потому что, несмотря на род своей деятельности и внешнюю безрассудность, высоко ценил красоту.

Первый, нижний ярус постоянного двора представлял собой столовую. Повсюду на манер грибных шляпок торчали столы и стулья, а под западной стеной, украшенная плетенками лука и чеснока, расположилась длинная стойка. Разномастные кубки, кувшины, стаканы и кружки — все старое, грязное и мутное, — венчали ее поверхность.

Сквозь слюдяные окна было трудно разглядеть, что происходит снаружи, но звуки никуда не делись. Гремела далекая гроза, завывал ветер, первые капли разбивались о крыши и мостовую. Эльва тихо порадовался, что запихнул спутника в помещение, и дружелюбно поздоровался с хозяином — невысоким, бородатым и загорелым мужчиной лет сорока пяти.

— Добрый вечер! Ваш вышибала, должно быть, уже передал вам нашу просьбу?

— Передал, — согласился мужчина. — Свободных комнат у нас полно, поднимайтесь на третий ярус и выбирайте, какие нравятся. Бадья всего одна. Скажете, куда нести, и он, — хозяин указал на вышибалу, — разберется. Ужин через пару часов, вы как раз успеете вымыться.

— А что насчет оплаты? — уточнил некромант.

— Восемь серебряных монет.

— Ага. — Он пошарил по карманам и вытащил на свет четыре. Еще четыре протянул Шейн. — Возьмите, пожалуйста. Комнаты открыты?

— Да.

Седой подождал, пока мужчина снова скроется в кухне, и поплелся наверх. Что-то ему явно не нравилось, но в присутствии тролля Эльва предпочитал не спрашивать. Это можно сделать и потом, когда рядом не окажется любопытных ушей размером с кочан капусты.

— Уступаю бадью тебе, — буркнул он, ныряя в спальню с низким потолком, огарками свеч на столике и метлой, забытой в углу. Ее с проклятиями забрал вышибала, неуклюже попросил прощения и вернулся на свой пост, следить за новыми посетителями. Эльва прислушался к незнакомым голосам и закрыл дверь, тут же задвинув тяжелую, добротную щеколду.

Нет, все-таки счастья в мире хватает. Когда после долгого и трудного дня есть возможность прилечь на мягкую, прохладную, чистую постель, уткнуться лицом в подушку и поразмыслить. О чем-нибудь хорошем, приятном, вроде проведенных в Академии лет...

Совсем недавно в мире правила инквизиция, и она недолюбливала магов с темным огоньком дара. Недолюбливала настолько, что брала за горло и бросала в застенки — выбивать правду о появлении и развитии опасного колдовства. Но весной, в конце Сезона Снегов, некое Братство Отверженных вылезло из небытия и скормило бродячим псам отцов Риге и Ольто. Маги перехватили власть, решительно изменили порядок вещей и основали во многих королевствах свои Академии. По слухам, там уже начинался прием детей, и немало юных талантов готовилось к первым экзаменам.

Однако на Белых Берегах — родине Эльвы, — Академия существовала и раньше. Правда, тамошние учителя были вынуждены преподавать исключительно азы светлого волшебства, не вдаваясь в подробности. Им это, разумеется, не нравилось, и самых талантливых детей втихую обучали темному. Некромантия, основы материи, теория разрушения и ряд иных, сходных по составу наук процветали под самым носом у Его Величества Найле. Эльва считал, что ему об этом известно. Вездесущий король не мог упустить из виду страшную шайку, способную разнести в пух и прах не только столицу, но и вообще половину живых земель. Но ничего не предпринимал — вероятно, догадываясь о грядущем перевороте.

Некромант был благодарен своим учителям, которые не побоялись объяснить ему, что такое темный дар и почему он не менее важен, чем светлый. Учителям, вручившим ему знания о госпоже Смерти. Если бы не они, третьего сына маркиза де Лайн уже давно сожрали бы могильные черви — если, разумеется, после пыток осталось бы, что жрать.

Эльва зевнул, расшнуровал ворот рубахи и уставился в потолок. Интересно, Шейн позаботится о телеге? И куда денет коня? При постоялом дворе есть конюшня, но животное могут свистнуть, и ищи его потом по всему городу...

Стоило вспомнить о седом, как он возник на пороге — посвежевший, в чистой одежде, с мокрыми волосами, — и заявил:

— Сейчас тебе бадью принесут. Воду выльют, новую нагреют и принесут.

— Чудесно, — лениво ответил некромант. — Только пусть сначала постучат, а не как ты.

— Ха, — парень нагло переступил через брошенную спутником обувь, уселся в кресло и уточнил: — Ты поедешь со мной в Кадрид?

— Поеду, — вздохнул Эльва. — Все равно планов у меня нет. Возвращаться на Белые Берега лень, отчитываться перед семьей тоже. Они у меня такие зануды, Аларна спаси...

— Мои тоже, — серьезно сказал Шейн. — Отец и мать погибли при инквизиции, а тетя

с дядей до сих пор считают, что эпоха Магов не продлится и года. Настаивают, мол, бросай свою Гильдию, а мы тебя спрячем... трусливые идиоты.

— Да ладно тебе. Боятся многие, — пожал плечами некромант.

— Когда боишься, надо сражаться, — возмутился седой. — Надо бороться со своим страхом, надо выступать против него с армией. А не тихо уходить в тень, где тебя не обидят и защитят.

— На это способны единицы. Даже среди дворян полно трусов, и для каждого из них лучше укрыться под землей, под водой, в небесах при помощи высокой, запертой на тысячу замков башни, но только не на поле боя. Как по мне — нормальное явление. Нечего разбавлять ряды решительных войск своими сомнениями, страхами и предрассудками.

Шейн поджал губы, намекая, что его воля — и воевать были бы согнаны все люди на свете. Но промолчал, поскольку с улицы донесся выстрел.

Эльва напрягся, заставил себя встать и приоткрыть маленькую форточку. Выглянул. В нос ударили запахи дождя, пороха и крови, по лицу покатались ручейки небесной воды.

— Что там? — едва слышно полюбопытствовал седой.

— Труп, — односложно ответил парень. — Мужской. Человеческий. И у него повязка на правом локте. Синяя с серебром.

— Странник короля... черт возьми, значит, мы явились как раз к бойне?

— Надеюсь, нет. — Некромант закрыл створку, повернул незамысловатый замочек и зашторил окно. — Будем сидеть, словно мыши, авось пронесет... — он осекся, сообразив, что эти слова здорово смахивают на недавнюю речь Шейна. Но седого они, кажется, не обидели — он утвердительно качнул головой, запер дверь и обнажил палаш.

— Если кто-то сюда ворвется, я его зарублю. Без разбирательства.

— Верно, — согласился Эльва, подхватывая топор. — Я поступлю точно так же. Первый, кто переступит порог со злыми намерениями, лишится половины целых костей и захлебнется своей же кровью.

Маги встали по обе стороны от выхода, прижимаясь к теплым деревянным доскам. Последние были слегка шероховаты, и некромант ощутил некую долю опасения. Не хотелось потом, когда все закончится, доставать занозы из-под кожи.

Выстрелы повторились, кто-то громко заорал: "Вперед!" Внизу запричитал вышибала, явно загнанный в угол, и принялся умолять о пощаде хозяин постоянного двора. Его голос заглушили вопли лошади — судя по всему, прекрасно знакомые Шейну. Парень побледнел, крепче стиснул холодную рукоять и сквозь зубы процедил:

— Вот сволочи!

— Это наш конь?

— Наш, — подтвердил седой. — Был...

Эльва нахмурился. Конечно, путешествовать можно и без телеги. Через руны перехода, например, как с начала планировалось. Но зачем, Аларна сохрани, убивать чужое животное? Не проще ли найти человека, которому оно принадлежит, и избавиться от него?

В коридоре загремели шаги. Высокий, но до дрожи перепуганный юноша распахнул дверь, держа перед собой меч. Шейн, недолго думая, зарубил ему шею — алая жидкость выплеснулась наружу и заляпала одежду, волосы и руки седого.

— Ну и гадость, — пожаловался он. — Пошли, Эльва.

— Пошли. — Некромант на мертвеца не смотрел. Он успел перевидать их достаточно, чтобы не обращать внимания.

Шейн, крадучись, выбрался на лестницу. Заметил хозяина постоянного двора — мужчина лежал, отчаянно пытаясь вернуть на место свои же внутренности. Рядом с ним валялась верхняя половина тролля. Нижнюю парень обнаружил за стойкой, среди разбитых бутылок.

Люди без формы, в обычных городских нарядах, распивали дорогое вино. Теперь им было не нужно за него платить, а бесплатное угощение, как известно, привлекает кого угодно. Седой пренебрежительно сморщился, отряхнул палаш — тяжелые капли растеклись по полу и стульям, — и произнес:

— Это даже не бунтовщики. Обычные воры.

— Не совсем, — мрачно улыбнулся Эльва. — Они еще и пьяные.

Маг улыбнулся тоже.

— Моя тетя говорит, что таких людей надо скармливать бродячим собакам. Прямо сейчас я нахожу ее методы привлекательными. Только собак поблизости нет, поэтому... — он вывел на залитой кровью столешнице замысловатый узор и накрыл его ладонью, — пускай будет пламя. Помнится, инквизиция считала огонь святым и верила, что он в силах уничтожить любую скверну.

От дикого крика, расколовшего относительную тишину, некроманта замутило. Впрочем, за сгорающими людьми он наблюдал безо всяких эмоций. Ну, горят. Ну, страдают. Сами виноваты, да и голубое пламя сожрало их тела быстрее, чем растягивала бы дыба.

— Надо сообщить страже, — проворчал Шейн, наступая на серый лохматый пепел. — И сбить какую-нибудь компенсацию. В конце концов, что за ерунда? Почему мою скотину среди бела дня убивают?

— Уже вечер, — пожал плечами Эльва. — К тому же погода... кхм... в общем, стражники — это те же люди, что и мы с тобой, и их вовсе не радует перспектива прозябать под ливнем.

— Это, — возразил седой, — их работа, и детали меня не интересуют. Зачем, спрашивается, люди платят налог, если те, кто его получают, боятся летней грозы?!

Крыть было нечем. Некромант вздохнул, поправил ремешок сумки и вышел во двор, намереваясь отыскать ближайший пост леденской стражи.

Дождь лил и лил, в глубине туч гремело, крыши домов высвечивали молнии. Эльва прикинул, что произойдет, если эдакая штуковина ударит по нему, а не по сырой соломе, и зябко поежился.

Стражников на посту не оказалось. Шейн с подозрением присмотрелся к низенькому гвардейцу, подошел ближе и рыкнул:

— Здравствуйте, сержант!

Гвардеец вздрогнул, будто от удара, сорвался с места и сбил парня с ног. Тот тяжело рухнул на мостовую, приложившись об нее затылком, и на несколько секунд утратил умение двигаться. Только чувствовать, и чувства эти показывали, что рядом упало что-то еще.

— Прощу прощения... — выдавил из себя он.

— Лежите! — шепотом ответил гвардеец. — Лежите, черт возьми, или в вас сейчас дырок понаделают!

— Но... — начал было седой — и запнулся, когда неподалеку разорвался дом. Из него, крутясь, вылетели даже не тела — ошметки тел, а залитые кровью камни градом посыпались на соседние постройки. — Что за?..

— Небольшой бунт. — Сержант поднялся и протянул парню руку, помогая вновь принять вертикальное положение. — Не волнуйтесь, наш городской маг уже все уладил.

Добрый вечер, господин Аулталь, — добавил он, поклонившись человеку с роскошной гривой рыжих кудрей. — Ловко вы их... прижали.

— Да нет, — равнодушно отметил маг. Жетон красовался на кармане его штанов, непривычно широких выше и непривычно узких ниже колена. — Неаккуратное колдовство. У них были амулеты, они испортили точность заклинания... надо заплатить местным жителям монет по двадцать-тридцать. Вы не возра...

Он осекся и резко развернулся. Холодные серые глаза обшарили улицу, дернулись и остановились на неподвижном Эльве. Спасенный невнушительным гвардейцем, Шейн не успел подумать о некроманте — и теперь тот лежал, вцепившись пальцами в рану на груди, и молча, сосредоточенно, сжав побелевшие губы, выковыривал из нее ядро. При этом с его лица убралась все яркие краски — даже синие радужки выцвели, обнажив блеклые зеленые пятна внутри зрачков.

— О великая Шеара, — простонал городской маг, хлопаясь на колени перед раненым. — Держитесь, молодой человек!

— Ой, да... что вы, — прохрипел Эльва. — Я не больно-то младше... вас. Прекратите бояться и помогите мне... достать эту чертову... стальную... гадость... — он закашлялся и был вынужден расслабить ладони, потные и дико дрожащие. — Давно со мной... не случалось... подобных бед.

— Тихо, — приказал Аулталь. — Тихо, пожалуйста. Я взял себя в руки и готов действовать. Лежите спокойно.

— Я помогу, — вызвался Шейн и схватил некроманта за плечи. Гвардеец, в свою очередь, стиснул его колени, а маг осторожно выковыривал багровое мушкетное ядро. Хохотнул:

— Потрясающе. Что мне нравится в некромантах — так это их небывалая живучесть. Ну, чего вам стоит уйти на свидание с госпожой Смертью? Вы ведь служите ей, любите ее и ей, по сути, принадлежите. Но нет, все равно цепляетесь за живой мир — всеми правдами и неправдами, повышая настоящие качества за счет дара. Любому другому в такой ситуации уже читали бы зауспокойную, а вы преспокойно с нами беседуете.

Позеленевший от боли Эльва витиевато выругался.

— Может, отнесем его к лекарю? — не выдержал седой.

— Безусловно, мы так и поступим, — согласился Аулталь. — То есть вы поступите. Сержант, я хочу разобраться до конца, кто на этот раз устроил склоку. Отведите господ, куда положено, и возвращайтесь сюда. Вместе мы напишем доклад и сдадим его Леашви, после чего наконец-то освободимся от наших нудных обязанностей. Удачи. — Он встал и решительно направился к руинам дома, разнесенного колдовством.

Гвардеец поднатужился и взвалил некроманта к себе на спину. Шейн, собиравшийся сделать это сам — ведь, по его мнению, такой низенький солдат не мог нести некроманта в одиночку, — удивленно приоткрыл рот, но сразу же и закрыл, потому что Эльва едва слышным стоном выразил свое отношение к ситуации и обмяк, безвольно свесившись со спины гвардейца.

— С ним все будет в порядке, — неправильно истолковал замешательство парня тот. — Если господин Аулталь не насторожился, значит, для этого нет причин. И у нас хорошие лекари.

— Ага, — растерянно кивнул Шейн. — Ясно. Я понял. Давайте поторопимся, пока Эльва не умер от потери крови.

— Я же объяснил...

— Да мало ли, что вы объяснили! Вы же гвардеец, Альвадор меня заведи! И должен быть в курсе, что каждая минута промедления грозит моему другу больше, чем сама рана!

Тут он преувеличивал. Аулталь, иронизируя насчет живучести некромантов, не ошибался. Седой знал, что они часто гибли в боях с враждебными магами, в битвах с нежитью или во время ритуалов, до поры чересчур сложных. Но никогда — из-за случайного выстрела.

Оставив Эльву у лекаря и заручившись поддержкой безымянного гвардейца — в том смысле, что знакомиться с ним всерьез было хлопотно и некогда, — парень вернулся к жутковатым развалинам. Представитель Гильдии все еще ошивался там. Он задумчиво переворачивал носком сапога уцелевшие трупы, проверяя — нет ли кого-нибудь известного, после чего разочарованно фыркнул и переходил к следующим. На появление Шейна он сперва не отреагировал, но затем, усмехнувшись, спросил:

— Вы заплатили за ужин, ночлег и воду на постоялом дворе, который бунтовщики отдали на растерзание своим наемникам.

— Бунтовщики пользуются их услугами? — не поверил седой.

— Еще как, — рассмеялся Аулталь. — Все нуждаются в убойном мясе. Исход любого сражения зависит от того, какой живой щит выставят в первых рядах войска. Он должен состоять из сильных людей, потому что, к примеру, тех же ополченцев из деревень затопчут сразу, а опытные наемники будут держаться до конца — в надежде, что их доблесть сполна окупится. Золото, — маг перевернул очередного покойника и скривился. Указал на него Шейну: — Золото решает все. Взгляните, это дочь надзирателя казны. Говорят, что отец ее обожал и потакал всем прихотям своей дочурки. Полагаю, она была ценна для так называемых "людей короля".

— Погоди. — Поток его мыслей выбил седого из равновесия. — Это, как ты выразился, убойное мясо просто вломилось на постоянный двор, поубивало хозяев и лошадей и стало заливать грех вином. По мне, такие действия мало похожи на железную оборону первых рядов.

— Сегодня, — Аулталь присел на краешек обломка стены, — перед ними поставили другую задачу. Отвлечь на себя внимание стражников. Но нас — то есть гвардейцев, магов и членов Совета, — заранее предупредил информатор. Мы убили одного из бунтовщиков. Достаточно тупого, потому что ни один умный человек не пойдет провожать нанятых им же самим головорезов. К слову, пока вы бродили с господином некромантом, я вспомнил одну любопытную вещь. Не потрудитесь растолковать ее мне?

Шейн позволил себе нахмуриться:

— И что это за вещь?

— Видите ли, я разбирал архивы инквизиции в ландарской, велисской и хасатинской резиденциях. И в каждой из них — да еще и с завидным постоянством, — встречалось описание крайне опасного еретика. Ему даже присвоили статус "А", а статус "А" инквизиция всегда ловила лишь при поддержке хорошо вооруженных отрядов и в присутствии троих верховных святых отцов. Этот еретик, — Аулталь внимательно посмотрел на парня, — в застенках поседел.

— Ну и что? — Шейн нарочито небрежно прикоснулся к пряди своих волос. — Мало ли нас таких, поседевших.

— Разумеется, немало, — кивнул маг. — Но я рассчитывал на вашу откровенность.

Упомянутый мною седой тип однажды сорвался, призвал огненную птицу размером с добрую лошадь и уничтожил всех, кто оказался поблизости, после чего сбежал. Инквизиция пыталась выйти на него через родственников, господ Алиеза и Нельтас из айл-минорской семьи Эль-Тэ Ниалет, но это ничего не дало. Граф и графиня не имели никакого представления о том, где находится их дорогой племянник. И они, насколько мне известно, с радостью приняли его обратно в семью, когда инквизиции не стало и Гильдия Магов — наша с вами Гильдия, — перехватила власть. Следовательно, вы — виконт? Ведь у ваших дяди и тети нет — и уже не будет — собственных детей.

— Ты проницателен, как сам Дьявол, — устало заявил Шейн. — Да, я виконт. Надеюсь, ты доволен. И смею заверить: если бы ты просто спросил, кто я такой, разговор получился бы куда душевнее. Я бы сам представился, а ты бы не отдавал в распоряжение случайных ушей историю моей жизни.

— Бросьте, ваша милость, — развел руками Аулталь. — Спроси я вас напрямую, вы бы не посвятили меня во всю эту грязь с инквизицией. Не обмолвились бы и словом об убийстве вашего отца и вашей матери, и уж точно не сказали бы, что являетесь повелителем северного ветра.

Седой поморщился, развернулся и пошел прочь, напоследок одарив городского мага полным пренебрежения взглядом.

Эльве снилось глубокое море.

Он любил его с детства. Море было самой первой — и самой чистой — любовью маленького мальчика, большеглазого и лохматого, ровным счетом ничего не способного наколдовать. Белые гребешки волн, зеленые пятна мели, синяя и серая вода вдалеке. Линия горизонта, покрытая белесой дымкой, и корабли. Корабли, по мнению некроманта, заслуживали отдельной эстетической награды. За чудесные паруса, готовые ловить попутный ветер, за корму и бушприт, за тяжелые якоря и, конечно, за палубу, по которой можно ходить, как по крохотному острову, зависшему над пустотой, где живут загадочные, в большинстве своем безымянные и жуткие существа.

Во сне он валялся на песке, таком светлом, будто его много дней опалило солнце. Высоко вверху проносились рыбы, а за ними стремительной тенью мчался кто-то огромный, неповоротливый и черный. Этот кто-то пел, используя странные, но мягкие и вполне мелодичные звуки. Толщу воды над Эльвой прорезал великолепный раздвоенный хвост.

— Киты, — пробормотал он. Из рта вырвались воздушные пузырьки. — Это киты.

— Извини, что? — испугался кто-то.

Море исчезло. Кит исполнил последнюю, завершительную часть своей песни, и тоже растворился в сплошном голубом тумане. Тело некроманта стало чужим, непослушным и потным, ноги замерзли, а на лбу возникла горячая повязка.

— Я видел во сне кита, — пояснил он, приподнимаясь на локтях. Сквозь закрытые веки пробивался свет, столь рассеянный и слабый, что казалось, будто на дворе ночь. А может, и правда ночь? Эльва очень слабо помнил, что происходило после падения. — Как дела, Шейн? Ты еще не купил новую лошадь?

— Да черт с ней, — хмуро отозвался седой. — Махну в Кадрид через руны перехода. Но это потом, сейчас мне некуда торопиться. Скажи, как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Я достаточно вынослив, чтобы не бояться глупых случайностей. Кстати, кто меня подстрелил? Надеюсь, ты размазал его мозги по мостовой?

— К сожалению, нет. — Шейн был серьезен. — За меня это сделал Аулталь.

— Хм?

— А, забудь. Так зовут местного мага, но он до занудства самоуверенный и считает, что имеет право устанавливать повсюду свои порядки.

Эльва зевнул:

— Ты прав, скучный парень. А как насчет воров? Ты выбил из начальника стражи компенсацию?

— Да, — Шейн с гордостью позвенел полученными монетами. — Он от ужаса едва из штанов не выскочил. Шутка ли, на пороге появляется представитель знатного рода и заявляет, что какие-то твари убили его коня! Вывалил на стол двадцать пять ландарских винитт, это полная стоимость двух хороших лошадей. Только я, конечно же, пока воздержусь.

Зашелестела ткань, скрипнула дверь, и в комнату шагнул некто легкий и настороженный. Он прокашлялся, отдал седому кружку с пахучей травяной настойкой, после чего сообщил:

— Выпейте, когда остынет.

— Благодарю, — учтиво кивнул тот. — Спокойной ночи.

Легкий и настороженный вышел, напоследок отвесив церемониальный поклон. Дверь снова скрипнула.

— Лекарь?

— Лекарь. Я просил его приготовить эльнае-тай, но он, кажется, забыл добавить малину. Печально, — Шейн посмотрел на зеленовато-красную жидкость, отхлебнул и задумался. Спустя минуту признал: — Впрочем, ее отсутствие настойку не портит.

— Я вообще не понимаю, как ты пьешь эту хасатинскую бурду, — скривился некромант. — У тамошних людей весьма своеобразные вкусы. Я всего лишь единожды посещал Рукеш, и меня до сих пор преследуют воспоминания о сырой рыбе с луком, картошке с вареными помидорами и томатном соке...

— Сочувствую, — пожалел его седой, хотя интонация давала знать: вовсе он не сочувствует. — А я, между прочим, люблю охталит-сарн.

— Меня мутит от этих названий, — застонал Эльва. — Перестань. Я верю, что ты превосходно владеешь хасатинским.

— Ое, ле-тралле наорга, — засмеялся Шейн. — Отдыхай, несчастный.

— Вот спасибо, — иронично ответил некромант. — К твоему сведению, я и так проспал... а сколько я, к слову, проспал?

— Сутки.

— Ско-о-олько?!

— Сутки, — повторил седой. — После выстрела тебе требовался покой. К тому же ты всю ночь бредил, звал какую-то Алькигу и, прошу прощения, плакал.

Эльва засопел, как тысяча злых медведей, и лег. Нащупал краешек одеяла, натянул его по самые брови и притворился, что спит.

Шейн посидел еще немного, допил эльнае-тай и чихнул. Похоже, сильный аромат зверобоя на нем плохо сказывался. Парень переместился к окну, подышать свежим воздухом, и добрых полчаса не двигался. Некромант представил, как он глядит на темное небо, где красными точками выделяется Атараксая — проклятое созвездие, символ красоты и могущества. Любопытно, что там с погодой? Тучи исчезли? Лужи высохли? Черт, как же

неприятно быть раненым!

На следующий день Эльва выбрался из постели, натянул поверх повязок рубаху и уже боролся со шнуровкой сапог, когда в коридоре чей-то надменный голос выдал:

— Я имею полное право побеседовать с гостем Ледена, тем более — если он по моей вине получил ранение!

— Извините, господин маг, — забормотал вчерашний легкий и настороженный — тот, что принес Шейну эльнае-тай. — Но его милость до сих пор спит. Вы не можете взять и разбудить его ради собственного спокойствия. Это нагло и мерзко!

— Не указывай мне, что делать! — вспыхнул надменный. — Я — главный представитель Гильдии в Ледене, и я должен быть уверен, что пострадавшему ни черта не грозит! Уйди с дороги!

Некромант вздохнул, выпрямился и скрестил руки на груди. Мир, почему-то слегка розоватый, явил ему открытый дверной проем и высокого человека с рыжими кудрями. Последний, отпихнув толстенького пожилого мужчину, шагнул в комнату — обычную спальню, — и... преклонил колени.

— Ваша милость, — абсолютно нормально, без ноток явного превосходства, произнес он. — Мое имя — Аулталь. Это из-за меня вы столь неудачно попали на линию выстрела. Умоляю, простите.

Эльва бы растерялся, если бы не многолетний опыт общения со слугами. Стараясь не показать ни капли слабости, он велел:

— Встаньте. Я всего лишь третий сын маркиза, вы не обязаны передо мной распинаться.

— Вы не держите зла?

— Нет.

Аулталь с облегчением выдохнул и улыбнулся.

— Я рад, что вы в порядке. Все-таки не каждому дано пережить попадание ядра в грудную клетку.

— Вы, — хмыкнул некромант, — вели себя иначе, когда я выцарапывал это самое ядро на свет, а Шейн и господин гвардеец не давали мне дернуть. Чем вызвана столь резкая перемена?

— Ловко вы меня раскусили, — еще шире заулыбался маг. — Поразительно. Знаете, вся штука в том, что ваш спутник — господин Шейн Эль-Тэ Ниалет, — обмолвился, будто вы — Эльва Тиез де Лайн. Тот самый Эльва Тиез де Лайн, который способен пробудить не трех-четырёх зомби, а как минимум...

— Тихо, — перебил его парень. — Тихо, господин Аулталь. Ни к чему сотрясать Вселенную понапрасну. — Он потер ключицу, покосился на яркое пятно окна и добавил: — Кроме того, мне удалось совершить подобное только один раз, во время последней битвы с инквизицией. Меня и моих товарищей загнали в угол, и мы бы непременно погибли, не окажись рядом старый эльфийский некрополь. И если вы так прекрасно осведомлены, то знаете, что после победы я полгода провел в беспамятстве, болтаясь между миром духов и миром людей.

— Да, но вы вернулись! — с энтузиазмом воскликнул Аулталь. — Вы вернулись, и ваш дар не выгорел. Вы по-прежнему некромант, по-прежнему используете все доступные заклинания и по-прежнему близки к первой ступени Гильдии. А оттуда и до архимага

недалеко...

Эльва закатил глаза. Да, подумал он, порой такие люди носятся рядом, готовые превознести меня, словно Бога. Но я не Бог, не Дьявол и уж точно не архимаг. Я всего лишь крыса, и я бросаюсь на противника, случись ему заставить меня бояться.

— Господин Аулталь, — поразмыслив, попросил парень. — Вы не могли бы найти моего спутника и передать ему, что я готов переместиться в Кабрид?

— Но, — растерялся маг, — вы же больны!

— Нет, я в порядке. У некромантов достаточно большой резерв сил, чтобы не беспокоиться из-за дырок в теле.

— Что ж, — рыжий переступил с ноги на ногу. — Если вы настаиваете...

— Я настаиваю, — подтвердил Эльва. — В этом городе скучно. Я исполнил приказ Его Величества Найле и теперь хочу продолжить свой путь. Начну с Кабрида, провожу Шейна и пойду гулять по дорогам. Для представителя Гильдии, как я понял, в вашем королевстве работы хватит.

Аулталь помялся, побурчал о важности здорового отдыха и ушел, оставив парня в одиночестве. Некроманту сразу полегчало — присутствие леденского колдуна почему-то давило на и без того хилые нервы. Сначала самоуверенный, затем — до ужаса восхищенный... пожалуй, Эльва бы не удивился, если бы на конечной стадии отношений рыжий откусил бы ему голову, оправдывая это возвышенной целью вроде уничтожения опасного чернокнижника. Возможно, ему даже поверят — в репутации господина Тиеза полно кровавых страниц.

Шейн явился через полчаса, сердитый и взлохмаченный, будто дворový пес. Он посмотрел на Эльву, немного остыл и брякнул:

— Этот чертов... — последовала череда грязных ругательств, — Аулталь дерзнул мне приказывать! Пришлось дать ему в ухо, чтобы вспомнил, кто тут выше по происхождению и по званию. Тот еще урод...

— Согласен, — хохотнул некромант. — Я бы тоже с удовольствием ему врезал. Не люблю, когда при мне обсуждают меня же самого. Причем с таким видом, что я начинаю сомневаться, достаточно ли хорошо себя знаю?

Седой фыркнул:

— Да, он очень тобой интересовался. Бегал вокруг и вопил: "господин Эльва то, господин Эльва это"... утомительный человек. Я, между прочим, тоже сразу сообразил, где упоминалось твое родовое имя. Но на ушах не прыгал и нервы никому не трепал. Ну, поднял ты легион трупов, эка невидаль. А я ветру приказывать умею. Захочу — он меня подхватит и унесет, захочу — сорвет с кого-нибудь кожу... правда, второй пунктик пока что чисто теоретический. Надо было его испытать на Аултале.

— Досадное упущение, — посетовал некромант.

— Ага. Впрочем, еще не поздно... но тогда на нас ополчится Высший Совет во главе с Леашви.

— Или не ополчится. Я бы на их месте еще и поблагодарил. Мол, взяли на себя черную работу, спасибо вам, братцы. Вот оплата, вот лицензия, считайте, что всего лишь поохотились на опасную нежить.

Шейн весело захихикал:

— А что, было бы неплохо.

— Да-а, — подозрительно тихо протянул Эльва. И тут же, смущенный своей неудачей,

спросил: — Ты нарисовал руны?

— Нарисовал. Желаете махнуть в Кадрид прямо сейчас?

— Желаете. Лучше поторопиться. Насколько я знаю, Кадрид — замкнутый город, и нам придется попотеть, чтобы найти корчму или таверну.

— О, искать не понадобится, — отмахнулся седой. — Меня там ждут.

— Кто?

— Знакомые. Госпожа Нэлинта, господин Ишет и господин Дарштед из Братства Отверженных.

— Ничего себе у тебя знакомые, — вытаращился некромант.

Шейн пожал плечами:

— Люди как люди. Я тоже входил в это Братство. Я, Сима, Лефранса, Рикартиат, эльфийская принцесса Миленэль, упомянутые Нэлинта, Дарштед и Ишет, госпожа Виттелена Неш-Тавье, Кейла, Грейн... в общем, нас было много. И мы были очень сильны, но против инквизиции слепой силы недостаточно.

Эльва растянул губы в кривой усмешке, поправил ворот и встал, опираясь на спинку кресла.

— Выдвигаемся, — велел он. Бросил преисполненный грусти взгляд на топор, намереваясь отдать его лекарю — пускай перепродает, но седой вызвался тащить чужое оружие и сумку.

— Я мощный, я выносливый, я высокий, — бормотал он. — Что мне какой-то гномий топор! Ха! Тем более в Кадриде ты наверняка справишься и дальше все понесешь сам.

— Ты дьявольски любезен, спасибо, — похлопал его по спине парень.

Руны перехода Шейн расположил в свободном от стеллажей и шкафов зале. Ровный круговой узор, похожий на скопление каштановых листьев, а внутри, за их остроконечными гранями — ряды символов. Когда маги оказались в центре ритуального рисунка, он медленно наполнился светом — что характерно, опять голубым. Эльва про себя отметил, что дару седого свойственен такой цвет, и опустил веки. Он никогда не любил смотреть на мелькание образов и на черную, непроглядную пустоту — а ведь именно сквозь нее прокладывали путь руны.

Второй, ответный узор был выведен на полу огромной библиотеки. Здесь грани слегка дымились, а свет сделался красновато-синим. Осмотревшись, некромант вежливо поклонился симпатичной светловолосой девушке с васильком за левым ухом.

— Шейн... господин Тиез... — в свою очередь присела в реверансе она. Карминовое платье зашелестело.

Повелитель северного ветра вышел вперед:

— Эльва, для меня честь вас познакомить. Это Нэлинта, заклинатель демонов.

— Очень приятно. — Некромант поцеловал девичью ладонь, прохладную и мягкую. Нэлинта улыбнулась, взяла его под локоть и сообщила:

— Я проведу вас к Ишету и Дарштеду. Они еще обедают, но, я полагаю, скоро закончат. Наши дела не терпят отлагательств.

— Важные, должно быть, дела? — осведомился Эльва.

— Ну конечно. Братство Отверженных ерундой не занимается, — рассмеялась демонолог. — Для ерунды существует Гильдия и Академии. Кстати говоря, вы ведь некромант? Я могу попросить вас об одолжении?

— Нэл, — вмешался седой. — Господин Тиез ранен. Ему трудно...

— Я буду рад, — перебил его парень, — помочь такой очаровательной даме. Что от меня требуется?

Нэлинта торжествующе взглянула на Шейна и вновь повернулась к Эльве.

— Понимаете, в тальтарской Академии Магии скоро начнется практика. На всех факультетах, кроме факультета некромантии, учителей пятеро-шестеро. А ваших юных коллег вынужден обучать искусству Смерти всего один человек, к тому же старенький. Если бы вы к нему присоединились — только на время практики! — я была бы чертовски вам благодарна.

— Тальгара, значит... — на бледном лице мага появилось мечтательное выражение. — А что? Я не возражаю. Сотрудничать с господином Сулшератом будет ужасно весело.

— О, так вы его знаете? — обрадовалась Нэлинта, шагая по узкой галерее с витражными окнами и картинами на противоположной им стене.

— Я много кого знаю, — кивнул некромант.

Девушка просияла, остановилась у двустворчатых дверей из темного дерева, прокашлялась и сказала:

— Сейчас я представлю вас нашим товарищам. Сохраняйте спокойствие и постарайтесь выглядеть дружелюбно.

— Они такие нервные? — уточнил Эльва.

Шейн мрачно усмехнулся:

— Да.

И заученным, легким, красивым движением толкнул створки.

Они открылись вовнутрь, в роскошную столовую. Заняты были всего два места — по оба конца прямоугольной столешницы, накрытой зеленой скатертью и уставленной блюдами с мясом, разнообразными салатами и картошкой с зеленым луком.

Справа устроился инфист. Его серые с красным отблеском глаза выглядывали из-под синей челки, а на левой надбровной дуге, скуле и щеке виднелись застарелые шрамы. Они складывались в контуры переплетенного с диким виноградом шипастого побега.

Слева сидел человек — с легкой горбинкой на носу и угольно-черными, длинными, заплетенными в косу волосами. Он приподнял уголки губ, указал на свободные стулья — как раз три штуки, — и пригласил:

— Присоединяйтесь, ребята.

— Господин Тиез, — опомнилась Нэлинта. — Перед вами господин Ишет — тот, что предлагает составить ему компанию, — и господин Дарштед — тот, что молчит.

— Господа. — Эльва поклонился повторно.

— Давайте оставим все эти рамочки этикета, ладно? — скривился Ишет. — Мы собрались тут ради убийства. Какой смысл кланяться, здороваться, называть свое полное имя и бурчать, что подобное знакомство — для него честь?

Некромант бросил предупредительный взгляд на Шейна, готового начать спорить, и покладисто опустил на стул. Подвинул к себе чистую тарелку и вооружился салатом, искоса наблюдая за людьми, которые свергли инквизицию и установили нынешний порядок вещей.

— Эльва Тиез де Лайн, верно? — заговорил Дарштед. Его голос оказался хрипловатым, явно простуженным и едва различимым на фоне звяканья столовых приборов. — Я о вас слышан.

— Да, сегодня я популярен, — с грустью отозвался парень. — Сначала Аулталь,

городской маг из Ландары, а теперь вы.

Инфист нахмурился и благоразумно отказался от дальнейшей речи. Эльва обратился к Ишету:

— А кого, если не секрет, вы намереваетесь угробить?

— Одного мерзкого человека, — туманно пояснил тот. — Я рассчитывал, что Шейн вам расскажет, но, как видно, рассчитывал зря. Около месяца назад, в Бертасле, под покровительством народа гномов и прикрытием народа инфистов, мы поймали опасного, — тон Ишета стал откровенно саркастическим, — еретика.

— Еретика? — удивился некромант. — Я думал, что подобные понятия остались в прошлом. Вместе с инквизицией.

— Нет, — помотал головой Ишет. — Инквизиция пока не в прошлом...

— ...но после обеда мы ее туда отправим, — зловеще пообещал Дарштед.

Они, разумеется, сдержали свое слово. Когда с тарелок исчезли последние кусочки мяса и картошки, инфист поднялся и вытащил из скобы факел. Молча показав, что сейчас надо идти прочь, он выбрался в коридор и зашагал к одинокой лестнице. Одинокой и сильно потрепанной — перила были вывернуты, ступени пестрели дырами, а на камнях чернели темные пятна копоти.

Миновав несколько пролетов и спустившись на восемь ярусов, Эльва увидел дыру в полу — и, соответственно, в потолке яруса следующего. Дарштеда она не смутила — инфист через голову стянул рубашку, расправил перепончатые крылья, до поры обернутые вокруг тела, и спрыгнул. Ишет завистливо вздохнул, прошептал нечто путанное и гортанное, нарисовал указательным пальцем круг — и провал накрыло магическим щитом, белесым и полупрозрачным. Ступать по нему было довольно жутко, но спустя еще два пролета Эльва благополучно забыл о маленьком приключении, потому что вышел на границы тюрьмы.

Широкий коридор, тяжелые добротные решетки. Повсюду валяются сломанные кандалы и осколки каменных плит. А еще — нависает мрак, едва-едва разгоняемый светом факела.

Дарштед первым достиг единственного узилища, где был заперт и прикован к стене живой человек. Тощий, с давно не мытыми патлами цвета воронова крыла, он посмотрел на своих тюремщиков... и оскалился.

Шейн залиvisto рассмеялся:

— Добрый день, отец Еннете!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КЕОРН

Пленный мужчина — основатель инквизиции, тот, кто усердно продвигал ее к верхушкам общества, — попытался вырваться. Цепи загрохотали так, что по тюрьме пробежало эхо, настолько оглушительное, что передернуло даже самого виновника происшествия.

— Любопытно, — произнес Эльва. — Я думал, что он иначе выглядит.

— Увы, — развел руками Ишет. — Вот он — Еннете ла Дерт, старший из верховных святых отцов. Во всей своей, если можно так выразиться, красе.

— Шакалы, — презрительно бросил инквизитор. — Падальщики. Прислужники гиен... — он осекся и задрожал, а маг, потревоженный оскорблениями, изрек:

— Мне жаль, Еннете, но прошли те времена, когда ты мог заставить нас заткнуться. Гильдия набирает силу. Все меняется. Короли признают, что наша помощь более быстра и основательна, чем ваша. Нет, мы не трогали храмы, — ответил он на невысказанный вопрос. — И не трогали их служителей. Только тех, кого завербовали ты и твои подопечные.

— И Альтвиг тоже... — с горечью выдавил пленник.

Шейн переменился в лице, но промолчал. Вместо него заговорила Нэлинта:

— Альтвига убили не мы. Этот мальчик был другом Рикартиата, и он пошел за Рикартиатом в Ад, когда того утащили демоны. А по возвращении сошел с ума.

— Он жив?

— К сожалению, нет.

Отец Еннете посмотрел на девушку по-новому. Эльве показалось, что в его черных, словно дорогое чернило, глазах промелькнула благодарность. Промелькнула и тут же скрылась — Дарштед шагнул вперед, вытащил из рукава куртки стилет и брезгливо посмотрел на инквизитора.

— Я буду тебя резать, — сообщил он, — если ты заупрямишься. Все ясно?

— Все, — подтвердил мужчина.

На одну линию с инфистом встала Нэлинта. Поправила волосы и выдвинула условие:

— Я спрашиваю, вы дадите ответы. Коротко и по существу.

— Хорошо, — с безразличием сказал отец Еннете.

— Тогда приступим. Что за барьер вы установили в цитадели Роз и как его снять?

Мужчина недоверчиво сощурился, а затем выгнул спину и расхохотался.

— Надо же, всемогущая Гильдия не в состоянии разрушить мое заклятие! Вот уж не думал, что на пороге смерти услышу такую шутку!

Нэлинта кивнула Дарштеду, и в узилище сверкнул серый росчерк. Сначала никто не понял, что произошло, а затем бровь отца Еннете открылась, прокладывая дорогу алтому ручейку. Кровь тут же залила глаз. Инквизитор стиснул зубы, совладал со сбившимся дыханием и отчеканил:

— Это тройной защитный барьер, установленный по свитку "Ellra para". Вы несомненно, уже извлекли его из архивов резиденции Алагейи.

— Отлично, — оценила его откровенность демонолог. — Продолжим.

— Как вы пользовались свитками? — вмешался Ишет. — Их составные части мало напоминают светлое волшебство, но и к темному отношения не имеют. Мне интересно, как вам удалось пробудить их силу, да еще и обратить ее на благо своих целей?

— Вы ошибаетесь, — возразил отец Еннете. — Состав каждого свитка является заклинанием, и отношение к магии у него самое непосредственное. Все дело в том, что у нас — я имею в виду, на землях, подвластных нам, — принято чертить заклинания одним образом, а там, откуда пришли эти свитки — совсем другим.

— И откуда же они пришли?

— Из империи Ильно.

— Никогда о такой не слышала, — беззаботно отозвалась Нэлинта, и Дарштед нанес инквизитору еще один неглубокий, но болезненный и кровавый порез.

— Перестаньте! — с негодованием воскликнул Эльва. И, собрав на себе взгляды всех присутствующих, неловко добавил: — Да, этот господин — враг, но зачем опускаться до его уровня? Мы не святые отцы, и мы не обязаны использовать против них их же собственные методы. И еще хочу донести до вас, — он повысил голос, — что империя Ильно существует.

— Прости? — недоверчиво уточнил Ишет. — То есть ты хочешь сказать, будто тебе известно что-то, не известное мне?

— Не совсем, — хладнокровно ответил некромант. Он ощущал волну раздражения, исходящую от мага, но не считал нужным ее бояться. — Я хочу сказать, что большинство людей упускает из виду старые легенды и песни талантливых менестрелей, хотя в них порой кроется весомое зерно истины.

— Не разглажь, — сердито проворчал Ишет. — Объясни толком, что к чему.

— Объясняю. Вот уже полтора столетия в нашем мире большой популярностью пользуется баллада о небесных кораблях. Изначально она была написана на языке Морского Королевства, а затем песнопевцы перевели ее на чистый велисский, хасатинский, белобрешный и, разумеется, всеобщий. Слова, я полагаю, каждому из вас знакомы.

— "Я смотрю, как за краем омытой дождем земли исчезают мои небесные корабли", — продекламировал маг. — И что? Каким боком дешевая трактирная песенка...

Ишет осекся, потому что Шейн схватил его за воротник и встряхнул, словно соломенную куклу.

— Дешевая? — очень тихо переспросил он. — Трактирная?! А ну-ка повтори!

— Верно, — поддержала парня Нэлинта. — Повтори, Ишет. И поделись, какие еще недостатки ты нашел в переводе Мрети.

Эльве показалось, что черноволосый маг просчитывает ситуацию. А сделав определенный вывод, поднимает ладони:

— Никаких. Все нормально, ребята. Шейн, будь так добр поставить меня на место.

Седой фыркнул и швырнул товарища на пол, не заботясь о мягкости его приземления. Тот, впрочем, поостерегся выражать свое мнение, отряхнулся и буркнул:

— Ну? Что дальше, господин Тиез?

— Все очень просто и банально, — улыбнулся некромант. — Впервые империя Ильно была названа, как целое государство, после прибытия небесных кораблей в гавани Хеаша, тогда еще целого. Капитан, чье имя, к сожалению, забылось и до рукописных вариантов летописи не дошло, проинформировал короля Дикого Края о том, что в двух неделях пути от подвластного ему берега, если обогнуть Шеальту, Сумеречные Леса, Дератрикс и Туманную Грядку, а затем направиться напрямиком на запад, находится империя заклинателей.

— И всего-то?

Эльва хлопнул себя по лбу:

— О великая Аларна! Этот нетерпеливый господин даст мне закончить?!

Ишет хотел было ругнуться, но схлопотал затрещину от Дарштеда. Инфист, судя по горящему взгляду и сосредоточенному выражению лица, был крайне заинтересован.

— Благодарю. — Некромант обменялся с ним рукопожатием. — Так вот, заклинатели из империи Ильно работают не с духами, а с драконами. Они умеют подчинять себе стражей небес и становиться не только их хозяевами, но и друзьями, родственными созданиями. Среди этих заклинателей, по словам капитана небесных кораблей, было трое сильнейших — девушка по имени Нила, юноша из Бог знает какого племени Кайгэ и полукровка-эльф Яритайль. Следуя летописи, этот парень уничтожил единственный отряд шаманов из Морского Королевства, которому удалось доплыть до берегов страны заклинателей.

— А за что? — изумился Дарштед. — За вторжение?

— Нет, — возразил Эльва. — Доблестные прибрежские маги отчего-то решили, что империя Ильно — настоящее гадючье гнездо. Они устроили грандиозную бойню с помощью

духов, нечисти и темного колдовства — названную потом, кстати, Войной Слез. Чтобы их остановить, Яритайль пожертвовал собой в ритуале с неким древним артефактом, вроде бы раухтопазом — как в Серебряном Лесу. Его магия сделала из шаманов кровавые котлетки, но и сам эльф не избежал подобной судьбы. В летописи также говорится, что теперь каждый год в империи празднуют фестиваль Яритайля, где в большом количестве продают статуэтки дракона Майрэ и его хозяина-эльфа.

— То есть, — выловил зерно истины из исторического потока Ишет, — свитки инквизиции — это, по сути, имперская магия?

— Точно, — с облегчением подтвердил некромант. — Но не вся, а лишь незначительная ее часть. Барьеры, стандартные атакующие заклятия и защита.

— Все верно? — Даршгед повернулся к Еннете.

Тот дернул плечом:

— Да.

Посыпались новые вопросы, но Эльву они уже не беспокоили. Какая разница, что пропоет святой отец о засекреченных документах, местонахождении Улума и причинах сожжения людей? Некроманта куда больше интриговала связь проклятой инквизиции с небесными кораблями. А еще — забавляла неосведомленность Братства Отверженных касательно легенд. Конечно, мало кто их читал и соотносил с реальными фактами, но чтобы настолько... ведь небесные корабли — это не глупость вроде мести Богов всем грешникам вместе и каждому по отдельности, а история флота королевства Плиарет.

Бродячие музыканты, песнопевцы и профессиональные менестрели говорили о нем довольно часто. Пожалуй, в их среде не было фразы более заезженной, чем "я обучался на островах Плиарета!". Никто, хоть убей, не имел зеленого понятия о местонахождении и размере музыкального королевства. Все, что могли ответить приставленные к хвостунам шпики или сами хвостуны лично — если королева Хайрен желает кого-то забрать, то она заберет, прислав к его родным землям свой белоснежный флот под руководством небесного капитана.

Эльва никогда не умел петь, но чужие песни любил. И далекое королевство Плиарет, каким бы оно ни было, приводило некроманта в неподдельный восторг. Его воображение рисовало картины столь замечательные, что хотелось уйти в них и не вернуться.

— Полагаю, достаточно, — наконец решила Нэлинта. — У кого-нибудь еще есть вопросы? Нет? Тогда вы свободны, отец Еннете.

— В каком это смысле? — скептически уточнил прикованный к стене мужчина.

— В таком, что, пока вы нам не понадобится, можете висеть в одиночестве, — флегматично пояснил Даршгед. — Свое собственное общество лучше нашего, правда? Кстати, если вам удастся выбраться, я не очень обижусь. Будет повод усовершенствовать раклеры.

— Спасение дарует не только магия, — наставительно произнес Еннете. — Впрочем, тебе не понять. Никому из вас не понять.

— Ну и славно, — обрадовался Ишет. — Не больно-то я стремлюсь подражать таким тварям, как инквизиторы.

Еннете передернул плечами, что было истолковано, как жест безразличия.

— Ну, бывай. — Шейн стоял на краешке раскидистых рун, будто на обрыве, и весело улыбался. — Надеюсь, ты поладишь с детьми и господином деканом. — Он покосился на

повязки, белеющие сквозь тонкую ткань рубахи некроманта, и на всякий случай полюбопытствовал: — Ты точно не останешься? Может, все-таки отдохнешь?

— Нет, спасибо. — Эльва протянул ему руку. — С вами было чертовски весело, но, раз уж практика начинается послезавтра, мне следует познакомиться со своими новыми товарищами. Пока, Шейн, и будь осторожен. На ландарских трактах опасно.

— Знаю, — рассмеялся седой. — Удачи.

Руны вспыхнули, светло-зеленый свет сожрал комнату кадридской крепости. Эльва еще успел различить ладонь повелителя, поднятую в знак прощания, а затем угодил в привычное ничто.

Переход между рунами — и между королевствами, — завершился в небольшом домике, предназначенном для патруля стражи. Нарисованные на полу символы мигнули и пропали, словно впитались в глинобитный пол. Качнулась занавеска, задрожал листик домашнего растения, взметнулась пыль, и все понемногу стихло.

— Здравствуйте, господин Тиез, — сказал кто-то.

Парень обернулся, на ходу отряхивая рукава, и кивнул:

— Добрый вечер, господин Сулшерат. Приятно с вами познакомиться.

Тут он врал. О Сулшерате, как о колдуне, ходило немало слухов, и среди них было мало добрых и красивых. В основном наоборот — мол, старик давно утратил рассудок, помешался на кровавых опытах и беспощадно режет людей, если их внутренности или кости годятся для усиления темных заклятий. Эльва бы ни за что не сунулся в Академию, если бы не был уверен, что сумеет отбиться от коллеги.

— Идемте, идемте, — засуетился старший некромант. Его длинная седая борода вздрагивала при каждом слове. — Я покажу вам наш корпус. Дети, к сожалению, спят, но вам ничего не мешает побеседовать с ними утром. Смеею заверить, что это чудесные малыши и от них не следует ожидать проблем.

— Ну конечно, — хохотнул Эльва. — На иные слова я и не рассчитывал. Сделаю вывод самостоятельно, тоже мне беда.

— Как грубо, — поморщился Сулшерат. — Не мешкайте, молодой человек. Шагайте за мной.

Младший маг подчинился, с интересом оглядываясь. Патрульный пост находился в углу большого двора, обнесенного тяжелой, неприглядной стеной и поросшего кустами. Широкая полоса дороги, протянутая от ворот к первому, приемному, корпусу, с двух сторон была украшена своеобразными фонтанами. Они выглядели, как бесформенное нагромождение крупных камней, но вода, стекающая по отвесным бокам, пропитывалась чистой энергией. Эльва хмыкнул:

— Под Академией проходит жила?

— Нет, — огорошил его старик. — Никакой жилы там и в помине нет. Мы всего лишь взяли природную аномалию и поставили вокруг нее рамку из валунов. Вам нравится?

— Впечатляет, — согласился парень. — Эффектное зрелище.

Сулшерат усмехнулся и открыл дверь, пропуская гостя в узенький коридор. Слой извести на потолке отсырел, растрескался и местами рухнул, оставив на полу серые горочки. Их, ругаясь себе под нос, подметали двое слуг в алых одеждах.

— Это чтобы на рынках сразу видели, кому продают, и не драли цену, — сообщил Сулшерат.

Он вывел гостя во внутренний двор, где стояла тонкая башня. Под ее крышей устроился

часовой механизм, а на перилах возле него бегали и восторженно вопили маленькие светлые существа. Рядом, зависая в воздухе, то и дело возникал узор серебряных нитей.

— Солнечный свет, — предположил Эльва, наткнувшись на испытывающий взгляд старика. — И ветер.

— Верно, — с легким разочарованием отозвался тот. Он явно надеялся, что новичок не сообразит, откуда и что берется. — А вон там — наши учебные корпуса.

Парень послушно посмотрел вперед. Роскошный сад с декоративными деревьями, озеро и восемь зданий — довольно угрюмых, но добротных, с аккуратными гербами факультетов. Котел и россыпь изумрудных искр — зельевары, череп с дикой розой во рту — алхимики, могильный крест, за которым притаился дракон — некроманты, пламя в каменной чаше, зависшей над морскими волнами — маги-стихийники, книга со скрещенными костями на переплете — маги-теоретики, арка с голубыми пятнами внутри — заклинатели и разбитые стекла, сложенные в символ жизни — предсказатели. Аналогичные нашивки с изображениями носили на парадных куртках ученики.

— Неплохо, — оценил Эльва. — Немного непривычно, но здорово. Госпожа Нэлинта говорила, что на всех факультетах, кроме вашего, учителей хватает?

— Да. Нашей Академией занимается отпрыск семьи Эдлен, и удача — во всяком случае, пока, — ему сопутствует. Он хорошо платит преподавателям, и запасных кандидатов у нас полно. Однако, — Сулшерат развел руками, — некромантов на свете мало, и в основном они — птицы перелетные. Никто не жаждет сидеть на одном месте и передавать мудрость новому поколению.

— Вы считаете себя мудрым?

— Разумеется. А вы нет?

Парень задумался и присел на порог некротического корпуса.

— Нет, — произнес он спустя какое-то время. — Не считаю. То есть я в курсе, что мне известны законы, мало кому другому известные, но не верю, будто они делают меня исключительным. Я — это я, Эльва Тиез де Лайн, третий сын маркиза северного белобрежья. И меня не волнуют такие относительные вещи, как мудрость, благополучие или место, куда можно вернуться. Когда пути назад нет, не приходится отступать. Только идти напролом, в любом из приятных направлений.

— Пока оно не превратится в Ад, — добавил старик. — Поверьте, я знаю, о чем говорю. Всему приятному, что есть в мире, свойственно изменяться. Или давать рассмотреть себя под другим углом.

— Забавное мнение.

Эльва собирался сказать, что, вероятно, мудрость приходит с возрастом — но позади негромко скрипнула дверь, и детский голосок пробормотал:

— Господин Сулшерат, мне снова снятся кошмары.

— Ох, — вздохнул некромант. — Ладно, можешь посидеть со мной. Расскажи, что тебе опять пригрезилось.

Маленький мальчик с рыжими кудряшками, глубоко посаженными карими глазами и необычайно серьезной морщинкой между нахмуренных бровей опустил на траву у порога, подпер щеки слабыми кулачками и начал:

— Я не помню, откуда взялся дуб. Я спал, мне ничего не снилось. И я даже осознавал, что сплю, пока не оказался в корнях. Еле вылез, пополз по полю — во снах, понимаете, так бывает, что нельзя встать, — а потом заметил, что позади колеблется пламя. Остановился я,

значит, гляжу — полыхает дерево. Огромный, старый дубище, если его на дрова пустить — можно целый год не выносить топор из сарая. А на ветках болтаются — болтаются, хотя ветра нет! — висельники. Шесть человек.

— Так, — не менее серьезно протянул Сулшерат. — Ясно. Пламя снится к опасности, а висельники — к ненастью. Возможно, будет гроза.

— Подождите, — сердито перебил его мальчик. — Это еще не все. Я лежал там, в пшенице, пока дерево не догорело и все трупы не разлетелись. Пепелом, знаете...

— Пеплом, — поправил старик.

— Ну, пеплом, — согласился ребенок. — Потом на месте, где оно стояло, прямо на горячих углях — я видел, что они горячие, прямо красные от жара, — появился еще один человек. Совсем молодой дядя, очень худой и немного похожий на женщину. Но точно дядя, потому что... — он покраснел, — груди я не различил. Так вот, этот дядя медленно крутился и наблюдал за полем, будто выискивал мышей. В полях много мышей, мы с мамой давили... да, а когда он повернулся ко мне лицом, я проснулся. От ужаса.

— Почему? — удивился Эльва. По его мнению, ничего страшного мальчик не упомянул.

Мальш бросил на него рассеянный взгляд, зевнул и потер переносицу. Парню показалось, что этими привычными действиями он пытается себя успокоить.

— Я проснулся потому, что увидел его лицо, — повторил он. — Я увидел, но лица... понимаете, лица... не было. Была страшная дыра и, кажется, губы... тонкие губы. А еще брови... но не было глаз и носа, и вообще ничего, кроме подбородка и лба.

Сулшерат напрягся.

— А волосы? У него были волосы?

— Да, — с достоинством подтвердил ребенок. — Черные, как смола. И странные уши.

— Странные?

— У людей таких не бывает, — мальчик встал и пересел поближе к учителю. — Но и у эльфов тоже. И у стаглов. Скорее всего... мне кажется... такие уши бывают у котов, только у того дяди они большие. А что, вы с ним знакомы?

— В некотором роде. — Некромант слегка растерялся. — Это Рикартиат.

— Рикартиат? — Эльва уставился на него с осуждением. — Тот парень, который умер в Аду?

— Не думаю, что он умер, — покачал головой старик. — Не думаю, что в нем было достаточно человеческого, чтобы умереть. Господин Нэльтеклет, как инквизитор, не сведущий в многогранности Смерти и в материях нашего колдовства, мог поверить в гибель своего друга. Но я, памятуя о его сущности, склонен предполагать иное.

— Вот как? — Младшего некрманта поразила его непрошибаемая честность. Сулшерат с такой легкостью раскрывал все тайны, да еще и перед ребенком, будто в этом не было ничего странного. — И в чем же беда обычного парня, да еще и менестреля, если вы сомневаетесь в его человечности?

— Это долгая история.

Эльва осекся и переметнулся на вторую сторону вопроса:

— И по-вашему, это нормально, когда ребенку снятся покойники? Даже если они покойники относительно?

— Нормально, — не обратил внимания на насмешку старик. — У Кеорна есть задатки провидца. Он умеет следить за прошлым и будущим во сне, порой даже контролирует то, что видит. Но некротическая часть дара куда сильнее, и мальчика отправили на наш факультет.

Мол, возиться с ним ради призрачного шанса вырастить прорицателя бессмысленно, а повелитель смерти получится превосходный. Впрочем, — Сулшерат сурово взглянул на ученика, — пока что он не демонстрирует высоких талантов. Так, бегаем по кладбищу и вопит.

— Не надо клеветы, — оскорбленно закричал ребенок. — Мы все бегаем!

— Ой ли? На вчерашнем занятии я имел счастье лицезреть Хастрайна, угодившего вурдалаку мечом промеж глаз.

— Ну, Хастрайн храбрый, — смутился мальчик. — И у него есть опыт. Вы ведь слышали, что он жил возле Леса Духов и его понемногу учила мама.

— А как насчет твоих родителей? — попытался приободрить Кеорна Эльва.

— А, моих нету, — небрежно отмахнулся тот. — Мои померли. Меня бабушка воспитывала и дед, но дед больше пил и бродил по улицам, побирался... я тоже однажды сходил, но это скучно и монетки мало кто бросает. — Ребенок встал, провел пальцами по усталым векам и сообщил: — Ладно, господин Сулшерат, я пойду лягу. Вы, если дяденьке мой сон истолкуете, потом поделиться не забудьте. А то знаю я вас — побеседуете с кем-нибудь, поразмыслите да выбросите из головы, будто и не было ничего. Но оно ведь было!

Старик притворился, что раскаялся, и проводил ученика теплым взглядом.

— Маленькие они все, — сказал он. — Маленькие и смешные. Доверчивые, словно котята — и многих из них тем же образом, что и котят, подобрали в бедняцких переулках.

— Не страшно. После выпускного они получают постоянный статус, жетон, диплом и лицензию, а затем станут вполне самостоятельными. Котьятам это свойственно, — улыбнулся Эльва. — Рано или поздно они о тебе забудут.

Ему выделили комнату в учебном корпусе — крохотную, квадратную, семь шагов из угла в угол спальню. Старая кровать ужасно скрипела, в шкафу поселилась темная паучья семья, а под окном валялись обломки стула, разбитого ударом ноги. Некромант швырнул на него сумку, вытряхнул из одеяла пыль и прилег. Дыра в груди отозвалась тупой болью, но эти последствия были гораздо легче тех, что он ожидал.

Тальтарская Академия Магии отличалась от алаторской так же, как воробей отличается от вороны. В неизменной столице Белых Берегов Академия представляла собой легкое, ажурное, светлое здание, облицованное белым мрамором. Фонтаны во дворе, галереи со стрельчатыми окнами, шпили на крышах, а вместо простых гербов — знамена и флаги. Чистота, порядок, каждый слуга вышколен и не сделает ни шагу свыше дозволенного. А здесь...

Эльва бы не удивился, выяснив, что корпуса возведены над руинами древних храмов. Причем возведены грубо, наспех, пускай и осторожно. Не рухнут, не осыплются и простоят много лет, но выглядеть всегда будут так, как выглядели изначально. Угрюмое, серое нечто, забитое воспоминаниями. А еще — магическими эманациями. Недавно в аудиториях вызывали духов, причем духов довольно мощных. Вряд ли это работа маленьких детей — скорее Сулшерат провел демонстрацию своей силы, намекая, что тягаться с ним юные некроманты смогут в лучшем случае через сотню лет. В худшем — вообще не смогут, хотя Эльве на ум настойчиво лезла стандартная формула изгнания.

Он откинулся на подушку, тоже изрядно запыленную, и вздохнул. Помимо формулы на ум лезли картины из студенческого прошлого, от первого сработавшего заклятия до битвы с учителем. Светловолосый некромант сражался яростно, словно от этого зависела его жизнь,

и довел хитрого мужчину до нервной дрожи. В конце концов тот, кто помогал Эльве рисовать первые схемы и первые Ведьмины Круги, тот, кто заставлял зубрить конспекты о ритуалах и читать запретные книги, упал на колени и попросил пощады. В шутку, конечно же, но потрясенный молодой маг едва не заплакал, побледнев от чувства вины и собственного немалого истощения.

— А ведь здорово было, — проворчал он. — Несмотря ни на что.

За окном, затянутым синей тканью, заорала ночная птица. Некромант прикинул, не заорать ли в ответ, но быстро передумал, представив испуганного Сулшерата.

Старый колдун ему понравился, хотя в нем хватало противоречий. Пожалуй, именно таких людей Эльва и любил — у них вроде бы есть своя идеология, свое мировоззрение, свои особенные шутки и куча других забавных качеств, но при этом они легко принимают чужое мнение и — порой — даже соглашаются с ним. Вероятно, такое согласие играет роль отправной точки, из которой выстраивается новая логическая цепь. Интересно-о...

Спустя полчаса размышлений Эльва понял, что не уснет, и отправился на поиски ванной. В Академии, рассудил он, ванна обязательно должна быть. По некоторым недавним слухам, доходившим до ушей некроманта, под центральными городами Велиссии уже начинали проводить трубы, соединенные с ближайшими водоемами.

Отыскав ванную комнату, парень с разочарованием отметил, что слухи были дешевой выдумкой. Нет, в каменном полу присутствовало углубление, но трубами и не пахло. Зато рядом со спуском, явно принесенные слугами, возвышались ряды ведер. Чистая вода, вода с пахучими листьями, вода с вонючим рыночным мылом... Некромант прогулялся и честно оценил качество продукции, после чего шесть ведер отправились вниз.

Разогревать воду он не стал. Залез прямо в холодную, раздевшись и размотав повязки. Рана Эльву расстроила, но, покачавшись на бортике туда-сюда, он сделал вид, что ее не существует, и окунулся по самый нос. Тут же выдохнул, выплыл и схватился за лесенку, стуча зубами.

"Нет, все не так уж и плохо", — решил он, когда тело привыкло к холоду. И снова окунулся, по-совиному таращась в пространство над голубоватой поверхностью.

Рикартиат. Всего одно имя, а сколько ассоциаций! Талантливый менестрель, переводчик и маг-стихийник, человек с кошачьими ушами, человек без лица. Или не человек вовсе? Некромант, будто наяву, услышал голос Сулшерата: "не думаю, что в нем было достаточно человеческого". А чего же было достаточно?

Решив с утра порыться в архивах, Эльва потянулся за полотенцем.

Дикий вопль, донесшийся со двора, мог разбудить кого угодно.

Некромант подскочил, выругался и торопливо оделся, после чего побежал на помощь. Кому или чему — он даже не догадывался, все решили инстинкты и острота ситуации.

У порога учебного корпуса, сцепившись, катались по земле двое учеников. Рукав одного из них украшала нашивка магов-стихийников, а второй был юным коллегой Эльвы. Рядом, непрерывно визжа на одной ноте, застыла девочка лет десяти, с огромными серыми глазищами и каштановыми волосами, собранными в хвост.

— Что тут происходит? — вмешался парень, хватая стихийника за воротник, а некроманта — за остатки рукава.

Оба ребенка зарычали, сердито переглянулись и стали сыпать взаимными обвинениями: — Он меня ударил!

— А он меня оскорбил!

— Я ничего такого не сказал, всего лишь отметил факт!

Эльва, не разбираясь, наградил каждого подзатыльником и велел:

— Ну-ка разошлись, живо!

Мальчик-стихийник, бормоча что-то нелицеприятное, удалился. За ним последовала троица однокурсников, недобро оглядываясь на маленького некроманта. Тот, в свою очередь, надменно скрестил руки на груди и всем своим видом намекал, что в следующий раз совестливых взрослых поблизости не окажется, и физиономия врага станет фиолетовым куском мяса.

— Молодой человек, — сурово обратился к нему Эльва. — Будьте любезны объясниться.

— Хорошо, — покорным голосом, абсолютно не подходящим к манере поведения, ответил ребенок. — Эта мерзкая тварь окрестила меня отродьем истуканов. А я, поступая в Академию, не обязывался такое терпеть.

— Вот как? — некромант присел на корточки и заглянул ученику в глаза. Желтые радужки, вертикальные зрачки, черные ресницы и невозмутимое, безразличное, бездушное выражение. Парень хмыкнул: — Послушай, что я тебе скажу, юный господин. Ни благородное происхождение, ни равная доля крови людей и эльфов, ни сила — ничего, ровным счетом ничего не дает тебе права позорить Академию Магов драками. С того момента, как ты переступил порог учебного корпуса, ты — настоящий маг, и ты, что бы себе ни вообразил, все же обязан пропускать мимо ушей наглую провокацию. Изволь представиться.

Мальчик отвернулся:

— Меня зовут Арисольм.

— А меня Виста, — вступила в разговор девочка, прекратившая монотонно орать. — Вы наш новый преподаватель?

— Вроде того, — согласился парень. — Мое имя — Эльва Тиез де Лайн. Для вас — господин Эльва.

Он убедился, что повтора драки уже не будет, и отправился на поиски Сулшерата. В коридоре встретил невысокое существо, с ног до головы закутанное в чей-то плащ, и вслух удивился:

— Ты это чего?

— А? — сонно переспросил неизвестный. — Ничего. Вампир я.

— Вампир? Здесь?

— Ну да, здесь. Я Зангет, — подтвердил ученик, показывая нашивку корпуса некромантии. — Зангет из Хеанты Нароверт. А вы — господин Эльва, я вашу речь издали различил.

— Э-э-э... понятно, — ошарашенно кивнул парень. — Что ж, я очень рад нашему знакомству. Ты, Зангет, со своим идеальным слухом случайно не в курсе, где находится Сулшерат?

Вампир пожал плечами и почему-то принял себя.

— Поищите декана в кухне, — посоветовал он. — Скоро завтрак, а кухарка всегда нервничает, если кто-то рискует опоздать. Ворчит, что мы не уважаем ее труд.

— А-а... — все еще растерянно протянул Эльва. — Хорошо, я так и поступлю. Проведешь меня?

— Конечно.

Зангет поправил плащ, чтобы выделанная кожа надежно защищала его от солнечных лучей, и вышел из учебного корпуса. Ежась и тихонько ругаясь — в основном безобидными словами, — направился к неприметному квадратному строению, расположенному в саду. Стены, крышу и вход было почти не видно из-за древесных веток, покрытых свежей листвой.

— Заходите, — пригласил маленький вампир, распахивая дверь. — Вон, кстати, и декан. За столом для учительского состава. Заметили? — он указал направление. — Вы идите, а я к нашим пойду. Вон, мне уже машут.

Шаркая подошвами об пол, он зашагал к товарищам. Эльва усмехнулся и двинулся к Сулшерату, на ходу вспоминая, что все еще не затянул шнуровку сапог и ворот рубахи, а значит, выглядит неподобающе для наставника.

— Я гляжу, вы уже освоились, — поприветствовал его старик. — И что, нравится? Как вам Зангет и Арисольм?

— Нормальные дети. — Некромант сел и подвинул к себе кастрюлю. Приподнял крышку: — О, молочная каша. Неужели вы таким питаетесь?

— Ну, — нахмурился Сулшерат, — выбора у нас нет. В городе полно приятных заведений вроде таверн, но руководство Академии свернет мне шею, если я подам детям плохой пример. Поэтому я тут, — он свел воедино пальцы. — И вам не рекомендую брезговать.

Эльва тяжело вздохнул. В последний раз молочной кашей его кормили дома, в далеком и полузабытом детстве.

— Приятного аппетита, — ехидно пожелал старик, стоило парню потянуться за миской.

— Спасибо, — мрачно отозвался тот. — Но за обедом я схожу в харчевню.

— Дело ваше, — поскущел маг. И, осмотревшись, добавил: — Если у вас будет хорошее настроение, принесите мне колбасы. Я душу продам за колбасу. Сто лет ее не пробовал.

— О Аларна, — простонал младший некрмант. — Бедные дети!..

Сулшерат виновато шмыгнул носом, и остаток завтрака прошел в тишине. В относительной, конечно же — под звон многочисленных вилок и гул детских голосов. Порой кто-то тихо посмеивался, а кто-то обменивался угрозами — факультеты враждовали между собой и желали утереть друг другу соплю, чтобы доказать превосходство стихийников над зельеварами, заклинателей над алхимиками, некрмантов над всеми и наоборот. Эльва повеселел, обнаружив, что особенно скромно ведут себя теоретики — ведь им, в отличие от наделенных даром сокурников, блеснуть нечем, кроме гневной научной отповеди.

Декан бегло посмотрел в окно, на тонкую башенку и часовой механизм:

— Занятия начнутся через десять минут. Пойдемте в аудиторию.

Третий сын маркиза покосился на миску, опустевшую ровно наполовину, и встал.

Сулшерат провел его в аудиторию, рассчитанную на восьмерых. Небольшие столики учеников, кафедра, за ней два кресла, доска и деревянная шкатулка с мелом. Четыре застекленных окна — целое состояние для торговцев и мастеров, — и люстра с оплывшими огарками свеч.

Старик деловито устроился в одном кресле, Эльва опустился в другое. Рана, кое-как спрятанная за повязками, начала пульсировать — весьма болезненно и тягуче, словно стараясь накопить боль. Парень скривился и затянул ворот рубахи, надеясь, что никто не обратит внимания на его бледность и дрожащие руки.

— Утром у нас теоретические уроки, — сообщил Сулшерат, протягивая Эльве стопку

бумаг. — Вечером, после захода солнца — практические. В промежутке мы спим. На других факультетах практика кончается раньше, но в нашей компании есть дитя племени нарвертов, и ему неудобно работать с заклятиями днем.

— Ясно, — произнес парень, лишь бы отвертеться, и уставился на крохотные буквы. Тот, кто их вывел, явно обладал превосходным зрением и сильно мельчил.

Под заголовком "Нежить неестественная, колдунами и демонами созданная", был неуклюже нарисован некто низенький, сгорбленный и клыкастый. Никого подобного Эльва нигде не встречал, а потому с интересом прочел: "Дильган обыкновенный. Является помесью человека, выверны и лесовика; его часто ошибочно принимают за последнего. Нападает, спрыгивая с высоких веток, и отрывает своей жертве голову. Поедает лишь мозг, а тело бросает на милость лесных зверей или иной нежити, охочей до падали и гнилья".

— Жуть, — вынес вердикт Эльва. — Я счастлив, что ни разу с ним не сражался.

— А я сражался, — с удовольствием вспомнил декан. — Еле убил, помилуй меня Боги. Эта тварь быстрая, как тысяча эльфов, и кровожадная, как наши палачи. Едва не избавила меня от скальпа, — он картинно вздрогнул и захихикал.

Аудитория понемногу заполнялась детьми, хотя "заполнялась" — это, пожалуй, преувеличение. К началу занятия перед Сулшератом и Эльвой оказалось четверо людей, один остроухий полукровка и малыш-вампиры, по-прежнему укутанный в плащ.

Младшего некроманта заинтриговал мальчик, сидевший справа от кафедры, сразу за Арисольмом. У него были светлые, почти белые волосы, ядовито-зеленые глаза и тонкая, немного кривая линия губ. Аура темного колдовства вокруг этого ребенка переливалась, шла волнами и порой вспыхивала, словно зарница. Пришлось отказаться от магической перспективы и следить за ребенком без участия магии.

— Очень сильный дар, — шепнул Эльва, наклонившись к декану.

Тот улыбнулся:

— Верно. Это Хастрейн Неш-Тавье, сын госпожи Виттелены из Братства Отверженных. Перед ним — малыш Арисольм, у него способности так себе. На следующем ряду — Виста за ней Зангет... похоже, он опять приуныл... дальше Кеорн, с ним вы уже поладили... и крошка Лингат.

Лингат была девочкой с мышинного цвета волосами и очень блеклыми голубыми глазами. Она о чем-то беспокоилась и грызла кончик пера, стараясь не смотреть на людей за кафедрой.

— Начинайте лекцию, господин Тиез, — неожиданно приказал Сулшерат. — Вы человек молодой, сильный, читать наверняка умеете... а бумаги я вам передал. Давайте, не стесняйтесь.

— Э-э-э... ладно, — согласился Эльва. Встал, перехватил листы поудобнее и вышел из-за кафедры. Ему было интересно, как ведут себя тальтарские дети на занятиях, а наблюдать за ними поверх столешницы не хотелось. Поэтому некромант принялся ходить вдоль окон, зачитывая те фрагменты из подготовленной Сулшератом информации, которые не выглядели глупо и не являлись лирическими отступлениями. Последними, кстати, научная работа перемежалась с завидным постоянством.

Когда парень дошел до описания земляных гильвиров, Арисольм поднял тонкую ладонь:

— Извините, можно вопрос?

— Конечно, — радуясь передышке, разрешил Эльва.

— Почему их называют гильвирами? В изначальном языке эльфов есть слово gaellevier,

и оно означает "ранний", иногда — "незрелый".

— А что непонятного? — вытаращился на однокурсника Хастрейн. — Их называют гильвирами потому, что эти твари просыпаются ранним вечером. Едва солнце начинает клониться к горизонту — они тут как тут, голодные и полные энтузиазма. Правильно, господин Эльва?

— Правильно. И, раз уж мы начали беседу, — парень сверился с записями, — я должен вам сообщить, что целью сегодняшней практики будет именно охота на этот класс нежити. Для слишком самоуверенных и слишком беспечных предупреждаю: гильвиры быстры, изворотливы и вполне разумны. Пока вы будете размышлять, не повесить ли их рога на стену в качестве боевого трофея, они оторвут вам все, до чего дотянутся, и нарежут на тысячи лоскутков.

— А что, вам подобные твари попадались? — уточнил Арисольм.

— Да. К моему немалому счастью, эта встреча произошла в холмах, где гильвиров мало и они слабы. Если же вы наткнетесь на их стаю в лесу, то... кхм... есть небольшой, размером с пылинку шанс, что ваши останки найдет отшельник через пару месяцев.

— Неправда, — обвиняющим тоном заявил Кеорн. — Дикое зверье найдет их быстрее!

— И слопает, — побледнела Виста.

— Еще как слопает, — серьезно подтвердил Хастрейн. — Волкам, лисичкам и легендарному медведю тоже надо кушать. Все мы живем благодаря еде и воде.

— Верно, — горячо поддержал его Кеорн. — Я не понимаю, какого черта мы молимся Богам, если не они, а хлеб помогает нам выжить?

— Традиция...

— Тихо, — угрожающе сдвинул брови Эльва. — Замолчите. Я не призывал к обсуждению.

— Но у нас урок, — искренне удивились дети. — На уроках мы всегда делимся своими соображениями, а господин Сулшерат объясняет, что правильно и что ошибочно. А вы приперлись и путаете весь план.

— Вот как? — некроманту удалось скрыть возмущение и разочарование. Он повернулся к старику, шутливо поклонился и произнес: — Отличный розыгрыш. Надеюсь, я оправдал ваши ожидания. Вот бумаги, вот строка, на которой я закончил. Удачных занятий.

— Но... — начал было Сулшерат.

Скрипнула дверь, неторопливые шаги прозвучали в коридоре.

Эльва, к своему собственному недоумению, успокоился довольно быстро. Подумаешь, обманули — в современном мире это происходит всякий раз, когда кому-то хватает глупости не подозревать о подвохе. К тому же старику в Академии скучно, а новые коллеги не спешат приходить.

Парень добрался до выделенной ему спальни, присел на краешек застеленной кровати и ощупал грудь. Рана отозвалась тревожным покалыванием, намекая, что еще пару дней небрежного отношения — и она в порядке мести откроется и загноится. А Эльва-то, идиот, распинался перед маленькими коллегами, наивно верил, что выглядит хорошо и может зарекомендовать себя, как опытного и умного мага. Ха.

Он лег, чувствуя спиной все неровности одеяла, и уставился в потолок. Кто-то вырезал в свежих досках гротескную картинку — змей, дерево и дикие шипастые лозы. Во всяком случае, эти три детали увидел некромант — но не в силах был поручиться, что кто-нибудь другой увидит то же самое.

Эльва сам не заметил, как уснул. Провалился в зыбкую бездну, где звенели колокола и напевала молодая женщина. Ее интонация, мягкая, нежная и вкрадчивая, заставляла напрягать слух. Парень волновался, переживал, что на фоне гула медных чаш не сумеет различить ее песню. И бесконечно висел над пропастью, полной шелестящих крыльев, где его терпеливо ждали неизвестные, но красивые и жуткие существа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЭХЭЛЬЙО

Вечером, когда стемнело и похолодало, Эльва ощутил себя сосулькой.

Он бродил по коридору туда-сюда, хлопая себя по плечам и неуместно подпрыгивая. Хастрайн, Виста и Кеорн, вооруженные до зубов и уже готовые отправляться на практику, косились на парня с милым недоумением. Тот, памятуя о своем дневном провале, сохранял напряженное молчание.

Это продолжалось бы очень долго, если бы к однокурсникам не подошел Зангет. Без плаща он выглядел маленьким и безобидным — русые волосы, алые глаза, шрам на носу и бледная кожа. На большом пальце левой руки блестел крупный фамильный перстень — ободок из черного золота и прямоугольный оникс, на котором высечена коса. С ее лезвия текла кровь, а древко пестрело рунами и символами вампиров.

— Всем добрый вечер, — поздоровался Зангет. — Господин Эльва, я хочу сообщить, что на самом деле пошутили мои товарищи, а не декан. Вам стоит поучиться выдержке и терпению, потому что подобные выходки — я о вашем побеге, — недопустимы для взрослых человеческих особей.

— Спасибо, — улыбнулся некромант. — Я все понял.

— Кстати говоря, я заметил, что у вас есть проблема, — важно кивнул маленький нарверт. — Если вы не слишком брезгливы, то можете использовать мою кровь.

— А ты очень щедр, — немного удивился Эльва. — Не думаешь, что тебе и самому потом станет плохо?

— Не думаю. Я отнюдь не единожды прибегал к помощи своих врожденных способностей и прекрасно осведомлен, сколько крови требуется, чтобы исцелить рану вроде вашей. Могу просто нацедить в стакан.

Парень посмотрел на него по-новому. Зангет, в свою очередь, вопросительно уставился на человека.

— Тогда давай договоримся, — решил некромант. — Я подожду до окончания сегодняшней практики — на случай, если кому-нибудь не повезет и он будет нуждаться в твоём... кхм... лекарстве больше, чем я.

— Хорошо, — согласился вампир. — Обращайтесь в любое время.

Эльву позабавила его подчеркнутая серьезность. Маленький нарверт явно желал казаться старше, чем был на самом деле. Это рассмешило и его товарищей: Хастрайн молча усмехнулся, Виста ткнула Зангета локтем в бок, а Кеорн насмешливо проронил:

— Ну как, выслужился?

— Темные вы, — вздохнул вампир. — Не о чем с вами разговаривать. Вы вообще пытались узнать, кому доверили сотрудничество с деканом? Или вы ни разу прежде не слышали имя господина Эльвы? Он знаменит. В меру, конечно же. Однако...

— Зангет, — перебил некромант. — Ты слышал о таком понятии, как профессиональная тайна?

— Слышал.

— Отлично. Пусть она закроет мое происхождение.

Маленький нарверт смерил Эльву непонимающим взглядом, но послушно замолк.

Спустя примерно десять минут к детям присоединились Лингат и Арисольм, а спустя еще пять выполз из кабинета заспанный Сулшерат. Он махнул рукой, призывая всех вломиться в ближайшую пустую комнату, и приказал:

— Зангет, Кеорн и Виста — займитесь рунами перехода. Необходимая точка — Морское Королевство, цитадель Сова. Это к западу от Хроноля. Сова соединяется с портом, где стоят корабли. Хастрайн, обеспечь нас светом. Арисольм и Лингат — подготовьте защиту. Господин Эльва, на пару слов.

Декан вышел обратно в коридор. Огляделся и сообщил:

— В Сове нам придется задержаться. Мне вручили заказ на усекновение всей окрестной нечисти, и для его выполнения нам придется эти самые окрестности обшарить вдоль и поперек. Вы, должно быть, в курсе, что деятельность прибрежных шаманов порождает весьма любопытных тварей... безусловно, идея прекрасная, дети увидят результат человеческого несовершенства, но я не уверен, что они с ним справятся. И считаю, что мы обязаны их уберечь.

— Хорошо, — согласился Эльва. — Я на нечто подобное и рассчитывал.

— Чудесно, — обрадовался старик. — Я знал, что на вас можно положиться. — Он приоткрыл дверь, убедился, что дети справляются с возложенными на них задачами, закрыл и продолжил: — И еще один момент. Есть некоторая вероятность, что неподалеку от Хроноля мы встретим одного... кхм... парня. Он сильно изувечен колдовством и может напугать кого угодно, но, я надеюсь, психика у вас крепкая?

— У меня — да. А что насчет детей?

— Дети его уже видели, — отмахнулся Сулшерат. — К тому же я не таскаю их с собой постоянно.

Младший некромант ограничился косым взглядом, не выражающим сильных эмоций, и вернулся к почти законченным рунам. Кеорн как раз выводил последние грани, острые и кривые, а Зангет снисходительно за ним наблюдал. Стоило рыжему мальчику соединить две неправильных линии, как они полыхнули красным, будто требуя все исправить. Ребенок выругался — хотя Эльва не был уверен, что столь простодушные выражения можно назвать ругательствами, — и стер неудавшийся участок, вручив уголь вампиру:

— Нарисуй ты. Я не выспался и плохо соображаю.

— Настоящий маг, — наставительно произнес Зангет, — даже в таких ситуациях не допускает ошибок.

— Намекаешь на то, что я не настоящий? — нахмурился Кеорн.

— Да нет. Просто пытаюсь тебя как-нибудь мотивировать.

— Спасибо, я в этом не нуждаюсь. Давай рисуй, иначе декан снова будет сердиться.

Маленький нарверт внял и торопливо добавил нужные черты. Руны тут же наполнились тревожным зеленовато-голубым светом, а с той, противоположной их стороны донесся рокот моря.

— Шевелитесь, шевелитесь, — поторопил учеников Сулшерат.

Дети выстроились в цепочку и стали по одному заходить в круг. Хастрайн замыкал

шествие, и в его радужках Эльве почудилось расплавленное серебро. Так, будто кто-то чужой выглянул из сознания мальчика, выяснил, чем он занимается и нырнул обратно, удовлетворенный полученной информацией.

Парень подождал, пока декан запрет двери, и тоже переступил границу рун. Поскольку выполнены они были грубо, схематически и коряво, ноги провалились в переход по колено, словно в болото, а в груди тревожно ёкнуло. Оказавшись на твердой поверхности, Эльва возблагодарил Богов и торопливо отступил, уступая место Сулшерату.

Точка выхода устроилась в тени колоссальной башни, увенчанной острым шпилем. Еще три точно таких же украшали углы стены, окружившей белую цитадель. Твердыня возвышалась над башнями, грозная и немая, а в ее узких высоких окнах горел свет. Зыбкое, непостоянное пламя. Куда ярче него были ядовито-зеленые огоньки, созданные Хастрайном. Они кружились вокруг небольшого отряда, выдавая его местоположение.

Впрочем, прибытие магов и не являлось тайной — к Сулшерату уже спешил высокий солдат в темно-синем мундире. Достигнув некой условной линии, он остановился, вытянулся по струнке и выпалил:

— Добро пожаловать, господа маги!

— Здравствуй, здравствуй, — старик протянул ему руку, призывая забыть об уставе и поговорить нормально. — С твоего позволения, мы сразу сходим на кладбище, а потом уже осмотрим цитадель. Ты не забереешь наши вещи?

К изумлению Эльвы, солдат не растерялся:

— Заберу, конечно. А вы там осторожнее, ладно? Господин Ильер уже третий день жалуется на головную боль и предрекает, что она вызвана присутствием нежити.

— Все верно, — закивал Сулшерат. — По моим сведениям, могилы разоряет стая гильвиров. Поскольку ребята, — он указал на учеников, — еще не имели чести познакомиться с этими существами, мы немного попрактикуемся. Надеюсь, вас не испугает вой?

— А что, гильвиры воют? — не поверил солдат. И, смущенный выражением лица старика, добавил: — Я думал, они только фыркают. Мы, знаете, одну стаю угробили под Кленкаром, когда вокруг него стало безопасно.

— Вокруг? — заинтересовался Эльва. — А внутри?

— Внутри мы не заходили, — виновато отозвался мужчина. — Шаманы предупреждают, что там находится зона сильных магических аномалий. А проблемы никому не нужны.

"Что ж, зайду сам", — про себя решил некромант.

Сулшерат распрощался с прибрежным солдатом, вручил ему свою сумку и строго обратился к ученикам:

— Все за мной. Идите цепочкой, держите товарищей в поле зрения. Если заметите что-нибудь необычное — подайте сигнал.

— Какой? — уточнил Зангет, поправляя рукава куртки.

— Любой. Главное — сделать это как можно громче, — усмехнулся старик. — Вперед. У нас мало времени.

— До рассвета еще восемь часов, — возразила Виста. — Вы, как обычно, торопите нас без веской на то причины.

Эльва ощутил некое сходство нынешней ситуации с дневным теоретическим уроком. Сулшерат, видимо, тоже, потому что вспыхнул:

— Захлопнуть рты! Настроиться на работу! Меня не волнуют ваши глупые детские издевки, но, если я еще раз услышу что-то подобное, вы все отправитесь на отработку в столовую!

Угроза подействовала. Арисольм отвесил девочке подзатыльник, намекая, что не хочет по ее вине участвовать в приготовлении молочных каш. Та, в свою очередь, громко шмыгнула носом, но заняла свою позицию в незамысловатом строю.

Эльва подождал, пока все юные некроманты двинутся, и пошел последним. По его мнению, замыкать цепочку должен был взрослый и опытный человек, а не Зангет, который поминутно оборачивался и обводил местность внимательным, слегка взволнованным взглядом. Его зрачки подернулись тонкой желтой каймой, излучающей мягкий свет. Третий сын маркиза северного белобережья усмехнулся, прикинув, что любая нежить с радостью примет вампира, как сородича, и пригласит поохотиться вместе с ней.

Кладбище располагалось под стеной цитадели, мрачное и заброшенное. Повсюду тени, темнота и рассеянные лунные лучики. Диагональные ряды могил поросли травой, а кресты в большинстве своем покосились. Кое-где еще удавалось различить имена погибших, а кое-где они давно стерлись — вместе с памятью о тех людях, что лежали теперь под слоем сырой земли.

— Итак, — Сулшерат наставительно поднял палец. — Перед нами — явные следы вмешательства гильвиров. Кто-нибудь их видит?

— Да, — подал голос Кеорн.

— Ну-ка?

— Здесь нет ни одного дерева, — сбивчиво сообщил ребенок. — Лишь обгрызенные пеньки. Надгробия сбиты, а трава голубая — значит, корни отравлены. — Мальчик внезапно побледнел, поднял широкую ладонь и указал куда-то вверх: — А еще... вон там... сидит самка.

Эльва крутнулся, словно флюгер на крыше дома, и уставился на белую стену. Ребенок не врал: там, вцепившись когтями в щели, прижималась к холодному камню серая тварь, похожая на летучую мышь и волка одновременно. Размером она была с добрую корову, а клыки скалила не хуже тигров.

— Все плохо, — высказалась Виста.

— Нет, все очень хорошо, — невозмутимо возразил Сулшерат. — На занятиях я рассказывал, какую формулу следует применять для развоплощения материальных существ. Кто помнит?

Дети дружно переглянулись, и Зангет вытолкнул к старику Хастрайна. Беловолосый мальчик был бледен, но хладнокровен. Подчиняясь некому приказу, он пятью быстрыми росчерками нарисовал в пространстве перед собой звезду, выхватил из ножен агшел и полоснул им по рисунку, буркнув что-то нелицеприятное. Звезда вспыхнула, из ее углов вырвался багровый огонь, а тварь на стене жутко завывала и бросилась на маленького некроманта.

— Врассыпную! — заорал Сулшерат. — Хастрайн, не двигайся!

— Я справлюсь, — успокоил его ребенок. — Все в порядке. Отойдите подальше.

Едва слышное за воем хлопанье крыльев приблизилось, гильвир коснулся лапами почвы. Его била крупная дрожь, все тело тряслось, а распахнутый живот источал отвратительный горький запах. Звезда — единственная преграда между нежитью и Хастрайном, — загорелась ярче. Маленький некромант, ни на секунду не прерываясь, читал заклинание.

Когда тварь атаковала, схватив огромной пастью повисший в воздухе рисунок, мальчик выхватил из-за спины меч — слишком тяжелый и длинный для его роста, — и прыгнул под нижнюю часть звезды. Серебристое лезвие с влажным хрустом отсекло обе задние лапы гильвира, и вой прервался. Вместо него нежить удивленно захрюкала, фыркнула, попыталась ползти, но Хастрайн уже стоял на ногах. Выдохнул и резко опустил оружие, лишая тварь головы.

На все про все ушло не больше минуты. Ребенок отдышался, вытер меч о спину убитой твари... и дернулся, когда со всех сторон донеслось новое, более хриплое и глухое, вытье.

— Самцы, — пробормотал Сулшерат. — На одну самку приходится от четырех до восьми самцов. Рассредоточиться! Защититься формулой!

Дети послушно разбежались. Эльва занял позицию рядом с Хастрайном, полагая, что после первого боя ему будет сложнее всех. Мальчик благодарно кивнул и нарисовал второй острый символ. Старший некромант повторил его действия, но не один раз, а трижды. Четыре ритуальных звезды закрыли крохотный островок посреди кладбища, составляя собой щит.

— Ого, — потрясенно выдавил ребенок. — Я не знал, что формулу развоплощения можно перевернуть вот так.

— На самом деле в магии можно все, — улыбнулся Эльва. — Надо только уметь сопоставлять, сравнивать и мыслить. Ничего себе!

Он вытаращился на Кеорна, избравшего прямую атаку. Рыжий встал на вершину могильного креста, с трудом сохраняя равновесие, и обеими руками очертил круг, центром которого стало его же тело. В тот же миг влажные комья земли поднялись в воздух, окрепли, вытянулись и превратились в жутковатые копыя с гранитными наконечниками.

— Туда! — заорал мальчик, указывая на гильвиров. Твари бегали вдоль кладбищенской ограды, по-собачьи твкали и поджимали хвосты. Чувствовали мощь, исходящую от отряда магов, и не хотели с ней враждовать. Даже ради самки.

Пятеро из них увернулись от стихийного оружия, а шестому не повезло. Гильвир вытянулся на железных прутьях, свесив задницу с внешней стороны ограды, а угловатую башку — с внутренней. Кто-то из сородичей визгливо его обругал.

— Черрррррртовы колдуны, — прорычал другой. — Мы вас все рррравно уничтожим.

Ни Сулшерат, ни его ученики не посчитали нужным ответить нежити. Та коротко взвыла и, наконец, перепрыгнула условную грань, отделяющую ее от врагов.

Почти сразу же на нее обрушился невидимый, но сокрушительный молот. Он размазал гильвира тонким слоем по надгробной плите, и имя похороненного человека окрасилось алым цветом. Остатки заклинания — серый пепел, — разнесло ветром.

Понаблюдать еще немного Эльве не позволили — очередная тварь бросилась на клетку из ритуальных звезд, разрывая ее клыками. Парень, покосившись на Хастрайна — в порядке ли, — обрушил на нее топор. Тяжелая гномья сталь проломила череп и вошла в мозг, беспощадно разметав его ошметки.

— Отлично, — донесся слева довольный голос декана. — Превосходно. Хастрайн, Арисольм, Кеорн — вы молодцы. Виста, ты неплохо поработала, но пачкаться было необязательно, — рассмеялся он. Девочка, чье колдовство разорвало нежить на части, пренебрежительно хмыкнула. — Зангет, будь добр добить гильвира. Нечего наслаждаться его агонией.

— Но мне нравится, — искренне удивился вампир.

— Зангет, — уже строже повторил Сулшерат. — Прочитуй мне, пожалуйста, первые строки восьмой главы кодекса усекновения.

— Зачем? — ребенок нахмурился. — Этому вашему кодексу уже двести лет ни один охотник не следует. Если я хочу посмотреть на медленную смерть жертвы, я посмотрю, и всякие седобородые старцы мне не указ. Я — вампир из Хеанты Нароверт, и мне положено...

— Зангет! — декан сорвался на крик. — Восьмая глава кодекса, живо!

— Да тьфу на вас! — чуть не плача, поежился мальчик. — Тьфу! — и, замахнувшись острыми когтями, прекратил мучения твари.

Позже, растянувшись на твердой постели, Эльва перебирал в памяти детали схватки. Получается, не только взрослые, но и маленькие вампиры умеют принимать облик полужверя? А внешне безобидная девочка, одетая в легкое платье, способна превратить огромную тушу в набор кусочков? Н-да, открытый факультет некромантии, которому не приходится учить основные схемы и заклятия в подвалах, — это кошмарная вещь.

Спать почему-то не хотелось. Парень лежал, перебирая пряди светлых волос, и глядел на огонек свечи. Глядел достаточно долго, прежде чем пламя — перевернутая капелька, сотрясаемая дрожью, — стало белым.

Сначала Эльва не отреагировал. Мало ли, что послужило толчком для непостоянной стихии — может быть, нежить, а может, ее кровь на оружии маленьких некромантов. Но потом, когда во внутреннем дворе заскрежетал песок, напрягся.

Шаги. Аккуратные шаги, шаги кого-то очень крупного. Парень сорвался с места, задул свечу и прижался к поверхности стекла, пытаясь различить ночного вторженца. Тот, словно ощутив его присутствие, поднял голову... нет, две головы, с ужасом осознал Эльва. Две — с одинаково красивым лицом и острыми эльфийскими ушами.

Неизвестное существо прижало к губам пальцы, умоляя не кричать. Некромант потрясенно выдохнул — у твари было четыре руки, а вместо ног смутно виднелись мощные звериные лапы, покрытые зеленовато-серой шерстью.

Нечисть жестами показала, что парню стоит спуститься и познакомиться с ней поближе. В ее движениях сквозил страх. Мало ли, вдруг парень окажется трусливым и помчится к страже цитадели, не желая сражаться с подобной жутью самостоятельно.

Эльва подхватил связку человеческих черепов и бросился к выходу из спальни.

За дверью горели факелы и едва ощутимо пахло дымом. Стражников не было — либо этот участок твердыни не охранялся, либо солдаты решили, что гости спят, и отправились на попойку. Зная их традиции и привычки, некромант не ожидал от ребят особой бдительности.

Выбравшись во двор, он окружил себя сплошным магическим щитом. Безусловно, двухголовое создание не проявляло признаков злости, но выходить к нему беззащитным — глупость. С такой-то разницей в росте и телосложении оно запросто убьет и Эльву, и Сулшерата, и детей, и всех коренных жителей цитадели.

— Здравствуй, — вежливым, дружелюбным басом произнесла тварь. — Меня зовут Эхэльйо.

— Понятно, — кивнул парень. — И кого ты собрался съесть?

— Глупый, — с печалью возразил двухголовый. Что характерно, разговаривал он при помощи правой головы, а левая оставалась неподвижной. — Я не убиваю людей. И тем более

не ем. Я пришел навестить своего старого друга.

— Сулшерата? — догадался некромант. И едва не расхохотался — да уж, действительно сильно изувечен! — Идем со мной. Я проведу.

Эхэлью благодарно прижал к груди ладонь.

Пересекая крытую галерею, Эльва думал, что уже слышал его имя. Вероятно, давно — выловить из цепочки образов необходимый не получалось. Эхэлью... Эхэлью... в нем сплетались звуки, свойственные клану Айнэро. Оттолкнувшись от последней мысли, некромант хлопнул кулаком по ладони и резко повернулся к спутнику:

— Ты — брат Илаурэн!

— Да, — согласился тот. — Совершенно верно. Ты ее знаешь?

— Так, виделись пару раз. Она страшно беспокоится о тебе.

Двухголовый усмехнулся:

— Ты предлагаешь мне ее навестить? Таким?

Эльва пожал плечами:

— Ей без разницы, как ты выглядишь. Главное, чтобы ты был жив.

— Ей, может быть, и без разницы, — задумчиво пробормотал Эхэлью. — А вот для меня эта разница существует. Я не хочу видеть ее страх, ее жалость или отвращение. Поэтому сначала верну себе прежний облик, а потом уже отправлюсь домой.

— Вернешь? — недоверчиво сощурился некромант. — Как?

— Есть один способ. Не самый легкий и безопасный, но осуществимый. Правда, мне понадобится помощь Сулшерата, а он наверняка откажет. Но я готов подождать, — торопливо добавил двухголовый. — Я ждал очень долго, и еще несколько лет ничего не решат.

— Ясно. Мы пришли, входи.

Эхэлью без стука распахнул дверь, ведущую в комнату декана.

— Шер? — позвал он. — Шер, ты здесь?

— А-а, Хэль, — сонно отозвался старик. — Привет, привет. Что интересного расскажешь? Так и не смог избавиться от лишних рук?

— Нет, — расхохотался проклятый. — Не смог. Я, понимаешь ли, не способен калечить себя столь же хладнокровно, сколь делаешь это ты. После твоих опытов спина все еще болит. Я не жалуясь, несколько не жалуясь, но разве нельзя было удалить крылья осторожнее? Раздобыть крови вампира или, на худой конец, залить рану горской настойкой? Я ведь не железный, Шер.

— Ничего, потерпишь, — отмахнулся Сулшерат. Выбрался из глубокого кресла, сунул ноги в тапочки и удивленно приподнял кустистые брови: — О, ты и господина Эльву привел? Потрясающе. А я-то боялся, что он не распознает в тебе моего друга и пальнет заклинанием из окна.

— Серьезно? — Эхэлью вытянул одну из рук и потрепал светлые волосы молодого некроманта. — Что ж, в таком случае — ты ошибся. Этот мальчик умеет сдерживаться и оценивать ситуацию с точки зрения разума, а не испуга. И на твоём месте я бы не стал его оскорблять.

— Что ты, какие оскорбления, — открестился декан. — Я всего лишь предполагаю худшее. Не люблю разочаровываться в людях. Итак, что тебе удалось найти?

Переход от неуместных шуток к делу оказался весьма внезапным. Двухголовый на целую минуту застыл, изучая Сулшерата настороженным взглядом — будто подозревал в

предательстве. Затем вытаскил из узкого промежутка между левой и правой головой конверт. Алая печать, маленькая витая подпись.

— Господин Эльва, желаете присоединиться? — предложил старый некромант, вытаскивая клочок пергамента. Дорогого, почти полностью белого, испещренного мелким почерком с традиционными для дворян завитками.

— Желаю, — сказал парень и встал за плечом декана, откуда было прекрасно видно содержимое письма.

"Дорогой Хэль,

Не так давно королева Хайрен поведала мне о твоей проблеме. Не имею понятия, кто донес до нее эту информацию и зачем. Вполне возможно, что это совершили выжившие инквизиторы, спасенные нашим флотом из Диких Земель.

У меня появилось столько вопросов... почему в последних посланиях ты не упоминал о проклятии, павшем на тебя после спасения Кленкара? Стоило ли вообще спасать город, если теперь ты изувечен, а он остается заброшенным и пустым? Как отреагировала твоя семья, и что будет с этрайле Айнэро? К сожалению, услышать ответы я смогу не ранее, чем через неделю, а пока настоятельно прошу тебя выйти к северным берегам Морского Королевства. Я заберу тебя в первый день полнолуния и отвезу туда, где проклятие могут снять.

Чтобы ты, по моему примеру, не терзался вопросами, сразу напишу кое-что о вероятных спасителях. Избавить проклятое существо от физических изменений, в частности — от наличия лишних конечностей и головы, могут древние императорские драконы. Их можно отыскать в пещерах у империи Ильно, возле кладбища китов, руин форта Салес или на Равнинах Тишины. Я осознаю, что придется потрудиться, но ни за что не брошу тебя в том состоянии, в каком ты находишься сейчас.

В случае, если тебя заинтригуют мои способы договориться со стражами неба, сообщаю: в империи Ильно у нашего флота немало союзников, и в их число входят надежные осведомители. Сам понимаешь, королева Хайрен не любит, когда соседи — пусть и предполагаемые — начинают планировать новое вторжение на острова Плиарета.

Однако в избранных мною способах есть и неприятный фрагмент. Небесные корабли не могут входить в гавани империи, а со стороны моря она окружена серьезной охраной. Справиться с ней своими силами мы не можем — тут необходимо колдовство некроманта, и чем сильнее он будет, тем лучше. Я могу рассчитывать на то, что ты обратишься к старым знакомым из нынешней венценосной Гильдии и найдешь парня или девушку, которым не хватает приключений?

На этом, пожалуй, все.

Надеюсь встретиться с тобой как можно скорее,
капитан Мильт."

— Капитан? — потрясенно переспросил Эльва. — Плиарет? Небесные корабли?

— Да. — Эхэльйо забрал письмо, засунул его в конверт и снова спрятал между головами. — Я познакомился с Мильтом случайно, когда вызвался сопровождать Рикартиата в музыкальное королевство.

— А что, Рикартиат там был? — изумился декан. И, дождавшись утвердительного кивка, продолжил: — Поразительно. Его талант и без того не поддавался описанию, а после... кажется, теперь я в курсе, откуда взялись замечательные переводы и привычка

играть на ци... — он осекся, закрыл лицо ладонями и простонал: — Рикартиат... Фасалетрэ Эштаралье.

— Прости? — растерялся проклятый.

— Ты никуда не поплывешь.

— Что? — Эхэльйо криво усмехнулся. — Шер, мне в руки попал превосходный шанс. Я могу стать собой прежним. Неужели ты полагаешь, будто я послушаюсь?

Сулшерат вздохнул. Как показалось Эльве — излишне нервно.

— Ты просто не догадываешься, в какую лужу лезешь. Я прошу тебя, Хэль — откажись. Вместе мы придумаем другой метод...

— Мы ни черта уже не придумаем! — неожиданно закричал двухголовый. — Я не могу, Шер! Не могу принять это тело! Я неделями не сплю, я вынужден скрываться от мира, я не имею права вернуться домой! Неужели ты не представляешь, как я устал? Неужели все бросишь, бросишь сейчас, когда единственный вариант спасения — прямо у тебя под носом?!

— Успокойся, Хэль, — ворчливо попросил Сулшерат.

— Нет! — Эхэльйо схватился за дверь, явно намереваясь убежать от мага, способного пленить его и силой заставить забыть о послании Мильта. — Нет, не успокоюсь! И я полезу в любую лужу — да что там, в тысячи любых луж, лишь бы наконец-то...

— Я помогу, — негромко вмешался Эльва.

И проклятый, и декан резко повернулись к нему. Первый — с немой мольбой в сероглубых глазах, второй — с откровенным гневом.

— Что ты сказал?

— Я помогу, — повторил парень. — Господин Мильт написал, что не сможет устранить охрану без некроманта.

— Спасибо, — выдавил из себя Эхэльйо. — Спасибо. Ты...

— Идиот, — по слогам проговорил Сулшерат. — Безмозглый, вспыльчивый идиот. И ты вспомнишь мои слова, когда имперские твари начнут тебя потрошить. Удачи. Уходи немедленно. Я не хочу, чтобы мои ученики заразились твоей тупостью и поспешными идеями. Прочь.

Двухголовый нахмурился:

— Шер, ты не должен от него отречься.

— Давай ты не будешь соваться в чужие дела? — сердито перебил маг. — Убирайся, Хэль. Мое терпение закончилось.

Эхэльйо посмотрел на него с обидой. Эльва — с каменным безразличием, после чего толкнул дверь и презрительно бросил:

— Ну вы и трус.

Холодная ночная цитадель была пуста. Ни солдат, ни стражников, ни детей, хотя тот же Зангет, по словам Сулшерата, ложился спать только на рассвете.

Проклятый тяжело топал по плитам, звериные лапы порой царапали серый камень. Оказавшись у западной стены, в надежной тени башни, он попросил:

— Разойдемся тут. Меня, к сожалению, не пропустят через основные ворота.

— И ты перелезешь? — скептически уточнил Эльва. — Перелезешь и не убьешься?

— Нет причин, — поразмыслив, буркнул Эхэльйо. — Стена невысокая.

И, не заморачиваясь дальнейшим разговором, воткнул когти в щели между плитами и

пополз вверх, прижимаясь грудью к твердыне. Заинтригованный некромант пронаблюдал, как он взбирается на верхушку, где время от времени обязаны ходить дозорные, и прыгает в пустоту.

— Ужас, — пробурчал он себе под нос. — Я бы на такое не пошел.

— Вы человек, — любезно подсказал кто-то.

Парень дернулся и обернулся:

— Не подкрадывайся, Зангет!

Маленький вампир улыбнулся:

— Вы не волнуйтесь, я его знаю. Эхэльйо — хороший дядя, он вас не подведет. И на господина Сулшерата не обижайтесь, он на деле вовсе даже не трус. Просто боится, что никто другой не в силах нас воспитать, и кудахчет, как наседка. Это опасно! И вон то опасно! И вон то, и вон то, и вон то! Мы его ученики и должны слушаться. А вы — нет. Будьте осторожны, господин Эльва Тиез де Лайн, и возьмите с собой... — Зангет протянул некроманту сумку, забитую хрустальными флаконами, — ее.

Парень расстегнул металлическую застежку и с недоумением вытаращился на ребенка:

— Твоя кровь?

— Именно так, — благосклонно кивнул тот. — Моя кровь. Она вас выручит, если случится что-нибудь... непредвиденное. Не надо благодарить! — мальчик рассмеялся и быстро зашагал прочь. — Я поступил согласно своим эмоциям, и я доволен.

Зангет поднял ладонь и взмахнул ею, прощаясь. Затем шагнул в темноту смежного коридора и исчез.

Эльва вернулся в свою спальню, собрал вещи и подхватил топор. Прикинул, не одолжить ли еды на кухне, но почти сразу отказался от этой затеи. Внезапный уход одного из некромантов может натолкнуть обитателей цитадели на мысль, будто он затеял что-то плохое.

— Зайду на рынок в ближайшем городе, — пробормотал парень, на ходу изучая карту.

Большая часть дорог Морского Королевства тянулась с юга на север, изгибаясь у твердынь, построенных рядом с открытым морем, и редких деревень. Крохотные пятна озер — но ни единой реки, тонкие наметки роц — но полное отсутствие густых лесов. Восемь цитаделей, шесть городов. Или пять, поправился Эльва, — ведь Кленкар уже давно заброшен, несмотря на снятое проклятие.

У ворот некроманту попались стражники. Впервые за ночь, и он несколько изумился. Значит, входы-выходы охраняются, а сама обитель солдат — нет? Мол, кому надо, тот сам проснется и убьет перелезшую через стену нежить. Или не проснется, потому что она голодная и не станет вызывать людей на поединок, полакомившись спящими.

— Господин Тиез, — растерянно сказал тот стражник, что стоял в кругу дрожащего света факела. — Куда вы направляетесь?

— Хочу прогуляться, — легко соврал парень. — Заодно проверю, всех ли гильвиров мы уничтожили. Странная была стая. Обычно они гораздо умнее и, что немаловажно, хитрее. Меня это настораживает. Может, нам достался всего лишь молодняк, наивный и кровожадный, а твари постарше сидят в засаде и ждут, пока мимо них пройдет вкусненький человечек.

— Ну и шутки у вас, — вытер лоб стражник. — Ладно, проходите. А если из кустов на вас кто-то выпрыгнет, кричите погромче — мы гарнизон поднимем.

— Вот спасибо, — иронично отозвался Эльва. — Полагаю, он как раз успеет явиться,

когда нежить будет обгрызать мои косточки.

Солдат натянуто рассмеялся. Некромант одарил его зловещей улыбкой, погладил черепа на поясе и двинулся по первому южному тракту, постепенно приближаясь к ограде кладбища. Трупы нежити пропали — вероятно, формулы развоплощения справились.

Лунный свет ложился на траву, полоскался в ней под прикосновением ветра. Гротескная фигура Эхэлью казалась статуей, памятником, скульптурой, но никак не живым созданием. Серо-голубые глаза посмотрели на подошедшего парня, мигнули, обросли гранями вертикального зрачка, и двухголовый изрек:

— Долго же ты бродил.

— Сколько надо было, столько и бродил, — поморщился Эльва. — Мне, между прочим, несостоявшийся ученик подарил тринадцать флаконов крови.

— А что, ты пьешь человеческую? — удивился Эхэлью.

— Да нет же. Этот ученик — вампир, и он посчитал, что алая жидкость поможет мне выбраться из всяких будущих передраг.

Двухголовый пожал плечами, отчего его спина странно содрогнулась:

— Дети племени наровертов редко ошибаются. На твоём месте я бы восхвалял Богов за то, что они даровали мне встречу с таким полезным ребенком. — Он огляделся, вышел на дорогу и предложил: — Пошли, пока можно идти по ровному. Днём придется свернуть в поля, подальше от случайных свидетелей. Люди, знаешь ли, очень пугаются, когда меня видят.

Некромант поравнялся с ним, свернул карту трубочкой и сунул во внутренний карман куртки.

— У нас даже хлеба нет. Нужно зайти в какую-нибудь деревню.

— Потерпим до Элеасты, — возразил Эхэлью. — А пока что вот.

Он бросил Эльве тугой сверток, набитый сыром, луком и помидорами. На дне, стиснутая тканью, валялась фляга с водой.

— Неплохо, — оценил парень. — Где раздобыл?

— В цитадели. Стерегут ее не очень старательно, — хохотнул двухголовый.

Некромант развеселился тоже:

— Да, я заметил. Если устроить там шабаш и позвать половину окрестных ведьм, никто не забеспокоится.

— А ведь Сова должна быть символом того, что варвары из-за моря не смогут высадиться на берегах Морского королевства. Хороший символ, не правда ли? Тут не только варвары, но и заклинатели драконов без труда проберутся. Я, конечно, верю в тактическую важность птичьих цитаделей, но гарнизонам следует вспомнить о дисциплине.

— Поддерживаю.

Эльва обнаружил, что проклятый по-прежнему использует для беседы только левую голову. Правая остается неподвижной, и красивое эльфийское лицо, обрамленное темными кудрями, напоминает гравюру из научных работ по межклановым отличиям остроухих. Потрясающе чистая кровь семьи Айнэро, не разбавленная ни человеческой, ни какой-нибудь другой кровью.

Некромант не единожды слышал, что чистоту крови эльфы превозносят. Однако не понимал, почему она так важна — тем более что по миру, словно болезнь, распространялось поколение полукровок. Смешанное потомство остроухих и смертных, остроухих и вестников несчастья, остроухих и стаглов, остроухих и вампиров. Создавалось впечатление, что эльфы

пытаются поделиться с другими расами частицей своего бессмертия, но не могут достигнуть результатов.

Дайра и Шимра начали постепенно гаснуть, а далекие звезды — выцветать. Теперь они выглядели блеклыми огоньками, не способными разогнать ночную тьму. Последняя, кстати, становилась все чернее и ощутимее, будто не желала впускать рассвет. Однако, невзирая на ее усилия, полоса горизонта расцвела зеленым, и в тот же миг Эхэлью велел:

— Поворачиваем.

Эльва повиновался. Под подошвами его высоких сапог зашелестели стебли. Пахучее разнотравье, сомкнутые бутоны диких цветов. Роса...

Проклятый ступал тяжело, часто отряхивался и пыхтел. От него шарахались мыши, мелкие духи и насекомые. Чувствовали колдовство, страшное и агрессивное, готовое стереть в порошок любого, кто по неосторожности решится напасть. Некроманту были ясны их причины. В конце концов, он и сам не решился бы влезать в схватку с кем-то подобным.

— Эй, Эхэлью, — окликнул спутника парень.

— Да?

— Меня посетили некоторые сомнения. Разве мы успеем добраться до северного берега к полнолунью? По моим расчетам, на дорогу уйдет не одна неделя, а полторы.

— Это не важно. — Двухголовый наклонился, чтобы избежать столкновения с тонкими ветками кустарника, и пояснил: — Милът будет ждать. Он не из тех, кто передумывает и отступает. В крайнем случае я попрошу тебя с ним связаться.

— Как?

— Потом объясню. — Эхэлью протяжно, по-звериному зевнул. — У нас есть определенные методы.

Эльва сообразил, что он не намерен беседовать, и заткнулся. Посвятил себя наблюдению за местностью, поправил ремешки сумок и прикинул, справится ли Сулшерат сам. Если он настолько пуглив, что боится сунуться в империю Ильно, хотя ее история интригует, то сможет ли совладать с учениками и с нежитью? Представив себе картину, где юных некромантов разрывают на куски гарпии, парень ощутил стыд. Что, если из-за его решений дети действительно погибнут?

Избавиться от мерзких эмоций удалось не сразу. А когда удалось, Эльва различил на востоке соломенные крыши, плетни и латки огородов.

— Село? — спросил он.

— Село. Будем держаться от него на почтительном расстоянии.

К вечеру, едва солнце начало падать, Эхэлью объявил привал.

Некромант понятия не имел, сколько они прошли, но с готовностью расстелил одеяло и улегся на него. Сверток с едой он отдал проклятому, а сам, не испытывая особого голода, задремал.

Назвать его состояние сном было сложно. Эльва плыл по границе между явью и небылью, различая все больше и больше странных деталей. Пещера. Белый замок с острыми шпилями, рассекающими облака. Незнакомое светлое строение — витражи, купола, кресты, — где играет глубокая, громкая, ритмичная музыка. Высокие скалы и провалы пещер. Человек, закованный в цепи, и зеленый цвет. Густой зеленый цвет, какой бывает лишь в середине весны, задолго до жаркого и беспощадного лета.

— Стой.

Парень не был уверен, что движется, и поэтому не мог подчиниться. Но чья-то теплая ладонь поймала его за локоть, дернула вниз — и Эльва рухнул в ледяную воду, под покров ужасного шторма.

Пока выбрался, успело стемнеть. Он устроился на песке, под слепым оком Шимры, и попробовал развести огонь. Горячая, яркая, неукротимая стихия дрожала, шипела и отказывалась жить неизвестно где, по соседству с глубоким морем.

— Кто ты?

Эльва осмотрелся, но обладателя мелодичного голоса не нашел. Если тот прятался, то делал это весьма умело. А если был всего лишь плодом воображения — что ж... во снах и не такое бывает.

Некромант убедился в правильности своих суждений, когда Шимра внезапно погасла, а песок исчез. Человеческое тело ушло в полет по неизведанному темному измерению, где звучали монотонные песни и перекликались трели соловьев.

— Уходи отсюда. Уходи. Это не твои сны!

От удара чем-то тяжелым в грудь Эльва совершил полный оборот в воздухе, вдохнул и... проснулся, рассеянно отметив, что на небе стало сотнями звезд больше. Беспокойные огоньки мерцали, поблескивали и походили на россыпь драгоценных камней — разноцветных, блеклых, сияющих, крупных и крохотных. Шимра вернулась на положенное ей место, а неподалеку от нее расположилась красавица-Дайра. Две луны озаряли пустошь мертвенным светом, и каждая привычная, нормальная деталь превратилась в преддверие кошмара.

Эхэльюо сидел под деревом и флегматично жевал помидор. Когда некромант встал, он отвлекся от этого занятия и полюбозытствовал:

— Что такого тебе пригрезилось? Ты стонал.

— Извини, — смутился парень. И, отвечая на вопрос, пожаловался: — Да разного рода бред. А ты почему не спишь?

— Я не нуждаюсь в отдыхе так, как люди, — улыбнулся проклятый. — К тому же после погружения в сон у меня зверски болит голова. То есть головы. И, пожалуй, зверски — это еще мягко сказано, потому что боль доводит меня до слез.

— До слез? — потрясенно повторил Эльва. — Seriously? Я думал, эльфы не могут плакать.

— Могут, — пожал плечами Эхэльюо. — Но эта способность теряется со временем. Мы живем очень долго и практически не стареем, но грубеем душой. Нас становится невозможно разжалобить, обидеть, расстроить. В нынешнем своем теле, — он выпрямился и показал некроманту все четыре руки, — я осознал, каким равнодушным был раньше. И теперь хочу исправиться, хочу доказать, что даже эльфы бывают открытыми и свободными.

Некромант помолчал, сосредоточившись на чужой идее. Затем произнес:

— Надеюсь, у тебя получится.

ГЛАВА ПЯТАЯ

АСТА

Указанная в письме неделя полностью ушла на поход до проклятого города. Увидев Кленкар на горизонте, Эхэльюо почему-то возликовал. Некромант покосился на него весьма

скептически, не понимая, как могут вызывать радость обугленные стены, черные остовы домов и редкие дырявые крыши.

— А что непонятного? — удивился двухголовый, когда Эльва озвучил свои сомнения. — Можно не ночевать под открытым небом. Зайдем в городскую ратушу, я был там месяца три назад. Почти все целое. Местами, правда, скелеты, но тебя ведь они не напрягают?

— Нет, — немного подумав, согласился парень. — К тому же я все равно хотел заглянуть в Кленкар. Как там, страшно или не очень?

— Не очень. После исчезновения проклятия все наладилось, энергетические жилы пришли в норму. Но запустение дает о себе знать. Еще годик-два, и вместо зимней столицы Морского Королевства перед нами предстанет голая равнина. Людям свойственно забывать, — Эхэлью улыбнулся, — но я буду помнить.

Некромант промолчал, памятуя, что он в силах продолжать философские беседы чертовски долго, не повторяясь и затрагивая все новые и новые темы. Проклятый, кажется, раскусил его уловку и слегка расстроился.

До южной стены, покрытой побуревшими пятнами крови, путники добрались к вечеру. Эхэлью уверенно двинулся вдоль твердыни, а спустя десять минут вывел человека к тому, что осталось от огромных железных створок. Эльва присвистнул и хладнокровно по ним постучал, добившись глухого и низкого звона.

— Я бы посоветовал не шуметь, — сказал двухголовый. — Нежити не больно-то нравится Кленкар, но правила для нее не писаны. Мало ли, какая тварь устроила себе лежбище на развалинах?

— А ты ее боишься? — пошутил некромант.

— Нет, — серьезно ответил проклятый. — Всего лишь не хочу драться. Нежить, как ни странно, тоже заслуживает спокойствия. Да, она убивает людей, да, она жестока и кровожадна. Но люди тоже друг друга убивают. Я считаю, что лучше быть поздним ужином для какого-нибудь дакарага, чем трупом под ногами представителя человечества. Не обижайся, — добавил он, заметив усмешку на лице Эльвы. — Эти законы выдумал не ты и не я. Но тот, кому они подвластны, был изрядным скептиком. Если хорошо поразмыслить, получается один вывод: любая неосторожность — смерть. Любая ошибка — смерть. Даже самая маленькая.

Некромант пожал плечами, одновременно переступая через груды камней. Центральная улица, которая, по идее, должна была пересекать город от начала и до конца, оказалась завалена балками и осколками слюды.

Под ногой парня что-то скрипнуло, хрустнуло и сломалось. Он присел и пропустил между пальцев серый бездушный прах — все, что сохранилось от неизвестного погибшего жителя.

— Мило, — оценил Эхэлью. — Я бы такое в руки не взял.

— Ну и зря, — отмахнулся колдун. — Это жизнь. Она отцвела, рассыпалась, но по-прежнему существует. На порошке из костей хорошо растут магические травы, а еще ягодные кусты вроде малины и ежевики.

— Только не говори, что ты их ел. — Двухголовый брезгливо сморщился.

— Придется тебя разочаровать. Они даже вкуснее, чем нормальные, — рассмеялся Эльва. И, как следует осмотревшись, добавил: — Я пойду прогуляюсь. Если не вернусь через час — беспокойся, ругайся и бегай по окрестностям, авось найдешь.

— Нет, спасибо. Сегодня я планирую выспаться, — огорошил его Эхэлью. — Прибегу,

только если услышу крики. Поэтому старайся шуметь.

— Иногда ты ужасно напоминаешь мне стражника из Совы, — вздохнул некромант. От всей души потянулся, сбросил куртку и вместе с сумками препоручил ее заботам проклятого.

Шагая по улицам, он мрачно размышлял, что путешествие с двухговым получается куда скучнее, чем успело нарисовать большое воображение. Во-первых, путь нельзя было сократить. Эльва настолько привык к рунам перехода, а в крайнем случае — к верховой езде, что нудное ежедневное движение на север его откровенно раздражало. Впрочем, как воспитанный и терпеливый дворянин, он не показывал свои чувства Эхэльйо. Ведь тому, наверное, приходилось гораздо хуже — он был вынужден постоянно скитаться, бродить вдали от людей, не имея никакой возможности пробудить магию.

Во-вторых, некроманта жутко бесила погода. Он до мелкой яростной дрожи во всем теле ненавидел лето, а сейчас оно набирало силу и нещадно жгло любого дурака, рискнувшего высунуть нос из прохладного логова. Солнце, ослепительно яркое и, по мнению Эльвы, мерзкое, слепило глаза. То и дело парень был вынужден идти, опустив голову и монотонно разглядывая землю, отличая десятки видов диких трав. Нет, это, конечно, ценная практика, но всему в этом мире должен быть предел!

Некромант споткнулся, выругался и очнулся от размышлений. Обернулся. Далеко позади над городом нависала ратуша, а обугленные дома выглядели коленапреклоненными рабами, испуганными ее мощью. Эльва усмехнулся, довольный сравнением, и отправился дальше — теперь внимательно наблюдая за всем окружающим.

Кленкар был отнюдь не таким ужасным, как ему описывали. Обычный город, обычные постройки. Если бы не разруха, парня ничего бы не насторожило. Просторные, широкие площади, величественные силуэты фонтанов. Скульптуры... и повсюду, куда ни глянь — слепые провалы окон. Спустя полчаса у некроманта появилось ощущение, будто за ним неотрывно следуют легионы незримых существ.

Он их не боялся. В местах, где людей настигала смерть — а тем более от проклятия, — часто возникали призраки. Тех, кто когда-то здесь жил, тех, кто приходил сюда и был чем-то тронут, и тех, кому просто некуда было деться.

Они укрывались в сырых подвалах, залезали на чердаки, сидели в шкафах и под столами. Они дышали — негромко и мягко, — и от этого дыхания колебались изорванные занавески. Они поблескивали светлыми, прозрачными, равнодушными ко всему взглядами. И нападали на смертных, когда страдали от голода или гнева.

Пока что Эльве везло — ни одна потусторонняя тварь не нуждалась в его плоти. Парень поднялся на порог библиотеки, судя по вывеске и рисункам на двери — предназначенной для художественных произведений. Они вошли в моду благодаря эльфам, а затем так же быстро вышли, потому что остроухим не понравился чрезмерный человеческий интерес.

Короткий дополнительный коридор, а за ним — огромный зал с десятками стеллажей. Куполообразный потолок, стрельчатые окна, запыленные фолианты и паутина — тонкие серые нити в углах. Несколько столов и мягких кресел, большое зеркало в серебряной оправе — по словам шаманов, подобный предмет отпугивал нечисть и защищал хозяев от влияния энергетических жил. Что за влияние, шаманы не объясняли, а разобраться своими силами у Эльвы не получалось. Ему с детства втолковывали, что чистая, рассеянная в пространстве магия не может войти в резонанс ни с кем, кроме колдунов, способных ее преобразовать.

Он подошел к зеркалу, скептически изучил свое отражение — грязное, растрепанное, сердитое, — и почти сразу отвлекся на неясные очертания другого, нежного и аккуратного,

отражения. Обернулся. У покосившейся полки никого не было, и лишь в зеркале, скрестив руки на груди, виднелся контур худощавого тела. Недовольное чужим вниманием, оно позвериному вскинулось, оскалило два ряда клыков и прорычало:

— Кто ты такой? Зачем ты забираешь мои сны?

— Я тебя даже не знаю, — спокойно отозвался парень. — Как я могу что-то забирать, не имея представления об обладателе?

— Вы, люди, часто так делаете, — усмехнулся некто. — Вы — лживые, наглые, подлые твари, и вы у кого угодно отберете все, что покажется вам хоть немного полезным.

— Чушь. — Эльва неосознанно повторил его гримасу. — Да будет тебе известно, что пленники зеркал обычно считаются слугами высших демонов, а демоны куда порочнее людей.

— Ха! Будь моя воля — и я ушла бы отсюда, не оглядываясь. Без сомнений и сожалений. Но отец решил, что это благородно — запереть меня в куске стекла, чтобы спасти от болезни.

Некромант почесал скулу и присмотрелся к собеседнице так, словно она была редким товаром, а он — покупателем. Рыжеватые волосы, фиалковые глаза, россыпь шрамов на выступающих ключицах и на шее.

— Спасти от болезни, значит? А о связи с Амоильрэ, первым военачальником крепости Нот-Этэ, твой отец предпочел не упоминать?

— Сомневаюсь, что он был о нем в курсе.

— Очень жаль. — Эльва осторожно погладил светлую поверхность. Пальцы закололо.

— Жаль? — несколько удивилась девушка. — По какой причине?

— Амоильрэ следит за всеми, кто вторгается на его территорию. Пускай и не по своей воле. Отойди, пожалуйста, назад, я тебя сейчас выпущу.

— Выпустишь?

Пленница подступила ближе, уткнувшись носом в обратную сторону зеркала.

— Выпустишь в город, где властвует неведомая зараза? Чтобы она меня съела так же, как съела мою мать и сестру?

— Заразы давным-давно нет, — поморщился Эльва. — Кленкар избавлен от проклятия. Если угодно, я могу познакомить тебя с тем, кто взял на себя его останки. Но для этого — очень тебя прошу, — забейся в какой-нибудь угол, потому что оправа сейчас треснет.

— Еще чего... — начала было девушка, но осеклась и метнулась прочь, когда сверху на нее — и на пол библиотеки — посыпались тяжелые осколки. Вместо того, чтобы разбиться на осколки помельче, при соприкосновении с реальностью они рассыпались в пепел.

Некромант подождал, пока неприятные последствия заклинания исчезнут, и отряхнул серый порошок с освобожденного существа. На поверку оно оказалось ниже, стройнее и красивее, чем в зеркальном стекле. Парню не раз и не два говорили, что отражение — это лишь блеклое подражание оригиналу, но на собственном опыте он убедился впервые.

— Ну вот, — сказал он, вытряхнув последние пылинки из чуть волнистых прядей девушки. — Давай знакомиться. Мое имя — Эльва Тиез де Лайн, я родом из белобрежья.

— Аста, — хмуро представилась она. — Я родилась тут, выросла тут и угодила в западню тоже тут. Всегда подозревала, что родителей не стоит обожествлять, но... — бывшая пленница хихикнула, — не могла вообразить себе такую проблему.

— Твой отец — колдун?

— Нет. Мой отец — инквизитор. По крайней мере, был инквизитором, пока не сдох в

своём же доме. Поначалу у нас, знаешь ли, искали зараженных и отправляли на тот свет с помощью алебард. Боги от него отвернулись, и компания суровых ребят уволокла папочку на казнь. Веселая история, правда? — Аста хмыкнула. — Моя сестра погибла в первые дни после прихода заразы, а мать продержалась дольше всех. Я непременно бы ей гордилась, если бы она не приводила в дом чужаков и не предавалась плотским утехам. Нашла время!

Презрения в мягком девичьем голосе было хоть отбавляй. Эльва похлопал ее по плечу, вспомнил, что представителей женского пола надо утешать как-то иначе, и неловко переступил с ноги на ногу.

— Ну что ж, я тебя выпустил, и теперь мне пора возвращаться.

— Ага, значит, сказочного сюжета не будет? — рассмеялась Аста. — А я подумала — если освободил, то и женишься с удовольствием. Да шутка это, шутка, — окончательно развеселилась она, обнаружив, что некромант побледнел и приготовился к торопливому бегству. — Спасибо тебе.

— А-а-а, — с облегчением протянул парень. Его отношения с девушками всегда оставляли желать лучшего, а после случая с Алькигой Эльва вообще побаивался любых прозрачных намеков. — Не за что. По мне, лучше спасти человека из плена артефакта, чем неделю терзаться угрызениями совести.

— Это точно. — Аста смерила его каким-то странным взглядом. — Послушай, ты не мог бы сопроводить меня до ближайшей деревни? Родители запрещали мне покидать Кленкар в одиночку, а в картах я не сильна. Не хочется заблудиться.

— Извини, — виновато улыбнулся некромант, — но у меня есть дела. К тому же мой спутник ни за что не приблизится к деревне. Он по некоторым причинам опасается встреч с людьми.

— Вот как? — огорчилась бывшая пленница. Выглянула в окно, помрачнела и попросила: — А можно хотя бы остаться с вами на ночь? Темнеет, да и нежити в наших краях полно.

— Э-э-э... — парень почувствовал себя идиотом, вообразив, как Аста отреагирует на внешний вид Эхэлью. — По-моему, это плохая идея.

— То есть ты бросишь меня здесь? Одну?

"О Аларна, какая навязчивость, — обратился к высшим силам Эльва. — Ну и что мне делать? Засунуть ее обратно в зеркало?"

Аста правильно истолковала его молчание, отмахнулась и с наигранной бодростью заявила:

— Очередная шутка. Не беспокойся, я разберусь сама. До встречи.

— Пока, — почти радостно кивнул некромант. И убрался, пока она не сменила милость на гнев.

Очень быстро миновал переулочек, прижался к стене полуразваленного дома и, разумеется, уловил тихие шаги. Девушка решила поиграть в погоню, но действовала не слишком опытно. Случайно споткнулась, громко объяснила, в чем именно ветка каштана не права. Эльва покачал головой, изумляясь ее глупости, и заложил по городу круг. Затем беззвучно бросился прочь, предоставив Асте в распоряжение храм — абсолютно целый, пусть и грязный.

Оказавшись в ратуше, парень удивленно принюхался. Едва ощутимый запах дыма приветливо его окутал, намекая, что Эхэлью собирается готовить ужин. Хрустнула скорлупа яиц, раздобытых некромантом в крохотном, забытом Богами селе неподалеку от Кленкара.

Зашипела сковородка, за две медных монеты купленная там же.

Проклятого Эльва отыскал в кухне, где хватало и чужой, старой и в большинстве своем разбитой, посуды. Он сидел на потрепанной табуретке, наблюдая за яичницей с кусочками мяса, и не счел нужным поприветствовать спутника.

Тот устроился напротив, глядя на белое, ослепительное и горячее пламя. Если бы не еда, парень погасил бы его немедленно. В ратуше и так царил жара — она забралась через разбитые окна и распахнутые двери, проползла сквозь тонкие щели и наполовину сорванную крышу.

— Кого ты видел? — неожиданно спросил двухголовый.

— Девушку, — не стал увиливать некромант. — Ее заперли в зеркале.

— И она выжила? Без воды и пищи? Без источников света и тепла?

— М-м-м... — он растерянно почесал бровь. — Это зеркало — артефакт, и вполне логично, что оно позволяет ни черта не чувствовать. То есть его наверняка создали для удержания объектов живыми, и было бы странно, окажись оно тюрьмой для мертвецов.

— На твоём месте я бы не стал подходить к зеркалам в Кленкаре, — недовольно произнес Эхэлью. — Теперь придется караулить всю ночь. Эта твоя несчастная пленница — либо демон, либо нежить. Милостивые Боги, — он спрятал лица в ладонях, — а я ведь только вознамерился рискнуть и поспать.

— Спи, я сам покараулю, — пожал плечами Эльва.

— Но...

— Я ее выпустил, значит, виноват. Спи. С любой из перечисленных тобой тварей я запросто совладаю.

Ночью стало прохладнее. Ветер принес дождевые тучи, и после полуночи они расплакались, щедро поливая улицы. Парень порадовался, что над головой есть какая-никакая, но крыша, и покосился на укутанного в походное одеяло Эхэлью.

Двухголовый засыпал долго. Бормотал себе под нос проклятия и шептал, что ненавидит абсолютно все. Под конец он сонно заявил, что уничтожит этот мир к Дьяволу, и затих. Некромант порой прислушивался к его дыханию, чтобы убедиться — спутник жив и здоров, — а потом снова принимался улавливать ночные, в основном безобидные, звуки.

По большей части они были нормальными — скрип деревянных перекрытий, балок и створок дверей, шелест листвы и травы, писк одиноких мышей и топот крысиных лапок. Но когда издали, приглушенное расстоянием, донеслось ржание лошади, Эльва насторожился.

Кому, кроме отверженного обществом Эхэлью, могла понадобиться ночевка в проклятом городе? Преступнику? Шаману? Темному колдуну, не связанному с Гильдией? Парень напрягся, нарисовал в пыли на полу восемь осторожных граней — защита на тот случай, если неизвестного тоже впечатлит ратуша, — и прикинул, не разбудить ли двухголового. Спустя минуту одернул себя, встал и на цыпочках подкрался к выходу.

Лошадиное ржание повторилось. Очередной порыв ветра донес до некроманта короткий крик.

Он присел за колонной, закрыл глаза и представил себя змеей. Извиваясь и шипя, серая с зелеными пятнышками тварь поползла прочь от места, где застыло ее настоящее тело, и азартно взяла курс на нарушителей спокойствия.

Они обосновались на площади — худошавая девушка, спасенная из плена зеркала, и тройка вороных коней с красными горящими взглядами. Аста что-то втолковывала — в

наглом приказном тоне, — а животные били копытами о мостовую.

Эльва в который раз пожалел, что змея не понимает язык людей. Пожалел и отправился обратно, полагая, что темные существа вокруг бывшей пленницы — это вряд ли лошади. И что до рассвета они не доживут, а значит, надо всего лишь закрыть ратушу от любого магического воздействия, а еще лучше — заставить исчезнуть из мира живых.

Он скривился, когда змея коснулась раздвоенным языком запястья и начала залезать под кожу. Вот скрылся ее длинный хвост, и все снова стало таким, как прежде, в восприятии нормального зрения.

— Вот ты где, — довольно протянул женский, холодный и почему-то неприятный голос.

Некромант обернулся — медленно, недоверчиво. Посмотрел на девушку, на ее странных приспешников, на блеклую ауру колдовства. Улыбнулся:

— Добрый вечер.

— Ах, какая вежливость! — Аста улыбнулась в ответ. — Знаешь, я бы с радостью тебя съела. Терпеть звериный голод несколько лет — самое худшее наказание для нечисти. Но ты мне помог, и обглаживать твои косточки — с моей стороны ужасно некрасиво. Согласен?

— Вполне.

— Отлично, — девушка устроила пальцы на гриве одного из черных коней, вскарабкалась к нему на спину. — Сейчас я уйду из города. Поужинаю в каком-нибудь селе, а потом обустрою себе логово. Всего тебе наилучшего, некромант.

Пока Эльва прикидывал, что за класс нежити предстал перед ним, она ударила животное босыми ногами. Конь всхрапнул, встал на дыбы и метнулся... вверх, в объятия чудесного ночного воздуха. Его сородичи тоже покинули порог ратуши. Но, стоило им подняться достаточно высоко — вне досягаемости для большинства магов, — как парень протянул руку и процитировал:

— Ты — тот, кого Дайра уносит на своих лучах. Ты — тот, кто умирает и возрождается заново, пока не загорится солнечный свет. Ты — тот, кто должен покоиться под землей. И если ты выбрался — значит, ты обречен. Умри!

Он сжал расправленную ладонь в кулак, замыкая вокруг нее нити чужих потоков. Покачнулся и тяжело рухнул на колени.

Небо расколол жуткий, пронзительный вой, а за ним — влажный треск. На крышу полуразваленного дома пролился кровавый дождь. Причудливо вертясь и посверкивая огоньками внутри зрачков, пролетела вырванная из шеи голова Асты. Насадилась на обломок балки, шевельнула губами, пытаясь выдавить из себя последнюю в жизни фразу:

— Будь ты проклят, некромант...

Эльва согнулся пополам, пережидая приступ тошноты. Угрозы нежити — а тем более умирающей, — ему несколько не вредили, но откат запрещенного заклятия был беспощаден. Мол, решил меня использовать — огребай, плати болью за минутное могущество.

Собственно, огребал парень до утра — забился в угол, мрачно наблюдая за спящим Эхэлью, и постоянно кашлял, закрывая рот рукавом. С улицы в ратушу проскользнул горький запах полыни. Следовательно, убитая девушка была либо низшим демоном, либо слугой кого-то подобного. Все адские создания разят полынью, и все любят принимать облик, близкий к человеческому. Так удобнее и проще морочить смертным мозги.

Двухголовый проснулся после рассвета, когда солнце уже укрепило свою позицию в синем с рваными клочками туч небе. Впрочем, немилосердно жечь оно не спешило, и от

мокрых деревьев, крыш и остовов стен волной расходился замечательный холодок. Проклятый зевнул, потянулся... и замер в неестественной позе, обнаружив до зелени бледное лицо некроманта под светлой полосой окна.

— Хэ-э-э, — поприветствовал его Эльва. И немедленно закашлялся, при этом побледнев еще больше.

— О-о-о, — многозначительно протянул Эхэльйо. — Ради очистки совести скажу: убиваться было необязательно. Что ты использовал?

— Усилитель, — уныло сообщил парень. И, видя, что собеседник не в курсе, о чем речь, пояснил: — Атараксаю.

Тот вытаращился на некроманта так, будто впервые его увидел.

— Ты архимаг?

— Нет.

— Сдавал экзамены на Высшую Ступень?

— Нет.

— Тогда какого черта...

— Мне лень, — перебил начало возмущенной тирады Эльва. — Лень сдавать экзамены. Лень тащиться в Башню и предъявлять свои силы на всеобщее обозрение — мол, смотрите, что я могу! Просто, Аларна заведи, лень, улавливаешь? Я на дух не переношу презрительные морды верховных магов, ненавижу, когда меня оценивают, и откровенно злюсь, стоит постороннему человеку сунуться в мое маленькое болото. Я — это я, и я сам без проблем выясняю свои возможности. Атараксая — милый эльфийский цветочек по сравнению с тем же... — он осекся, передернул плечами и на тон грубее предложил: — Пошли. Я хочу добраться до северного берега на этой неделе, а не следующей.

Эхэльйо смерил его оценивающим взглядом, но не нашел, к чему придраться:

— Пошли.

Выбираясь обратно к городским воротам, некромант сосредоточенно соображал. Нет, принадлежность Асты к нечисти была очевидной сразу — еще с того момента, как она показала свои клыки. Но зачем после обмена несколькими фразами она стала врать о родителях, о сестре, о недобросовестности матери? Надеялась, что маг пропустит мимо ушей вступительные речи? И почему, черт возьми, она его обвинила?

В уставшем, сонном и печальном донельзя мозгу Эльвы повторились злые слова: "Кто ты такой? Зачем ты забираешь мои сны?". Парень попытался про себя определить, возможно ли вообще вмешаться в чужие сны, но ничего подходящего не вспомнил. В конце концов, эти видения нарисованы собственным воображением каждого, и у каждого они разные. Получается, Аста соврала? Или нет? Все-таки и звериная реакция, и раздраженное рычание, и явная ненависть во взгляде должны быть чем-то обусловлены.

Полет мысли некроманта коснулся коротких картин, поплывших под створками закрытых век во время привала в поле: пещера, замок, скалы, закованный в цепи человек. Неужели они имеют отношение к девушке? Но какое? Как, Аларна заведи, могут быть связаны столь далекие друг от друга вещи с нежитью?

— О чем задумался? — осторожно спросил Эхэльйо, оказавшись в березовой роще, откуда едва-едва просматривалась дорога. — Все в порядке?

— Относительно, — кивнул Эльва. — Видишь ли, я четко осознавал, что выпускаю из зеркала вовсе не смертную девушку. И все равно выпустил. Надеялся, что она уйдет, что не захочет играть со своим спасителем, избежит глупых традиций самоуверенной полумертвой

твари. Но она этого не сделала. Она пришла и заявила, будто отправляется убивать.

— То есть, — проклятый потер переносицу, — ты полагаешь, что она специально тебя раззадорила?

— Именно так, — подтвердил парень. — Она хотела, чтобы я ее убил, и добивалась какого-нибудь быстрого, наименее болезненного, метода. Не осиновый кол в грудь, не новое заточение в зеркальном стекле. Чистая Атараксая. Полное уничтожение тела — вместе с его регенерацией.

— Но зачем?

Некромант пожал плечами:

— Если бы у меня был точный ответ, я бы сейчас не разглагольствовал.

— Разумно, — серьезно согласился Эхэльюо. — Тогда давай дальше собирать факты. Она с тобой говорила, верно? И не упоминала ничего странного?

— Упоминала. Если ей верить, то выходит, будто я краду чужие сны.

Эльва произнес это насмешливо, но двухголовый резко помрачнел.

— Рекомендую прислушаться.

— Да ну, это же полнейшая чушь. Кому в здравом уме могут понадобиться видения? Даже те маги, что используют иллюзии или мороки, не нуждаются в дополнительных источниках. Они все сами... хм... создают, рисуют?

— А с чего ты взял, что дело в магах? Твоя Аста связана с демонами. Вероятно, она высказала не так свое недовольство, как недовольство своего покровителя. И теперь он еще больше на тебя взъестся, поскольку ты, дубина эдакая, лишил его очень милой слуги.

— Не похоже, — усомнился Эльва. — Если бы она была связана, этот покровитель явился бы и спас девушку сам. Но она сидела взаперти, в одиночестве, наедине с не самыми приятными мыслями. Безусловно, хозяин мог ее наказать. Мог запихнуть в объятия артефакта из-за пары глупых ошибок. Однако я, опять же, не понимаю, как это можно было повернуть с кем-то столь внушительным.

— А что, если он был внушительнее? — предположил проклятый. — Не низший, а высший.

— Например, кто-нибудь из знати? — фыркнул некромант. И с тихим смехом попросил: — Не начинай.

— Почему?

— Потому что никто из благородных демонов не позволит своему слуге прозябать в человеческих мирах. Они уничтожили бы Асту. Вместе с артефактом, чтобы не оставить следов.

— Ум высших демонов устроен несколько иначе, чем наш, — возразил Эхэльюо. — Пожалуйста, учитывай это. Среди смертных нет ни единого существа, способного мыслить на том же уровне. Да и среди бессмертных тоже, — добавил он. — Если амайе не удалось раскусить шэльрэ, то у нас тем более ни черта не выйдет.

— Амайе? — вяло удивился парень. — Это еще кто?

— Коренные жители Плиарета, — пояснил двухголовый. — Ты о них не в курсе? В отличие от эльфов, амайе невозможно убить ни сталью, ни ядом, ни болезнью. Они — воплощение жизни, и смерть не имеет на них прав. Самая лучшая идея Создателя, я считаю, — Эхэльюо улыбнулся. — Кто-то же должен следить за вечностью. Амайе прекрасно подходят на эту роль.

Эльве понадобилось чуть больше минуты, чтобы осмыслить новую информацию.

— Капитан небесных кораблей — тоже амайе?

— Конечно. Будь он кем-либо другим, ни за что не вошел бы в легенды.

Проклятый скрестил руки на груди — все четыре, — и пропел:

— "Его черные волосы падали на глаза,
под рубашкой болталась на ниточке бирюза,
а улыбка была осторожной и очень мягкой.
Он просил меня: "следуй за нами, покинь людей!
Мы — хозяйева древней флотилии кораблей,
мы пришли из-за края и сделали небо ярким".

— Угу, — мрачно обронил некромант. — А потом этот несчастный, кем бы он ни был, сдох.

— Не оскорбляй чудесное произведение. Этот, как ты выразился, несчастный, умер очень красиво.

Парень расхохотался:

— Да уж, красивее некуда. Если он действительно умер, а не продолжил участвовать в истреблении. Мало ли, менестрели любят привирать. Построил плот, бросился в море, рассчитывал на вездесущность капитана... но разве его нашли? Разве кто-то был свидетелем вышеупомянутого строительства? Кто-то стоял на берегу, когда бедное придурковатое создание решило вообразить, будто "хозяйева древней флотилии кораблей" могут запросто его отыскать, стоит только попробовать утопиться? А?

— Нет, на берегу никто не стоял, — признал Эхэльйо. — Но, как по мне, обнаруженный Мильтом труп Вилага — достаточно весомое доказательство.

— Ага, значит, все-таки нашли? — невесть чему обрадовался Эльва. — И звали его Вилаг? Почему-то в песнях ни его имя, ни имя капитана не называют.

— Конечно, не называют. Это испортит всю загадочность легенды, особенно если людям станет известно, что Мильт до сих пор жив.

— Да уж, разочарование, — скривился некромант.

Он — невысокий юноша с черными, как смола, волосами, — сидел под сводом пещеры, изо всех сил прижимаясь к нему плечами. Рваные подошвы зимних ботинок норовили соскользнуть с тонкой линии каменного карниза. А внизу, накатывая волны на гребень скалы, бушевало синее море.

Упасть юноша не боялся. Его руки, ноги и шея были скованы черными цепями — достаточно крепкими, чтобы пленник на них повис, а не погрузился в ледяную воду. Раклеры, сталь, созданная для защиты от колдовства, накрепко скрыли его дар. Не выбраться.

Юноша, сдвинув брови и сжав тонкие губы, напряженно ждал. Собственно, ждал он довольно долго, что не улучшало и без того пропащее настроение. И когда ящерица — поджарая зеленовато-серая тварь длиной в ладонь — наконец-то вылезла на выступ, он схватил ее и раздавил приплюснутую башку двумя пальцами. Перехватил добычу другой рукой, грохоча тяжелыми звеньями, и откусил от нее добрую половину. Прожевал, брезгливо поморщился, проглотил и отправил в рот остатки.

Сначала он ловил крыс, но они оказались умными и быстро сообразили, что от

пленника надо держаться на расстоянии. Поэтому пришлось перейти на водяных ящериц, редких летучих рыб и — порой — птиц, которым не везло залететь в трещину над правой частью карниза.

Пообедав, юноша вздохнул, вытер испачканный кровью подбородок и прикинул, не пора ли уснуть. Запястья отозвались тревожным зудом, намекая, что нет, и он продолжил монотонно "пялиться" на заваленный надгробной плитой выход. Пожалуй, в нынешнем состоянии пленник без труда развалил бы подобный хлипкий предмет — если бы не цепи. Чертово магическое изобретение решало все, а избавиться от него не представлялось возможным.

Впрочем, он не отчаивался и периодически колотил браслетами об острые гребни. В большинстве случаев последние не выдерживали и разлетались градом не менее острых осколков, но иногда юноше везло, и на стальных браслетах появлялись ниточки трещин. Заскучав, он спрыгивал со своей единственной точки опоры, надеясь окончательно расшатать раклеры, залезал обратно и повторял это действие сотни раз.

В скучном однообразном существовании не вызывала сомнений только одна деталь: вокруг пещеры раскинулось не просто море, а море Богов. Юго-восточный отрезок империи заклинателей, где по ночам воеет драконья многоголосица. Крылатые стражи небес, кажется, были в курсе, кто является их соседом. Каждую ночь они ожесточенно скреблись вверх, желая оказать пленнику помощь или превратить его в серый неприглядный пепел. Он не имел ничего против и спокойно наблюдал, как скатывается по стенам осыпь, как вонзаются в щели страшные когти, как янтарные глаза — в основном безумные, — заглядывают внутрь. Хотя наблюдать, по сути дела, юноше было нечем.

Он отвлекся от размышлений и убил очередную ящерицу, рискнувшую вылезти из воды. Перед смертью существо глухо крикнуло, выражая свое негодование, и предприняло попытку выбраться из захвата. Потерпев поражение, конвульсивно задергалось и отправилось в том же направлении, что и его предшественница.

Пленник зябко поежился, провел расправленными ладонями по плечам. Чихнул. Нет, все-таки постоянно мерзнуть вредно даже для мертвого.

Воспоминания о той, прежней, жизни, где он носил другое имя и еще не был заперт в пещере, не собирались окончательно покидать юношу. Яркие, красивые, теплые. Полные чудесных картин. Тракты, пересекающие поля, леса и равнины, пролегающие мимо рек и озер. Замки с множеством башен, храмы с острыми шпилями, скульптуры и памятники. Заброшенный город, а над ним — зеленое небо, колыбель для сотен шестикрылых фигур. Серафимы. Посланники повелителей человеческих судеб. Жестокие, равнодушные, непрошибаемые убийцы. Те, в кого он раньше верил.

Еще, конечно, были знакомства, были связи со смертными и не очень созданиями, но сейчас они не имели значения. Ни Альтвиг, почему-то столь важный для него настоящего, ни эльфийская девушка из клана Айнэро, ни Киямикира — свободный инфист, в нынешние дни наверняка вор. И то, что юноша знал про инквизицию, тоже утратило свой смысл. И все же совсем недавно, будучи Рикартиатом, а не Фасалетрэ Эшпаралье, он с ней боролся. Боролся в составе Братства Отверженных, готового затоптать свой страх и пойти на отчаянные меры.

Интересно, ради чего?

От Рикартиата к Фасалетрэ перешли песни — несколько десятков собственных и переведенных с чужих языков. Безусловно, менестрель был талантливым. Даже очень

талантливым, потому что мало кому из этого мира удастся превратить музыку в чистое волшебство.

Изнывая от скуки, он использовал эти песни — подолгу, сосредоточенно произносил, воображал себя песнопевцем. Но походил скорее на чтеца, причем неумелого — хотя голос Рикартиата никуда не пропал. Глубокий, но мягкий, хорошо поставленный, вкрадчивый. Превосходный. Созданный не для демона, распятого среди каменных сводов, а для человека.

Фасалетрэ Эштаралье размахнулся, выругался — не от злости, а ради прилива смелости, — и ударил стальным браслетом по выступу. Времени на выколачивание искр у него было предостаточно.

До северных границ Морского Королевства парни дошли через два дня, оба злые и голодные. Запасы провизии истекли вчера, ночью из близлежащего озера вылез неповоротливый, но усердный и до кошмарности упрямый ильхиг, и, отбиваясь от него, Эльва умудрился сломать топор, а Эхэльюо — руку. В отличие от некроманта, проклятый не счел это поводом для грусти и жизнерадостно изображал, как нежить рывками движется к поздним путникам и пыхтит, словно рыцарь в тяжелых латах при нападении на дракона.

К слову, остановить чертову потустороннюю тварь двухголовый был не способен. И Эльве пришлось разбираться самостоятельно, бросая в ильхига заклинание за заклинанием, пока он не обиделся и не стал, усевшись на задние лапы, печально завывать о несправедливости судьбы.

— Я тебя ненавижу, — поделился некромант, рухнув на траву у косого среза побережья. — Чтоб ты сдох.

— Спасибо, — расхохотался Эхэльюо. — Я потрясен, что ты не обругал меня сразу. Слишком устал?

— Нет, ну вы посмотрите! — Парень обратился к безмолвным, хмурым и грозящим очередным ливнем тучам. — Посмотрите! Видите?! У этого типа еще хватает наглости шутить, когда я трупом валяюсь у него под ногами!

— Если бы ты был трупом, я бы тебя уже хоронил.

— И даже не попробовал бы помочь?!

— А как? — пожал плечами проклятый. — Я ведь не Бог. Могу поплакать, могу пожаловаться всему миру, могу накормить тобой воронов. Могу просто уйти, а нечисть пускай пирует. Что? Не надо прожигать меня таким взглядом. Я всего лишь тренируюсь в достижении озвученных тобой мерок.

— Кретин, — пробормотал Эльва. — Идиот. — И, забывшись на мгновение, уже не так сварливо спросил: — Ну и где твой фрегат? Парусов нет даже на горизонте.

— Ты недооцениваешь "Оборотня", — сощурился Эхэльюо.

— Или так, или ты переоцениваешь, — отмахнулся некромант. — И твой Мильт на самом деле застрял где-то посреди великого моря, если вообще в нем не утонул.

— А вот и не утонул!

— Ну давай, докажи мне это, — парень лег и лениво уставился на разгневанного собеседника. — Вокруг и не пахнет кораблями. Никто не стоит на якоре, не ждет бедного мальчика по имени Хэль и не запускает приветственный салют с огневой палубы.

Двухголовый сник и бросил озабоченный взгляд на толщу воды.

— У фрегата хорошая маскировка, — с надеждой произнес он. И в тот же миг просиял, заулыбался и указал куда-то вперед: — Вон там!

Эльва приподнялся на локте, но "Оборотня" не обнаружил. Вместо него к суше плыла одинокая маленькая лодка. Черноволосый худой мужчина устроился на узенькой лавке и усердно работал веслами. Заметив, что Эхэльюо спускается по неприметной тропе вниз, поближе к линии прибоя, он вытащил из кобуры на поясе револьвер, направил его в облака и выстрелил. Гроыхнуло, и почти сразу вдалеке раздался ответный залп — на этот раз пушечный. Изобретенные гномами ядра вылетели из ниоткуда и разорвались под синей поверхностью, подняв такую тучу брызг, что вся окрестная нежить должна была в панике передохнуть.

— Ура! — выдохнул проклятый, забегая в соленую воду по колено. Теперь от лодки его отделяло шагов двадцать, и он радостно выпалил: — Мильт! Черт побери, как же приятно встретить тебя снова!

Амайе обернулся через плечо. Блеклые розовые глаза скользнули по двухголовому, замерли на силуэте некроманта и опять вернулись к старому другу. Пять швов, стягивающих шрам на левой скуле, дрогнули, когда их обладатель расплылся в ответной, не менее искренней, улыбке.

— Здравствуй, Хэль.

Он отпустил весла и помог проклятому забраться в лодку. Тот, в свою очередь, схватил протянутую ладонь Эльвы. Изящное деревянное судно развернулось, лопасти погрузились в густую зелень мели и оттолкнулись от нее.

— Меня зовут Эльва, — представился некромант. — Эльва Тиез де Лайн.

— Дворянин? — без особого любопытства уточнил гребец.

— В некотором роде. Если что-то и унаследую, то лишь малую часть отцовского состояния и, вероятно, один из загородных особняков. Хотя они мне и не нужны, — честно признался парень. — Разве что в глубокой старости.

Амайе серьезно кивнул, обменялся с ним рукопожатием и сообщил:

— Я — Мильт. Просто Мильт. Капитан фрегата "Оборотень" и главнокомандующий небесными кораблями.

— А ваши подчиненные, моряки... они...

— Я бы попросил называть их корсарами, — поправил мужчина. — Мы любим вступать в сражения с торговыми кораблями и получать долю провизии и ценных грузов бесплатно.

Эльва побледнел.

— Спокойствие, — поспешил вмешаться Эхэльюо. — Корсары с небесных кораблей — это не совсем пираты. Они грабят только вражеские судна, руководствуясь лицензией королевы Хайрен. Ее Величество на дух не переносит приморцев и хасатинцев.

— А с белобрежцами у нее все в порядке, — добавил Мильт. — Не волнуйтесь. Я не стану угрожать другу Хэля.

Некромант весело рассмеялся:

— Не думаю, что мы с ним друзья. Скорее знакомые. Я вызвался его сопроводить из-за собственных интересов.

— Каких же?

— Хочу взглянуть на империю Ильно. Из наших земель туда почему-то никто не доплывает.

Капитан небесных кораблей покосился на берег, различимый уже довольно смутно, и внес в ситуацию ясность:

— Не почему-то, а из-за ундин. Чертовы твари охраняют империю лучше, чем драконы.

Перед началом тамошней Войны Слез флоту Морского Королевства удалось миновать их лишь благодаря шаманам.

— Так вот, для чего я понадобился, — сообразил Эльва. — Забавно. А вы не боитесь, что один маг не сумеет их обездвигить? Ведь ундины — очень сильные существа. В прошлом их даже ставили выше нас по умственному развитию, а значит, они заведомо в курсе, что на корабле, рискнувшем приблизиться, будет кто-то вроде меня.

— Ничего страшного, — заверил его Мильт. — Мы на месте. Эй, ребята! Сбрасывайте цепь!

— Да, капитан! — зычно отозвался кто-то, и к лодке величаво опустилась широкая перекладина, с обеих сторон насаженная на крючья тяжелых, темных, матовых цепей.

Эхэльйо, не колеблясь, встал на нее, и перекладину тут же начали тащить вверх. Спустя мгновение проклятый исчез, а своеобразное средство передвижения вернулось.

— Давай, кыш отсюда, — приказал Мильт. — Я закреплю лодку и присоединюсь.

— Ладно, — опасливо согласился некромант. И последовал за двухголовым, вцепившись в холодные звенья так, что побелели костяшки пальцев.

За определенной границей маскировочного колдовства проступили очертания палубы, белые стяги парусов, надстройки в кормовой и носовой частях корабля. И довольная, смуглая, поросшая бородой физиономия корсара с черной повязкой на рукаве.

— Добро пожаловать, господин маг, — осклабился он. — Возьмите.

Эльва взял предложенную голубую ленту, изучил и осведомился:

— Зачем?

— Вы на "Оборотне", — терпеливо разжевал мужик. — Здесь действуют свои законы, и вы обязаны им подчиняться. Повяжите ленту на лоб. Это отличительный знак людей с магическим даром. У нас они бывают не часто, так что взамен я могу пообещать вам вечное уважение.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МАРГУЛ

На следующее утро Эльва проснулся веселым, бодрым и немедленно отправился на поиски приключений. Таковые нашлись на шкафуте — двое корсаров, тот, что вчера встречал гостей, и его невысокий товарищ в черной форме с зелеными нашивками, резались в карты. Бородатый беспощадно ругался и постукивал каблуком сапога по доскам, а мужчина с нашивками хмурил опаленные брови и дергал себя за тоненькую седую косицу на виске.

— Краб, — низким хриловатым голосом возвестил он. — И двулуние.

— Альвадор тебя укуси, — пожелал другой. — У меня один грифон. Ты выиграл. — Он бросил человеку с нашивками золотую монету, непривычно крупную, с вычеканенным женским профилем, и покосился на некроманта: — Доброе утро, господин маг. Как спалось?

— Превосходно, — с благодарностью ответил Эльва. — Я люблю корабли.

— Все любят, — захихикал корсар. — Но некоторые — в глубине души. Настолько глубоко, что слишком поздно это осознают.

— Люди странные. — По примеру команды "Оборотня" парень уселся на палубу и жестом дал понять, что участвует в следующей партии игры. Бородатый одобрительно

крякнул, стукнул его по плечу и вручил восемь истрепанных, тонких и блеклых карт.

— Кто начинает? — осведомился его товарищ. — У меня лисья морда.

— А у меня Шимра. — Корсар криво усмехнулся, недовольный результатами, и повернулся к некроманту: — Господин маг?

— Эльва. Просто Эльва. У меня черная картечь, — парень вывалил на "столик" — нелепое низкое сооружение из серой стальной пластины, — половину полученного запаса. — А к вам как обращаться? Не орать же постоянно, что, мол, благородные корсары!

— Не орите, — великодушно разрешил мужчина с нашивками. — У каждого из нас есть имя. Меня зовут Гиаль, а его — Зутт.

— Приятно познакомиться, — подмигнул бородатый, припечатывая расклад некроманта пятью оранжевыми "птицами". Тот скорбно посмотрел на свой явный проигрыш, поморщился и получил новые четыре карты.

Зутт бросил Гиалью "мельницу". Мужчина вновь шевельнул выразительными бровями и накрыл ее "сердцем", после чего битва разгорелась с новой силой. Нарисованные на бумаге знаки шли по кругу, возвращались и отбивались, иногда — входили в состав запасов, пока, наконец, Гиаль не стал обладателем еще двух золотых монет.

— Трудно с ним, — пожаловался бородатый, глядя, как немногословный корсар прячет выигрыш по карманам. — Вечно побеждает. Потому его и назначили цейхватором.

— Кем? — рассеянно переспросил Эльва.

— Командиром огневой палубы, — пояснил Зутт.

— А-а-а, — парень взглянул на мужчину с уважением. — Это здорово. А часто вы вступаете в морские бои?

— Не очень. И в основном вынужденно, — вмешался Гиаль. — Большинство судов при виде небесного корабля нервничают, стреляют и пытаются взять нас на абордаж.

— А мы сопротивляемся и берем их, — весело хохотнул бородатый. — Не хочешь пойти со мной к господину Мильту? Он приглашал тебя на завтрак в кают-компанию, но, кажется, ты уже все проспал. Рекомендую обратиться к нашему коку, если капитан и его дружок ничего не оставили.

— Хорошо, — кивнул некромант. — Пошли. А по дороге расскажи, как "Оборотень" собирается добраться до берегов империи Ильно?

Корсар приоткрыл створку, ведущую на ют, и весело отмахнулся:

— А, в этом нет ничего сложного! Тамошние ундины — наверное, под влиянием драконов, — достаточно флегматичны. А капитану известны определенные заклинания, способные свергнуть их если не в сон, то хотя бы в глубокую апатию. Можешь мне поверить, не так страшны ундины, как о них говорят.

В кают-компании фрегата — небольшом, но уютном помещении с деревянной мебелью, — было тихо и полутемно. Капитан Мильт сидел, откинувшись на спинку стула, и равнодушными алыми глазами пялился на морскую карту. Как он в ней разбирается, Эльва не уловил — сплошные пунктиры, ломаные линии и звезды, невесть что изображающие. В углу, на нетронutom уголке пергамента, желтого и наверняка очень старого, виднелась надпись: "Боевой фрегат "Оборотень", северо-восточный порт Эльма. 33:22:64 н. н. е."

— Доброе утро, капитан, — жизнерадостно сказал Зутт. — Как у вас дела? Уже прикидываете курс?

— Нет, обдумываю кое-что. — Отстраненный тон Мильта ясно давал понять, что

обсуждения деталей не будет. — Здравствуйте, господин некромант. Мы оставили вам омлет с помидорами и немного гренок. Желаете?

— Желая, — не стал отказываться Эльва. Не то чтобы он был голоден, но на кораблях обычно кормили по часам, а ждать общего обеда вовсе не хотелось.

С лестницы, где все еще стоял бородатый корсар, едва ли не кубарем скатился Эхэлью. В руках он сжимал бутылку дорогого полусладкого вина.

— Эльва, — деловито начал проклятый. — Мы с Мильтом на двоих выпили целых три бутылки, поэтому я считаю, что ты тоже должен выпить. Этот чудесный напиток — полностью твой...

— Разоритель, — негромко, со снисходительной улыбкой обругал его капитан. — Запасись провизией и... хм... подобными ей благами мы сможем не раньше, чем через месяц. Окажи мне услугу и перестань бегать в трюм попусту.

— У тебя что, сердца нет? — пьяно поморщился двухголовый. — Ты не представляешь, что нам пришлось пережить? Поди доберись до северных берегов приморья в обход густонаселенных городов! Да что там, мы даже деревни обходили, правда, Эльва? На последнем привале вообще ели крыс, абы как поджаренных на зеленом огне...

Милт вежливо наклонил голову, предлагая парню продолжить, а некромант содрогнулся и с печалью уставился на сковороду. Вкус маленьких, опасных и обиженных на весь мир грызунов был все еще свеж в его юной памяти, и к горлу подступил мерзкий, колючий ком тошноты.

— Эльва! Ты так и будешь молчать? Неужели ты не защитишь мое... мое... ги-и-ик! Достоинство?!

— Нет, — честно признался маг. — Пока ты не протрезвеешь, вести с тобой переговоры я не стану. Зутт, отбери у господина Эхэлью чертову бутылку. Ему на сегодня уже хватит.

Корсар без сомнений повиновался, и отвоеванное им вино оказалось на столе перед некромантом. Парень тут же спрятал его за спину, указал на ступеньки и велел:

— Отправляйся спать. Или хотя бы полежи, а не то опять проплачешь двое суток. Давай, Хэль, не спорь, — немного мягче добавил он. — Не в моих интересах причинять тебе неудобства.

Проклятый помялся, выругался и поплелся наверх, проветриться. Милт проводил его смеющимся взглядом, а затем посмотрел на Зутта:

— Что-то случилось?

— Никак нет, капитан, — бодро доложил бородатый. — Я всего лишь проводил господина мага. Ну и заодно намеревался спросить, как вести себя рулевому. Он, знаете, уже третий час нервничает. Даже цейхвatera замучил своим нытьем.

— Ясно. Пожалуйста, передай ему, что следует взять курс на юго-запад — минуя Чертову Полосу. И еще передай, что если до меня снова дойдут жалобы, пост рулевого достанется кому-нибудь другому, более бесстрастному.

— Отлично, — оценил корсар. — Тогда я удаляюсь.

Милт сохранял полную неподвижность, пока он поднимался обратно на шкафут. Но стоило тяжелым шагам стихнуть, как амайе шевельнулся и с любопытством изучил Эльву.

— М-м-м? — с набитым ртом выдавил из себя парень. С тошнотой он справился, а омлет обладал прекрасными качествами. Прожевав и проглотив, маг отхлебнул вина и уже внятно пробормотал: — Что-то не так?

— Нет, — возразил капитан. — Все в порядке. Как вы себя чувствуете на корабле?

— Превосходно, — пожал плечами некромант. — Я никогда не страдал ни морской болезнью, ни страхом перед водой.

Мильт отложил карту.

— Насколько мне известно, люди с темным даром вообще редко чего-то боятся.

— Вам известно правильно, — подтвердил Эльва. — Мои коллеги — те еще бездушные сволочи. Но инстинкт самосохранения в силах заменить страх. Мы умеем разбираться в ситуации и вовремя отступить. Если вас это беспокоит, то смею заверить — я не бросаюсь в омуты, чтобы поймать редкие виды нечисти, не вступаю в перепалки без весомых причин и не считаю себя героем.

Некромант часто такое говорил. Несмотря на появление Гильдии и на одинаковую мощностъ колдовства и волшебства, люди предпочитали последнее. По их мнению, проверенный светлый дар — тот, что много раз упоминался в легендах и тот, что использовался инквизицией, — был всяко надежнее, чем забитый в дальние уголки сознания темный. Многие, исходя из вековых традиций, в письмах-запросах требовали, чтобы им прислали именно волшебника, а не колдуна.

Но капитана Мильта волновало совсем не это. Он желал убедиться, что спутник Эхэльйо не подведет. И, вроде бы, убедился — хотя выражение лица Эльвы ему не понравилось.

— У вас очень странные символы на карте, — поделился наблюдениями тот. — Что они означают?

— Это закрытая информация. Наш картограф разрабатывал набор знаков специально для "Оборотня", — сообщил амайе. — Я не уверен, что кто-то помимо моей команды может выяснить, для чего они нужны.

— А-а-а, — протянул некромант. — А зачем такая секретность? Неужели фрегату из нейтрального плиаретского флота есть, что скрывать от кораблей приморья и Хасатинии?

— Судно без тайн — не судно, — отшутился капитан. — А наш драгоценный картограф — тот еще экземпляр. Следуя законам островов, его вообще не должно быть на фрегате. Найдите его, побеседуйте. Он с удовольствием поведаст вам о своем прошлом.

— Эм... — растерялся Эльва. Совет был непонятным и неожиданным, но вряд ли давался без оглядки на мелкую полезность. — Спасибо. А где его, собственно, искать?

— В шестой каюте или на баке, — поразмыслив, предложил Мильт. — Он часто там валяется.

— Ладно. — Парень встал, побросал на поднос тарелки и поплелся прочь. По его мнению, от амайе не стоило ожидать ни черта хорошего. Ведь он не только командир корсаров, но еще и бессмертное, Аларна знает сколько прожившее существо. Мало ли, что творится в его мозгах? Хотя порыться в них ради процветания науки было бы забавно, да...

Поднос некромант вручил помощнику кока, заглянув на камбуз. Там пахло укропом, рассолом и совсем чуть-чуть — зеленым луком. Уставший толстый мужчина в легких штанах и расстегнутой рубашке мотался туда-сюда, сдавленно ругаясь и проклиная все на свете. Когда в дверях появился посетитель, он едва не швырнул в него широкий кухонный нож. Одумался лишь в последнее мгновение, сбивчиво извинился перед "господином магом" и с грохотом опрокинул поднос в огромную бадью с пенной водой.

Эльва оставил его в одиночестве и побродил по каютам, неизменно задавая вопрос, где находится картограф. Корсары ухмылялись, разводили руками и настоятельно рекомендовали не подходить к сумасшедшему пареньку, потому что он, якобы, не дружит со

своим разумом. Парень сильно сомневался в правдивости этих слов. В такие рамки часто загоняют эксцентричных, не скучных в общении людей.

Отчаявшись, он по хлипкой деревянной лесенке взобрался на бак и обнаружил невысокого, тощего и бледного мальчишку. Рыжеватые волосы почти полностью скрывали черты его лица. Безумный картограф — если, разумеется, это был он, — спал, укрывшись длинным свитком пергамента, исчерканным красными чернилами.

Некромант осторожно потряс его за плечо. Мальчишка невнятно промычал, что на протяжении ближайших трех часов работать не намерен.

— Я к тебе по другому поводу, — виновато объяснил парень, решив, что отступить поздно, да и вообще для сна существует ночь. — Меня прислал капитан. Велел с тобой побеседовать.

— О чем? — недовольно спросил картограф.

— О занимательном прошлом, — повторил фразу Мильта маг. — О том, как ты попал на фрегат из флота музыкального королевства.

— Ха-а, — с проснувшимся энтузиазмом зевнул мальчишка. Сел, прижался спиной к фальшборту и медленно, словно оценивая свой голос и его возможности, начал: — В общем, дело было так...

Щуплого пятнадцатилетнего ребенка на шхуне встретили не приветливо. Капитан, очень похожий на тролля ростом, внешностью и телосложением, и вовсе захохотал:

— На кой нам эта мошка? Расшибить о палубу, едва повеет весенним штормом?

Ребенок сердито покраснел. В сочетании с рыжими прядями и пятнами веснушек на щеках это выглядело смешно.

— Я — картограф!

— Ну да, конечно, картограф, — насмешливо буркнул тролль. — И что ты умеешь? Рисовать всякие точки, пятнышки и крестики?

— Я учился в хасатинском Университете! — с надрывом заявил тот. — И раз уж меня направили на это судно, я буду проходить практику здесь!

— Послушай, малец. — Капитан вытащил из кармана трубку и неторопливо, со вкусом стал запихивать в нее какие-то серые засохшие листики. — Как там тебя...

— Маргул.

— Ага. Так вот, — мужчина закусил конец трубки и пошарил по ящикам стола, пока не наткнулся на древнее, побитое жизнью огниво. — Послушай меня, Маргул. Прямо сейчас ты стоишь на борту судна, которое принадлежит мне. Я благородно принял миссию по воспитанию из тебя не жалкой крысы, а настоящего, морского картографа. Поэтому будь так добр — забудь о препирательствах и помалкивай. Мое терпение велико, но не безгранично. Если в один прекрасный день я соображу, что твое присутствие надоело команде, ты отправишься на корм акулам. Они, к твоему сведению, тоже бывают злыми.

— Ха! — ребенок испугался, но виду не подал.

— Ха или не ха, — философски отметил тролль, — мне без разницы. Твоя каюта — четвертая, ежели считать от лестницы.

Маргул мрачно подумал, что спорить дальше — опасно, и убрался восвояси.

Четвертая каюта — крохотная, три шага в одну сторону и четыре в другую, — его отнюдь не порадовала. Тесно, грязно, полутемно, вместо нормального лежака — абы как натянутый гамак из парусины. Мальчишка бросил под него сумку, уселся на пол и

всхлипнул. Долгожданная работа, обязанная стать самым веселым приключением в жизни юного картографа, оказалась... с душком.

Он не вышел к обеду, несмотря на вежливое приглашение помощника кока. Проигнорировал ужин, но к ночи осознал, что больше голодать не в силах. Поэтому поплелся на камбуз, вздрагивая от любого звука и моля всех Богов, чтобы поблизости не шлялся какой-нибудь прожженный моряк.

Маргулу повезло, и до цели он добрался без происшествий. Кок — пухленький мужичок с мягким светлым пушком вместо бороды, — щедро поделился с ним бутербродами, салатом из очищенных водорослей и куском вяленой рыбы.

— Ты на капитана не дуйся, — умолял он, похлопывая мальчишку по спине. — Он у нас не в себе. Словит благородную, красивую мысль, отчасти воплотит ее, а потом сдуется и увиливает. Мол, я не я и приказы не мои. Тут уж ничего не поделаешь — для нашей шхуны он идеален, а правило "я не я" чудесно помогает избавиться от пограничного контроля, когда чертовым королевским пронырам удастся вычислить, в какой из кают припрятана контрабанда... эй, ты чего?

Позеленевший картограф отчаянно закашлялся:

— Вы... черт возьми, вы...

— А-а-а, вот оно что, — с облегчением вздохнул кок. — Да, мы контрабандисты. Но честные, — добавил он гордо. — В случае неудачи все отдаем и выплачиваем некую сумму, чтобы о шхуне благополучно забыли всякие слишком внимательные идиоты.

— Кхе, — сдавленно простонал Маргул. — Погоди! Если вы торгуете контрабандой, то чего ради взяли на борт меня?

— Это тебе у капитана надо спрашивать, — мужичок почесал нос. — Но, кажется, он что-то говорил о работоторговле.

— Что?!

Кок едва не подавился смехом при виде яростной физиономии мальчишки:

— Да шучу я, шучу. Рабов мне кормить запрещено. Топай спать, картограф, и приготовься к трудному испытанию.

Маргул повиновался. Попрощался с добродушным мужичком, кивнул серому силуэту караульного и уединился в своей каюте, с горем пополам забравшись на гамак. Вопреки плохому настроению и желанию украсть лодку, чтобы вернуться домой и доложить о недобросовестности корабля куда надо, он мгновенно уснул. И проснулся от непередаваемого грохота, испуганных воплей и диких приказов "сваливать с этой распроклятой посуды, пока она не ушла на дно".

— А?! — мальчишка спрыгнул на пол. Тот покачнулся, и невезучий отпрыск хасатинских картографов рухнул под стену, больно приложившись лопатками. Преодолевая слабость, воздвигся на четвереньки, затем, придерживаясь за дверной проем — на ноги, и мелкими осторожными шажками перенес многострадальное тело на верхнюю палубу.

Там никого не было. Совсем никого. Грот-мачта полыхала голубым пламенем, фок-мачта переломилась надвое и одним концом уходила в море, отчего шхуна склонилась над волнами и грозила вот-вот опрокинуть Маргула в их беспокойную, пенную, кошмарную пасть. Он представил, на какой глубине находится, и укусил себя за костяшку пальца, надеясь таким образом сдержать крик. Получилось. Мальчишка метнулся туда, откуда, по идее, должны были спускаться лодки — и увидел их... на приличном расстоянии от покинутой шхуны.

— Не может такого... — пробормотал он, и, опомнившись, во весь голос заорал: — Капитан! Вы забыли меня!!!

— Уж извини! — донеслось в ответ.

— А?!! — страх сделался невыносимым, материальным. Обнял Маргула за худые плечи, но картограф со злостью отпихнул его прочь. — Как вам не стыдно?! Неужели вы бросите меня тут?!

С лодок его, кажется, не слышали. Мальчишка утер пот со лба, обернулся... и обнаружил позади прекрасный, светлый, абсолютно целый фрегат противника. Там бегали люди, таскали объемные коробки и весело о чем-то беседовали. Картограф различил обрывки их разговора:

— Трусливые хасатинские крысы...

— Ни единого залпа...

— А мы всего лишь разок пальнули...

— Говори за себя, я успел перезарядить!

— Стойте... — рассеянно попросил Маргул. — Остановитесь, пожалуйста! Спасите меня!

Широкоплечий бородатый корсар посмотрел на него, козырьком приложив ко лбу ладонь. А его товарищи просто не обратили внимания.

— На кой нам спасать контрабандиста? — выразительно окликнул он.

— Я не контрабандист! — мальчишка с ужасом пронаблюдал, как наполовину сгоревшая грот-мачта падает, и снова упал. В голове загудело, зрение разбилось на сотни алых кругов. — Я картограф, — с обидой на всех и вся прошептал он. — Чтоб меня под килем протащило, если вру...

Спустя пару минут Маргул все-таки сумел выпрямиться. Шхуна качалась, словно обезумевший от боли кит. А может, не качалась, и на деле обезумевшего кита изображал мальчишка — с залитыми кровью, резко потемневшими глазами и пятнами веснушек на бледных щеках. Он худо-бедно донес себя до краешка поврежденной палубы, попробовал ухватиться за такелажную снасть, но мокрая ладонь соскользнула, и картограф, подняв тучу брызг, погрузился в холодную воду.

— Нужно плыть, — сказал он себе. Разумеется, из этого ничего не вышло, но к поверхности — синей грани где-то далеко вверху, — ушла стая воздушных пузырьков. Сбросив куртку, ботинки и кинжал, Маргул последовал за ними. Вынырнул, огляделся и обнаружил, что корсар с вражеского фрегата по-прежнему стоит у фальшборта, снисходительно наблюдая за чужими попытками спастись.

— Помогите, — едва слышно повторил свою просьбу мальчишка. Плавать он умел, и умел превосходно, но силы стремительно исчезали, превращая человека в обмякшее, слабовольное, обреченное на смерть растение. — Помогите!

Его накрыла волна, а когда схлынула, рядом с корсаром возник худой мужчина с широкой красной повязкой, перехватывающей черные волосы. В солнечном свете редкие свободные пряди отливали синим, словно дорогие белобрежные чернила.

— Вон там, капитан, — корсар указал на Маргула.

Мужчина смерил полумертвого картографа взглядом бледно-розовых, равнодушных глаз, и мальчишка понял: не спасет. Этому человеку — или не человеку — безразлично, кто именно тонет — сволочь или нет.

— Как нам быть, капитан? — поторопил бородатый. — Еще немного, и он умрет. А я

буду терзаться угрызениями совести до конца недели.

— Вытащите его, — скомандовал мужчина. — Эй, Нильма! Позови своих ребят, пусть принесут...

Что нужно принести, Маргул не разобрал. Фрегат подернулся мутной карминовой пленкой, а море стало как будто ближе, хотя куда уж ближе, если оно и так заменяет мир? "Я страшно устал, — про себя пожаловался мальчишка. — Страшно устал, и если смерть подарит мне хоть минуту отдыха, я согласен с ней повидаться".

Но стоило его затылку скрыться под поверхностью, как чьи-то сильные пальцы схватили картографа за воротник и выволокли обратно.

— Еще жив! — сообщил капитану бородатый корсар. — Всего лишь сознание потерял. Давайте, сбрасывайте нам трос!

— Н-да, — протянул Эльва. И, нахмурившись, уточнил: — А как называлась шхуна? Не "Восточная слепая", случайно?

— Она, — удивленно подтвердил Маргул. — Откуда ты знаешь?

— Из Гильдии. — Маг покосился на бушприт. — Три года назад всю команду "Восточной слепой", потерпевшей крушение неподалеку от графства Этлен, приговорили к смертной казни.

Картограф побледнел.

— За что?

— Не помню. Вроде бы у них на складе нашли темные артефакты, а в Хасатинии они под запретом. Там в последние годы и человеческой-то магии многовато.

Мальчишка прикусил губу, деловито похлопал по боковому шву штанины, извлек на свет махонькую иголочку и принялся ковырять ею в зубах.

— По-моему, они это заслужили, — предположил Эльва.

— А по-моему, нет. — Маргул заметил, с каким удивлением смотрит на него некромант, и улыбнулся. — Я не злопамятный. Да, они уплыли и бросили меня, но я не представлял для них интереса. Так, мелкий неопытный зеленый юнец. Старина тролль посчитал, что моя смерть стоит спасенных жизней, и имел на это все права. Я действительно был бесполезным хламом. Но я ни о чем не жалею. Судьба, швырнувшая меня в море, поступила очень милосердно. Ведь благодаря ей я не просиживаю задницу в кабинете и не притворяюсь мудрецом, а путешествую на одном из небесных кораблей.

— А капитан Мильт тебя... э-э... не пугает? — с заминкой осведомился маг.

— Раньше пугал, — честно признался картограф. — А сейчас нормально. Я к нему привык и теперь не пытаюсь угадать, о чем он там себе думает, потому что, о чем бы он ни думал — все это к лучшему. Мильт — потрясающий, находчивый и надежный дядька.

— Эм... дядька? — еще больше замялся Эльва.

Маргул хмыкнул:

— Ой, да успокойся ты! Если боишься Мильта — ориентируйся на Гиалю. Все-таки господин цейхватер — человек, а капитан... ну, ты и сам в курсе.

— В курсе, — согласился парень. — Спасибо.

Ближе к вечеру одиночество фрегата было нарушено. На четвердеке Зутт сбивчиво доложил капитану, что с востока к "Оборотню" приближаются восемь неопознанных кораблей. Поскольку на востоке располагалось Морское Королевство, амаие ничего не

оставалось, кроме как печально констатировать:

— Прибрежцы. Будь так добр, передай Гиалю, чтобы его люди спустились на первый и второй дек. Потом проверь, в порядке ли господин Эхэльйо, и возвращайся ко мне.

— Есть! — отсалютовал корсар.

Мильт кивнул и посмотрел назад. Острое зрение — наследство от матери, — позволило ему разглядеть фигурки вражеских судов, пока что далекие и не представляющие угрозы.

— Смени меня, — обратился он к рулевому. И, наклонившись, окликнул: — Господин маг! Вы не могли бы подойти сюда?

Эльва, игравший в шахматы с коком и его младшим помощником — ребенок давал бестолковые подсказки, причем в основном ошибочные, — встал. Отряхнул одежду от крошек, извинился и поднялся к амайе.

— В чем дело? — сдержанно полюбопытствовал он.

— Вы владеете магией стихий? — не стал увиливать капитан. — Любой из возможных.

— Да, — ответил некромант. — Воздухом. Но я отнюдь не мастер и удерживать заклинания дольше десяти минут не способен.

— У меня есть усилители. Двухчасовой и получасовой, — мягко произнес Мильт. — Вы умеете их использовать?

— Да, — повторил Эльва. — Выходит, вам жуть как надо избавиться от вон тех миленьких корабликов? Тогда несите двухчасовой, наколдуем... хм... а что наколдовать-то? Мощный попутный ветер, бурю или, может быть, шторм?

— Нет, — поразмыслив, отказался амайе. — Лучше туман.

Некромант осуждающе сдвинул брови:

— Похолодает.

— Теплой одежды у нас в достатке, — отмахнулся капитан. — Сейчас я принесу артефакт. Пожалуйста, задержите Зутта, если он вернется раньше меня.

Парень молча дождался, пока он скроется, и потер подбородок. Со стихийной магией у него не ладилось, поэтому Эльва предпочитал темные, некротические заклятия. От них больше проку и меньше проблем, к тому же частая практика повышает объем энергии в даре. Вместо того, чтобы просто тлеть, он начинает размеренно пылать. А тут на тебе — туман... зимой это было бы довольно легко, но посреди лета...

— Эй, мужик, — повернулся к рулевому маг. — Мы сейчас где?

— На южных границах Чертовой Полосы, где же еще, — скривился тот.

— А вода под нами очень холодная?

— Спрыгни да пощупай, — недовольно посоветовал мужик. — А от меня отстань. Я вас, колдунов поганых, на дух не переносу.

— Вот как? — некромант похлопал его по плечу, выражая свое сочувствие. — Ясно. Ты прости, но отправиться на шкафут немедленно я не в силах.

Рулевой пнул его в колено и брезгливо сплюнул за борт. Эльва прикинул, не утопить ли дерзкого человека, пока Мильт разгуливает по кораблю, но решил, что это лишнее. По большей части благодаря словам картографа, мол: "я не злопамятный".

Капитан поднялся на четвертьдек спустя минут десять. Вручил некроманту широкий серебряный браслет, велел надеть и уставился на корабли прибрежья, мысленно отметив, что за достаточно короткое время они успели сократить расстояние. Не критически, но все же.

— Действуйте, господин маг, — негромко приказал он.

Эльва взялся за агшел, вывел в пространстве перед собой зеленую шестиконечную звезду. Стихия стихией, а привычная обстановка не помешает. Добавив между лучами по паре символов, он направил рисунок на палубу — и грани тут же впитались в гладкую деревянную поверхность. Некромант шлепнулся на них, словно в самое удобное кресло на свете:

— Не волнуйтесь, все мои каракули исчезнут спустя три-четыре часа.

— Вот и чудесно, — проворчал рулевой.

Парень проигнорировал, подтянул колени к груди и уткнулся в них лбом.

Так.

В работе со стихийным колдовством главное — сосредоточиться. Сконцентрироваться на своей задаче и ни единым жестом не показать, что боишься. И ни за что не колебаться, не опасаться, что стихия окажется сильнее тебя.

Сквозь закрытые веки не пробивалось ни черта, кроме рассеянного, нежного зеленого света гексаграммы. Цепляясь за него, Эльва нарисовал в своем воображении картинку — восхитительное синее море, волны и ледяной ветер. Затем выдохнул и принялся осторожно, участок за участком, напитывать эту картинку магией. Она вздрагивала и тряслась, порой становилась полупрозрачной и белесой. Некромант нахмурился, мечтая отвесить себе же самому такую затрещину, чтобы в голове точно не осталось места для несвоевременных идей. Но было поздно — за бортом душераздирающе взвыло, затрещало, заметалось среди толщи воды такое могущество, что корабли Морского Королевства по сравнению с ним стали очень маленькой, очень слабой и очень глупой угрозой.

Гексаграмма погасла, но парень продолжал сидеть, страдальчески ежась и каждую секунду боясь услышать капитанские крики. Но Мильт ограничился простым и веским:

— Н-да, — после чего скомандовал рулевому отклониться от изначального курса и направить фрегат к югу. На Чертову Полосу.

— Эй, Эльва, — прозвучал рядом рассеянный, но заинтригованный голос проклятого. — Ты живой?

— Ага. — Парень рискнул приоткрыть один глаз, а затем, поразившись результату своего же заклятия, вытаращил оба. — Это что?

— Полагаю, лед. — Эхэльйо широким жестом обвел острые глыбы льда. Те смущенно закачались на волнах и поспешили укрыться плотным одеялом тумана. Двухголовый нервно хихикнул, застегнул теплую куртку и протянул такую же некроманту: — Держи. Надень.

— Спасибо, — поблагодарил Эльва. Поймал равнодушный взгляд капитана и попробовал оправдаться: — Это совсем не то, что я задумывал. Понимаете, после одного... если можно так выразиться... нелепого случая мой контроль над магическим даром периодически пропадает. И происходят всякие... всякие ошибки, — парень запнулся и начал изучать свои сапоги. — Извините.

— Невелика беда, — спокойно возразил Мильт. — Смотри. Они поворачивают.

Маг виновато проследил, как прибрежные корабли покидают опасный фрагмент реальности. Сквозь туман их было плохо видно, но некроманту, как его создателю, было без разницы, а зрачки амайе дернулись и изменили форму, став звездчатыми. Казалось, что они вот-вот разорвут покрасневшую радужку, но капитан несколько не беспокоился.

— Чертова Полоса — это участок, где пересекаются два теплых течения, — пояснил он. — Правда, они ведут еще дальше к югу, и потом нам придется огибать берега империи, чтобы выйти к указанной осведомителем бухте.

— Извините, — едва слышно повторил Эльва.

— Ой, да перестань, — вмешался проклятый. Тремя неповрежденными руками он вытолкал приятеля к фальшборту и, широко ухмыляясь, произнес: — Это же здорово! Мне еще ни разу не выпадало чести понаблюдать, как стихийники работают в море. Кстати, — Эхэльйо присел, по-прежнему не отрываясь от созерцания огромных ледяных глыб, убиться о которые не составило бы труда и самому гениальному капитану, — ты не говорил, что владеешь стихией воздуха.

— Потому что владею на низком уровне, — пробормотал парень. Как "Оборотень" собирается вылезать из засады, сотворенной темным колдовством, он не представлял.

— Это разве проблема? — удивился проклятый. — Когда я в последний раз был на Белых Берегах, учебное крыло магов воздуха пустовало. Директор еще жаловался, что, мол, никого с достаточно яркой предрасположенностью днем с огнем не отыщешь. А у тебя — во! Немного порисовал, сел, свел близлежащие стихийные потоки — и любуйся белым великолепием!

— Оно серое, — смущенно перебил Эльва.

Эхэльйо пожал плечами, намекая, что, по его мнению, цвет все равно чистый, и добавил:

— Ты мог бы доучиться в какой-нибудь из Академий Гильдии. Двойная специализация — это же прекрасно! Люди опасаются некромантов, а тут — бац! — и диплом стихийника. Что скажешь?

— Ничего. — Парень поежился, теперь — не от страха, а от холода. — Не хочу снова таскаться по аудиториям, да еще и в роли ученика. Надо будет — найду пару книг, поеду домой и разберусь самостоятельно.

— Как с Атараксаей? — ехидно уточнил двухголовый.

Эльва рассмеялся, оценив его шутку.

— Нет, о чем ты? Атараксаю я осваивал в Лесу Духов, чтобы точно никто под руку не попался, — сообщил он. — Пойду в каюту.

Следующее утро выдалось морозным, колючим — в прямом смысле: с неба сыпались мелкие снежинки, по остроте не уступающие лезвиям, — и ветреным. Бушприт фрегата оброс длинными сосульками, похожими на бороду древнего старика, а фальшборт покрылся голубоватым инеем. Его, ругаясь на разные лады, пытались уничтожить помощники канониров, а сосульками занялись Маргул и Зутт, одинаково злые и встревоженные.

— Если так и дальше пойдет, — жаловался картограф, — мы замерзнем ко всем чертям. Насмерть. Что за маг такой — наколдовать может, а вернуть все, как было, не может? Давайте его пристукнем по-тихому, авось все и закончится.

— Цыц, — сердито огрызнулся корсар. — От боевых кораблей приморья мы все равно уходили бы долго и со вкусом. Причем вероятность, что на их стороне оказалась бы удача и нас поймали, ужасно высока.

— А вот и нет, — обиделся Маргул. — Капитан Мильт ни за что не позволил бы каким-то людям остановить плиаретское судно. Сколько он уже плавает? Два тысячелетия? Три?

— Девять, — мягко поправил его Зутт и, размахнувшись и стиснув свободной ладонью снасть, ударил по очередной сосульке. Она с почти хрустальным звоном откололась и рухнула на воду, но, как и положено любой уважающей себя сосульке, не утонула. — Кстати, ты тоже человек.

— И что? — задрал веснушчатый нос картограф. — Я не такой, как они. Мне разрешено ведать, где находится музыкальное королевство. И я присягнул Ее Величеству Хайрен, в отличие от большинства идиотов, которые приплывают в Плиарет и не обязуются хранить тайну своего пути.

— Ладно, ладно, — мирно прогудел корсар. — Ты молодец. Подай, пожалуйста, вон ту дубинку.

— Держи... а-а-а! — Маргул поскользнулся и едва не загремел вниз, но Зутт успел ухватить его за пояс и затянуть обратно на бушприт. Мальчишка сглотнул, переживая приступ животного страха, и тихо прошептал: — Спасибо.

— Пожалуйста. Возвращайся на бак, я тут и сам закончу, — благородно предложил Зутт. И, покосившись на очищенную от инея часть фальшборта, дружелюбно окликнул: — Доброе утро, господин Хэль!

До зелени бледный проклятый кивнул. Картограф насторожился, перебрался к нему и спросил:

— Что-то случилось?

Эхэльйо посмотрел на него, но у мальчишки сложилось странное впечатление, будто он ничего не видит. Однако, стоило поднять руку и пощелкать пальцами, как двухголовый дернулся и скривился:

— Не надо... шуметь.

— Господин Хэль, что с вами? — перепугался и бородатый корсар. Отправив под киль последнюю сосульку, он с кряхтением вылез на бак и внимательно пригляделся к проклятому.

Тот зевнул:

— После отдыха мне не по себе. А тут еще и сон... поразительно четкий. Обычно... с тех пор, как тело изменилось... я вижу только размытые контуры предметов, но сегодня...

— Вот оно что, — с облегчением вздохнул Маргул. И беспечно посоветовал: — Не расстраивайтесь. Сны — штука загадочная.

— Более чем, — прохрипел со шкафута Эльва. — Ты не занят?

— Нет, — признался Эхэльйо. — Я абсолютно свободен.

Он попрощался с корсарами и направился к некроманту, на ходу ожесточенно потирая виски. Выглядело это так, словно проклятый пытается раздавить обе свои головы, причем вполне осознанно.

— Надо поговорить, — сказал маг.

— А в чем дело? — сонно поинтересовался Хэль. И, заметив напряжение спутника, сдвинул брови: — Что-то серьезное?

— Более чем, — повторил парень. И, хлопнувшись на стул в своей каюте, спросил: — Расскажи, что тебе приснилось.

— Э-э-э... — протянул проклятый. Ему не хотелось выставлять себя дураком, но некромант, судя по нарочито спокойному выражению лица, был не намерен высмеивать чужие пороки. — В общем... сначала я стоял по колено в липком болоте. Справа, на старом копьей... или, скорее, обломке старого копья, торчала чья-то отрубленная башка. Пустые глазницы, распахнутая пасть, а в ней не продохнуть от клыков... явно какая-то нечисть. Вот, я собирался ее потрогать, но едва коснулся волос — все помутнело, расплылось, словно в краску воды налили, и поменялось. Я оказался на площадке перед очень, очень, очень высоким домом — куда выше аль-нейтской Башни Гильдии. Там были огромные окна —

наверняка в полный рост, но вместо дверей — всего лишь одна арка. В ней кто-то оригинальный лет эдак двадцать назад выбил фразу: "Если хочешь умереть — входи". Глупость несусветная, кто в здравом уме построит подобную твердыню? — проклятый захихикал. — Впрочем, она тоже быстро исчезла. И возникло третье, самое необычное в этом чертовом сне измерение. Я не уверен, но думаю, что это было кладбище. Такая неизмеримая, от горизонта до горизонта, пустошь со стелами и скульптурами. Стелы розовые, как свежее мясо, а скульптуры изображают китов. Разных китов, и крупных, и поменьше, и совсем пугающих, таких, что они скорее тянут на морских чудовищ, чем на тех прекрасных созданий, которых так любил один мой знакомый. Надеюсь, он еще жив...

— Не отвлекайся, — замогильным голосом напомнил Эльва.

— Да, конечно, — смутился двухголовый. — Извини. Хотя, если поразмыслить, на этом сон и закончился. Разве что... — он потер лоб, — над стелами кружились бабочки. Размером с мою ладонь.

— А еще они были сотканы из огня, — пробормотал некромант.

Эхэльйо заулыбался:

— Точно! Я еще удивился, как это сверху падает пыльца, а не искры. Стой... — он замер, будто пес, почуявший дичь, и негромко уточнил: — А откуда тебе...

Эльва спрятался за расправленными ладонями. Ладони, кстати, дрожали, и унять эту дрожь не удавалось с момента пробуждения.

— Я видел такой же сон.

— Что?

— Точно такой же, — продолжал парень, не обращая внимания на спутника. — И видел, как появляешься ты. Нормальный ты, с одной головой, двумя руками и худыми ногами вместо лап.

Проклятый еще больше побледнел, сравнившись по цвету с простыней на гамаке. Снова потер виски, сел и предположил:

— А что, если это было не мое видение? И не твое.

— Допустим, — согласился некромант. — Но с чего ты взял?

— Илаурэн, — Эхэльйо изо всех сил настраивался на мирную беседу, — однажды пыталась выяснить, существует ли во Вратах Верности бесконечно высокий дом, где вполне материальный дух играет с людьми в прятки. Если верить ее варианту событий, то выходит, что изначально этот сон не принадлежал никому из ныне живущих. Он был создан для Рикартиата. Или, как любит напоминать мне Сулшерат, для Фасалетрэ Эшгаралье.

— И? Это все равно ни черта не объясняет.

— Еще как объясняет! — обиделся проклятый. — Попробуй сопоставить факты. Девушка в Кленкаре — Аста, или как там ее, — обвинила тебя в том, что ты крадешь ее сны. Ты еще сомневался, что нечто подобное можно сделать. А еще сомневался, что обвинение исходило от нее — якобы у девушки должен быть покровитель... или нет? Или это я сомневался?

Эльва закатил глаза:

— Верно. Именно ты посчитал, что Аста связана с кем-то из высших демонов. Ну и что с того? Она ведь...

Парень запнулся и поправил воротник куртки, будто проскользнувшая рядом догадка принесла с собой лютый холод. Хотя действие артефакта — и, соответственно, заклинания, — понемногу шло на спад.

— Дошло, да? — нарушил тишину Эхэльйо. — Сочувствую.

К его изумлению, некромант просиял.

— Чему тут сочувствовать? — воодушевленно выпалил он. И, сообразив, что некоторые детали спутнику вычислить не удалось, пояснил: — Демоны притягивают драконов! Если Фасалетрэ Эштаралье действительно находится где-то на берегах империи Ильно, то стражами неба там кишит, как змеями в Хасатинии!

— И все эти змеи бесятся, плюются ядом и жаждут пообедать любым, кто сунется на их территорию, — внес толику здравого смысла проклятый.

— Ну и что? Я знаю пару заклятий, способных удержать на месте не то что одного, а десяток драконов. Поймаем их, потребуем тебя расколдовать, а потом освободим Фасалетрэ...

Последний пункт плана двухголовому не понравился:

— Зачем?

— Как зачем? — недоверчиво переспросил Эльва. — Это же увлекательно! Мы отыщем и приручим демона, а он взамен...

— Нет, — твердо возразил Эхэльйо. — Демоны ничего не дают взамен. Он сожрет нас чтобы восстановить силы, и отправится с визитом в Алатору. Туда, где убили Альтвига, чтобы отомстить виновному.

— Ты про Альтвига Нэльтеклета? — осведомился некромант. И, стоило проклятому подтвердить, добавил: — Но его убили не люди. Его убил демон.

— Прости? — двухголовый приподнял бровь.

— Ну да, — усмехнулся маг. — Альтвига Нэльтеклета убил чистокровный шэльтрэ. Эстель, если не ошибаюсь. И сам при этом погиб, потому что наш мир ни с того ни с сего решил проявить враждебность.

Эхэльйо обдумал полученную информацию и непреклонно заявил:

— И все же я против освобождения Фасалетрэ Эштаралье. Мало, что ли, у нас проблем?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЗУТТ

Спустя восемь дней Эльва почувствовал себя бывалым морским волком. Он отлично поладил с корсарами, научил повара готовить грибы по старому бабушкиному рецепту и постоянно брал на себя мелкие поручения. Мильту было все равно — под ногами некромант не путался и ошибок не допускал, проклятому — весело, а остальным — приятно. Недовольную рожу при появлении светловолосого, худощавого парня корчил только рулевой, да и то быстро отворачивался. Ругаться ему наскучило, выгонять мага с квартердека — тоже, а Эльве страшно нравилось следить за компасами и — порой — напрашиваться в собеседники капитану. Амайе, в свою очередь, не возражал.

Жизнь текла своим чередом, никаких бед не происходило. И, наконец — когда плавание подходило к концу, а империя Ильно должна была вот-вот показаться на горизонте, — Мильт вручил некроманту два свитка, испещренных магическими формулами, и негромко попросил:

— Пожалуйста, в этот раз не перестарайся.

— Хорошо, — с энтузиазмом согласился Эльва. — А сколько у меня времени?

— Часа два.

— Маловато, — растерялся маг. — Но ладно. Как-нибудь справлюсь.

— Не перестарайся, — напомнил капитан. — И внимательно изучи грани. По словам тех твоих коллег, что переждали нашествие инквизиции в Плиарете, заклинания достаточно простые.

— Да? — приободрился парень. И, прижав свитки к груди, направился к выходу: — Ну, тогда я пойду, займусь ими.

Амайе проследил за ним с некоторой долей волнения. Он уже успел убедиться, что в мрачноватом, ироничном характере Эльвы порой бывают проблески сумасшествия, приправленного нездоровым весельем. И не мог сохранять уверенность, что сейчас некромант в порядке.

— Маргул, — обратился он к рыжему мальчишке. Тот дремал, с ногами забравшись в кресло, и на капитанский зов не откликнулся. Пришлось позвать его еще раз, погромче: — Маргул!

— А? — сонно протянул картограф. — Чего тебе, Мильт?

— Составь компанию нашему дорогому магу. Если запахнет жареным, доложи.

— А почему сразу я? Мне и так постоянно приходится с ним возиться, как с ребенком. А он года на четыре старше меня!

— На шесть.

— Так тем более! — возмутился мальчишка, но с кресла слез.

Капитан остался в одиночестве и сверился с маленьким, не крупнее золотой монеты, компасом, с помощью ремешков закрепленном на запястье, поверх перчаток. Этот жест вошел у него в привычку, хотя сейчас с направлением возился рулевой — угрюмый мужчина по имени Диштих. Канониры привели его на фрегат во время вынужденного простоя на берегах Замталеорнета, и Мильт до сих пор недоумевал, что этот неприятный, дерзкий, но надежный человек забыл в королевстве иных рас.

Дверь в кают-компанию приоткрылась, пропуская бородатую физиономию Зутта.

— Капитан, замечены первые ундины!

— Уже? — удивился амайе.

— Уже. — Зутт переступил порог полностью, налил воды в легкую кружку и отхлебнул. — Подозрительно, верно? Обычно они появляются не раньше, чем линия горизонта обрастет землей.

Мильт почесал бровь:

— Значит, что-то изменилось. Передай всем приказ: активировать защитные амулеты.

— Есть, — покладисто кивнул Зутт и развернулся, готовый выполнять задание. Краем уха он уловил шелест очень мягкой ткани, из которой были сотканы капитанские перчатки.

Амайе немного постоял, массируя освобожденные ладони. Под кожей на внешней их стороне медленно, зловеще переливался алый символ: замысловатый цветок с множеством мелких круглых лепестков по центру и семью длинными, остроконечными, выступающими наружу. Между ними горели то ли точки, то ли стилизованные звезды — за черт знает сколько лет жизни Мильт так и не определился, что это.

Вслед за бородатым корсаром он вышел из кают-компания и поднялся на четвердек. Выгнал рулевого, который громко, во всеулышание причитал, что "чертов магик" не сумеет уберечь корабль, и велел ему отправляться в трюм — сторожить крыс. Диштих обиделся, но спорить с капитаном побоялся и пошел в указанном направлении, прихватив с собой

бутылку дорогого рома. В качестве мести, следует полагать.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Зутт был прав — ундины вели себя очень странно. Амайе привык, что они бросаются на форштевень, бушприт и фальшборт, а иногда и на палубу; жутко воют, проклинают корсаров и клянутся навлечь на них гнев господень во всей его небесной красе. На вялые возражения, что Богов тринадцать, и каждого из них трудно прогневить — разве что если постараться, — ундины ни разу не отреагировали. Вероятно, они вообще не различали голоса своих врагов — Милът не видел у них ушей. И носов тоже не видел — всю внешность составляли глаза, дико выпученные и прозрачные, как у рыб, и пухлые обветренные губы. Головы же, поросшие зелеными водорослями вместо волос, болтались на крохотных, до безумия хрупких телах. Их было легко сломать, а то и разорвать на куски, но регенерация ундин стояла уровнем выше регенерации нарвертов, а потому, даже будучи уничтоженной с человеческой точки зрения, любая ундина вставала и снова прикладывала все усилия, чтобы забрать наглецов в холодное, глубокое, синее море.

Но сейчас духи глубин не двигались. Они застыли изваяниями среди волн и слепо, без проблеска разума наблюдали за проплывающим мимо "Оборотнем".

— Прямо как на войне, — тихонько пожаловался Зутт. — Когда стоишь в месте, избранном для боя, и ждешь армию врага.

— Долго ждать не придется, — хладнокровно отметил Милът.

В следующий момент на четвердек заглянул Эльва. Несколько светлых прядей, вылезших из-под ленты, оказались присыпанными пеплом.

— А где ты огонь-то раздобыл? — изумился бородатый корсар.

— Нигде, — виновато понурился парень. — Это я так, ошибся в составе одного заклинания... нет-нет! — осекся он, обнаружив, что амайе приготовился ругаться. — Ошибся я не с вашими! С вашими-то все понятно, но первое я случайно сразу запустил, и оно, по идее, уже должно влиять на всех морских тварей в двух-трех милях от нас... ага, — он посмотрел на ближайшую ундину. — Вот. А второе я пока не трогал, оно ведь продлевает действие первого. Лучше использовать его импульс, когда ундины опять начнут шевелиться.

— Ладно, — обреченно разрешил амайе. — Можешь действовать на свой лад. Но если мы вдруг — случайно, или как ты там выразился? — попадем на морское дно, то у меня, как у существа сугубо бессмертного, возникнут небольшие претензии в твой адрес.

— Ой, да с чего бы нам туда попадать? — беспечно отмахнулся некромант. — Я держу ситуацию под контролем. Вы же сами говорили, что до берегов империи осталось проплыть от силы... э, а вон уже и они?

Милът удостоверился, что его не разыгрывают, и облегченно вздохнул:

— Они. Продолжай поддерживать заклинание.

— Капитан, — Зутт бегло оценил расстояние до суши, — по-моему, пора исправлять курс. Бухта находится севернее, где-то возле башни Оэс.

— Знаю. Спустись, пожалуйста, на второй дек и попроси Виеллу собрать команду из десяти человек. Пусть покараулят у пушек. Во избежание всяких неприятных... случайностей.

— А можно к ним присоединиться? — тоном "если вы мне откажете, я пойду и составлю компанию рулевому" поинтересовался корсар.

— Можно, — вынужденно ответил Милът. От стреляющего Зутта будет больше пользы, чем от оскорбленного в лучших чувствах.

Канонир отсалютовал и убрался. В его взгляде капитану почудилось мрачное торжество. Бородатый ненавидел ундин примерно в той же мере, что и Дишгих — магов.

— Эльва, чем ты занят? — возмущенно воскликнул амайе, обнаружив, что некромант невозмутимо грызет яблоко, любуясь простором вокруг фрегата.

— А ты ослеп, что ли? — растерялся тот. — Я ем.

Капитан тихо пожалел, что чертов маг перестал его бояться, и умоляюще произнес:

— А нельзя ли немного потерпеть?

— Нет, — серьезно возразил Эльва. — Никак. Я сегодня завтрак проспал, а кок не в настроении. Когда я заглянул на камбуз и спросил, можно ли нагреть каши, он запустил в меня половником и проорал, что если еще раз услышит — вырвет и приготовит мой язык на второе.

— А яблоко ты где взял?

— В трюме.

— А кто тебе позволил туда спускаться?

— Зутт, — равнодушно сдал канонира некромант. И, окончательно сразив амайе своей прямоотой, добавил: — Он тоже проспал.

Милът прорычал что-то о наглости некоторых отдельно взятых членов команды, но прогонять мага с квартердека не стал. Ундины по-прежнему сохраняли неподвижность, зависнув по пояс в ледяной воде, и смотрели на корабль абсолютно пустыми, лишенными эмоций глазами. Их молчание ужасно напрягало, и мужчина скрестил руки на груди, придавая себе храбрости.

— У тебя нет предположений, почему они не шевелятся?

— Ну, — Эльва почесал нос, — есть парочка. Например, их спеленало наше заклинание — но, сдается мне, оно спеленало бы иначе, верно? — он убедился, что амайе не намерен спорить, и продолжил: — А еще их, вполне возможно, взял под свое крыло кто-то другой. Молчи. Я в курсе, что поблизости нет ни единого корабля, кроме нашего. Просто обрати внимание на их лица. Понимаешь, куда я клоню?

Милът покачал головой и послушно посмотрел на одну, вторую, третью ундину. На четвертой остановился и, обожженный догадкой, снова по очереди их изучил.

— Будто близнецы, — пробормотал он.

— Ага, — сказал некромант, лишь бы хоть что-то сказать. — Они одинаковые. Люди и свободные духи так выглядят, когда их удерживает кто-то со стороны. Правда, для удержания пяти сотен ундин необходима страшная, по-настоящему огромная мощь. У твоего заклинания не такие сильные принципы, в нем центральные фрагменты — это скрытый приказ игнорировать судно.

— Но кому, — снова внимательно осмотрелся капитан, — могли понадобиться ундины?

Эльва пожал плечами, показывая, что ему это невдомек, и с хрустом укусил яблоко.

Бухта, почти полностью закрытая выступающими в море скалами, предоставила "Оборотню" надежное убежище. Бравые корсары тут же разбрелись по берегу, поздравляя друг друга с прибытием на твердую землю, а Маргул отправился погулять у подножия башни Оэс — древнего наблюдательного пункта заклинателей. Поскольку таковые в империи Ильно выродились и потеряли основную часть дара, а также связанной с ним информации, Оэс из наблюдательного пункта превратилась в развалину. Впрочем, нет, подумал картограф. Для развалины она неплохо сохранилась — всего-то четыре крупных дыры в

западной стене, пасть единственного провала в крыше и сорванная с петель дверь, некогда обитая железом. Теперь, спустя многие годы после Войны Слез, она насквозь проржавела и вызывала у мальчишки нездоровые опасения. Что произойдет, если нечаянно об нее порезаться? И насколько долго придется умирать?

Мильта же история не интриговала. Он уже бывал в империи и убедился, что молва о заклинателях — это всего лишь молва, никакими фактами не подкрепленная. Поэтому преспокойно прикидывал, кого из корсаров взять с собой — за исключением картографа. Рыжий сопровождал амайе и без приглашения, считая это своей прямой обязанностью.

— Что-то я боюсь, — пожаловался Эхэлью, сидя у разведенного Гиалем костра.

Цейхватер пожал плечами:

— Бойтесь или нет, но идти придется. Капитан, вы уже составили список тех, кто будет сопровождать господина эльфа?

— Только наполовину. — Мильт почесал подбородок роскошным синим пером, а затем зачеркнул последнюю строку, написанную на клочке пергамента. — С Хэлем пойду я, Эльва, Маргул и, возможно, Зутт.

— Зутт? — поразился Гиаль. — Зачем?

— За ним легко спрятаться, — пошутил проклятый. — Если нам будет грозить опасность, мы выставим дядю канонира вперед, будто живой щит, а сами быстренько убежим.

Амайе фыркнул, но опровергать его теорию посчитал глупым. Зато цейхватер постарался за двоих:

— Что за бред? Вы с ума сошли?!

— Нет, — парировал Эхэлью. — Я всего лишь ударился в черный юмор.

— Эй, ребята, — окликнул с корабля некромант. Оставлять на растерзание корсарам свою уютную каюту он пока что отказывался наотрез. — Вы кока не встречали?

— Встречали, — рассеянно буркнул Мильт. — Он со своими помощниками пошел ловить кузнечиков.

— Прости? — парень слегка побледнел.

— Обещал сварить суп. Говорил, что некоторые насекомые потрясающе пикантны в вареном виде, — пояснил капитан.

Эльва вспомнил о хасатинских блюдах и пригорюнился.

— Кошмар, — пожаловался на судьбу он. — За что мне все это?

— За регулярные ошибки в заклинаниях, взбалмошность и непроходимую тупость, может быть?

— Не может. Боги всегда меня любили.

— Угу, и от этой любви ты провалялся в беспамятстве полгода, — вставил Эхэлью.

Некромант скривился, намекая, что любая другая реакция на такое откровенное ехидство будет ниже его достоинства, и неспешно прошагал вниз. О подошвы дорогих сапог хрустнули камни.

— А когда мы выдвигаемся? — спросил он.

— Скоро, — пообещал амайе. — Как только поужинаем.

— Капитан, — дернул выразительной бровью цейхватер, — разумно ли отправляться в путь ночью?

— Разумно. Мы в империи Ильно, а не на островах Плиарета. Здесь куда безопаснее передвигаться по ночам, чем при дневном свете. Повсюду, понимаете ли, полно

надзирателей, и никто из них не хочет новой Войны Слез. Я буду потрясен, если выясню, что нас до сих пор никто не заметил.

— И мы все равно приплыли?

— А у нас был выбор?

Гиаль засопел, намекая, что да, был. Мильт нахмурился:

— Я бы не бросил Эхэлью, даже если пришлось бы плыть к центральным вулканам, а тут — всего лишь империя заклинателей. Ерунда. Небесный корабль они не тронут, а наш маленький отряд легко затеряется в горах. Там трудно за кем-либо уследить.

— С чего ты взял, что не тронут? — насторожился цейхватер.

— Исходя из опыта общения. Имперцы вовсе не такие звери, какими их все описывают.

Капитан встал, потянулся и перехватил сонный взгляд Эльвы:

— Собери свои вещи, пожалуйста.

— Я уже, — вяло отмахнулся тот. — Просто каюту покидать жалко.

— Мы повесим на дверь замок и никого не будем впускать, пока ты не вернешься, — предложил Гиаль. Судя по его тону, он скорее насмехался, чем утешал, но некромант благодарно улыбнулся:

— Я без ума от вашего благородства.

Мильт направился в трюм, разбирать коробки с оружием — мало ли, хорошие горские револьверы и эльфийские мечи в походе не помешают. Эльва еще немного постоял, снисходительно взирая на бросивших фрегат корсаров, и тоже убрался. Эхэлью тут же почувствовал себя неуютно — с Гиалем он прежде не разговаривал, цейхватер сохранял отстраненность и нелюдность, предпочитая одиночество разного рода беседам. К облегчению проклятого, мужчина и сейчас откланялся, напомнил, что надо быть осторожным, и отошел за выступ скалы.

На поверку бухта оказалась достаточно глубокой, а ее берега — высокими. В них даже нашлась колоссальных размеров трещина, накрытая тонким каменным сводом — и в этой трещине расположился "Оборотень", практически полностью скрытый от живого мира. Над мачтами зловеще, словно щупальца неведомой твари, нависли светло-зеленые побеги растений. Они выглядели потрепанными, а кое-где — и вовсе пощипанными; видно, служили кормом для птиц. Пока что Эхэлью видел всего одну — красавицу-чайку с черными пятнами на крыльях и клюве. Она рухнула откуда-то сверху, возмущенно побила крыльями и пропала, прежде чем корсары опомнились.

Половиной списка амае и ограничился — с фрегата ушел он сам, Эхэлью, Маргул, Эльва и Зутт. На поясе у капитана болтались две кобуры, у некроманта за спиной возвышался меч, а канонир взял тяжелую алебарду, хотя его честно предупреждали — в горах такое оружие наверняка придется выбросить.

Собственно горы открылись чужому взгляду, стоило лишь подняться из грота вверх по узкой каменной лестнице, высеченной в скале. Кто был ее создателем и для чего она понадобилась, оставалось для корсаров загадкой — судя по берегу, здесь вряд ли часто останавливались корабли. Разве что тихие, аккуратные контрабандисты, предпочитающие уничтожать следы своего присутствия сразу.

Назвать пики острыми или отвесными у людей не поворачивался язык. Наоборот — они были приятно удивлены. После Туманной Гряды, разделяющей земли людей и земли иных рас на юге, имперские склоны показались корсарам крохотными. Зачем жители Ильно

оградили перевалы и путешествовали только через них, никто не понял. Никто, кроме Мильта, в подробностях осведомленного о дикой окрестной нечисти. Впрочем, она же побаивалась людей и предпочитала держаться от них на почтительном расстоянии: один предупредительный выстрел — и можно не опасаться, что вылезшая из норы тварь взвостит и бросится в атаку.

Поскольку до перевала было идти и идти — к тому же он бдительно охранялся — амайе повел свой маленький отряд вдоль береговой линии, порой внимательно поглядывая на море. Волны разбивались о выступы, доносили до путников холодные брызги, и Зутт накинул поверх рубашки плащ, а Эльва затянул ворот легкой кожаной куртки. Проклятый, напротив, с жадностью ловил каждую новую каплю, словно от этого зависела его жизнь.

Ночью, когда сумерки окончательно сгустились, амайе зажег первый из прихваченных на корабле факелов. Блеклое красновато-серое пламя давало достаточно света, чтобы снова увидеть поверхность под ногами, но со стороны совсем не походило на сотворенный разумными существами огонь. Хитро, с одобрением подумал некромант. Выдать предмет, сотворенный человеческими руками, за какое-нибудь природное явление вроде свечей покойников... и без разницы, что последние возникают лишь на болотах — твердая почва тоже является пристанищем для сотен подобных вещей.

В своей мысли парень утвердился очень и очень скоро. Над редкими кустами, деревьями и зарослями травы нависли сверкающие сферы размером с кулак, неоправданно яркие для темной, безлунной погоды. Эльва присматривался к ним почти полчаса, а затем споткнулся и потрясенно шепнул:

— Это что, светлячки?

— А? — обернулся Эхэльйо. И, разобравшись в ситуации, кивнул: — Ага, светлячки. Если укусят за какую-нибудь конечность, придется ее отрезать, причем как можно быстрее — пока яд не распространился по всему телу.

— Э-э-э?! — испугался Маргул, шагавший сразу за некромантом. — То есть мы поперлись в эти забытые Богами горы, будучи в курсе, что вокруг полно плотоядных, агрессивных и ядовитых тварей?!

— Они вовсе не агрессивные, — возразил Милт, перепрыгивая широкую, глубокую и, что немаловажно, утыканную шипами яму. Эльва покосился в ее нутро, обнаружил, что оно пульсирует, и нервно слотнул. Точно так же поступил и картограф, разочарованный в затее спутников до глубины души. — Пока ты не трогаешь имперских светлячков, они тебя не обидят.

— Да уж, настоящие лапочки, — скептически отметил мальчишка. — А если я трону их случайно? Оступлюсь, взмахну рукой, задену нежную тушку?

— Тушка обидится, — мягко пояснил капитан.

— Отлично! — Маргул скрестил руки на груди, притворяясь, что принял его слова к сведению, а на самом деле исключая возможность взмахнуть. — И как долго ты собирался это скрывать?

— До первого же вопроса.

Картограф засопел, выражая свое отношение к характеру амайе, но спорить дальше не стал. Вероятно, потому, что избранная Мильтом дорога начала подниматься, едва проходимыми витками втягиваясь в нутро горы. Поскольку мальчишка был уверен, что пещер, как мест обитания нежити, капитан избежит, разверстая каменная дыра оказалась для него кошмарным сюрпризом. Он остановился, ощущая, что по спине ползет одинокая

капля холодного пота, и дрожащим голосом уточнил:

— Нам обязательно сюда заходить?

— Обязательно, — твердо ответил амайе. — Так мы выберемся на Равнины Тишины уже к завтрашнему вечеру.

— Что, страшно? — ехидно осведомился Зутт. И, вытащив из походной сумки еще один факел, сноровисто его зажег.

Изнутри пещера была утыкана розовыми, словно свежее мясо, ракушками. Маргул различил, как под одной из них ворочается тельце полупрозрачного слизняка, и стал с ним примерно одинакового цвета. Однако Мильт, канонир и некромант уже успели скрыться под темным сводом, поросшим лишайниками, и невозмутимо продолжили шагать вперед. Рядом с картографом задержался только Эхэлыо — да и то для того, чтобы сочувственно похлопать его по плечу и тоже нырнуть в потемки.

— Мама, — страдальчески простонал мальчишка. — Когда я приеду домой, тебе придется долго выслушивать, в какие уголки мира меня занесла капитанская воля.

С этими словами он тоже извлек факел, подождал, пока он станет достаточно ярким — то есть не таким блеклым, как естественный свет гнилушек в пещере, — и поплелся за товарищами. Под подошвами плотных ботинок что-то глухо чавкало, будто Маргул наступал на чьи-то жадные языки.

Спины Мильта, Эльвы, Зутта и проклятого успели сильно отдалиться, и картограф невольно ускорил шаг. Чавканье сделалось частым и начало сопровождаться странными, едва уловимыми хлопками. Ощущая, как страх подкатывает к горлу и мешает дышать, мальчишка рванулся за ускользящей фигурой канонира, крикнул:

— Помедленнее нельзя? — и был вынужден перейти на более тонкий, высокий и отчаянный вопль: — Я-я-я-а-а-а-а-а-а-а! — потому что скала вдруг треснула, и Маргул полетел вниз.

Приземлился он удачно — на что-то мягкое, теплое и шероховатое. Оно недовольно рыкнуло, и в абсолютной темноте — факел картограф уронил, и тот на очередном разветвлении ушел параллельным курсом, — вспыхнули янтарные, растерянные и донельзя голодные глазищи. С ужасом осознав, что, кажется, роли места посадки удостоился настоящий дракон, мальчишка отполз в сторону, бухнулся с объемного живота на пол и принялся пятиться, щитом выставив перед собой сумку.

— Ма-а-а-а-аргу-у-у-ул! — донеслось откуда-то с высоты. — Ты-ы-ы где-е-е-е?!

Орать в ответ картограф побоялся. Отдалившись от крылатого ящера на выстрел, он уперся в холодный, влажный, бугристый свод и, сдавленно подвывая, осел на корточки.

Дракон снова рыкнул, сменил позу, запрокинул рогатую башку и дыхнул пламенем. Оно раскаленным золотом прыснуло во все стороны, задержалось на редкой, вялой, бледно-зеленой поросли и начало тлеть. Небесный страж убедился, что к нему действительно свалилась аппетитная, славная, свежая человеческая тушка, распахнул пасть и выразительно облизнулся. Маргула передернуло, сумка выпала из разом ослабевших пальцев.

"Меня съедят, — пронеслось в путанице мыслей. — Меня съедят, и капитан попросту не успеет прийти на помощь".

В какой-то мере мальчишка был прав — Мильт понятия не имел, как спуститься по отвесной стене, покрытой крупными каплями то ли воды, то ли слизи. А вот Эльва, к всеобщему негодованию, без раздумий спрыгнул с краешка образовавшейся трещины. Прочел заклинание левитации и, в общем-то, спокойно добрался до подземного зала, где

темно-желтый, преисполненный радости дракон — явно не из разумных, — уже прикидывал, как бы сподручнее проглотить внезапную жертву. Картограф, в свою очередь, уставился на него и застыл, словно ледяная скульптура.

Новый гость показался небесному ящеру перебором. Он заревел — да так, что пещера затряслась, а своды лишились полусотни мелких камней, и те градом осыпались на теплые человеческие плечи, — щелкнул огромными зубами и попробовал сцапать Маргула, но наткнулся на зеленый магический щит и разодрал об него десну.

— Ой, прости, — скептически попросил Эльва. — Понимаешь, я бы расстроился, если бы ты его сожрал.

Мальчишка с облегчением выдохнул, но расслабляться было рановато. Дракон — как видно, имевший дело с магами, — еще раз попробовал щит на прочность. И еще раз, ударив его когтистой лапой.

Некромант поморщился — до чего же упрямая скотина! — и скорректировал заклинание так, чтобы магическая преграда обзавелась колючками. Очередной удар закончился громким, удивительно мелодичным плачем, и крылатая тварь, позабыв о Маргуле, сосредоточилась на втором противнике. Тот шутливо ей отсалютовал, по-прежнему не касаясь земли — левитации в исполнении Эльвы хватало и на пять, и на восемь минут, смотря как двигаться. Поэтому он выхватил из-за спины меч и уверенно им взмахнул. Лезвие, слишком изящное и тонкое для сражений с драконами, едва оцарапало длинную чешуйчатую морду.

Дракон шибанул хвостом по стене, оставив на ней внушительную вмятину. На картографа посыпались осколки скалы, едва при этом не угробив — спас только зеленый щит, мигнувший под весом чертовых серых глыб. Мальчишка опять сел, теперь — не от страха, а от желания выбраться живым. Наблюдать, как кто-то другой дерется с драконом, которого ты разбудил — удовольствие сомнительное.

Тем временем некромант сообразил, что игры закончились, и перешел на более жестокие меры. Яркая белесая вспышка на мгновение ослепила и самого мага, и Маргула. А когда она исчезла, небесный ящер бился в агонии, скреб когтями по полу и поливал все вокруг алой, как радужки капитана, и подозрительно густой кровью. На то, чтобы скончаться, ему понадобилось около пяти минут — и под конец шипастая шея с оглушительным треском пробила свод, тут же провалившись в загадочную пустоту. Впрочем, загадочной она была недолго — с жутковатым шипением в пещеру стала затекать соленая морская вода.

— Мы в заднице, — определил Эльва.

Окружавшая мальчишку защита исчезла, а некромант наконец-то соизволил вернуться на твердую поверхность. Подхватив спутника под мышки, он подпрыгнул — неправдоподобно высоко для живого человека, — и пробкой вылетел из трещины, очутившись уровнем выше — под самым носом у встревоженного Мильта, сердитого канонира и погрустневшего Эхэльйо.

— Всем привет! — радостно улыбнулся маг.

— Эльва, чтоб тебя! — выругался Зутт. — Ты мог хотя бы предупредить?

— Нет, — с обезоруживающей честностью возразил парень. — Я торопился.

Взгляд проклятого сверкнул:

— И что там было?

— Дракон. Тупой, правда, я его без проблем прикончил. Но из-за его... кхм... резвости

мы, возможно, утонем.

— Эльва, — мягко, но с такой зловещей интонацией позвал Мильт, что некромант дернулся и в изумлении поднял брови. — Ты еще не забыл о нашем разговоре на корабле? В тот день я сказал, что...

— ...предъявишь мне некоторые претензии, если мы попадем на морское дно. Да-да, я в курсе. Однако, — маг наставительно ткнул пальцем вниз, в зев черной трещины, — хочу прояснить, что до моей схватки с ящером тут не было воды, а значит, это место не в силах называться дном. То есть оно находится под уровнем моря, но тем не менее...

— Эльва, — повторил амае. — Хватит оправдываться. Ты, кажется, торопился, когда бросился выручать Маргула? Сейчас тоже стоит поторопиться, через пять-шесть выстрелов дорога пойдет вверх. Я мечтаю миновать участок подъема раньше, чем нас поглотит волна.

— Да не будет никакой волны! — возмутился некромант. Он, значит, вытащил из драконьей пасти картографа, а капитан упрекает его в недостатке рассудительности?! — Вы, черт побери, где мозги потеряли? Там того пролома — с крупную рогатую башку, причем она же большую часть и закрывает!

— Ладно, ладно, — успокоил его Эхэльйо. — Мы тебе благодарны. Спасибо, что не бросил мальчика умирать во тьме. Но, пожалуйста, сдвинься уже с мертвой точки.

— Да, пошли, — схватил мага за локоть Маргул. — Я тебе свое яблоко отдам, только давай отсюда уберемся. По-моему, кровь этой мерзкой твари умудряется вонять даже здесь.

Эльва недоверчиво принялся и был вынужден признать его правоту.

Как и обещал Мильт, на Равнины Тишины отряд вышел сразу после короткого привала, не успев сменить караульных и дружно пошатываясь от усталости. Лучше всех держался, как ни поразительно, картограф — он регулярно страдал бессонницей, а потому не тяготился недостатком сна. К тому же несколько ночей подряд ему грезилось нечто такое страшное, что поди вспомни подробности — но подходить к постели, хоть убей, не хочется.

— И вовсе даже тут не тихо, — пожаловался Эхэльйо. Он выглядел вылезшим из могилы трупом — опухшее лицо, посиневшие губы, мелкая, крайне противная дрожь в ладонях. — До берега полдня идти, а прибой все равно слышно.

— Пока что мы задержимся, — попробовал обнадежить его амае. — У выхода из пещер относительно безопасно. И, к счастью, можно обзавестись костром, — добавил он с улыбкой. Об отсутствии в жизни хорошего костра по дороге страдали все, кроме Маргула — мальчишка после падения в драконье логово шарахался от огня, как... хм... от огня. — Зутт, займись. Хэль, постарайся отдохнуть. Эльва, — он изловил некроманта за рукав, стоило тому попытаться улизнуть, — тебя это тоже касается. Спи. Завтра мы будем нуждаться в твоей магии, как нищие — в деньгах.

— Ладно, — удрученно зевнул тот. На самом деле он вымотался не меньше остальных, но ведь на Равнинах наверняка полно всяких интересных штуковин, надо только пойти и отыскать! — Уже сплю.

По примеру проклятого маг расстелил походное одеяло, улегся на него и сомкнул веки, притворившись, будто после этого действия мир перестал существовать. Мильт покосился на него с подозрением.

Зутту поручили охранять спящих от нападения нежити, если таковое произойдет, и канонир уселся у разведенного костра. Алебарду он любовно прижал к себе, время от времени крепче стискивая пальцы на светлом древке — чтобы убедиться, что во мраке

имперской ночи оружие никуда не делось. Поскольку прежде маленький отряд передвигался по пещере, отсутствие двух лун и ярких огоньков звезд стало для корсара открытием. Причем отнюдь не чудесным — поди сориентируйся в кромешной темноте. Не будь рядом амайе, Зутт непременно бы заблудился и молил бы о помощи любого, кого угораздило бы с ним встретиться — даже агрессивно настроенную нечисть.

Но сейчас капитан спал, и Зутта посещали черные мысли. Он прикидывал, как нужно себя вести при разговоре с драконом — ведь Мильт настаивал именно на разговоре, спокойном и честном, с учетом всех подробностей и предложением щедрой оплаты. Крылатые ящеры почему-то любят золото, хотя никогда его не используют. Может, они бы с удовольствием вступили в торговлю с иными расами, если бы те не разбегались от огромной тени с криками: "Спасите!"" Или уже по-тихому приторговывают с кем-то непривередливым? С кем-то, кому без разницы, является его заказчик человеком или нет.

Канонир со стыдом обнаружил, что почти спит, и поднялся. В окружающей костер черноте ему померещились блеклые зеленые, словно выцветшая под солнцем трава, глаза с вертикальными зрачками. Или не померещились — спустя мгновение чья-то хрупкая ладонь легла на локоть мужчины, а затем сжала его так, что затрещали кости.

Дикая боль вынудила корсара закричать, но никто из товарищей не проснулся — все по-прежнему кутались в одеяла, что-то неразборчиво бормотали, похрапывали... то есть были совсем не такими, как обычно. Зутт отпихнул невидимого противника и попробовал растолкать капитана. Он схватил его за плечи и тряс добрых две минуты, но амайе, обмякнув, лишь беспомощно болтался в чужих руках. Канониру показалось, что он не дышит, и, устроив ухо на капитанской груди, он обомлел от ужаса: сердце Мильта безмолвствовало. Глухая, звенящая тишина ударила мужчину сильнее, чем это сделало бы пушечное ядро. И в тот же миг, словно давая ответ на вопрос, почему все вдруг оказались мертвыми, прозвучал мелодичный голос:

— Я их отпущу, если ты разобьешь мои цепи.

— Твои цепи?! — дрожащим голосом повторил Зутт.

Загадочный собеседник молчал довольно долго, прежде чем посоветовать:

— Следуй за светлячками.

Корсар послушно огляделся, но опасными тварями поблизости и не пахло. Только простые, нормальные светлячки кружились над голубоватыми стеблями диких цветов. До мужчины не сразу дошло, что следовать нужно за ними, а не за ядовитыми существами, обитающими в горах.

Он зашлепал по влажному склону вниз, к далекому морю. Ночью оно было тихим и накатывало на скалы едва слышно, словно ласкаясь. Светлячки с намеком зависли над неприметной тропой — почти отвесной и скользкой, словно спина колоссального слизняка. Зутт с трудом подавил желание поддаться ее природе и загреметь вниз, чтобы стать ужином для голодных ундин, и уткнулся носом в широкую, длинную, испещренную символами могильную плиту. Большинство из них канониру не удалось распознать, но вверху кто-то вырезал словосочетание на языке шэльрэ: "Faesealtre Eshshataeralne". Перевести ее на всеобщий, исходя из тех обрывочных знаний мужчины, было невозможно, но по спине почему-то пробежали мурашки.

— Эй, ты там? — окликнул он, в глубине души надеясь, что запертая за плитой тварь не отзовется.

"Тварь", в свою очередь, незамедлительно подтвердила:

— Там. Открывай.

Корсар вздохнул и налег на тяжеленную преграду. Та даже не шелохнулась, и пришлось использовать алебарду в качестве рычага. Древко треснуло и разлетелось на два остроконечных куска, а плита, осыпая Зутта каменной крошкой, съехала в сторону, а затем и вовсе рухнула в объятия темно-синей воды узенького, как щупальце, залива, "порадовав" мужчину еще и брызгами.

— Проклятье! — выругался он. — Ну, и что дальше делать?

— Войди, — пригласил пленник. — Но аккуратно. Мои стражи могут не обрадоваться.

— Твои стражи? — насторожился канонир, осматриваясь. — Что-то я их не вижу.

— А они видят. — Неизвестный как-то странно протянул последнее слово и добавил: — Тебя.

Зутту и раньше было не по себе, но теперь он немедленно ощутил тысячи плотоядных взглядов, направленных на незащитного человека, рискнувшего посетить пещеру. И, словно намекая, что вокруг действительно хватает охочих до свежей плоти созданий, справа раздался одинокий вопрошительный рык.

— Нет, — невесть кому запретил пленник. — Не сегодня. Он мне нужен.

— Где ты? — затравленно уточнил корсар. — Я ведь не могу спасти тебя вслепую.

— Вслепую? — удивился тот. И рассмеялся: — Ах да. Люди в темноте ничего не различают. Что ж, в таком случае... — впереди, от силы в двадцати шагах от канонира, звякнула цепь. — Хаал, освети ему дорогу.

Вспыхнуло сиреневое, невыносимо яркое после долгого мрака пламя. Зутт споткнулся и осознал, что стоит прямо под невысоким, худым и грязным существом, распятым на семи цепях. А рядом, опустив рогатую башку и почтительно наблюдая за гостем, сидит белый дракон.

— Разбей цепи, — повторил пленник. — Разбей, и твои друзья проснутся.

— Но, — нервно хохотнул корсар, — это же раклеры. Снять с кого-либо раклеры в силах только маги, а у меня...

— У тебя есть дар, — возразил распятый. — Слабый и слишком колючий, чтобы развить его в настоящее магическое искусство, но мне этого хватит.

Он был прав — стоило Зутту прикоснуться к черным браслетам на лодыжках пленника, как те дрогнули и рассыпались серым пеплом. Дракон, сперва неподвижный, помог канониру добраться до цепей на запястьях и шее пленника — и, едва заметив его лицо за спутанными прядями черных, как смола, волос, мужчина пошатнулся и осел на колени.

— Ты... — растерянно прошептал он.

— Я? — вежливо переспросил распятый. И, не дождавшись реакции, напомнил: — Чем быстрее ты снимешь чертову железку, тем быстрее твои товарищи вернутся в реальный мир. Я не думаю, что мог отправить их в красивые сны.

Зутт постарался ткнуть оставшийся раклер, не задев бледную кожу пленника. Отчасти это получилось, но парень тут же напрягся, сдвинул брови и сжал тонкие губы. Собственно, на них черты его лица и заканчивались — между тем и другим зияла страшная рваная рана, изнутри обугленная и покрытая то ли гнилью, то ли остатками пороха. Приглядевшись, канонир обнаружил и пулю — или, правильнее сказать, ядро. Вроде бы серебряное.

Поинтересоваться, почему распятый до сих пор жив — с таким-то увечьем! — мужчина не успел. Faesealtre дернулся, схватил своего спасителя за горло и отшвырнул прочь, разом растеряв желание церемониться.

— Да, я мертв! — с надрывом воскликнул он. — Ну и что?! Это ставит меня на ступеньку ниже нормальных людей?!

— Нет, — пробормотал Зутт. — Нет, я просто...

— Заткнись! — парень прыгнул с узкого каменного карниза и расправил плечи, явно собираясь намять канониру бока за слишком долгое изучение раны. — Закрой свой поганый рот! К тому же, — он громко выдохнул, успокаивая сам себя, — это легко исправить. Немного вампирьей крови, и я...

Бывший пленник осекся, потер испачканный кровью подбородок и с недоумением осведомился:

— Кто я?

Канонир потрясенно на него вытаращился. Но не успел ни возмутиться, ни вообще хоть что-то предположить, потому что парень внезапно заулыбался:

— Точно. Спасибо. А ты не в курсе, где его найти? — и, спустя очень короткую и очень звенящую паузу, поблагодарил: — Еще раз спасибо. Я разберусь с кое-какими делами и, полагаю, после полудня буду у тебя. Ну, чего расселся-то? — грубо буркнул он. — Вставай, и пошли знакомиться с твоими друзьями!

— Прости? — наугад произнес Зутт, не уверенный, что сейчас обращаются к нему.

— Да-да, я с тобой разговариваю! — повысил голос парень. — Веди меня к господину амайе. Мы легко отыщем общий язык, а если нет — я сожру его чертovy мозги. Все равно новые вырастут, он же, черт бы его побрал, бессмертен.

— Прости?! — уже с недовольством повторил канонир. — Ты обещал, что отпустишь моих товарищей, и мы с тобой разойдемся, как два корабля в море!

— Я не обещал, — осклабил его собеседник. — А действия демонов, к твоему сведению, редко соотносятся с их словами. Давай, вперед! И оставь в покое эту мерзкую бороду!

Зутт мгновенно перестал заплетать в бороде косичку — нервничая, он часто так поступал, — и уставился на бывшего пленника со священным ужасом.

— Разве ты не слепой?

— Нет, — огорошил тот. — Я все превосходно вижу, хотя с настоящими глазами мне будет не в пример удобнее.

"Спорить с ним бесполезно", — про себя констатировал корсар. — "Он либо убьет меня здесь, либо выяснит, что мы не представляем для него угрозы, и уберется восвояси. Я слышал, что демоны не любят понапрасну пугать людей, и этот — наверняка не исключение".

— Ладно, пошли, — согласился он вслух.

Обратный путь из пещеры на Равнины показался ему гораздо более коротким. Вероятно, потому, что позади бесшумной тенью передвигался безликий парень, заставляя то и дело ускорять шаг.

Эльва, Милт, Маргул и Эхэлью находились там же, где канонир их оставил. Все четверо по чуть-чуть, секунда за секундой, приходили в чувство: маг зачем-то ощупывал свою грудь, капитан поправлял красную повязку, картограф копался в сумке, а проклятый сидел и со странной обреченностью шевелил пальцами ног. Впрочем, он быстро прекратил это делать — стоило лишь черноволосому демону войти в круг света, источником которого служил по-прежнему яркий костер.

— Здравствуйте, — поздоровался распятый. — Меня зовут Фасалетрэ. Фасалетрэ

Эшгаралье.

— Зутт, — под презрительным капитанским взглядом корсар поежился и как будто даже уменьшился в размерах, — как ты это объяснишь?

— Ну, — виновато промямлил мужчина, — понимаете... я стоял в карауле, как вы и приказали, а он... Фасалетрэ Эшгаралье... каким-то образом вас заколдовал.

— Хм? — амайе брезгливо покосился на демона. — И чего ты хочешь?

— Крови, — без обиняков выдвинул условия тот. — Вампирьей крови.

— У нас ее нет.

— Есть, — потрясающе тихо, на грани между шепотом и отсутствием звука, вмешался Эльва. — У меня есть. Но я тебе ничего не дам.

— Не дашь, значит? — Фасалетрэ Эшгаралье повернул голову, словно рассматривая некроманта — и в смазанном, едва уловимом прыжке атаковал.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ХААЛ

Нижние Земли — родину большинства демонов и сходной с ними нечисти, — сковала зима. Ослепительно белый снег, холодный, пробирающий до костей ветер, тяжелые низкие тучи. В них, словно в густой завесе, прятались тонкие шпили светлого, изящного замка, окруженного замерзшими фонтанами и льняным полем.

Фасалетрэ Эшгаралье поежился, потер запястья и двинулся к нему, на ходу прикидывая, как начать разговор с хозяином. На ум не лезло ничего, кроме идиотского: "Здравствуйте, господин Шэтуаль! Несколько месяцев назад вы имели честь меня похоронить, а затем выкопать. Теперь я нуждаюсь в помощи и искренне надеюсь, что в трудную минуту вы знакомых не бросаете". Демон представил, как переменится в лице предполагаемый собеседник, и поморщился. Наконец-то можно сделать это без оглядки на дыру между ртом и бровями! Вампирья кровь — а Фасалетрэ, не мелочась, выпил ее всю, — полностью завершила регенерацию, и страшная рана исчезла. Ее место занял ровный нос, почему-то покрытый шрамами, и глаза — один синий, другой зеленый. Насколько помнил бывший обитатель пещеры, зелеными должны были стать обе радужки — но после долгого прозябания с куском серебра в голове он обрадовался и такому варианту себя.

Охрана замка безмолвствовала, и Фасалетрэ с равнодушием куклы миновал арку входа. За ней ему повстречалась высокая, красивая девушка с короткими витыми рожками за ушами, похожими на причудливые серьги. Она улыбнулась, присела в реверансе и горланно произнесла:

— Добро пожаловать в Энэтэрье, господин Эшгаралье.

— Благодарю, — поклонился демон. — Вы не проведете меня к Его Светлости?

— Проведу, — благосклонно кивнула девушка. — Но он пребывает в лаборатории. Не сочтете ли вы это мерзким?

— Нет, — пообещал Фасалетрэ. — Не беспокойтесь.

Она снова кивнула — медленно и серьезно. Развернулась на каблуках и бодро зацокала к ажурной лестнице, по дороге упоенно вещая:

— Я очень рада, что вы пришли. Только вы можете разбудить Эстеля, а без него в Энэтэрье скучно. Некого оскорблять, не в кого швыряться подносами, да и военачальникам

господина принца досадить хочется... к слову, вы не держите на них зла?

Девушка посмотрела на демона с такой теплотой, что он едва не брякнул: "конечно, нет". Но вовремя спохватился, нахмурился и честно ответил:

— Если встречу Амоильрэ — убью.

— Не получится, — сочувственно заметила провожатая. — Господин военачальник силен. Вряд ли вы сравняетесь с ним по силе — разве что окончательно сольетесь с Его Высочеством Лассэульгэ...

— Вот еще, — Фасалетрэ остановился перед массивной, поцарапанной железной дверью, и добавил: — Не собираюсь я с ним сливаться. Может, мы и задумывались как единое целое, но быть самостоятельной личностью мне нравится больше. И да — спасибо, что проводили. Дальше я один разберусь.

— Удачи, — подмигнула девушка.

Демон постучал, на всякий случай — ногой. Его игнорировали добрых три минуты, а потом из лаборатории выглянул всколоченный парень с длинными, до пояса, лиловыми волосами, небрежно заплетенными в две косы. Его пальцы, ладони и предплечья были перевязаны, а на поясе болтались револьверы — знаменитые Хайнэсойн и Хайнэтэйн. К слову, именно первый послужил причиной смерти Рикартиата — и пробуждения Фасалетрэ.

— О-о-о, кого я вижу! — неожиданно просиял Его Светлость. Схватил посетителя за локоть и втащил за створку, пригласив: — Заходи скорее.

Бывший обитатель пещеры выдрался из его объятий.

— Здравствуйте, господин Шэтуаль.

— Привет, — согласился граф инкубов. И весело хохотнул: — Я и предположить не мог, что ты явишься сюда сам, да еще и с мирными намерениями. Помнится, в последнюю нашу встречу ты обозвал меня чудовищем.

— Извините, — покаянно вздохнул демон. — И будьте любезны принять к сведению, что это был вовсе не я.

— Вовсе не ты... — задумчиво повторил Его Светлость. — Чудесно звучит, хотя Рикартиат мне нравился. Милый мальчик, со своими привычками, принципами и характером... — Шэтуаль спохватился и уточнил: — а как теперь тебя называть?

— Фасалетрэ Эшгаралье.

Инкуб поморщился:

— Слишком длинно. Ты не хочешь ограничиться частицей "Эшта"?

— Мне без разницы.

— Отлично! Тогда позволь полюбопытствовать — чем я обязан твоему визиту?

Демон устроился за длинным лабораторным столом, скрестил руки на груди и непреклонно отчеканил:

— Я хочу увидеть Эстея.

Шэтуаль легонько дотронулся до правой кобуры. Рукоятка Хайнэсойна блеснула в свете старинных, недолговечных свечей, расставленных по настенным канделябрам.

— Зачем он тебе? — спросил инкуб.

— Неужели вы боитесь, что мной движет жажда отмщения? — рассмеялся Эшта. Смех получился многообещающий — Его Светлость поежился, потер длинное заостренное ухо и вопросительно уставился на собеседника. Тот продолжил: — Поверьте, в моей новой жизни не осталось места для старой. Прежний Рикартиат непременно разорвал бы мальчиков — не только Эстея, но и его брата, — на тысячи кусочков, но я, — демон криво усмехнулся, —

ограничусь охотой на Амоильрэ. Сами подумайте — груз вины лежит на нем, и только на нем. А убивать членов семьи Элот...

Эшта пожал плечами, намекая, что это крайне невыгодно. Лучше заключить с ними деловой союз.

— Вот как, — облегченно выдал Шэтуаль. Ему было неуютно в обществе ожившего мертвеца, хотя графу инкубов частенько приходилось возиться с куда менее привлекательными трупами, чем Фасалетрэ Эштаралье. — Что ж, я рад. Если ты действительно собираешься разбудить моего родственника, тебе следует обратиться к его брату. Обычно он коротает время у озера, вот здесь. — Его Светлость нарисовал в пространстве нечто вроде глубокой лужи, и демон, не колеблясь, шагнул навстречу незатейливому художеству. Лаборатория тут же исчезла, желтые краски сменились голубыми и белыми, а Эшта оказался на границе между льдом и скалистым берегом. Рядом с ним, укрывшись теплым зимним пальто, лежал высокий юноша.

— Эстеларго, — позвал демон, ткнув его носком сапога.

Юноша дернулся, вскочил и ошетинился двумя кривыми саблями. Из-под спутанной изумрудной челки на гостя вытаращились пустые, безумные, полные боли васильковые глаза.

— Эстеларго, — моргнул Эшта. — Что с тобой?

— А? — растерялся тот. И, догадавшись, о чем говорит демон, смутился: — А, это... пустяки, я всего лишь...

Фасалетрэ Эштаралье смерил его сочувственным взглядом. Парню уже приходилось встречаться с инкубами-бастардами, Эстелем и Эстеларго — в Нельноте, городе серафимов, перед смертью Рикартиата. Но тогда они были чистыми, прекрасными, обольстительными близнецами, а сейчас... перед демоном стоял избитый, весь в синяках, ссадинах и кровоподтеках, готовый сражаться до конца ребенок.

— Что с тобой случилось?

— Да так... — еще больше смутился инкуб. — Подрался кое с кем.

— По какой причине?

— Ну, они... на самом деле они просто решили доказать, что моя кровь ничем не отличается от их крови. А вы, — Эстеларго сдвинул темные брови, — откуда взялись?

— От графа Шэтуалья, — пояснил Эшта. — Я обратился к нему с определенной просьбой, и Его Светлость счел возможным ее удовлетворить. Отойди-ка.

Инкуб послушно отступил. Фасалетрэ Эштаралье, наоборот, приблизился к озеру и заглянул под прозрачный, похожий на горское стекло нарост льда. Под ним неспешно колыхалась нормальная, синяя, словно небесный свод, вода — и две неподвижные фигуры. Вроде бы целая женщина — и мертвый юноша, чье тело испещрили странные, искусно вырезанные раны в форме цветов. Розы, незабудки и ландыши.

Демон присел, закашлялся и постучал по колючей от холода преграде:

— Эй, Эстель! Как долго ты собираешься там валяться?

Покойник шевельнулся. Приоткрыл тяжелые веки, коснулся ледяной глыбы, закрывшей выход из озера, и снова погрузился в сон.

— Это будет сложнее, чем я рассчитывал, — пробормотал себе под нос Эшта. И повернулся к Эстеларго: — Мальчик! Ты мне саблю не одолжишь?

— Я помогу, — с энтузиазмом отозвался тот.

Совместными усилиями они освободили запертого в озере инкуба. Эстель выглядел еще

хуже, чем его младший — лишь потому, что родился на десяток минут позже, — брат. Жутковатые раны не кровоточили, но и не заживали — несмотря на то, что демоническое тело должно регенерировать быстрее вампирьего.

— Отнесем его в Энэтэрье? — предложил Эшта.

— Нет, — отказался Эстеларго. — У меня есть идея получше. При жизни брат любил отдыхать в обществе демона-шэа, он живет на южных границах яруса. Если вы не против, давайте... давайте отнесем Эстеля туда, — закончил он.

— Хорошо.

Фасалетрэ Эштаралье взвалил условно мертвого инкуба к себе на спину. Учитывая, что Эстель выглядел старше демона лет на пять, зрелище получилось то еще.

Эстеларго провел Эшту к провалу, где пещера плавно переходила в открытую, занесенную снегом местность. Там он остановился, слепил снежок и швырнул его вперед, бдитительно сощурившись. Своеобразное оружие разлетелось на множество отдельных снежинок, и парень, обрадованно хмыкнув, нашарил в пустоте ключ и повернул его. Поднапрягся, толкнул невидимую плиту — и указал на темную пасть старого коридора.

— Проходите, пожалуйста.

— Спасибо, — похвалил его Фасалетрэ.

Под подошвами захрустели кости мелких грызунов и хрупкие, серые с голубым камни. На стенах красовались грубые скобы с факелами, горящими через один.

Идти пришлось добрых полчаса, прежде чем Эстеларго ненавязчиво обогнал Эшту и потянул на себя крышку люка, расположенного в полу. Снизу повеяло запахом фиалок и чего-то затхлого, звериного. Воображение демона нарисовало картинку, где случайного посетителя сжирает неизвестная в обитаемых мирах нечисть, а инкуб звонко хохочет, радуясь, что сумел уничтожить кого-то настолько сильного.

— Надо прыгать, — виновато признался Эстеларго. — Парадные ступеньки моим братом не предусмотрены.

— Ладно, — покладисто ответил Фасалетрэ. И тут же, срезая под корень возможные злые намерения парня, скомандовал: — Ты первый.

Инкуб послушно спрыгнул с самого края. Демон, в свою очередь, страдальчески покосился на потолок — за неимением неба, — и отправился за провожатым, зажмурившись и на этот раз представляя себя в виде живописного кровавого месива где-то далеко внизу.

Впрочем, спустя несколько секунд выяснилось, что падать особо некуда. Эшта плюхнулся на что-то мягкое, пушистое и подвижное — под тройным весом неожиданных вторженцев оно заворчалось, рыкнуло... и заскулило, ткнувшись сухим горячим носом в грудь все еще обмякшего Эстеля.

Фасалетрэ Эштаралье внимательно осмотрелся. Идеально круглое помещение полностью занимала огромная, белая, пушистая туша низшего демона. Он походил на дракона и лиса одновременно, хотя повадками склонялся скорее ко второму, чем к первому. Шэа обеспокоенно обнюхал хозяина, зафыркал и начал увлеченно его облизывать — видно, надеясь на ответную реакцию.

— Итак, — задумчиво проговорил Эшта, опустившись на теплый мех справа от инкуба. — Просыпаться он не желает. Или не может, что в нынешней ситуации несколько затрудняет дело. У нас два варианта: либо накормить его яблоками... но сначала их надо достать, не заинтриговав Его Величество Къётаранауля... либо заключить двойной контракт.

— Если, как вы изволили выразиться, накормить моего брата яблоками — он станет

зависимым на всю жизнь, — сердито напомнил Эстеларго. — А жизнь у него такая же, как у вас — вечная. Вам бы понравилось каждый чертов день носиться в сад Его Величества Дьявола и униженно просить поделиться проклятыми плодами, потому что без них вы, конечно, не сдохнете, но будете страдать от невыносимой боли? Нет? Тогда избавьтесь от этой бредовой идеи и возьмите нож. — Инкуб вручил Фасалетрэ Эшгаралье короткий, остро заточенный осколок дорогой стали — без рукояти или заменяющих ее лент.

— Ладно, — повторил демон. И бегло, с небрежностью мастера, начертил на левом предплечье Эстеля алую стрелу. Накрыл ее расправленными ладонями, зажмурился и процитировал: — Я зову тебя, пока солнце и луна прячутся за туманами, я произношу твое имя, потому что его отобрала смерть. Отринь ее, отпусти ее — и прими мою клятву; я обещаю хранить и беречь все, что ты дашь взамен.

Эстеларго с замиранием сердца наблюдал, как с тела старшего брата исчезают кровавые цветы. Сходятся края ран, разглаживаются шрамы, а бледность медленно, неторопливо отступает, уступая противнику захваченный живой бастион.

Эстель дернулся и захрипел, заново привыкая к дыханию. Резко вскочил, обвел логово пса слепым взглядом. Ощупал свои ребра, словно пересчитывая, все ли на месте, и уже осознанно повернулся к брату.

Фасалетрэ Эшгаралье на такую откровенную грубость никак не отреагировал. Дать новому слуге втык он всегда успеет, а связь между демонами одной крови — то есть крови близнецов, — не способна ослабеть даже за столетия расставания. Поэтому парень расслабился, снисходительно потрепал шерсть повеселевшего низшего и буркнул:

— Значит, ты — тот самый Эстель, который убил Альтвига Нэльтеклета?

Инкуб напрягся и приготовился к бою, но Эшта его разочаровал. В нем действительно не сохранилась память о чувствах Рикартиата — только песни.

— Да, это я, — чуть помедлив, подтвердил инкуб.

— Приятно познакомиться, — фальшиво улыбнулся Фасалетрэ. Собственно, он вообще не понимал, как другим удается это делать, и просто скопировал чужое действие.

— Взаимно, — все еще настороженно склонил голову Эстель. Движение вышло грациозным и величественным, достойным самого прекрасного короля. — Следует полагать, что вы — мой новый хозяин?

— В какой-то мере. — Эшта скучающе поправил манжеты рубашки. — Пока что я в тебе не нуждаюсь. Считай, что твое освобождение — это плата за мою жизнь.

— Простите? — растерялся юноша.

— Видишь ли... — Фасалетрэ Эшгаралье задумался и с досадой почесал крупное кошачье ухо. — Я должен был умереть вместе с Рикартиатом. Во Вратах Верности, как в мире, где изначальная сущность занимает основное место в живом теле, для частицы души Лассэульгэ заранее составили приговор. Но ты вытащил менестреля в Нельнот, на территорию Нижних Земель. А в Нижних Землях именно моя, второстепенная, сущность одержала верх. И я получил свободу. Благодарю, — демон с иронией поклонился.

— ...сволочь, скотина, идиот, — ругался Эльва. — Кретин, дурак, ублюдок...

Канонир с восторгом внимал. Он и предположить не мог, что выходец из Гильдии Магов, да еще и дворянин, умеет вот так беситься. Впрочем, некромант использовал в основном безобидные, общеизвестные, слова, а заковыристых выражений Зутт не услышал, пока монолог не перешел в набор профессиональных оскорблений:

— Яйцо гарпии, кончик хвоста минбула, дакарагово дерьмо, чтоб ты сдох, ненавижу!..

— Эта кровь так много для тебя значила? — серьезно осведомился Мильт. После короткой, унижительной схватки с Фасалетрэ Эштаралье ему пришлось снять красную повязку, обнажив заостренные, но отнюдь не эльфийские уши — у племени детей звезд они торчат в стороны, а у амайе вверх, и по хрящам разливается характерный алый цвет.

— Много, черт побери! — огрызнулся Эльва. — Она принадлежала ребенку, наивно посчитавшему, что я могу убится по пути в империю Ильно. Зангет дал ее мне — МНЕ, а не какому-то сумасшедшему выродку!

— Этот сумасшедший выродок очень силен, — виновато буркнул Эхэльюо. Он тоже пытался отобрать у демона сумку, но после первого же вынужденного полета и удара левой головой о камень растерял всю свою воинственность. — Если ему удалось навредить Мильту, то нас он мог растереть в пыль и не заметить. Но не растер. Значит, ему еще что-то нужно.

— Что? — тут же вскинулся некромант. — Вампирья кровь у меня закончилась, и вряд ли неподалеку шляется нарочерт, готовый одолжить еще пару флаконов.

— Вряд ли, — вздохнул Мильт. — И это лишь доказывает, что, продолжая торчать здесь, мы ничего не добьемся. Так что давайте приводить себя в порядок, собираться и отправляться в путь.

— Капитан, — недовольно зевнул Маргул. — Признайтесь честно: у вас на примете есть дракон, способный расколдовать господина Хэля?

Амайе удивился, но виду не подал:

— Разумеется, есть. Даже двое. А что случилось?

— Я сильно подозреваю, что до этих двоих еще идти и идти, — объяснил картограф. И указал на невысокую скалу с отвесными, но вполне проходимыми склонами, где сидел страж Фасалетрэ Эштаралье. — А до во-о-он того парня — почти не надо. Может, договоримся с ним?

— Не выйдет, — поразмыслив, отверг его идею Мильт. — Если сам демон обошелся с нами столь... невежливо, то его дракон тем более устроит веселую огненную взбучку. А мне и без нее хватает проблем.

— Не факт, — неожиданно возразил Эльва. — Демону-то я первый нагрубил.

Амайе пожал плечами, показывая, что происходящее в мозгах Фасалетрэ Эштаралье — это большая и страшная загадка. Некромант хмыкнул, но спорить с вечным созданием не пожелал — и очень пожалел о своем решении, когда отряд спустился с возвышенности и пошлепал на юго-запад по скользкой равнине. Ее широкие камни стали пристанищем для крохотных, с человеческий ноготь, слизняков, а расщелины между ними — уютным домом для бледно-розовых крабов. Кое-где, наверное, раньше пролегали соленые ручьи, потому что на поверхности красовался белый скрипучий налет, а под ним — ошметки синеватых водорослей. Сапоги то хрустели, то чавкали, то надсадно скрипели, а проклятый обреченно костерил каждую чертову тварь, попавшуюся на его пути. Безусловно, эта прогулка была наименьшей платой за возвращение изначального облика, но Эхэльюо уже не надеялся, что оно произойдет скоро. Планы Мильта с самого начала пошли наперекосяк — стоило только покинуть фрегат.

В том, что слово "наперекосяк" мало соответствует действительности, парень убедился уже спустя пару минут. Слева от отряда, не приближаясь, но и не отдаляясь, одинаковым с корсарами курсом двигался невысокий, обманчиво хрупкий демон. Фасалетрэ Эштаралье.

— Эй, Мильт, — обратился к амае проклятый. — Кажется, эта тварь нас преследует.

Капитан, не испугавшись, покосился на бывшего пленника пещеры. Тот, в свою очередь, заметил повышенный интерес к своей скромной персоне и отсалютовал сердитым спутникам.

— Убирайся! — побагровел Эльва. — Убирайся прочь и не попадайся мне на глаза!

— Тебе? — изумился демон. И тут же расхохотался: — Да кому ты нужен! Я собираюсь помочь господину Эхэлью — разумеется, если он не возражает.

— С какой это радости? — напрягся некромант. — Сперва ты пытаешься нас убить, а теперь вдруг заявляешь, что мы совсем не враги. Не слишком ли резкий перепад настроений? И чего нам ожидать в следующую секунду?

Зутт одобрительно улыбнулся, радуясь, что хоть кому-то удалось окунуть в грязь распроклятого выходца из Ада. У Мильта приподнялись уголки губ, пускай и непроизвольно.

— Да, со мной без бутылки вина не пообщаешься, — невозмутимо подтвердил Фасалетрэ Эштаралье. — Как насчет вместе ее распить, а потом позвать малыша Хаала? Это будет быстрее и проще, чем шляться по враждебному клочку суши, ежедневно рискуя наткнуться на заклинателей. Они, к вашему сведению, чужаков не любят.

— Мы в курсе, — огорошил его Мильт. — А вот в твоей надежности сомневаемся.

— Напрасно. — Демон вытащил из кармана штанов резную деревянную трубку, ссыпал туда щепотку белого порошка, поджег его и закурил. — Я напал на вас потому, что милорд Тиез отказался поделиться вампирьей кровью. Мне она была нужнее, чем компании бывалых ребят и бессмертному амае.

— Это еще не повод атаковать, — возмутился Эльва. — Ты мог хотя бы попробовать рассказать, зачем она тебе понадобилась!

— А что, без подсказки ты определить не сумел? У меня отсутствовала половина лица!

— А я, по-твоему, должен был размышлять над проблемами шэльрэ?

— Размышлять над чужими проблемами — это вообще очень полезно, — наставительно сообщил Фасалетрэ Эштаралье. — Это способствует миру между представителями разумных рас, несмотря на их политическую позицию.

— Ой, заткнись!

— Надо же, — язвительно протянул демон. — У тебя закончились аргументы?

Некромант сдавленно зарычал, мечтая задушить противника. Но Мильт вышел вперед, жестами намекнул, что не допустит чужой разрушительной самодеятельности, и испытующе посмотрел на бывшего пленника пещеры.

— Ты действительно хочешь помочь?

Фасалетрэ Эштаралье мгновенно растерял всю свою задиристость и кивнул:

— Действительно.

— А какова причина?

— Я раздаю долги.

Капитан серьезно обдумал его ответ. Эхэлью сообразил, что сейчас все решается без него, и неуверенно вмешался:

— А меня никто спрашивать не будет?

— Нет, — отрезал амае. И, стоило проклятому расстроиться, на тон мягче добавил: — Ты боишься. Поэтому оцениваешь ситуацию чересчур пристрастно, а не так, как ее следует оценивать.

— Верно, — поддержал его Фасалетрэ Эштаралье. — Не сомневайтесь во мне, господин

Эхэлийо.

— Угу, не сомневаюсь, — скептически отметил проклятый. — Не сомневаюсь, что твои мозги в любой момент могут изменить стратегию, и бедные имперские заклинатели будут вынуждены отдирать наши останки от скал.

— А вы меня не провоцируйте, — сердобольно посоветовал демон и переглянулся с Мильтом. В отряде корсаров с "Оборотня" никто, кроме него, не находил очевидной выгоды в союзе с Фасалетрэ. Все единодушно считали, что он обманет, одурачит, предаст.

— Мне это не нравится, — громко донес до капитана Маргул.

— А мне, — рассеянно отозвался тот, — нравится. Если атгле Эшгаралье поклянется нам на крови, я его приму.

Эшта беспечно погрыз трубку, развел руками и буркнул:

— Запросто. Но для клятвы необходима кровь человека, а не амайе. Кто-нибудь из ваших спутников пожертвует пятью каплями?

Эльва глупо хихикнул, памятуя о своей недавней тираде в адрес демона. Остальные смутились и уставились в землю.

— Я не стану связывать себя с Адом, — выразил общее мнение картограф. — Мне и без него хорошо живется.

— Мне тоже, — проворчал Зутт. — От жителей Нижних Земель одни проблемы, а у меня их и так хватает.

Амайе выслушал ребят без обиды. Он прекрасно понимал, что союз с шэльтрэ, даже низшим, ярко отразится на смертном. И взглянул на некроманта, как на человека, которому в этом плане терять абсолютно нечего.

— Эльва...

— Что? — поежился парень. — Вы полагаете, что я добровольно вызовусь на роль укротителя вот этой твари?

— Кхм, — фальшиво закашлялся Фасалетрэ Эшгаралье. — А нельзя ли полегче?

— Да, Эльва, — снова подал голос проклятый. — Ты же сам недавно говорил, что было бы увлекательно приручить демона.

Некромант покосился на него с презрением — мол, предатель! — и, не мигая, вытаращился на Эшту.

— Ладно, — без особой радости буркнул он. — Иди сюда.

Бывший пленник пещеры просиял, в десяток размашистых шагов пересек разделяющее его с отрядом расстояние и бестрепетно вспорол свою левую ладонь. Маг скопировал его движение, а затем прижал собственную рану к ране демона. Поврежденный участок запекло, словно Эльва стиснул раскаленный кусок угля, и смешанная алая кровь закапала на не успевших уползти слизняков.

— Я дам тебе имя, — в строгом соответствии с ритуалом зачитал некромант. — Отныне и впредь, с этого дня и до конца времен ты будешь называться Летрэ.

— Я дам тебе имя, — покорно повторил Фасалетрэ Эшгаралье. — Отныне и впредь, с этого дня и до конца времен ты будешь называться Лайдэ. И я клянусь тебе, что не оступлюсь; клянусь, что буду защищать тебя, пока не погибну сам; клянусь, что буду служить тебе, пока ты меня не покинешь. Я буду рядом с тобой, когда от тебя отвернется весь этот мир, я буду беречь тебя ревностнее, чем себя самого. Отныне и впредь!

Между взаимно сжатыми ладонями на короткий миг промелькнула искра — прозрачная и светлая, как снежинка. Для Эльвы она послужила неммым сигналом, что пора отпустить

выходца из Ада и поскорее промыть ровный надрез водой, а затем обмотать лентой — за неимением чистых повязок.

— Ну вот, — с облегчением выдал демон. — Теперь вы перестанете спорить?

— Перестанем, — улыбнулся Мильт. — Пошли.

Просьба слабых двуногих существ изрядно развеселила белого дракона. А поскольку гордый представитель небесного племени уже четвертый год старался держаться у берегов империи, где отчаянно недоставало развлечений, она еще и приобрела приятный оттенок утешения.

— Отойдите, — хрипло прорычал Хаал, разглядывая Эхэлью.

Проклятый вздрогнул:

— Я бы не отказался отойти вместе с ними.

— Увы, ты будешь моей жертвой, — ослепительно оскалился дракон. Жаль, что его белые клыки сливались с общим цветом шкуры и не производили должного впечатления. — Что же, давай приступим. Постарайся не шевелиться.

Двухголовый побледнел и застыл, сцепив пальцы — все двадцать штук, — на тонком, невнушительном поясе.

Хаал сделал глубокий вдох, наклонился, вытянул изящную шею и облил проклятого пламенем. Темно-синее, словно морская вода, оно разошлось тысячами блеклых искр и выжгло в скалах потрясающе четкий Ведьмин Круг. Сглаженные, аккуратные грани сошлись, и Эхэлью взвыл то ли от боли, то ли от восторга. Ни Эльва, ни даже Мильт, несмотря на острое зрение, не сумели различить, что происходит внутри жуткого огненного клубка.

Дракон не подавал признаков страха, и некромант решил, что в данной обстановке глупо ему не доверять. В конце концов, двухголовый уже горит, а обратить время вспять не под силу даже Фасалетрэ Эштаралье. Демон, кстати, сохранял подчеркнутую невозмутимость — мол, я полностью уверен в Хаале, — хотя на самом деле провел в обществе белого дракона всего неделю и понятия не имел, что творится в его мозгах, исковерканных корнями рогов.

Когда синее пламя стало гаснуть, Мильт подался вперед и хищно сощурился. Облегченно повел плечами, дернул бровью и произнес:

— С ним все хорошо.

Но Эльва жаждал самостоятельно во всем убедиться и, не колеблясь, пересек границу Ведьминого Круга. Тот возмущенно полыхнул — теперь багровым, наверное, из остатков энергии, — но принял некроманта за своего и позволил добраться до Эхэлью.

Проклятый лежал в центре выжженного драконом рисунка, обхватив руками колени и прерывисто, тяжело дыша. Или, скорее, не проклятый, а обычный остроухий — две руки, две ноги, спина с выступающими позвонками, не менее приметные ребра и одна кудрявая голова. Все это маг осматривал бегло, без особого любопытства — он отлично представлял, как приятель будет выглядеть в изначальном теле. Куда большее внимание досталось странному состоянию Эхэлью — если проклятие снято, то какого черта ему до сих пор плохо?

Последний вопрос Эльва, забывшись, задал вслух. И ответил ему дракон, недобро блеснув янтарными глазищами:

— Такой резкий перепад между восприятиями поставит в тупик кого угодно. В один момент у тебя двенадцать внешних способов осязать мир, а в другой — всего шесть. Вашему

другу надо заново привыкнуть.

— Привыкнет, никуда не денется, — вмешался Летрэ. — А сейчас, если ты не против, мы вернемся на...

Закончить он не успел. Крылатый ящер до странности криво выгнул шею, глухо зарычал — и рухнул на пустошь. Поверхность сотрясло так, что далекое море получило возможность дотянуться до самых высоких участков береговой линии и сладострастно облизнуть их солеными волнами, пообещав вечно любить и надеяться на новую встречу. Демон едва удержался на своих двоих, а Эльва позорно шлепнулся на задницу, за миг до падения успев спасти черепа. Солнечный, Лунный, Темный и Звездный желтоватым росчерком улетели куда-то вверх и снова окружили некроманта — уже венчая собой скелеты.

— Ого! — восхищенно воскликнул кто-то. — Это не просто чужаки, господин Дэст. Это вражеские волшебники. С ними не совладать без кровопролития.

— Не совладать, если не стараться, — грубо перебил мужской голос. — Я приказывал схватить их живыми и невредимыми!

— В атаку, — хладнокровно велел Эльва, не испытывая желания лично лицезреть врагов. Скелеты бросились в поднятую драконом пыль, стуча костями по влажному, покрытому сетью трещин камню.

— Маргул, Зутт, господин Фасалетрэ! — окликнул Мильт. — Унесите отсюда Хэля!

— А вы? — перепугался картограф.

— А я ненадолго задержусь, — амайе зло усмехнулся. — Не мешкайте!

Маргул нахмурился и обратился к некроманту:

— Защити его, ладно?

— Вряд ли бессмертному созданию может понадобиться моя защита, — рассеянно буркнул Эльва. И, обнаружив, что без его благословения рыжий не намерен бросаться на поиски укрытия, торопливо добавил: — Ладно.

Зутт молча подхватил проклятого с земли, развернулся и побежал на север. Фасалетрэ Эштаралье метнулся за ним, схватив Маргула за локоть, и скрылся в по-прежнему непроглядной пылевой завесе.

С противоположной ее стороны — оттуда, где, по идее, находились имперские крысы, — донеслись дикие вопли, чей-то непередаваемо мерзкий визг и торопливый речитатив заклинания. Высоко вверху, закрыв собой южный участок неба, проявился закованный в стальные доспехи дух, распахнул пасть и, пыхтя, протянул костлявые конечности к Мильту. Амайе вывернулся из их захвата, сдернул с левой руки перчатку и что-то неразборчиво прокричал. Духа отшвырнуло прочь, судя по звуку — в море. Злое бессвязное вытье больно ударило по ушам.

Эльве почудилось, что за распростертым драконьим крылом кто-то копошится. Вытащив из ножен меч, он двинулся туда.

Слух некроманта не подвел — крыло избрала в качестве убежища невысокая, одетая в белый балахон девушка. Заметив противника, она обратила взгляд к небесам — но не успела ничего предпринять, потому что с выступа спинного гребня Хаала на нее рухнул Звездный. Скелет азартно впился в нежное горло и вырвал здоровенный кусок, после чего прыгнул обратно — видно, намеревался устроить засаду на еще какого-нибудь кретина.

— Уф, — выдохнул Эльва. И пригнулся, пропуская над собой арбалетный болт.

Острие воткнулось в драконью шкуру, но не причинило ей никакого вреда — только застряло между чешуйками. Маг с печалью на него посмотрел, поудобнее перехватил

рукою меча и спрятался за отропком скалы.

Под подошвой чужого ботинка затрещала каменная крошка. Некромант бросил туда иллюзию — якобы самого себя, но этот сотканный из колдовства образ рассыпался зелеными искрами при столкновении со вторым болтом. Настоящий Эльва выскочил навстречу врагу мгновением раньше — стоило тренькнуть тугой тетиве.

Лезвие едва не развалило голову молодого мужчины на две части. Маг успел обрадоваться — мол, победа! — но вовремя осознал, что врага поблизости больше нет. Крутнулся на пятках, пытаясь понять, куда он делся — и стал легкой добычей в горячих, шершавых, безжалостных руках. Имперский заклинатель по чуть-чуть, растягивая удовольствие, сжимал горло некроманта.

Эльва схватился за его запястья, попробовал оторвать их от себя, но мужчину это лишь раззадорило. С мерзким, безгловым интересом он следил, как начинают гаснуть яркие, синие, живые глаза мага.

И не заметил, что со спины к нему подкрадывается Милът — мало похожий на того амае, с которым некромант познакомился на корабле. В алых глазах переливаются желтые вертикальные зрачки, из-под верхней губы выпирает ровный ряд клыков, а пальцы украшены черными, смертоносными когтями. Именно они избавили Эльву от проблем — небрежно вспороли затылок заклинателя, что-то оттуда извлекли, и мужчина мешком повалился на собственный арбалет.

Маг тоже рухнул — правда, всего лишь на колени, — и закашлялся. Милът присел на корточки рядом, не спеша избавляться от облика бойца — мало ли, какая и откуда тварь еще вылезет.

— Как ты? — с беспокойством уточнил он.

— Нормально, — пробормотал некромант. — Бывало и хуже. Скольких тебе удалось убить?

— Четверых.

Эльва кивнул, принимая это к сведению, и поднялся. Пустошь вроде бы опустела — но вдалеке продолжал завывать призванный заклинателями дух. А значит, его хозяин пока что жив и придумывает новый способ избавиться от незваных гостей.

"Новый способ" показал себя очень быстро — в пришельцев с небесного корабля полетели острые желтовато-белые осколки. Догадавшись, чем они были раньше, некромант бешено заорал:

— КАКОГО ЧЕРТА?!!

Звездный, Солнечный, Темный и Лунный не ответили. Не могли ответить — вместе с их осязаемой формой исчезла и внутренняя суть, но, в отличие от материальных костей, не раскололась, а навсегда умерла.

Заклинатель, виновный в гибели мертвецов — мертвецов, познавших смерть дважды, — вышел на открытую местность, небрежно поигрывая крохотным, почти невесомым, серебряным ключом. Совсем юный — не старше Маргула — он, тем не менее, выглядел гораздо опаснее и внушительнее, чем все его товарищи, вместе взятые.

— Здравствуйте, — любезно поздоровался заклинатель. — Меня зовут Саг.

— Ты, — прохрипел Эльва. И, не раздумывая, бросился в бой.

Серебряный ключ расплавленным металлом пролился заклинателю под ноги, дрогнул и превратился в клетку. Маг с трудом увернулся от ее холодных объятий, в зверином прыжке достиг позиции врага и безо всякого сопротивления воцарил меч в его грудь.

В светло-серых глазах промелькнуло удивление. Заклинателю под номером три-один-шесть еще ни разу в жизни не приходилось становиться мишенью для озверевших некромантов. Эльва же убивал часто, разными способами, не колеблясь и не терзаясь угрызениями совести. Убивал, потому что был в курсе о пороках людей — если не достать их сразу, то спустя годы они вернуться и убьют тебя. Либо ты, либо твой враг. И лучше второе.

Тонкие губы юноши окрасились кровью, серебряная клетка расплавилась с той же стремительностью, что и ключ. Три-один-шесть посмотрел на мага, пришедшего из-за моря.

— Браво, господин.

Растеряться некромант не успел.

Мир погас, словно кто-то задул огонек солнца. И мимо промчались десятки красноватых звезд.

Рикартиат сидел на кровати, прижимая к себе цитру, и вкрадчиво перебирал струны. Мелодия получалась надрывной, больше подходящей для плача, и довольно странной. Ничего подобного Мильту не приходилось слышать прежде.

Станным был и голос белобрежного менестреля — вроде бы низким, но от этого не менее мягким, вроде бы нежным, но способным на внезапную, достоверную, превосходно сыгранную грубость. Сейчас он, не реагируя на скептические усмешки корсаров, выводил:

— ...Беда переступит порог опять,
смахнет тишину с руки;
тебе же останется только взять
железные сапоги.

Носить, не снимая, их много лет,
подошвы тереть о пыль -
повсюду протянется красный след.
И будет горчить полынь,

И будут шуметь вдалеке леса,
и будут дожди звенеть,
а чистые девичьи голоса -
по-детски наивно петь...

— А серьезных, не сказочных, песен у вас нет? — насмешливо уточнил Зутт. Мильт недоуменно нахмурился — почему это у канонира нет бороды? — а мужчина продолжил: — Знаем мы эти сказочки — главный герой побеждает зло, справляется со своими проблемами и живет долго и счастливо. Хотя в его судьбу стоило бы внести жестокую реальность — тогда черта с два он бы уцелел после встречи с тварью вроде вашей Беда.

— Почему сразу — тварью? — сдержанно возмутился Рикартиат. Мильту подумалось, будто с ним что-то не так — совсем другие черты лица, совсем другая манера поведения, совсем другие жесты. Не те, что запомнились капитану "Оборотня" — и не те, что делали Рикартиата Рикартиатом. — Беда из моей баллады — вполне себе добрый персонаж.

— Ну да, добрый! — хохотнул Зутт. — Мы видим! Приперлась к бедному мужику,

отобрала у него дыхание, заставила трупом бродить по миру... добрее некуда!

— Боги, — вздохнул менестрель. — Закончить песню не дали, но суют носы в мой сюжет. Что за люди? А, капитан?

— Нет-нет, — обиделся канонир. — Капитан скажет, что вы чудесно поете, только и всего. А мы пытаемся выяснить, есть ли в вашем списке хоть что-нибудь стоящее. Сказки стоит беречь для детей, а мы, видит Альвадор, постоянно находимся в море. Такую жуть видели, что Гиаль поседел, а Маргул однажды заперся в трюме и орал, что ни за что оттуда не выйдет. Тут вам и валькирии, и ундины, и сирены — соблазнительные, кстати говоря, очень...

Рикартиат проигнорировал это пространное объяснение, не отрывая взгляда от Мильта. А Мильт, наблюдая за ним, неожиданно осознал — он смотрит на мертвеца. Ведь менестрель, некогда игравший баллады на борту "Оборотня", был убит в Нижних Землях, а его тело досталось высшему демону по имени Фасалетрэ. Фасалетрэ Эштаралье.

Амайе вздрогнул, глотнул соленый воздух, словно морскую воду, и... проснулся.

— Капитан! — обрадовался Зутт. Настоящий, нынешний Зутт — с густой бородой и безумной улыбкой. — Вы живы!

— Жив, — чуть помедлив, подтвердил Мильт. — А у вас как дела?

— Ну, — канонир немного смутился, — мы вас еле вытащили. И вообще, наверное, не помогли бы, если бы тот тип — заклинатель, верно? — не посчитал, что ваш путь в этом прекрасном мире окончен.

— Удобно быть мной, — проворчал капитан, вставая. Зутт, Эхэлью, Маргул и Фасалетрэ Эштаралье отступили на несколько шагов, предоставляя ему возможность оглядеться. Проклятый двигался очень осторожно, словно не мог совладать со своим телом, пусть оно и вернулось в норму. Нашлось и еще одно весомое "но" — одежда, еще день назад идеально подходившая Хэлю, теперь висела на нем бесформенным мешком. — А где Эльва?

— Он... — канонир запнулся, опасаясь капитанского гнева. Зажмурился и закончил: — Ему не повезло. В отличие от вас, он был вполне себе жив, и заклинатель забрал его в качестве... м-м-м... в качестве материала для опытов.

Мильт поежился:

— Что?

— Заклинатель забрал его с собой, — повторил Зутт. — А мы не сумели отобрать.

— Он чертовски силен, — согласился с корсаром Фасалетрэ Эштаралье.

— Ничего не понимаю, — пожаловался капитан. — Ведь Эльва проткнул его. Насквозь. Как этому мальчику удалось выжить с такой раной? Да еще и взять нашего неугомонного приятеля в плен?

— Он не брал, — возразил демон. — Он ему затылок расшиб и потащил на своей спине, а потом вызвал какого-то духа и свалил через Безмирье. Впрочем, — Летрэ скрестил руки на груди, — я выцепил из точки выхода основное направление и примерно представляю, где искать милорда Тиеза.

— И где?

— В Нолете.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Звездный, Лунный, Темный и Солнечный танцевали вальс под музыку оркестра скелетов. Им было ужасно весело, равно как и представителям кладбищенской нежити — под составленной из свежих досок сценой дремала взрослая особь дакарага, синее от перенесенной погибшими людьми болезни умертвие держало флейту, а гильвир азартно обнюхивал брошенную кем-то кастрюлю. Судя по всему, в ней хранился отнюдь не суп — столкновение нижней и верхней челюсти твари сопровождалось багровыми брызгами и шмяканьем о траву белесых, отвратительных кусков явно не куриного мяса.

Эльва открыл глаза.

Он сидел на ровном, твердом и исключительно полезном для формирования здоровой осанки стуле. Запястья оказались туго скручены за спиной, а лодыжки — привязаны к собственно мебели. Голова гудела, как медный колокол, хотя некроманту сразу стало ясно: этот гул тревожит исключительно его слух. А заклинитель, развалившийся на белом диванчике напротив, нисколько от него не страдает.

— Проснулись, наконец?

— Ага. — Парень попробовал избавиться от веревок, но затекшие руки не способствовали решению этой проблемы.

Три-один-шесть приподнялся на локте, поправил воротник и жизнерадостно улыбнулся:

— Доброе утро.

— И вовсе даже оно не доброе, — спокойно возразил Эльва. Лишние нервы в битве с имперским колдуном вряд ли могли помочь. — Но должен признать: мне приятно, что вы столь вежливы и снисходительны в общении с пленниками.

— Я рад, что вы оценили мои таланты по достоинству, — благодарно кивнул юноша. Он успел заплести темные, нечто среднее между черным и синим цветом, волосы в косу, а вместо балахона надеть костюм для верховой езды. — Мы с товарищами на своем опыте убедились, что пленников не следует оскорблять — пока они не позволяют себе слишком многого. Но вы же умный человек, правда? Я искренне надеюсь, что мы достигнем взаимопонимания без рукоприкладства.

— Я тоже, — покривил душой некромант.

— Иметь с вами дело — сплошное удовольствие, — промурлыкал заклинитель. — Что такого вы хотите увидеть в моей пуговице?

— А я и не на нее смотрю, — рассеянно отозвался Эльва. — Я пытаюсь понять, куда делась рана, нанесенная моим мечом.

— А-а-а... что ж, полагаю, никому не станет хуже, если я проявлю маленькую откровенность. Нанесенная вами рана полностью, — три-один-шесть расстегнул куртку, приподнял рубаху и с гордостью продемонстрировал целую и невредимую грудную клетку, — регенерировала.

— Но это невозможно, — усомнился в его честности некромант. — Люди не обладают подобной мощью.

— Люди — нет, — легко согласился заклинитель. — Но ею обладают драконы. Знакомьтесь, господин пришелец из-за моря — это Винго, мой домашний питомец.

Из-за спинки дивана выглянула удлиненная, относительно небольшая драконья морда. Она сверкнула желтыми, как у кота, глазами и снова спряталась — но теперь Эльва рассмотрел и длинные лапы, занявшие пространство под диваном, и шипастый хвост, дотянувшийся почти до двери. За ней, кстати, то и дело раздавались чужие встревоженные

голоса.

— А я успел подумать, что слухи о вас — вранье, — признался парень. — Ведь вы призвали духа, а не дракона, и воспользовались его силой.

— Увы, проворачивать подобные шутки я способен лишь с помощью посредника, — сокрушенно развел руками три-один-шесть. — И в данном случае его роль досталась Хаалу. К сожалению, разум белого существа не выдержал и самоуничтожился, но результат был незабываемым, верно? Даже жаль, что вы с такой легкостью вышвырнули его в море.

Значит, страж Фасалетрэ Эштаралье скончался? Прискорбно. Нет, Эльва не испытывал к нему особенного сочувствия — просто не любил, когда схватки между магами становились причиной смертей невиновных. И еще больше не любил, когда невиновных использовали.

— Что ж, я поделился с вами частью информации, — все тем же дружелюбным тоном констатировал заклинатель. — Теперь ваша очередь. Кто вы такой?

— Эльва Тиез де Лайн. Рядовой участник Гильдии Магов.

— Гильдии Магов, — задумчиво повторил три-один-шесть. — Значит, вы не имеете отношения к шаманскому Восемнадцатому Кругу?

— Именно так, — подтвердил парень. — Если вы как следует меня обыскивали, то должны были обнаружить гильдийский официальный жетон.

— Вы об этой штучке? — заклинатель извлек указанный предмет из кармана. Эльва ответил равнодушным кивком, и три-один-шесть признался: — Мы не обладаем достаточными сведениями о вашем фрагменте мира, поэтому не смогли прочесть высеченные в железке руны.

— Прошу прощения? — вяло удивился некромант. — Ведь мы с вами разговариваем на одном языке.

— Нет, — огорошил его юноша. — Я говорю на имперском. Но драконья магия преобразует его так, чтобы вы меня понимали. Ладно, — сам себя оборвал он, — давайте продолжим беседу. Откуда вы приплыли?

— Из Морского Королевства, — без раздумий заложил прибрежцев Эльва. Нет никакого смысла покрывать уже известный заклинателям участок суши — в отличие от той же Велиссии, Гро-Марны и Хасатинии. Хотя сравнить хасатинцев с имперцами было бы забавно, да...

— Но вы только что сказали, что не имеете отношения к Восемнадцатому Кругу, — терпеливо напомнил три-один-шесть.

— Молодой человек, что вам известно о шаманах прибрежья? — пренебрежительно спросил некромант. И, дождавшись вопросительного взгляда заклинателя, добавил: — Представители Восемнадцатого Круга не поддерживают связи с властью, поэтому, по сути, являются изгоями на своей же родине. Одно дело — возиться в их проклятых подвалах, и совсем другое — прибыть в Морское Королевство по просьбе Гильдии. Если вас это беспокоит, смею заверить — я ни разу в жизни не общался с господами шаманами, поскольку они — мои конкуренты.

Три-один-шесть покосился на дракона — видно, надеялся, что он различит ложь. Но крылатый ящер не шелохнулся, и юноша, подхватив с низкого столика стакан воды, перешел к следующему пункту "допроса":

— Как вы прибыли в империю Ильно?

Эльва передернул плечами. Сдавать спутников не хотелось — имперцы наверняка отыщут и сожгут фрегат, вместе с brave корсарами и их капитаном. Кстати о нем...

— Извините, а где мой товарищ? — с обвиняющими нотками в голосе полюбопытствовал маг.

— Ваш товарищ, к сожалению, умер. — Судя по разочарованному выражению лица, заклинателя это ничуть не радовало: в конце концов, запасной свидетель проникновения чужаков на берега Ильно по определению не мог быть лишним. — Так что? Как вы сюда прибыли?

— На корабле, — растерянно буркнул парень, прикидывая, мог ли умереть бессмертный амайе.

— Каком?

— Самом обычном.

Дракон, валявшийся под диваном, рыкнул. Заклинатель торжествующе рассмеялся:

— Вы врете, господин Эльва. Самый обычный корабль не прошел бы через границу империи, потому что ее охраняют морские ундины.

— Не стоит приписывать все заслуги кораблю, — наигранно разозлился некромант. — Чтобы пройти мимо ундин, мне пришлось применить очень сложное заклинание...

Последним словом он подавился. Подошва ботинка заклинателя — как выяснилось, тяжелая и подбитая стальными шипами, — глубоко впечаталась в живот, покрутилась, словно примеряясь, куда лучше ударить, и остановила выбор на ребрах.

Так унизительно Эльву еще никогда не били. Три-один-шесть выглядел абсолютно невозмутимым — в конце концов, он всего лишь выполнял скучную работу, — и некромант чувствовал себя животным. И не стыдно из-за него, и не жалко, если вдруг сдохнет.

Спустя пару минут юноше надоело пачкать обувь, и он хладнокровно осведомился:

— Ну как, спеси поубавилось?

— Да пошел ты, — прошипел парень.

— Увы, это невыполнимая задача, — развел руками три-один-шесть. — И, поскольку вы отказываетесь от дальнейшего сотрудничества, я вынужден применить решительные меры. Входи!

Сначала Эльва не понял, к кому он обращается. Потом дверь распахнулась, и широкоплечий мужчина лет сорока втолкнул в комнату до зелени бледного, тощего и дрожащего подростка. Испуганный и растрепанный, он, шатаясь, сократил расстояние между собой и заклинателем, схватился за прядь собственных спутанных волос и выдал:

— *Namare gea la dorr, shenna Saage.*

Дракон приподнялся, убедился, что хозяин не возражает, и подправил исходное заклятие так, чтобы пленник разобрал, о чем беседуют его враги.

— Доброе утро, Рин, — радостно приобнял подростка три-один-шесть. — Ты голоден? У меня есть свежая еда.

Он с намеком уставился на Эльву. Некромант напрягся и с легким отвращением обнаружил, что из-под челки Рина выглядывают карминовые, как у чистокровного вампира в третьем-четвертом поколении, глаза с вертикальными зрачками.

— Я не хочу есть, — отказался подросток. — Я хочу умереть.

— Он тоже, — поспешил заверить его заклинатель.

Рин ситуацией не проникся:

— Пусть выберет менее жестокий способ, чем стать моей пищей. И я рассчитывал, что вы запомните: мне не по нраву человеческое мясо. Лучше куриное или, на худой конец, говяжье.

— На тебя куриц не напасешься, — ворчливо пожаловался три-один-шесть.

Эльва же только весело ухмыльнулся. Ему понравилось, что, несмотря на внешнюю безобидность, подросток не лебезил перед заклинателем, а, напротив, отстаивал свои привычки. А чем он завтракает, ужинает и обедает — дело десятое.

— Ну, я пойду? — Рин с надеждой покосился на выход, но три-один-шесть помотал головой, жестом пригласил его сесть и обратился к пленнику:

— Расскажу тебе еще кое-что из истории империи Ильно. Должно быть, ты уже догадался, что каждый заклинатель получает вместо ранга или звания порядковый номер? Три-один-шесть, тринадцать-двадцать два-сорок, семь-девять-пятнадцать и так далее. Не желаешь выяснить, что означают эти цифры?

— Желаю, — покорно отозвался Эльва. — Все равно ведь заняться нечем.

— Отлично, — просиял юноша. — Тогда слушай. Наши земли изобилуют тремя тысячами подвидов нежити. В основном это безмозглые твари, чья сущность держится на инстинкте самосохранения, но среди них присутствуют три класса адских созданий, которые причиняют разумным существам боль вполне осознанно. — Он поднял ладонь и начал демонстративно загибать пальцы: — "Ведьмина змея", "Дырявая лодка" и "Книга неудач". Первая, как правило, никого не убивает, вторая, не прикасаясь к телу противника, уничтожает один из его внутренних органов — печень, почку, легкое или желудок, — а третья воздействует на старые, плохие воспоминания. Те, что вызывают у людей, эльфов и крайтов реакцию, очень отдаленную от нормальной. Порядковый номер каждого заклинателя строится на количестве убитых им тварей: три змеи, одна лодка, шесть книг.

Некромант собрался было спросить, о каких крайтах идет речь, но три-один-шесть непреклонно на него цыкнул. Мол, объясню потом.

— Нашего общего знакомого, малыша Рина из клана Ледяного Дракона, укусила "Ведьмина змея". А укус "Ведьминой змеи" вызывает необратимые изменения в живом организме. Тех, у кого они благополучно завершились, мы называем зараженными. Зараженные обретают чудесное зрение, постепенно учатся видеть в темноте и питаются исключительно мясом, причем нуждаются в еде гораздо чаще, чем, к примеру, мы с тобой. Если обед по каким-либо причинам откладывается дольше, чем на один день, зараженный сходит с ума от голода. И бросается на любого, кого угораздит появиться поблизости. В позапрошлом году у нас даже ввели новую казнь: укушенного "Ведьминой змеей" запирают в темнице или застенках на два дня, а потом туда же вталкивают преступника. Спустя пару часов от него остается один скелет, а если совсем не повезет — то две-три обглоданных кости или вообще осколки, не подлежащие опознанию.

— Оригинально, — поразмыслив, заключил Эльва. — Хотя в Хасатинии бывает подобное. Разве что вместо зараженного выступают крысы, волки или жуки-мясоеды.

Рин содрогнулся:

— Это еще хуже.

— Нет, — возразил некромант. — Лучше быть съеденным животными, чем тобой.

— Я ни разу не ел людей! — вспылil зараженный. — Не смейте обвинять меня в том, чего я не делал!

— Прости, — фальшиво покаялся парень. — Меня просто бесит обстановка. Этот, как его — три-один-шесть? — до слащавости вежлив, а ты трясешься, как гитарная струна. Легче убиться об стену без подручных средств, чем на тебе сосредоточиться.

— Молчать, — с тихим смехом приказал заклинатель. — Иначе Рин не выдержит и все-

таки откусит твою руку... ногу... и башку под конец.

Эльва неожиданно заметил, что деревянная створка странно, мелко подергивается, и попробовал отвлечь собеседников:

— А как насчет обоюдовыгодного договора?

— Какого? — нахмурился заклинатель.

— Вы меня отпустите, а я помогу вам наладить связь с Морским Королевством. Скажем, убью тамошнего короля, а на трон посажу кого-то из высших порядковых номеров. А?

Три-один-шесть заразительно расхохотался:

— Нет, спасибо. Мы и сами разберемся с прибрежцами — когда до них дойдет очередь.

— Ага, — некромант тоже хохотнул. — Для начала вам надо избавиться от трех тысяч подвидов нечисти — если раньше они вас не сожрут.

Заклинатель замахнулся, чтобы снова ударить зарвавшегося пленника, но не успел. Дверь сотрясло так, будто с той стороны по ней долбанули тараном, и на имперцев посыпался град острых щепок. Под их прикрытием в комнату вломился Эхэлью, вооруженный двумя кривыми саблями, и завопил:

— А-а-а-а-а-а!!! Что, не ждали?!

— Берегись! — воскликнул Эльва. — Дракон!

Эльф понятливо увернулся, запрыгнул на стол и одним аккуратным, четко выверенным движением разрубил шею крылатого ящера. Брызнула кровь, горячие темно-синие капли едва не утопили некроманта и Рина. Зараженному они, кажется, умудрились попасть в рот — он дико раскашлялся, рухнул на колени и схватился за грудь.

Остроухий, не спеша уточнять, кто друг, а кто враг, сцепился с заклинателем под номером три-один-шесть — по-прежнему топча столешницу. На бледных лицах противников застыла почти одинаковая эмоция — злость, обусловленная боем, и слабое любопытство.

Мастерство Эхэлью выиграло, и юноша, разом растеряв всю свою уверенность, повалился на дорогой ковер.

— Вырежи ему сердце, — посоветовал Эльва. — Иначе он опять восстанет и будет нас преследовать.

Эльф поморщился, но возмущаться не стал и навсегда избавил заклинателя от необходимости просыпаться. Затем повернулся к Рину:

— Ну что? Ты не жаждешь благоразумно отступить?

— Жажду, — честно сказал подросток. — Мне эти твари все равно уже не помогут.

— Хм? — Эхэлью покосился на некроманта. — Что ты думаешь?

— Пускай сваливает, — буркнул тот. — Ему, один черт, недолго осталось. Лучше сними с меня веревки — по ощущениям, руки сейчас отвалятся!

— Ой, — спохватился остроухий. — Сейчас.

Рин, слегка оскорбленный пренебрежением к своей персоне, не сдвинулся с места. Эльва не придавал этому значения — какая разница, немедленно он уйдет или попозже? Тем более что проклятый, тихо, но сердито ругаясь, уже разрезал тугие путы охотничьим ножом.

— О Аларна, — вздохнул некромант, — Я счастлив. Спасибо, что подарила мне таких хороших друзей, и прими, пожалуйста, в дар господина три-один-шесть. Кстати о друзьях — Эхэлью, где остальные?

— Развлекаются, — впервые с момента появления улыбнулся эльф. — Мы уговорили

стражников отдохнуть, а заклинателей отрезали от дара и заперли в погребе. Ты бы слышал, как они там кричат!

— Ну еще бы — в темноте, без магии, всей толпой, пока мерзкие вторженцы разгуливают по городу... — фыркнул Эльва.

— Пойдем, я все тебе покажу, — весело предложил остроухий.

Некромант бегло посмотрел на Рина, все еще неподвижного, и вышел из комнаты. Какая разница, что произойдет с чертовым зараженным? А если его заклеят убийцей, ничего страшного: лучше имперская тварь, чем плиаретские корсары.

Он как раз выбросил подростка из мыслей, когда тот выскочил в коридор и отчаянно выпалил:

— Возьмите меня с собой!

Эхэльйо обернулся. Эльва — нет.

— С собой? — удивился эльф. — Куда?

— Куда угодно! — зараженный преклонил колено, будто собираясь принести клятву. — Здесь меня убьют... или заставят убивать тех, кто нарушает закон. А я не могу. Не могу, понимаете? Меня с детства учили, что смерть — это плохо, что нельзя мучить слабых, издеваться над глупыми и так далее... И мне банально не хватает смелости, чтобы в одиночку сражаться с Орденом Заклинателей. Ваша помощь...

— погоди, — отмахнулся Эхэльйо. — Ты не прав. Мы не собираемся воевать с этим твоим Орденом.

— То есть... как? — едва не расплакался Рин.

— Мы приплыли сюда, потому что я был проклят, — пояснил остроухий. — И снять проклятие могли только разумные драконы. У нас их очень трудно найти, а тут — загляни в любую пещеру и радуйся. Вот, в чем штука, молодой господин. Если бы Эльва не попал в беду, мы бы не пришли в город.

— Но... вы ведь... — пробормотал зараженный и закрыл глаза. Эльф с изумлением обнаружил, что карминовый цвет распространяется и на веки, и что он же корнями впивается в щеки и брови, выглядывая уже над ними. — Тогда увезите меня прочь из империи.

Было ясно, что это решение далось Рину непросто — подросток помрачнел, стиснул зубы и старался не поддаваться панике.

— Эльва, ты не против? — поинтересовался Эхэльйо.

— Нет, — скрепя сердце ответил маг. — Если он, конечно, не станет действовать мне на нервы.

— Не стану, — обрадовался зараженный. — И спасибо. Спасибо вам огромное!

Обратный путь к "Оборотню" занял у маленького отряда всего полдня: Фасалетрэ Эшгаралье уговорил самого дружелюбного из городских драконов спасти того, за кого, пусть и не по своей воле, расплатился жизнью Хаал.

Эльва, устроившись на гребне, с наслаждением перебирал недавние воспоминания. Нолет — ближайшая к перевалу торговая точка, — был поразительно тихим, чистым и безлюдным. Жители сразу сообразили, что между заклинателями и чужаками назревает серьезная буря, и спрятались в погребах. На улицах остались только пьяницы и те, кому терять было нечего. Они боязливо подкатывали к Мильту — наиболее представительному прищельцу — и спрашивали, сильно ли он разгневан и сохранятся ли центральные храмы.

Амайе величественно обещал, что не обидит никого, кроме "чертовых имперских магов", и, разумеется, сдержал свое слово. Убивать мирных жителей ему было не с руки.

На фрегате отряд встретили радостными воплями. В толпе встречающих отсутствовал только рулевой — он, как обычно, торчал на квартердеке и рассчитывал, что капитан сам заглянет поздороваться. Капитан заглянул, но опустил длинную вступительную речь типа: "благодарю тебя, смертный, за то, что ты присмотрел за кораблем", а сразу приказал выходить из бухты.

Некроманту поручили отпугивать ундин, и он блестяще справился со своей задачей. Однако — уже после того, как корабль пересек границу империи Ильно — ощутил укол беспокойства, наблюдая, как скрывается в голубоватой дымке обитель заклинателей.

Что-то было не так. Но Эльва, хоть убей, не сумел бы объяснить, что именно.

Вернув Мильту свитки, он заперся в каюте и, покачиваясь на гамаке, попытался сосредоточиться. Эхэльйо убил юношу под номером три-один-шесть — или все-таки не убил? Каковы регенеративные способности заклинателей? Ведь некромант без особых сложностей проткнул вроде бы живое сердце Сага, а результатов этим не добился. Может, стоило вместо этого органа вырезать мозг? Или размолотить его в кашу, чтобы точно остановить поток магии в теле заклинателя?

Смерть человека, эльфа, инфиста или стагла сопровождается выплеском стихийных сил — срабатывает теория материи. Дети Смерти — то есть выпускники факультета некромантии — ощущают этот выплеск и преобразуют его, пропуская через темные уголки дара. И Эльва был абсолютно уверен, что после падения Сага ничего подобного не произошло.

Значит, юноша выжил. Но как? Неужели опять прибегнул к драконьей помощи? Хотя Эхэльйо справился с крылатым ящером прежде, чем взяться за заклинателя...

Эльва закрыл глаза и уже вознамерился отдохнуть, когда издали — скорее всего, из кают-компании, — донеслось мелодичное:

— Небо падает нам под ноги,
превращаясь из снега в грязь.
Я один среди тех немногих,
кто встречает его, смеясь,

Кто не плачет и не боится,
кто от холода не бежит.
Небо падает, снег искрится.
Я смотрю на тебя. Скажи,

почему ты так слепо веришь
в то, что я не охвачен злом?
Что навеки закрыл я двери,
за которыми злые звери
согревают меня теплом?

Я опасен — на самом деле
я намного опасней тех,

кто стоит под фатой метели,
из себя извлекая смех.

Мои руки — в крови по локоть,
я в Аду много раз бывал.
Я один среди тех немногих,
кто действительно убивал.

"Милът", — с улыбкой подумал Эльва. Едва оказавшись на борту "Оборотня" и отдав приказ об отплытии, амаёе вручил Фасалетрэ Эштаралье старую, побитую временем гитару и принялся заново учить петь. Пока что успехи бывшего пленника пещеры были весьма и весьма скромными, и вообще он выглядел так, будто не испытывал интереса к музыкальным занятиям. Зато капитан старался за двоих, легко вспомнив половину песен Рикартиата.

Когда Милът принялся их перебирать, наивно надеясь, что для Летрэ имеет значение хотя бы одна, из памяти некроманта требовательно вылезла неприятная сцена — забитая людьми площадь Алаторы, виселица и отзвук выстрела. В тот день ему было без разницы, кого казнят, но в обществе демона эта деталь обрела смысл. Личная карета маркиза де Лайна застряла в потоке алаторцев, когда звонкий девичий голос бешено причитал: "Выслушали?! Да вы сидели с жуткими скучающими мордами, не проявляя и доли сострадания! За что вы собираетесь убить человека?" Кажется, братец Грайза тогда скривился, а отец негромко посетовал: "Полагаю, товарищи убийцы снова превращают публичную казнь в забавное зрелище для простаков?"

Переминаясь с ноги на ногу, Эльва рассказал об этом Фасалетрэ Эштаралье. Демон безмятежно пожал плечами и сообщил, что Альтвиг Нэльтеклет не является для него кем-то важным. И на всякий случай повторил, что Рикартиат умер, а его тело досталось совсем другой, враждебной для большинства живых созданий сущности.

Некромант не поверил, но настаивать не решился.

Милът закончил петь, и на корабле воцарилась тишина. Где-то — вроде бы на втором деке, — что-то спросил у Нильмы Гиаль, а затем оба отправились на камбуз. Наверное, девушке досталось предложение вместе пообедать. Затем по верхней палубе прошелестели едва различимые шаги Рина — подросток вел себя очень осторожно и из кожи вон рвался, чтобы не попадаться никому из корсаров. Впрочем, и за ним водилась одна странность: зараженный любил взбираться на верхушку грот-мачты и висеть, уцепившись за снасть стоячего такелажа. Зутт страшно ругался и грозился оторвать негодюю руки, если снасть не выдержит.

Заклинатель под номером три-один-шесть безглаголиво поморщился, поднял брошенное врагами сердце и засунул обратно в грудь. Там оно бешено извернулось, вцепилось одним концом перерубленной артерии в другой и, словно комок червей, начало возвращаться на изначальную позицию. Было больно, но юноша, стиснув зубы, терпел. И позволил себе расслабиться, лишь когда края раны затянулись, и единственным напоминанием об ударе остроухого стала красная полоса глубоко под кожей.

— Убью, — сам себе горячо поклялся он. — Отыщу и убью.

— Это кого же? — с равнодушием заводной куклы спросила заклинательница, сумевшая освободиться сама и выпустившая друзей. Сейчас они занимались запугиванием жителей —

мол, если появится хоть какой-нибудь слух о нынешнем позоре Ордена, Нолет немедленно сгорит.

— Эльфа, — рассеянно пробормотал Саг.

Девушка заливисто рассмеялась. Рыжеватые волосы взметнулись вихрем над ее запрокинутой головой.

— И как ты собираешься его убивать, если он за неполную минуту с тобой расправился?

— Я буду стараться, — иронично ответил три-один-шесть. — Они наверняка сбежали, и носиться по землям империи бесполезно. Надо снаряжать корабль, брать десяток воинов и отправляться в погоню. Остроухий не мог уплыть далеко — по крайней мере, если взял курс на Морское Королевство.

— Угу, — с напускной серьезностью согласилась заклинательница. — И что ты скажешь людям из порта? Что вынужден срочно уплыть по тому же курсу, где пропало уже восемь быстроходных шхун? Не смейся.

— Ладно, — помедлив, вздохнул Саг. — Будь добра, принеси мне творога и сметану. Я оставил их в кладовой, это через три двери от кухни.

— В такой серьезной обстановке ты мог бы и забыть о потребностях низменного тела, — презрительно отчеканила девушка.

— От потребностей тела напрямую зависит расположение духа, — невозмутимо возразил три-один-шесть. — А оно сейчас важно.

Впрочем, злоупотреблять терпением соратницы он не стал и побрел за творогом самостоятельно. Уселся на кривую табуретку — старая, как мир, мебель не шаталась, только если под двумя ее ножками стояли дополнительные кусочки дерева, — насыпал в миску сахара, добавил сметаны и помешал. Не очень старательно, отчего содержимое разделилось на три враждующих лагеря.

— Приятного аппетита, — пожелал юноша себе.

Аппетит как отшибло, но он упрямо принялся поглощать ценный молочный продукт. В Ильно домашний скот долго не жил — либо его находила нежить, либо воровали голодные соседи, либо косила стихийная болезнь. Эпидемии случались часто, с перерывами в два-три года, поэтому населения тоже не хватало. И вообще империи было нечем славиться: неплодородная, холодная, покинутая Богами земля. Порой три-один-шесть жалел, что власти запретили китобойство — оно давало какие-никакие, а все-таки шансы выжить бесконечной зимой. Точнее, его результаты.

Три-один-шесть опустошил миску, вытер губы рукавом и поплелся к госпоже семнадцать-девяносто один-тридцать четыре, или, выражаясь проще — Лиен. Ее общество, конечно, мало располагало к задушевным беседам, но заклинатель нуждался отнюдь не в утешении.

Пожилая заклинательница, чей дар давно утратил способность гармонично сосуществовать с телом, отдыхала в глубоком и мягком кресле. Руки на подлокотниках, кончики пальцев сильно впиваются в ткань зеленого платья. Несмотря на возраст, Лиен всегда выглядела безупречно — высокая прическа, подведенные эльфийской краской серые, прозрачные глаза, гордая осанка. Она посмотрела на Сага с неприязнью, как на явного конкурента — хотя по сути он был ее подчиненным, — и бросила:

— Чего тебе, три-один-шесть?

— Хочу попросить вас об услуге. — Заклинатель, как последний из племени восставших, и не подумал преклонить колена. Он общался с госпожой семнадцать-девяносто

один-тридцать четыре на равных, и вряд ли что-то во Вратах Верности могло это изменить.

— Ты? Об услуге? — Женщина захихикала. Четко, с выражением, будто годами репетировала незамысловатое проявление чувств.

— Да, — спокойно отозвался Саг. — Я хочу, чтобы вы отпустили меня на территорию Морского Королевства в целях поиска и убийства сбежавших пленников.

— Пленник был один, — напомнила госпожа Лиен.

— Нет. Любой, кто приплывает в империю Ильно без ведома императора, остается ее пленником навсегда. Я найду каждого из команды вражеского корабля, и каждый окажется вздернутым на ближайшем дереве. В доказательство, если вы пожелаете, я привезу вам их уши и повязки. Последние, вероятно, играют роль отличительных признаков...

— Саг, — перебила заклинательница. — С тобой все хорошо?

— Разумеется, — растерялся он. — А что такое?

Женщина промолчала, но обеспокоенно его разглядывать не прекратила. Юноша переступил с ноги на ногу:

— Госпожа Лиен, что вам не нравится?

— В тебе просыпаются повадки нежити, мой мальчик.

Три-один-шесть скрипнул зубами, сдерживая ругательства, и отвернулся. Для любого восставшего столь прямые намеки на вторую кровь — страшное оскорбление. При других обстоятельствах Саг с удовольствием свернул бы шею старой карге, посмевавшей усомниться в его человечности. Но сейчас он остро нуждался в лицензии — и поэтому показывал чудеса самообладания.

— Молодец. — Заклинательница оценила его труды. — Я передам документы с Алшером, когда он вернется. А пока что советую собирать вещи и приводить себя в надлежащий вид — позорить нашу империю, пусть даже в королевстве врага, я категорически запрещаю. Ты должен вести себя достойно.

Саг терпеливо выслушал лекцию о правилах поведения, откланялся и был таков. Собственная внешность его несколько не волновала, но если старой карге угодно... лучше выполнить требования госпожи сразу, чем задерживаться из-за ее стервозного характера.

Пропажу одного участника плавания заметили, лишь оставив позади Чертову Полосу. Мильт успокоился, объявил, что теперь опасаться имперского преследования не стоит и вознамерился, как обычно, преподать Фасалетрэ Эштаралье новый музыкальный урок — но с разочарованием обнаружил, что демона нет на корабле.

Обыскали все — оружейные палубы, камбуз, кают-компанию, трюм, — на всякий случай спустили на цепях лодку и исследовали окрестности. Очень относительно, потому что вокруг была только вода, вода и ни черта, кроме воды.

Эльва использовал поисковое заклятие, помрачнел и виновато доложил, что бывшим пленником пещеры поблизости и не пахнет. Однако не смог внятно предположить, куда он делся и какой сирены не предупредил корсаров о своем уходе.

Вечерело, солнце почти уползло за окутанный синей дымкой горизонт. Амайе сидел у фальшборта, рядом с хмурым картографом, и бесстрастно наблюдал за покрасневшим от смущения небесным светилом. Сперва оно выкрашивало облака в чудесные багровые, карминовые и алые тона, а затем кануло в неизвестность, и небо начало темнеть.

Маргул вытащил из-за пазухи два яблока, надкусил первое и, помедлив, бросил Мильту второе. Тот благодарно кивнул.

Прошло несколько минут, и мимо бушприта пролетели огрызки. Какая-то крупная и, наверное, неприхотливая рыба тут же высунула из-под мелкой волны пасть и жадно их проглотила, чмокнув губами и пошевелив длинными, витыми усищами.

— Ну и правильно, — неожиданно сказал картограф.

— Что — правильно?

— Что он убрался в Нижние Земли, пока мы не достигли берегов приморья. Я читал, что любой представитель адского племени может в мгновение ока создать портал, шагнуть в него и исчезнуть. А в Морском Королевстве повсюду отряды надзирателей — вдруг из-за проступков шаманов в города сунутся потусторонние твари? Они бы засекли Летрэ раньше, чем мы успели бы выдать его за раба или слугу Эльвы.

Мильт потуже затянул узел красной повязки.

— Пожалуй, ты прав.

Оба помолчали, любуясь первыми звездами. Внизу, по основной палубе прошел Зутт, громко ругая кока. Кажется, тот снова переперчил суп, и команду ожидала очередная порция несъедобной, излишне острой и обжигающей язык еды.

Капитан про себя отметил, что по прибытии в Плиарет надо найти другого повара, более талантливого, и тихо спросил:

— У тебя есть какие-нибудь планы?

Маргул покосился на него с явной, но не злой насмешкой. Понял, что амайе имеет в виду вовсе не ближайшие пару дней, и буркнул:

— Хотелось бы навестить маму и сестру. В последних письмах они очень просили меня приехать.

— Хорошо. Тогда для начала возьмем курс на Хасатинию, а потом уже двинемся к Белым Берегам. Подождем тебя в порту и...

— Не надо, — отказался картограф. — Я сам приеду. Его Величество Алетариэль, вне всякого сомнения, пожелает обсудить с вами абсолютно все, что взбредет в его безумную голову. И вам придется торчать в порту Вольгеры, пока не грянет война или что-нибудь подобное, такое же масштабное и страшное.

— Алетариэлю скучно, — попытался оправдать друга Мильт. — Он торчит в белобрежье уже много лет, причем безвылазно. Захватить империю Ильно не может, в Загорье не кажет носа из уважения к сородичам, а остальные королевства в той или иной мере уже ему подчиняются. Слишком велика власть, слишком велика ответственность. Я бы ни за что не согласился занять его трон.

— Я бы тоже, — хмыкнул подросток. И встал, поправляя манжеты белой, сшитой на заказ рубахи: — Пойду посплю. Доброй ночи, капитан.

— Приятных сновидений.

Амайе проводил Маргула рассеянным взглядом, зевнул и лег, чувствуя спиной прохладные, шероховатые, знакомые до каждой мелочи доски. Спускаться в свою каюту было лень, да и погода не располагала — куда приятнее проводить такие теплые ночи здесь, чем в закрытом со всех сторон пространстве.

Картограф поедет домой, Эхэлыо вернется к родителям, Эльва собирается провести старшего брата — то есть среднего в семье Тиезов. Да и вообще все корсары с радостью разбредутся по харчевням, публичным домам — если сумеют отыскать их в суровом военном форте — и торговым лавкам. К Мильту уже не раз прибегали с полными надежды вопросами, отпустят ли их на сушу хотя бы на полдня — а затем так же стремительно

убегали, полные радости.

Капитан бы и сам с удовольствием прошелся по рынку, подыскивая новое оружие, но, насколько он помнил, горцы и эльфы посещали Вольгеру лишь ранней осенью и поздней весной, чтобы не бродить по трактам в чрезмерную жару или холод. И вообще две знаменитые расы оружейников предпочитали встречаться с людьми как можно реже, словно испытывая перед ними страх.

Однажды Хайрен призналась, что ощущает легкую горечь во время бесед со смертными — мол, они умрут, а у меня сохранятся воспоминания. Вероятно, эти воспоминания причиняли Ее Величеству боль, ведь она, по человеческим меркам, уже давно переступила порог жизни. Но амайе никогда с ней не соглашался — наоборот, возражал. Он относился к людям с той же прямоотой и легкостью, что и Эхэлью.

И ему было весьма любопытно, сколько остроухому лет.

Впервые будущий проклятый и капитан небесного фрегата столкнулись в Шьенэте — маленьком городке, где процветала главная резиденция Гильдии Убийц. Разумеется, подпольная — но в узких, причудливо переплетенных переулках о ней знали все. Эхэлью приехал к другу, а Мильт подыскивал мастера зельеварения, способного приготовить достойный яд. Им, после долгих поисков и расспросов, оказался лесной отшельник по имени Нимтайори — сердитый, поминутно чихающий и грубый, но талантливый и надежный. Сделав заказ и договорившись о том, что готовое "лекарственное средство" принесут на постоянный двор, капитан ретировался — а спустя трое суток получил вожделенную бесцветную жидкость. Ее принес веселый, смешливый, потрясающе болтливый эльф, и он же с детской наивностью осведомился: "что, мечтаете кого-то убить?"

Мильт расплылся в улыбке. Это знакомство до сих пор оставалось самым забавным в его бесконечной жизни. Обычно в компании амайе все старались держаться подчеркнуто любезно, с непрошибаемой осторожностью — чтобы, упаси Боги, не прогневить загадочное существо из-за моря. Это здорово тяготило, превращая нормальные разговоры в зеленую, вязкую тоску — и убивая желание их начинать.

Но Эхэлью не видел смысла придумывать новый, абсолютно чуждый его характеру образ, и он с удовольствием принял приглашение поужинать, распить на двоих бутылку этолиты и прикинуть, что еще решится натворить инквизиция в своей жажде искоренить колдовство. Амайе был в курсе, что отличий между темным и светлым даром нет, и они представляют собой две стороны единого целого — поэтому прикидывал вполне логично и обоснованно, а остроухий, в свою очередь, щедро поделился с ним известными фактами и рассказал, с какими инквизиторами можно шутить, а с какими — нет.

К слову, тогда он упомянул некоего господина Улума — грозу свободных магов, безжалостного убийцу и четвертого в списке противников, заранее приговоренных к смерти — Гильдия даже назначила цену за любое доказательство, что чертов инквизитор подох. Однако до Мильта доходили слухи, будто этот человек сейчас находится среди шаманов Восемнадцатого Круга — а значит, переметнулся на сторону колдунов, лишь бы спасти свою лживую, продажную шкуру. Все возвышенные идеалы, включая веру в Богов и череду возрождений, были запросто втоптаны в песок и навсегда забыты.

Капитану "Оборотня" такое положение дел казалось неправильным, сломанным. Если ты искренне предан чему-то или кому-то, лучше отдать за это жизнь, чем растянуть ее остаток во враждебной для тебя обстановке. Впрочем, все разумные существа — разные, и догадываться о причинах, толкнувших Улума на такое откровенное предательство,

получается лишь в общих чертах. Примерно.

— Капитан, — прозвучало внизу. — Вы в порядке?

— Да, — Мильт поднялся и посмотрел на растрепанную, перемазанную копотью Нильму. Сдвинул брови: — Что с тобой случилось?

— А-а-а, — рассеянно протянула девушка. — Понимаете, я заходила к господину некроманту — уточнить, будет ли он ужинать, — а он разбирает старый артефакт. Свой, из запаса десятилетней давности... мне стало интересно, и я задержалась — взглянуть, что из этого получится. Ну а получился... получился маленький бабах.

— Каюта уцелела? — с обреченностью преступника пробормотал амайе.

— Вроде бы... то есть да, капитан! — вздрогнула Нильма. — А вы зайдете на камбуз? Кок волнуется.

— Нет, — поразмыслив, мотнул головой мужчина. — Передай ему, что я не голоден. И еще — что благодарен.

— Так уж и благодарны? Я слышала, вы собираетесь его заменить.

— Верно. А что, тебе нравится местная стряпня?

Девушка вздохнула:

— Нравится, не нравится... у Ельны, безусловно, хватает недостатков, и готовит он так себе... но человек он хороший, душевный.

— И душевно орет на подчиненных, стоит им случайно споткнуться, — подытожил Мильт. — Мне жаль, Нильма. Человек либо справляется, либо нет — и наш кок явно страдает вторым вариантом. Если у тебя есть какие-нибудь пожелания касательно того, где искать нового повара, ты можешь их высказать. Я все выслушаю и учту.

— Было бы неплохо поискать уже в Плиарете, — предложила она. — Или в Хасатинии.

Капитан сдержанно фыркнул, а потом не выдержал и расхохотался.

— Говори тише. Если Эльва услышит твои слова, он погибнет на месте... или предпримет все необходимые меры, чтобы погибла ты — вместе со своими ужасными идеями.

Нильма обиженно отвернулась — но, шагая обратно в камбуз, улыбнулась в ответ звенящему смеху амайе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РАЙЗА

— Спасибо, капитан. — Маргул, стоя по колено в воде, шутливо отсалютовал. И отвернулся: — До встречи.

— Прощай, — согласился амайе, следуя старой плиаретской традиции. — И будь, пожалуйста, осторожен.

— Да-да, обязательно, — буркнул картограф, шлепая к берегу. Под ногами податливой, теплой волной расходился белый песок и разбежались мелкие, бесполезные еще креветки.

Мильт подождал, пока он доберется до берега, и велел возвращаться к "Оборотню".

Маргул бодро прошагал еще десять выстрелов, углубившись в скалистую, кое-где заросшую кустами пустошь. Со временем она переросла в цветистое дикотравье, потом возникли чахлые деревца, а потом — густые заросли шиповника. Картограф обошел их по большой дуге, памятуя о том, что среди колючих ветвей ютится немало птицеподобной

нежити, и она, хоть и относительно безобидна, все равно любит внезапно выскакать из укрытия и пугать неосведомленных путников.

Хасатиния осталась точно такой же, какой была. Все та же своеобразная, мало кому до конца понятная родина звонарей, первое королевство, где появились колокола. Их отдаленный звон доносился до ушей Маргула даже сейчас: лодка приблизилась к землям Хасатинии в опасной близости от Виерса. Маргул планировал для начала зайти в этот город — там у него имелось несколько не самых лучших, но и не самых худших друзей, — а путь в Ярну продолжить завтра. Может, после сна на твердой поверхности колени перестанут дрожать с непривычки, но пока подросток не мог избавиться от впечатления, будто палуба корабля — куда более удобная вещь, чем суша.

От нечего делать на ходу он подсчитывал, сколько времени займет поездка из одной точки королевства в другую. Выходило, что никак не меньше трех дней — и это если удастся купить лошадь, ведь пешком, по летней жаре и с тяжелыми сумками далеко уйти не получится. Или получится, но будет невероятно сложно. Маргул представил, как падает бездыханным, едва переступив порог родного дома, и мрачно усмехнулся.

К Виерсу он вышел уже через три часа, изрядно поплутав между надгробиями старого, давно заброшенного кладбища. На ум упрямо лезли ироничные слова Эльвы, мол, повстречаешь где-нибудь нечисть — непременно сообщи мне! — хотя кладбище было добротным, аккуратным и освященным. Видно, жители близлежащих сел — вон, над полями поднимаются тонкие полосы дымок, — не горели желанием сводить знакомство с гильвирами, упырями, умертвиями или дакарагами.

Маргул тоже не горел — и вздохнул с облегчением, когда могилы остались позади. Вышел на тракт, берущий свое начало в Званге, и без происшествий добрался до обитых железными шипами городских ворот — единственного места, где позволялось входить в город и выходить из него. К удивлению картографа, обычная для здешних мест очередь отсутствовала, а стражники поленились выйти из караулки, чтобы выяснить, кто пожаловал в чудесный, светлый и легендарный Виерс. На всякий случай заглянув в окно, подросток испытал жгучее разочарование: трое здоровых мужиков, безмятежно похрапывая, развалились на печи, на полу и на деревянной лавке, а под небольшим, сколоченным из сосновых досок столиком валялось восемь ярких, наверняка дешевых бутылок из-под вина.

— Герои, — себе под нос пробормотал Маргул. — Отважные герои, защитники нашего королевства.

Он поправил ремешок правой сумки, убедился, что левая не намерена покидать владельца в ближайшее время, и бодро зашагал к площади. Пересек ее — под внимательными, оценивающими взглядами торговцев, — и углубился в переплетение центральных улиц. Отыскал приличный постоялый двор, посмотрел на вышибалу — худого и высокого, но внушающего невольное уважение, — и спросил:

— А где хозяин?

— В кухне. Сейчас позову, — отозвался мужчина, покидая свой пост у двери.

Ждать пришлось недолго: низенькая старушка в цветастом платке, сшитом из ярких лоскутков ткани, выскочила в зал и почтительно поклонилась:

— Пожалуйста, пожалуйста, господин! Пойдемте, я проведу вас в свободную комнату.

— Спасибо, — серьезно кивнул Маргул. Кажется, его приняли за бродячего колдуна, что и неудивительно, — с такими-то примечательными волосами и поклажей! — но делиться со старушкой своим настоящим предназначением картограф не пожелал. Пускай

боится.

Шаркая подошвами расхлябанных туфель об пол, пыхтя и отдуваясь, хозяйка с горем пополам вскарабкалась на второй ярус и открыла первую же створку:

— Заходите, располагайтесь! Принести вам обед?

— Нет, — поразмыслив, отказался подросток. — У меня еще есть дела. Я оставлю вещи, запру комнату и отлучусь часика на полтора. Вот залог.

Он вручил старушке золотую монету, выслушал счастливые причитания и отправился восвояси. Конечно, после долгой дороги следовало бы сперва отдохнуть, но Маргулу хотелось убраться из Виерса поскорее: в конце концов, он не навещал мать уже больше года.

Знакомый перекресток нашелся спустя десять минут, но, чтобы отыскать дом товарищей по университету, пришлось приложить вдвое больше усилий. Однако под конец картографу повезло, и он уверенно, внутренне подобравшись и приготовившись к слезным заверениям вроде "ой, как мы скучали" постучал калиткой о забор. Сначала отреагировала собака — рыжая, беспородная скотина размером с двух Маргулов. Она выскочила из будки, абы как сколоченной хозяевами — лишь бы стояло, — и принялась яростно, ожесточенно, с ненавистью лаять. Из оскаленной пасти, словно из разбитого кувшина, брызгами полетела слюна.

— Спокойно, спокойно, Хагна! — из дома выбежал всколоченный парень немногим старше подростка и, смешно спотыкаясь, бросился к псине. Та мгновенно раскаялась, поджала хвост и забралась обратно в будку, напоследок низко, предупреждая взрыкивая.

— Привет, Самиш, — поздоровался с приятелем картограф. — Как дела?

Тот с недоверием на него вытаращился. Из-под соломенной челки взблеснули потрясенные карие глаза.

— Маргул! — воскликнул парень. — Неужели это ты?

— Я, — со смехом подтвердил подросток. — Впустишь меня в дом, или так и будем стоять по разные стороны ограды?

— Впущу, — спохватился Самиш. — Разумеется, впущу! И давай быстрее, Вайга тебе очень обрадуется!

В этом картограф сомневался, но спорить с хозяином не стал. К тому же он действительно пришел, чтобы попасть внутрь, а не жариться на солнышке и нервно коситься на недовольного чужим присутствием пса.

В доме бывшего однокурсника было шумно, полутемно и тесно. Повсюду стояла сваленная горой мебель — перевернутый шкаф, на нем диван, а на диване несколько стульев. Из кухни доносился детский лепет, подкрепленный стуканьем маленького кулачка о стол, и умильное женское бормотание.

— Это кто? — настороженно поинтересовался Маргул.

— Мой сын, — улыбнулся Самиш. — Его зовут Райза.

Он схватил подростка за локоть и потащил за собой. Картограф обреченно потащился следом — ладить с детьми он абсолютно не умел, а приятель, наверное, надеется, что он похвалит и подержит на ручках малыша Райзу. Вообразив, как ребенок падает и разбивается на тысячи осколков, словно чашка, Маргул страдальчески скривился и начал придумывать отговорки.

Впрочем, в кухне выяснилось, что они не нужны.

Жена Самиша — невысокая, коренастая девица с темными волосами ниже колен, заплетенными в две тугие косы, и родинкой на мочке уха, — сидела с окна, прижимая к себе

мальчика лет четырех. Страшно костлявого, можно даже сказать — тощего, а еще — седого.

— А... — выдавил из себя картограф. — Э...

— Это Райза, — со счастливым выражением лица донес до него приятель. — Райза дорогой, это — мой университетский товарищ. Его зовут Маргул, и он работает на настоящих кораблях, далеко-далеко в море!

Ребенок, чуть помедлив, повернулся к гостю. На щеках, обрамленных волнистыми седыми прядями, полыхал нездоровый румянец, а в глазах — один синий, другой алый, — плескался туман.

Маргул застыл, жалея о своем решении проверить, как поживает Самиш.

— Здравствуй, — сказала Вайга.

— М-м-м... — все еще растерянно промямлил картограф. — Да, добрый день. Как поживаешь?

— Неплохо, отнюдь неплохо, — мужественно солгала она. — А ты?

Подросток сглотнул.

— Ну, мы недавно прибыли... то есть я недавно прибыл, а через две недели должен вернуться на корабль — но сперва надо договориться с Гильдией Магов, чтобы меня из Ярны перебросили в белобрежную Вольгеру.

— Ты по-прежнему работаешь на того сурового капитана? — изумленно уточнил Самиш. — Я думал, вы друг друга терпеть не можете.

— Мы переосмыслили ситуацию и пришли к выводам, что ему необходим картограф, а мне — хорошая работа, — не стал увиливать Маргул. — И в итоге выяснилось, что он вполне нормальный мужик. Со странностями, но ответственный и зарплату выдает вовремя.

— Да, это главное, — снова рассмеялся приятель. У Вайги дрогнули губы, но он предпочел не обратить на жену внимания. — А я прозябаю в библиотеке. Разбираю старые свитки, пытаюсь навести порядок... может, до конца жизни и справлюсь.

— Как-то у вас... нерадостно, — с запинкой констатировал подросток. Он рассчитывал, что друзья встряхнутся и попробуют притвориться, будто ничего не происходит, но потерпел поражение. Поэтому, зажмурившись, брякнул: — Что происходит с вашим сыном?

Самиш присел на подоконник, подхватил цветок в запыленном горшке и разгладил сморщенные листья. По мнению Маргула, бедное растение следовало выбросить, но хозяева думали иначе.

— Райза таким родился, — наконец произнесла женщина. — Слабым. Легким. Больным. Лекари не знают, что это... в чем проблема, а представители Гильдии наперебой говорят, что спасти моего сына не выйдет.

Картографа передернуло. О подобных отказах он был наслышан и, в общем-то, понимал, по какой причине Гильдия не смогла исполнить просьбу Вайги и Самиша. Но все равно ощутил волну острой неприязни и отвращения — и к магам, и к самому себе.

— Чаю хочешь? — опомнился хозяин дома. — У нас есть малина и немного черной смородины, а еще яблочный пирог.

— Было бы неплохо, — помедлив, согласился Маргул. Если бы он ушел, ребята бы наверняка обиделись и приняли это на свой счет. К тому же Вайга готовила гораздо вкуснее, чем кок с "Оборотня", и не воспользоваться столь милым предложением — просто кощунство.

— Расскажи пока о своих приключениях, — предложил Самиш, заглядывая в печь и вороша красновато-серые угли кочергой.

— Ну-у, — подросток опустил на свободный стул, прикидывая, чем можно поделиться с товарищами, а чем — нет. — Полторы недели назад мы побывали в империи Ильно. Помнишь, преподаватели о ней рассказывали? Якобы очень далекое, неизведанное и опасное государство, логово заклинателей и драконов. Ты еще придерживался мнения, будто ее на свете не существует.

Самиш кивнул:

— Помню.

— Так вот поздравляю — ты ошибся. Империя Ильно — это вполне реальное место во Вратах Верности, и она страшно недружелюбная. Мы всего-то пытались отыскать крылатого ящера, способного взаимодействовать с человеческим колдовством, а заклинатели разозлились, напали на наш отряд и утащили одного... — Маргулу показалось, что слово "некромант" прозвучит неуместно в нынешней обстановке, и он слегка отошел от истины: — человека. Пришлось их преследовать, а потом пробираться во вроде бы мирный торговый городок, Нолет. И — представляешь! — там мы выяснили, что имперских заклинателей обычными методами не убить. Или, по крайней мере, одного имперского заклинателя.

— Хм? — удивился Самиш. — В смысле — не убить? Они ведь такие же люди, как и мы с тобой, разве нет?

— Такие же, — кивнул картограф. — С виду. Но что там у них внутри, мы не в курсе. Капитан хотел разрезать и посмотреть, но Зутт сказал, что это слишком жестоко, а господина Эхэльйо чуть не стошнило.

— Вы хуже морских пиратов, — шутливо пожурил его приятель. — Те хотя бы убивают без разговоров, а вы сначала пытаетесь до всего докопаться. Но, — он поставил перед Маргулом чашку малинового чая и большую миску со смородиной, — с другой стороны, вы правы. Лучше сразу узнать, кто твой враг, чем столкнуться с ним спустя пару месяцев и оказаться совершенно беспомощным.

— Верно, — благодарно кивнул подросток. — Я рад, что ты меня не осуждаешь.

Самиш похлопал его по плечу:

— Мы же друзья. Пускай и редко встречаемся.

Алатора — столица Белых Берегов — была наполовину скрыта зеленой листвой каштанов. Стены поросли мхом, а открытые ворота походили на разверстую пасть лесовика. В них, до неприличности долго споря со стражниками, неспешно проползала очередь: бродячие торговцы, певцы, местные жители — из тех, у кого полно родственников в деревнях, — и маги. Эльва с ходу обнаружил четырех своих коллег и отправился с ними побеседовать, бросив непривычно нервного Эхэльйо в густой древесной тени.

Вернулся он лишь спустя добрых сорок минут, поправил тонкую голубую ленту — после ухода с корабля корсары требовали ее отдать, но парень заявил, что уже не ощущает себя полноценным без этого проклятого куска ткани, — и воскликнул:

— Вставай, о благородный потомок племени остроухих! Стражники готовы нас принять.

— Встаю, о презренный смертный, чей характер постоянно причиняет мне неудобства, — в тон ему ответил проклятый. — Как давно в тебе проснулся поэт?

Эльва укоризненно сдвинул брови:

— Тебе совсем плохо? Поэт — это когда ты пишешь стихи, а не стараешься освежить в памяти основы отцовской речи. Не то чтобы я собирался домой, нет — Аларна упаси, — но

если Кайта сейчас не в Шьенэте...

Он выдержал зловещую паузу, и Эхэлью содрогнулся. В пути он с удовольствием подключался к шуткам о родителях некроманта, но увидеть их по-настоящему, живую... действительно, Аларна упаси! Пожалуй, окажись остроухий третьим ребенком в семье Тиезов, он бы повесился или застрелился.

— А что, твой отец выражается только так?

Некромант растянул губы в издевательской ухмылке:

— Да. И если тебя угораздит возразить — мол, это глупо, это звучит нелепо, — он закопает тебя на месте. Я потом, конечно, выкопаю, но ты успеешь задохнуться и посинеть.

— Эльфы не нуждаются в дыхании так, как люди, — возмутился проклятый. — Мы куда выносливее, чем вы.

— Ага, поведай мне сказочку, — захохотал Эльва. — Тебя выносит с одной бутылки вина. И это при наличии двух голов!

— А тебя не выносит, угу, — сердито проворчал остроухий. — Ты у нас вообще бессмертная сволочь. Гильвиры тебя не угробили, ундины не разорвали, заклинатели не вскрыли...

— У гильвиров и ундин не было шансов, — надменно вздернул нос маг. И тут же его опустил, не желая привлекать лишнего внимания стражников. — Здравствуйте, господа! Мы из Гильдии, приехали к родственникам.

— Я приехал к родственникам, — напомнил Эхэлью, спокойно выдержав цепкий взгляд стража закона. — А он — мой напарник, профессиональный некромант. Вот жетон.

— Проходите, — негромко приказал стражник. — Не задерживайтесь.

— Спасибо, — поблагодарил его Эльва. И высоко, так, что краешек звякнул о свод арки, подбросил серебряную монету.

За воротами проклятый резко побледнел, прижался спиной к ближайшему дереву и сделал вид, будто его тут нет. Некромант остановился и захихикал:

— Что, страшно?

— Рэн меня задушит, — страдальчески прохрипел остроухий. — Сначала от радости, а потом... потом за все хорошее.

— Ты же ни в чем не виноват, — попытался утешить его парень. — Наоборот — прав. Я бы тоже рискнул всем, что у меня есть, если бы моим друзьям грозила неотвратимая смерть.

— Поди объясни это моей сестре. Она не выдержит и завопит, что я должен был думать о семье, а не о друзьях. Мол, друзья все равно умрут — не сегодня, так через сорок лет, — а родители никуда не денутся.

— Родители — это страшная сила, — серьезно закивал Эльва. — Но мы уже в городе. Отступать и возвращаться на корабль поздно.

— Ага, — таким тоном согласился Эхэлью, будто его вели на плаху, а не домой. — Поздновато.

Некромант похвалил себя за то, что накануне вечером выяснил, где живет семейство Айнэро, и поймал друга за локоть. Остроухий рванулся в сторону, намереваясь выскочить обратно на тракт и убраться в Шатлен, а лучше — в соседнее королевство, но пальцы человека сжались, как стальные тиски, и с равнодушием палача поволокли эльфа за собой.

— Та-а-ак, — протянул Эльва, добравшись до центральной площади. — Отсюда нам налево... или направо? Ты что-то говорил про некрополь, но я забыл, что.

— Направо, — вдохновенно соврал Эхэлью.

Некромант насмешливо посмотрел ему в глаза, улыбнулся и покачал головой:

— Значит, налево. А вон там, случайно, не твоя сестричка? Вроде такая же кудрявая, — он указал на высокую девушку с густыми каштановыми волосами — чуть светлее, чем у проклятого, — и, к ужасу друга, весело заорал: — Эй, госпожа! Вы Илаурэн? Илаурэн Айнэро?

Девушка обернулась, оказавшись точной копией Эхэльюо — только со смягченными, нежными чертами лица, — и уронила корзину с фруктами. По мостовой покатались яблоки, сливы и одинокий персик — он расшибся о первый же выступающий камень, забрызгав соком белого, словно снег, кота. Или кошку, подумал Эльва, приглядевшись внимательнее.

— Хэль! — воскликнула эльфийка. — Хэль, это правда ты?

— А... ну... — проклятый замялся, закрыл ладонью тонкий, едва различимый шрам на виске и уставился себе под ноги. — Да, это я. П... привет, Рэн.

— Я не знал, что вы с Илаурэн — близнецы, — укоризненно заметил некромант. И с удовольствием пронаблюдал, как девушка срывается с места и стискивает брата в объятиях.

— Хэль, Хэль, Хэль! Я глазам своим не верю! Что ты... где ты... как?! Как тебе удалось вернуться в прежнее тело?!

— А я его и не терял, — обиделся Эхэльюо. — Просто лишними руками и мозгами оброс. И лапами звериными обзавелся, да... — он уставился в небо, вспоминая, каким отбросом себя недавно чувствовал, и зажмурился от удовольствия: — Но сейчас я в норме — благодаря Мильту и вот этому господину. Его зовут Эльва, Эльва Тиез де Лайн.

— Сын маркиза де Лайна? Я слышала, что он сейчас в городе. Если хотите, мы можем обратиться к отцу и устроить вам...

— НЕТ!!! — в один голос рыкнули остроухий и некромант. Первый тут же смягчился, воровато осмотрелся и попросил: — Пойдем домой, Рэн. Пересекаться с отцом Эльвы нам очень, очень, очень не хочется.

— Почему? — наивно изумилась девушка.

— Потому что он Дьявол во плоти, — со вздохом объяснил маг.

Сестра Эхэльюо смирилась с внезапными поворотами судьбы и, на всякий случай ухватившись за рукав брата, зашагала прочь по улице. Перед тем, как последовать за ней, Эльва наспех собрал забытые всеми фрукты и побросал в корзину.

Все окна в комнате закрыли шторами, на шкафы и столы поставили десятки свеч. Зажгли. Спустя полчаса стало жарковато, но никто не жаловался — ни Илаурэн, ни Эхэльюо, ни человек. Проклятый не отрывал взгляда от лица сестры, и она, наконец, не выдержала:

— В чем дело, Хэль? У меня выросли рога?

Ее широкая улыбка тут же померкла, а в голубых глазах — точном отражении глаз брата, — возникло странное, непонятное Эльве выражение. В поисках разгадки парень покосился на друга, и тот, смущенно кашлянув, пояснил:

— Так любил шутить господин Рикартиат, известный также под псевдонимом Мреть. Илаурэн его... любила.

— Ничего подобного, — удивительно спокойно возразила девушка. — Я его не любила. В мои привычки не входит безвозмездная любовь к людям, которые умрут прежде, чем я успею сказать "прости". Это твоя ошибка, но не моя.

— Ври больше, — рассмеялся остроухий. — Я прекрасно помню, как ты на него смотрела. И не смею в чем-либо тебя обвинять — этот юноша действительно был прекрасен.

— Но-но! — Илаурэн вскочила и ткнула его пальцем в нос. Эхэльею едва не рухнул со стула, лишь в последний момент сумев уцепиться за столешницу. — Тебе-то до него какое дело?

Проклятый вздохнул, представив себе масштаб проблемы, и малодушно спрятался за чашкой малинового чая, буркнув Эльве:

— Расскажи ей, пожалуйста.

— Ну, — некромант почесал свой собственный нос, надеясь, что уж его-то точно никто трогать не станет. Не особенно надеясь, впрочем. — Дело такое, что мы вытащили господина Рикартиата из пещеры в империи Ильно. Или, правильнее выразиться, не самого Рикартиата, а результат его полного перерождения — демона по имени Фасалетрэ Эшгаралье.

— Он ни черта не помнит, но ведет себя, как наш менестрель в первые годы после переезда в Шатлен, — осторожно отметил остроухий. — Все тот же испуганный, нелюдимый, преисполненный недоверия ребенок — только на этот раз связанный с Нижними Землями куда прочнее.

— Значит, дядя не соврал, — сокрушенно произнесла Илаурэн. И потерла виски, словно опасаясь, что мысли сейчас ползут вон из переполненной головы.

— Дядя?

— Да, дядя. После смерти Рикартиата и Альтвига я встретила господина Грейна — полукровку из Гро-Марны... вы, вроде бы, знакомы... — девушка выждала, пока до брата дойдет суть вопроса, и продолжила: — Он предложил вместе поехать в Шеальту, и я согласилась — давно пора было навестить сородичей. И дядя Зартас рассказал мне о Летрэ. Из его слов выходило, что песня, переведенная Рикартиатом с речи Нижних Земель, на самом деле была пророчеством, и что в этом пророчестве говорилось о самом Рикартиате. Такая бессмыслица... я сочла, будто дядя просто ищет способы меня утешить, и не обратила внимания. Теперь признаю, что зря.

— Придется написать Зартасу письмо. — От этой перспективы Эхэльею передернуло. — О великий Альвадор, я не писал ему уже лет пятьдесят. Представляю, какой шум поднимется вокруг безобидного куска пергамента, где в правом нижнем углу пристроится моя подпись.

Илаурэн натянуто рассмеялась, и Эльва уточнил:

— Ваш дядя чем-то смахивает на моего отца, правда?

— Ага, что-то есть. — Губы проклятого дрогнули — так слабо, что это движение вполне можно было посчитать случайным, произвольным. — Зартас — король Черного Града, и он старше меня на три-четыре столетия. Для эльфов подобная разница несущественна, но, как особа голубой крови, дядя относится ко мне и к Илаурэн свысока, словно мы его слуги. Или вообще мелкие эльфята, способные только путаться под ногами. В общем, его поведение глубоко меня оскорбляет, но пойти против родной крови я не в силах.

— Ну ты заладил, — поморщился некромант. — Ненавижу понятие "родная кровь". На каждом углу о нем вопят, но не подозревают, что оно уже давно ушло в небытие. Мы живем в мире, как родители убивают своих детей, а дети — родителей, в мире, где убийство само по себе является нормой, если не больше. Кого волнует эта бессмысленная родная кровь? По-вашему, я должен беспрекословно подчиняться Грайзу? Или носиться за маркизом де Лайном, умоляя о снисхождении? Мол, ты же мой отец, прояви хотя бы толику теплоты и заботы!

— Зачем они тебе? — поразился Эхэлью. — Речь ведь не о них. Речь о том, что живые существа, связанные одной кровью, обязаны помогать друг другу. Обязаны быть опорой для своих близких.

— Чушь все это, — с презрением отмахнулся Эльва. — Никто никому ничего не обязан. Мы все зависим лишь от собственных прихотей. И я считаю, что связь между друзьями — или врагами — гораздо сильнее, чем связь между единокровными созданиями.

Проклятый открыл было рот, но быстро передумал и закрыл. За время странствия по Морскому Королевству и потом, на фрегате, он успел убедиться: некроманта проще убить, чем переубедить. Если он уверен в своей правоте, то будет отстаивать ее до последнего — и не факт, что этим последним окажется слово, а не вырванное сердце собеседника.

— Ладно, молчу, — покорно сдался Эхэлью. И бросил беглый взгляд на механические часы, стоившие невероятных денег и изобретенные горцами совсем недавно. — Долго еще, Рэн?

— Вряд ли. — Девушка хихикнула. — Ты же знаешь маму: когда речь заходит об официальных приемах, она старается поздороваться с хозяевами, заверить их в своем добром отношении и поскорее ускользнуть, желательно — без лишнего шума. О!

Эльва прислушался, но подозрительных звуков не обнаружил.

— Что "о"? — с опаской переспросил он.

— Дверь открылась. Так, — Илаурэн потерла ладони, — теперь сделайте счастливые лица. Я хочу произвести на них самое убийственное впечатление из всех возможных! Господин Тиез, вы не поделитесь с нами какими-нибудь соображениями насчет...

— Рэн! — донеслось с лестницы. Некромант перестал беспокоиться о своем слабом человеческом слухе и поспешно выпалил:

— Нам надо обратиться в Гильдию, чтобы Эхэлью... то есть Хэлю... выдали жетон. Я не могу постоянно находиться рядом с ним и подсовывать стражникам только свой — в конце концов они сообразят, что это обман, и остроухий к магам не относится.

— Еще как относится! — правдоподобно возмутилась девушка. — Он остановил действие проклятия в чертовом Кленкаре! Он страдал из-за этого годами! Он...

— Рэн, — в зал заглянула высокая эльфийка, чей возраст Эльве определить не удалось — выглядела она так же молодо, как Илаурэн и Эхэлью, и была такой же голубоглазой. Некромант пришел к выводу, что голубоглазых существ вокруг него многовато.

— Здравствуйте, — сказал он, пытаясь разрядить обстановку — вновь прибывшая вытаращилась на проклятого и застыла, словно ледяная скульптура. — Здравствуйте!

— Хэль, — в потрясенной манере Илаурэн выдохнула эльфийка. — Хэль, это правда ты?

Некромант почесал затылок и смирился с мыслью, что все остроухие в семействе Айнэро ведут себя одинаково. Он немного посмотрел, как Эхэлью стойчески терпит слезы матери, затем — как не менее стойчески переживает гневную тираду отца, и снова взялся за чашку. Ее содержимое успело остыть, но за чудесный малиновый вкус парень готов был простить посуде что угодно.

Наконец эльфийское воссоединение подошло к концу, и грозный родитель проклятого повернулся к гостю.

— А ты еще кто такой? — нахмурился он.

Магу стало слегка не по себе, но он мужественно сообщил:

— Здравствуйте. Меня зовут Эльва, Эльва Тиез де Лайн.

— И он меня спас, — вставил Хэль. — Если бы не Эльва, мы ни за что не миновали бы ундин — особенно когда плыли обратно. И Мильт не согласился бы вести фрегат к империи Ильно, не будь на борту талантливой и достаточно сильного темного колдуна.

— Ясно. — Отец проклятого медленно опустился на свободный стул, повел плечами. — Я — Кольтэ, а моя жена — Эльтари. Прошу прощения за столь недружелюбный прием.

— Ничего страшного, — покривил душой некромант.

— Я принесу печенья, — торопливо пообещала мать Эхэлью, выбегая из комнаты. Эльве показалось, будто она до сих пор всхлипывает.

— К слову, молодой человек, — господин Кольтэ зажмурился, сдерживая соблазн постоянно поглядывать на сына и убеждаться, что он действительно сидит за столом, а не шляется по заброшенным крепостям и прячется от живых. — Почему у вас эльфийское имя? Вы связаны с Малахитовыми Лесами или Шеальтой?

— Нет, — удивился парень. — Не связан. Все мои родственники — люди, даже полукровок днем с огнем не найти. Видите ли, род Тиезов берет свое начало во времена основания Белых Берегов, хотя ходят слухи, что он существовал и раньше — сражаясь с племенами варваров. Поэтому все его отпрыски должны соблюдать так называемую чистоту крови, объединяя ее только с аристократами. Таким образом, например, моего брата Кайту пытались поженить на графине Айю, а брат Грайз получил в жены госпожу Неддту — третью кандидатку на престол в случае смерти нынешнего короля. Теперь все боятся, что Грайз устроит переворот, но я-то в курсе: он обожает Его Величество Алетариэля и скорее пойдет против отца, чем против белобрежной власти.

— И тем не менее ваше имя — эльфийское, — настаивал господин Кольтэ. — И имя вашего старшего брата тоже. Одного из старших братьев. В наречиях Шеальты и Малахитовых Лесов совершенно точно присутствуют сочетания "Haelleva" и "Kaitte". Первое в переводе означает "вспышка", а второе — "луч". Следует полагать, что ваши родители позаботились о скрытом смысле.

— Никогда раньше не слышал, чтобы они обо мне заботились, — рассмеялся Эльва. — Это похоже на шутку, господин Кольтэ. Вероятнее всего, они просто не пожелали придумывать имена для детей, которые все равно не унаследуют ни землю, ни состояние, и решили одарить их кличками. Выражаясь проще, — он потянулся за печеньем, принесенным госпожой Эльтари, — они меня не любили. И не любят, а старательно сочинять имя для нелюбимого ребенка никто не станет. Улавливаете?

— Улавливаю. — Остроухий потерял интерес к разговору и тоже взял пару кружочков сладкого теста, усыпанного орехами. — Лау, что ты решила насчет визита к Лефрансе?

— Пока ничего, — помрачнела девушка. — То есть Леф, конечно, пригласила меня приехать — причем приехать за два дня до прибытия остальных гостей, — но мы с ней не такие близкие друзья, чтобы проводить вместе столько времени.

— А что, эта дурочка все еще жива? — с ехидцей осведомился проклятый.

— Не называй ее дурочкой, — оскорбилась Рэн. — Она, между прочим, поумнее тебя будет!

Эхэлью откровенно захохотал:

— Что-то я сомневаюсь.

— Кретин, — рыкнула эльфийка. — Ну да и черт с тобой. Кстати, Лефранса очень обрадуется, если ты тоже приедешь. Что-то мне подсказывает, что она по-прежнему к тебе равнодушна.

Хохот сделался еще веселее:

— Ну да, равнодушна! Уверю тебя, она жаждет отрубить мою голову и повесить над кроватью в качестве охотничьего трофея!

— А что за Лефранса? — полюбопытствовал Эльва. — Где-то я это имя слышал.

— Разумеется, слышал, — серьезно согласился проклятый. — Лефранса Эгшер — это графиня северной части Айл-Миноре, соседка господина Тинхарта и господ Алиеза и Нельтаса Эль-Тэ Ниалет.

— А-а-а, — протянул парень. — Значит, она живет неподалеку от дяди и тети Шейна?

— А что, ты знаком с Шейном?

Голос остроухого как-то странно переменялся, но Эльва не придавал этому должного значения.

— Ага. Я встретил его в Ландаре, когда ехал повидаться с Леашви.

В комнате как-то сразу похолодало. Хэль принялся деловито изучать скатерть, расшитую тонкими синими узорами, а господин Кольтэ — улицу за окном и цветы на клумбе.

— А чего вы надулись? — с недоумением спросила Илаурэн.

— Просто так, — беспечно отозвался проклятый.

— Ври больше, — вернула брату шпильку девушка. — Чем вам Шейн не угодил? Он хороший парень.

— Хороший, но опасный. Он связан с Нижними Землями куда прочнее, чем Фасалетрэ Эшгаралье. И поэтому я считаю, что с ним лучше не иметь никаких дел. А еще — что нельзя быть уверенным, кто разговаривает с тобой в данный момент: сам повелитель — или его кукловод Атонольрэ.

— Глупости, — отмахнулась Илаурэн. — Шейн — не марионетка демонов. Он вполне нормальный, настоящий и добрый. И он не будет стоять в стороне, если произойдет беда.

— Разумеется, не будет, — попытался успокоить ее господин Кольтэ. — А теперь давайте закроем эту тему и поделимся мнениями, кто что хочет на ужин?

Шьенэт подступал вплотную к лесу, поэтому до последнего момента скрывался под пологом густой зеленой листвы. Она, словно эльфийские небесные сферы, пропускала сквозь себя свет, делая его не таким ярким и обжигающим, как изначально.

Единственное, что выделялось на фоне высоких, старых, поросших бороздами мха деревьев — это цитадель. Серое, хмурое строение, состоящее из крупных, в человеческий рост, плит, примыкало не к городу, а к свободной равнине. Семь дозорных башен, четыре казармы, кухни, конюшни, разные — и в большинстве своем почти новые — пристройки и сараи. Пока что их скрывала стена, но Эльва примерно помнил, как устроена цитадель изнутри, и не волновался.

Путь из Алаторы на запад оказался изматывающим и долгим. В придорожных селах некроманту не везло — люди сперва радовались, что в их глуши появился парень из Гильдии, а потом огорчались, выяснив, что он — повелитель мертвых. Эльве повезло наткнуться всего на четверых людей, осведомленных о способностях сына маркиза де Лайна. И даже эти четверо не оправдали его надежд, всерьез веря, что от подобного дара следует держаться подальше.

Их поведение поражало — и огорчало. Всего неделю назад некромант был уверен, что нынешних магов уважают и побаиваются злить, а теперь... все как будто специально его

провоцировали, подсчитывая, когда же он сорвется и что им это сулит. К счастью, парень привык к подобному отношению и просто перестал реагировать, проезжая через села и деревни молча и выбираясь из седла только поздней ночью, по возможности — в рощах или маленьких, не похожих на шьенэтский, лесах.

Вчера он спал на берегу озера, под невыносимый комариный писк и кваканье лягушек. Проклятые твари отдохнули днем, спасаясь от жары на краешках широких листьев лотосов — растений, получивших место на штандартах, флагах и гербах Белых Берегов. В других королевствах лотосы росли редко — не те условия, а тут, на землях Его Величества Алетариэля, расцветали всюду, где было хоть немного воды. Поговаривали, что за ними ухаживают русалки, но доказательств подводной жизни у жителей белобрежья не было — Верхолунье и Нижнелунье, якобы служившие пристанищем для редкой разумной нежити, бдительно охранялись. Это, в свою очередь, порождало еще одну волну слухов: мол, у короля союз с представителями русалочьего племени, и, чуть что, полурыбы явятся на защиту приютившего их народа.

Эльве эти слухи казались очень сомнительными. Во-первых, в той же Велиссии процветала охота на русалок, а их мясо — особенно взятое с нижней части тела, — считалось редким деликатесом. Платили за него соответственно, и придурков, мечтающих нажиться на убийстве иной расы, хватало. В основном их топили, лишали голов или протыкали странными, хотя и острыми, приспособлениями, покрытыми илом, а иногда — душили водорослями, но русалочьье мясо все равно попадало в кухни благородных и — опять же, по слухам, — украшало стол самой королевы.

Почему велиссцы так трепетно берегут свою королеву, некромант не понимал. Он видел ее четырежды, но не был впечатлен ни красотой, ни умом — несмотря на то, что уроженцы Аль-Нейта прославляли их наперебой, словно самую стоящую вещь на своей родине. Однако Ее Величество вовсе не обладала примечательными чертами лица, да и беседы с ней показались Эльве заунывными. Впрочем, беседовал отец, а сам парень стоял или сидел в сторонке, наслаждаясь великолепным дворцовым садом. Вот что-то, а сад в Аль-Нейтской резиденции был чудесным.

— Ты кто такой? Куда едешь?

Некромант встряхнулся и сонно посмотрел на солдата, застывшего с поднятым копьём в тени правой створки ворот. Невысокий, широкоплечий и бородатый, он уставился на незваного гостя с таким свирепым выражением лица, что Эльве резко захотелось шлепнуться с лошади и полежать в пыли, пока из цитадели не выйдут нормальные, добрые, люди.

— Я из Гильдии, — тем не менее сказал он. — Приехал, чтобы навестить старшего брата.

— Жетон покажи, — потребовал солдат.

Парень послушно протянул ему теплую железку. Защитник цитадели внимательно ее изучил, щелкнул пальцем, добившись мелодичного звона, и буркнул:

— Все в порядке. Можешь навещать, сколько душе угодно — но сначала отведи лошадь на коновязь.

— Знаю, — в тон ему проворчал Эльва, трогая поводья.

У коновязи отыскался конюх — почти такой же сонный и ленивый, как и некромант. Он пообещал позаботиться о гнедом жеребце, купленном за полцены — при случае за эти же полцены парень собирался его продать, — и побрел прочь, спотыкаясь едва ли не на каждом шагу.

Маг немногим медленнее поплелся к третьей казарме, на ходу размышляя, обрадуется Кайта или нет. С одной стороны, он всегда любил младшего брата и уделял ему больше времени, чем кто бы то ни было еще в семье Тиезов, но с другой... что, если он окажется занят? В конце концов, звание лейтенанта кому попало не дают, получил — отработывай и не смей сесть в лужу.

Все эти переживания выветрились из мозгов Эльвы, как только он зашел в неприглядное, приземистое здание, окруженное беспорядочно сваленными дровами. Там, на жесткой постели, уронив подушку и обняв одеяло, спал человек с двумя нашивками на плечах: сонная трава, окруженная синеватым туманом, и переплетенные буквы "ID". Волосы у этого человека были светлее, чем у Эльвы — почти белые, выгоревшие под солнцем, они обрамляли худые щеки и полностью скрывали глаза. Синие, точь-в-точь, как у некроманта, пускай сейчас это и не заметно под закрытыми веками.

Будто ощутив, что рядом кто-то находится, Кайта перевернулся на другой бок и рассеянно пробормотал:

— Уходи, Енги. Я устал и ни за что не стану хоронить дакарагов...

— Я не Енги, — виновато признался Эльва.

— Тогда тем более уходи.

Некромант не сдержался и захихикал. Кайта застонал, попытался спрятаться под подушкой, но не нашарил ее в пределах своей кровати и был вынужден встать — чтобы тут же об нее споткнуться.

— Проклятье! — выругался он. — Какого черта?!

— Ну, — наигранно задумался маг, — сколько я тебя помню, ты всегда спихивал подушку на пол. Не знаю, чем она тебе так не угодила, но, может, стоит вернуть ее на армейский склад? Там этот несчастный предмет сделается полезным, и уж точно никто не будет подметать им пыль.

— Эльва! — опомнился лейтенант. — Эльва, ты тут откуда?

— Да так, мимо проезжал, — пожал плечами тот. — Собирался на праздник в роли сопровождающего госпожи Илаурэн Айнэро, но, поскольку до него еще две недели, решил сгонять сюда. Не надо было?

— Шутишь? Еще как надо!

Кайта поймал брата за локоть и потащил за собой — кажется, в кухню. Некромант не сопротивлялся: когда дело доходило до встреч с друзьями, лейтенант "Охотников Инэ-Дэры" предпочитал беседовать за едой.

— Проходи, — радушно пригласил Кайта, пересекая порог цитадели.

Вслед за ним Эльва углубился в прохладную тишину, наполненную только шелестом огня факелов. Лейтенант уверенно миновал два коридора, проигнорировал еще шесть и вышел к дверям, скрывающим нечто шумное и веселое. С минуту постоял, приводя себя в порядок — пригладил волосы, поправил мундир, — и толкнул обе створки, громко отчеканив:

— Добрый день, господа! Вы не сообразите нам обед на двоих, а?

— Сообразим, господин Тиез, — кивнул жуткий громила в белой одежде, заляпанной пятнами разных размеров и оттенков — от светло-желтого до зловещего багрового.

— Слушай, Кайта, — обратился к лейтенанту Эльва. — Не лучше ли прогуляться в город? Там полно харчевень и постоянных дворов, где нас не только покормят, но и вином поделятся...

— Здесь тоже поделаются, — отмахнулся парень. — Но, в отличие от постоянного двора, бесплатно. Я все-таки элитный солдат, а не какое-нибудь отребье!

Он устроился за маленьким, хилым столиком, не внушившим некроманту доверия, и кивнул на соседний стул:

— Давай, присаживайся.

Эльва сел, но чувствовал себя крайне неловко. Ему еще не приходилось обедать в армейской кухне — к тому же она здорово походила на кухню в крепости Тиезов.

— Как дела? — полюбопытствовал он, чтобы разрядить обстановку. Разрядить исключительно для себя — ведь Кайта привык находиться в цитадели, а значит, успел изучить каждый ее камень.

— Нормально, — невозмутимо улыбнулся лейтенант. — На днях мы пережили внезапную и, стоит отметить, страшноватую атаку нежити. Не ожидал ничего подобного от дакарагов, пускай они и разумны. Убить всех караульных у ворот, пересечь арку, ворваться на жилые ярусы... если бы не капитан Хайм, нас бы уже не было в живых. Одна тварь меня даже укусила, вот!

Он закатал рукав и показал брату опухшее предплечье с глубокими ранами, повторяющимися контур челюсти дакарага. Раны были бережно обработаны и пахли горской настойкой, но все равно выглядели так, что кого-то менее закаленного непременно бы вывернуло.

— Кошмар, — сочувственно ответил Эльва. — Хорошо, что вы справились.

— Это точно, — вздохнул Кайта. И снова улыбнулся: — А у тебя как дела? Наверное, снова проводишь лето в обществе неуравновешенных девиц?

Некромант поморщился. Неуравновешенная девица в его жизни была одна, и желание знакомиться с новыми напрочь отсутствовало.

— Эх, Кайта, — многозначительно произнес он. — Это долгая история...

ЧАСТЬ 2

ПЛИАРЕТ

Подожди меня там, где кончается горизонт.

Подожди, пока ливень роняет на нас сезон -
я приду и останусь с тобой.

Навсегда останусь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДАКАРАГ

— Подождите здесь, — вежливо попросил помощник командира крепости. — Господин Валг обязательно вас выслушает, но у него сейчас важные дела. Это займет всего полчаса.

— Хорошо, — невозмутимо кивнул Саг. — Благодарю вас.

Пожилой мужчина потоптался рядом, убедился, что гость чувствует себя превосходно, и спрятался в кабинет.

Он и представить себе не мог, кого вчерашним сумасшедшим штормом занесло в

Морское Королевство. Как, впрочем, не мог и выяснить: заклинатель из империи Ильно не пользовался своим даром больше недели, и метка угасла, сделав из него внешне обычного человека.

И теперь наступило мгновение торжества. Мгновение, заставившее юношу покинуть дом и отправиться в логово врага. И подождать полчаса — это самая маленькая расплата из возможных.

Саг углубился в чтение трактата, купленного утром в лавке мастера зельеварения. В империи Ильно дела с зельями обстояли гораздо хуже, чем во владениях Гильдии Магов, потому что дар имел только одну сторону. Сообразив, что он необходим для создания большинства надежных лекарственных смесей, юноша был изрядно потрясен. Неужели противники опираются лишь на колдовство, не спеша продвигать иные науки? Или же колдовство попросту вытеснило их?

За трактатом назначенное время прошло быстро и незаметно. Помощник командира вернулся, на ходу заплетая в седой бороде косицу, и сообщил:

— Господин Валг готов вас принять. Следуйте за мной.

— Конечно.

Саг поднялся, поправил воротник новой, раздобытой на здешнем рынке, куртки, и двинулся за провожатым.

Кабинет командира крепости оказался весьма скромным: стол, три неудобных стула, шкаф с документами у стены и крохотное окно, пропускавшее так мало света, что разглядеть господина Валга заклинателю не удалось. Все, что он видел — это смутный широкоплечий силуэт.

— Спасибо, Катри, — глухо пробормотал он. — Можешь возвращаться на пост. А вы присаживайтесь, господин Дейра.

Юноша послушно сел. Напротив него, в густом полумраке, заблестели светло-зеленые глаза с расширенными зрачками.

— Здравствуйте, — чуть помедлив, поздоровался Валг. — Мой товарищ говорил, что вам необходимо найти некоего Эльву, Эльву Тиеза де Лайна. Вы не могли бы поделиться сведениями, чем вам насолил этот парень? Насколько мне известно, его репутация абсолютно чиста.

— Разумеется, чиста, — согласился три-один-шесть. — Потому что он подчищает за собой следы. Месяц назад староста моей деревни нанял господина де Лайна, чтобы он избавил нас от нападений нежити. Почти четыре дня было тихо, и мы подумали, что наконец-то можем отправиться в город и продать лишние запасы зерна, но нет: стоило торговцу выехать на северный участок тракта, как телегу сожрал восставший дакараг. Полагаю, господин Тиез не удосужился настроить итоговый магический фон.

Прошла минута. Командир крепости молчал, и у Сага появилось жуткое ощущение, что его ложь раскрыли. Он даже вообразил, как болтается на виселице и кормит ворон, но Валг развеял его беспокойство:

— Это действительно серьезный проступок, но подобные вопросы Гильдия решает сама. Ваше сотрудничество здорово нам помогло.

— Конечно, — поспешно повторил заклинатель. Получилось излишне наигранно, и ему пришлось приложить немало усилий, скрывая собственное недовольство. — Однако я все-таки настаиваю на личной встрече с господином Тиезом. Пусть он выплатит компенсацию и публично извинится перед семьями моих погибших соседей.

— Господин Дейра, — вздохнул Валг. — Я вам не лгу. Гильдия не любит, когда кто-то вмешивается в ее дела. Она сама наказывает оступившихся и, если это целесообразно, отстраняет их от работы.

Три-один-шесть понял, что еще немного — и подозрения командира выплеснутся наружу, как вода из продырявленной фляги. Он встал, выпрямился, сдержанно признал свою ошибку и попросился, после чего быстро, стараясь избегать лишних взглядов, покинул вражеское гнездо.

Выдавать себя за уроженца Морского Королевства оказалось труднее, чем юноша рассчитывал. Почти все здешние люди были смуглыми, а некоторые — почти черными от загара, и он — бледный, со светлыми-светлыми радужками, — бросался в глаза с резвостью блохи, наконец-то узревшей бродячую собаку. Кроме того, у заклинателя возникли проблемы с солнцем: оно палило нещадно, так, что над мостовой клубились вполне материальные волны жара, и в считанные часы обожгло все открытые участки тела имперца. На ладонях, лице и ушах распустились красные пятна, причинявшие Сагу немало неудобств — сначала они просто ныли, потом принялись сочиться мерзкой, густой желтоватой жидкостью, а потом — облезать, оставляя после себя раны. Пришлось сдаться перед капризами здешней погоды и броситься к лекарю, на все лады умоляя его спасти глупого селянина.

Лекарь не отказал, но приглядывался к юноше странно.

— Вы не местный? — поинтересовался он, накладывая влажную повязку на лоб заклинателя.

— Нет, — признался тот. — Не ожидал, что тут такой кошмар происходит.

— Сочувствую, — лекарь вздохнул и пристроил вторую повязку — теперь на щеку. — Вы, наверное, из Хасатинии?

Саг прикинул, что ему выгоднее: подтвердить или опровергнуть. Эту заминку в беседе вполне можно было списать на колебания, стоит ли так открываться постороннему человеку.

— Угу.

— Хорошо там, — лекарь снова вздохнул, уже печально, и шлепнул третью повязку на подбородок юноши. — Создатель не прогадал, когда окружил ваше королевство холодными течениями. Я никак в толк не возьму — почему хасатинцы жалуются на туманы? Ради нормального лета могли бы и потерпеть.

Три-один-шесть обо всем этом впервые слышал, но надменно заверил:

— Лично я не жалуясь. Все лучше, чем жариться на улицах побережья, как на сковороде.

— Святая правда. А теперь полежите, пожалуйста, с часик — надо, чтобы настойка хорошо впиталась. Если что — сразу зовите, я буду в соседней комнате.

— Хорошо.

Полчасика, часик... сегодняшней день определенно не задался, но сейчас Саг был доволен. От пропитанных горскими травами повязок расходилась приятная прохлада — даже получилось пошевелить опухшими пальцами, не скривившись. Лекарь завел беседу со своей младшей дочерью, и под ровный шелест их голосов юноша почти задремал, но...

— Видлин сказала, что де Лайны выехали из Алаторы и собираются нанести визит графу Тинхарту. Вроде бы они старые друзья.

— Странно, — удивился лекарь. — Я слышал, что представители их семьи не ладят с родом Ивель. Кстати говоря, граф Тинхарт вчера был в городе — навещал какую-то девушку. Об этом все на площади орали, особенно в очередях у шатров.

— Я в курсе, — рассмеялась его дочь. — Эту девушку зовут Сима. По словам Видлин, она очень важна для графа, но редко бывает на Айл-Минорских землях.

— Видлин, как обычно, придумывает...

Интересующая Сага тема сменилась обсуждением чужих недостатков, и он расслабился. Значит, де Лайны — это знатная семья? Причем довольно глупая, раз один ее отпрыск посмел пересечь границу империи.

Заклинатель все-таки задремал, но уже со спокойной душой. Если чертовы вторженцы собираются в Айл-Миноре, он тоже туда пойдет — и напрямую спросит, где найти господина Эльву.

После ухода посетителя Валг немного посидел, собираясь с мыслями, и вытащил из ящика стола чистый кусок пергамента. Аккуратно его разгладил, окунул перо в чернильницу и написал:

"Дорогой Эльва!

Надеюсь, у тебя все в порядке, потому что нынешним утром — не далее как десять минут назад, — ко мне приходил крайне подозрительный юноша, который потребовал срочно отыскать тебя. Этот юноша представился господином Дейрой, но следует полагать, что имя не настоящее.

Опишу тебе его внешность. Мальчишка невысокий, сероглазый, с длинными иссиня-черными волосами — причем, как по мне, в их цвете все-таки преобладает синий. Судя по всему, он приехал в Морское Королевство впервые и теперь страдает от ожогов, вызванных рябью на основном энергетическом фоне. Мы-то привычные, а господин якобы-Дейра, похоже, совсем расклеился.

Он мне не нравится, Эльва. Опасный противник с большим магическим потенциалом. Если ты его чем-то и обидел, то постарайся извиниться, а не бросаться в бой. Пообещай исправить все, что натворил, и береги себя. Твои родители и так едва не сошли с ума после того сражения с инквизицией, а уж я... ну, ты сам понимаешь.

По возможности передавай привет Кайте.

Еще раз прошу быть крайне осторожным,

Валгиар Хилмер".

Командир крепости щелкнул пальцами, и пергамент сгорел. Серый пепел взметнулся над столом и превратился в слепую птицу — она взмахнула крыльями и исчезла, а в комнате повис запах гиацинтов.

— Я серьезно, — буркнул Валг. — Береги себя, Эльва.

— Черт возьми, что ты делаешь? — рыкнула Илаурэн и схватила некроманта за шею. — Стой на месте. Не двигайся.

Эльва поморщился, но позволил ей поправить пуговицы камзола. Официальную, общепринятую одежду он носил редко, предпочитая носиться по трактам в чем-нибудь старом и потрепанном — чтобы после было не жалко.

— Расчешись, — приказала девушка. — И сними ленту. Она тебе совершенно не идет.

— Я ее люблю, — возмутился парень. — Ты не можешь лишить меня моей... погоди, перестань! Отдай немедленно!

Илаурэн засунула ленту в шкаф, захлопнула дверцы и прижалась к ним всем телом, намекая, что до возвращения с праздника в особняке госпожи Лефрансы ленту не отдаст. Эльва с трудом сдержал желание броситься на нее и задушить.

— Ладно, — смирился он. — Ладно.

— Хороший мальчик, — похвалила эльфийка. — Из тебя выйдет толк.

Некромант скрипнул зубами, переживая новый приступ ненависти, и выхватил у нее из рук расческу. Илаурэн разочарованно вздохнула.

— Это мои волосы, — буркнул парень. — Их я тебе не отдам.

Он как раз уговаривал чуть волнистую прядь на виске лечь ровно, а если не ровно — то хотя бы за ухо, а не на скулу, когда рядом вспыхнуло фиолетовое пламя. Яркие, весело пляшущие языки изрыгнули птицу, а птица, в свою очередь, превратилась в потемневший кусок пергамента.

— Кто пишет? — сурово осведомилась девушка. Ее, кажется, рассердило, что Эльву снова отвлекают от сборов.

— Мой учитель, — ответил тот. И нахмурился, опознав господина якобы-Дейру. — Извини, мне надо предупредить Хэля. Я быстро.

— Расческу возьми! — смирившись с неизбежным, проворчала Илаурэн.

— Она у меня на затылке, — рассмеялся Эльва, поспешно выходя в коридор.

Проклятого он отыскал в кухне.

— Вот, возьми. Прочитай, — велел маг, вручив ему вестника.

Эхэльйо послушно пробежал глазами по идеально выверенным, красивым строкам, после чего в точности скопировал выражение лица некроманта — нахмурился и выразительно опустил уголки губ.

— Значит, он все-таки не умер?

— Значит, все-таки нет. Более того: он перебрался через море, чтобы отправить наши души на свидание с Бесконечной Песней.

— Ну, пока что его успехи весьма сомнительны, — пожал плечами остроухий. — Пострадал из-за колебаний основного фона, нарвался на твоего учителя... — он бросил косою взгляд на подпись в углу листа и пробормотал: — Валгиар Хилмер... Валгиар Хилмер... где-то я слышал это имя...

— Мой учитель, — гордо подбоченился Эльва, — знаменит благодаря восьми любопытным открытиям в алхимии и шестнадцати трактатам о способах использования темного колдовства. А еще, насколько мне известно, он занимался исследованием нежити изнутри.

— В смысле расчленял ее?

— В смысле телепатически связывался с живыми особями и следил за их поведением, за повадками и привычками. Я тоже пару раз участвовал, и в итоге умею создавать мелких представителей племени мертвецов, как в сказочках о детях Аларны. Например, в Кленкаре я перенес свое сознание в тело змеи, надеясь незаметно подобраться к Асте... правда, из этого ничего не вышло, — самокритично признал некромант.

— И ты воруюшь чужие сны, — задумчиво напомнил Эхэльйо.

— Вовсе нет! — Эльва сделал вид, что обиделся. — Я склонен полагать, что это были сны Фасалетрэ Эштаралье, и что с этими снами он пытался заманить случайных путников в свою пещеру. Погрузил же он нас в сон, когда решил прибегнуть к услугам Зутта, в конце концов!

Проклятый поежился.

— Мало ли, что ты там полагаешь. То есть Летрэ, безусловно, предупреждал о своем умении контролировать чужие сны, но... — парень запнулся, скрестил руки на груди и смолк.

— Ненавижу вас всех, — бодро возвестил некромант. Развернулся, кое-как выпутал расческу из прядей на затылке и осторожно, стараясь не испортить уже приведенную в порядок челку, принялся их выравнивать.

Илаурэн оценила его старания по достоинству: печально хмыкнула, склонила голову, убедилась, что маг выглядит вполне прилично, и с завистью заявила:

— Эх, мне бы такой светлый цвет!

— Тебе не пойдет, — мельком взглянув на нее, возразил Эльва.

— Почему это?

— Потому что не пойдет. Радужки тут же станут казаться блеклыми, да и лоб у тебя... м-м... как бы выразиться?

— Ой, заткнись, — отмахнулась девушка. — Давай, надо торопиться.

— А что, мы уже опаздываем?

— Да.

Илаурэн схватила мага за локоть и поволокла в комнату, где на полу были начертаны руны перехода. Такого варианта замыкания граней он еще не видел — мягкие, сглаженные сочетания больше походили на Ведьмин Круг, чем на исходную точку пространственного разлома.

Едва ступив за первую их черту, Эльва провалился в холодную серую муть, а оттуда выпал — с трудом удержав равновесие, — на каменный пол просторного зала. Высоко вверху, подхваченная толстой цепью, болталась утыканная свечами люстра — двести оранжевых огоньков задрожали, чувствуя отзвук магии, а некоторые даже погасли.

Илаурэн, не отвлекаясь на созерцание обстановки, бросилась обнимать смуглую девушку с чуть раскосыми карими глазами и роскошными каштановыми косами, уложенными в сложную прическу. Стоило этой девушке улыбнуться, как среди обычных, ровных зубов промелькнули вампирьи клыки.

— Лефранса, позволь представить моего спутника — это господин Эльва Тиез де Лайн, он... — эльфийка осеклась, переступила с ноги на ногу и покраснела.

Парень растерялся и брякнул:

— Я очень рад нашей встрече, госпожа Эгшер.

— Ты рад? — уточнила Лефранса. И, дождавшись утвердительного кивка, прошипела: — Поразительно. Я не предполагала, что могильные черви умеют радоваться.

— Могильные черви?

— Леф, пожалуйста, — взмолилась Илаурэн. — Господин Тиез — мой друг. Он спас Эхэлью, он помог мне разобраться в остаточных колебаниях после запуска схемы на восемнадцать облачных колец... пожалуйста!

— Твой друг, да? — скучающим тоном протянула вампирша. И неожиданно повеселела: — Что ж, в таком случае я не имею права делиться с ним своей неприязнью. Прошу прощения, милорд Тиез. Будет просто чудесно, если этот короткий разговор сохранится в тайне, потому что один мой знакомый, — она указала на двустворчатую дверь, покрытую темно-красным узором, — настаивал, что вы — достойный человек и ведете себя не так, как большинство некромантов.

Эльва мрачно подумал, что ее знакомый ошибается. Но, когда за левую створку прошмыгнул сердитый седой парень, вся эта мрачность с мага слетела.

— Шейн! — обрадовался он. — А Илаурэн говорила, что тебя здесь не будет...

— Ошиблась, — усмехнулся повелитель северного ветра. — Мы с Лефрансой часто встречаемся, и не прийти на праздник по случаю ее черт знает какого дня рождения — это вопиющая наглость с моей стороны. — Он обменялся рукопожатием с эльфийкой, словно считал ее равной себе, и ворчливо добавил: — Ну все, Леф, мы пойдем. Я на тебя рассчитываю.

Эльва пошел за ним к выходу, испытывая позорное облегчение от того, что не придется бродить с эльфийкой в окружении всяких благородных кретинов. Илаурэн возмущенно завопила:

— Эй, разве так можно?!.. — но за приятелями уже закрылась дверь, и Шейн непроизвольно ускорил шаг.

— У тебя все в порядке? — поинтересовался он.

— В какой-то мере, — согласился некромант. — За мной охотится сумасшедший заклинатель.

— Ага, я в курсе о вашем плавании в империю Ильно. — Повелитель выглядел счастливым, как никогда. — Тинхарт рассказывал, что вы искали разумного дракона, чтобы снять проклятие с Эхэлыо. Признаться честно, я ни капли не верил, будто эта затея увенчается успехом, но вы меня удивили, — он выбрался на высокий балкон и сел в тени ажурных перил, обхватив себя руками за плечи.

Эльва устроился напротив:

— А у тебя как дела?

— Нормально, — ответил Шейн. — Последний месяц я потратил на обучение Сэтлео. Этот мальчик... — он закатил глаза, — достаточно талантлив. Но ведет себя не лучше пятилетнего ребенка, вечно путается в системах потоков и обожает прятаться в библиотеке. По его мнению, колдовство — не та сила, что может привести к долгому и спокойному правлению. Хотя подобное мнение он выражает лишь при Тинхарте. А вот когда графа нет, Сэтлео начинает прямо предупреждать, что не горит желанием садиться на трон Ландары и выгонять господина Леашви из Совета.

— Долго вы копаетесь. Я рассчитывал, что к моменту моего возвращения Ландара уже обзаведется королем.

— Рассчитывать легко. Взял бы да попробовал совладать с этим глупым ребенком...

— А что? — поразмыслив, буркнул Эльва. — Я могу.

Повелитель с насмешкой уставился на него:

— Хм? Ну, давай посмотрим.

Он поднялся, перетянул шнуровку низких ботинок и двинулся к праздничному залу, откуда доносился гомон гостей.

— Выходит, Сэтлео тоже пригласили?

— Не совсем, — Шейн покачал головой. — Пригласили Тинхарта. Но, куда бы ни направился Тинхарт — Сэт сразу идет туда же, причем с такой уверенностью, будто поклялся преследовать моего друга до конца времен.

Повелитель заглянул в зал, поморщился и велел:

— Заходим.

— Заходим, — с грустью подтвердил некромант.

Он шагнул за порог, улыбнулся ближайшим гостям — в основном девушкам, чего и стоило ожидать от госпожи Лефрансы, — и поплелся за приятелем, прикидывая, насколько по-идиотски может закончиться это шествие.

К счастью, знакомых лиц среди друзей вампирши не было. Были смутно знакомые — они либо кивали в ответ на сдержанное приветствие Эльвы, либо отворачивались, что устраивало его даже больше. Ситуация начинала выглядеть не слишком плохой — или хотя бы не такой плохой, как опасался некромант, — пока у столиков с легкой закуской не обнаружилась пожилая пара. Мужчина, обросший густой бородой и собравший рыжеватые волосы в хвост, неодобрительно рыкнул на Шейна и царственно протянул руку, чтобы ухватить его за рукав. Женщина перестала обмахиваться веером и страшно выпучила зеленые глаза, словно пытаясь проверить душу седого повелителя на наличие противозаконных идей.

— Позвольте осведомиться, что вы здесь делаете, господин Эль-Тэ Ниалет? — пропела она.

— Ищу Сэтлео, — угрюмо признался тот. И сразу же вывернулся из крепкого захвата мужчины, попятившись и болезненно потирая предплечье. — Эльва, позволь тебе представить — это мои дядя и тетя. Господин Алиез и госпожа Нельтас Эль-Тэ Ниалет.

— Эльва Тиез де Лайн, — поклонился парень.

— Охотно верю. — Графиня Нельтас опустила веер и аккуратно стряхнула с платья несуществующие пылинки. — Я имела честь отобедать с вашим отцом не далее, как три недели назад. Очень приятный человек, умеет поддерживать беседу и не выходит за рамки общепринятых тем.

Некромант поклонился снова, чувствуя, как по спине ползет предательская капля пота. Восхвалять своего родителя, пусть даже и не всерьез, он не умел.

— Я гляжу, вы имеете что-то против господина маркиза, — проницательно заметила Нельтас. — Не ладите?

— Не ладим, — вздохнул Эльва. — Шейн, а вон там, случайно, не Сэтлео?

Он указал на бледного подростка с маленькой, но приметной родинкой в нижнем правом уголке губ. Повелитель вежливо улыбнулся дяде, молитвенно сложил тонкие ладони и попросил:

— Ну я пойду?

— Сколько раз тебя учить — не "ну", а "разрешите вас покинуть"! — вспыхнула госпожа Нельтас.

Некроманту стало смешно. Он выдвинулся вперед, закрывая Шейна собой, и ляпнул:

— Ну, раз такое дело, нам пора сваливать!

Было очень любопытно наблюдать, как графиня меняется в лице, но у Эльвы еще имелись важные дела, да и попасть на собственные похороны он пока не жаждал. Поэтому уволок повелителя в гущу толпы, поминутно с кем-нибудь сталкиваясь. Седой давился странными сдавленными всхлипами, но на поверку они оказались тщательно скрываемым хихиканьем.

— Вот это да, — просипел парень. — Такого я от тебя не ждал! Ты же вроде бы родился в благородной семье?

— Да, родился, — с достоинством сообщил некромант. — И сбежал из нее, как только представилась возможность. Не стоит об этом забывать. Где твой Сэтлео?

— Понятия не имею. Я потерял его из виду, когда ты сунулся в этот ад, — с легкой укоризной донес до приятеля Шейн. И смутился, наступив на краешек туфли очередной

дамы: — Прошу прощения... мне ужасно неловко...

— Ах, не беспокойтесь, — неискренне заверила его пострадавшая.

Эльва ощутил новый приступ дурашливой решимости и продрался сквозь толпу к стене — так, чтобы можно было осмотреться поверх чужих причесок. И, к своему крайнему изумлению, оказался соседом храмовника — пухлый мужчина в потрепанной рясе стоял, покачивая в пальцах кубок с белым вином, и мечтательно следил за происходящим.

— Добрый вечер, — любезно поздоровался Шейн. — Вас пригласила Лефранса?

Храмовник расхохотался:

— Что вы, что вы! Госпожа Эгшер терпеть не может служителей Богов. Как и все, кто входит в число участников Гильдии, — он лукаво покосился на некроманта. — Но я не держу на нее зла. В четырнадцатой главе Святой Книги Альвадор дает нам мудрый совет: "и не бойся ни друга своего, ни врага; ни убийцу, ни вора; потому что ты обладаешь силой, которую им никогда не побороть; и этой силой следует щедро делиться".

— Чудесно, — вмещался Эльва. — Но я все-таки не понимаю, что вы здесь делаете, если госпожа Эгшер вас не приглаша...

— Ой, перестань, — перебил его повелитель. И опять обратился к храмовнику: — Спасибо за откровенность. Берегите себя.

Мужчина кивнул и криво усмехнулся — двусмысленный совет Шейна попал в цель. Общество Лефрансы, пусть и рассеянное среди сотни гостей, могло сильно ударить по хрупкому человеческому организму служителя Богов.

Седой продолжил поиски Сэтлео, больше напоминающие бегство, и краем уха услышал возмущенную тираду некроманта:

— Какого черта ты с ним возился? Мы могли просто пройти мимо, не теряя времени! Эти храмовники, они же все... ну... помешанные!

Шейн серьезно кивнул, но возразил:

— Зато напоминают мне об одном человеке.

Ярости во взгляде Эльвы поубавилось.

— Он был твоим другом?

— Он? — парень остановился и задумался, разглядывая маленькое, но красиво обустроенное возвышение для музыкантов — те как раз занимали свои места и проверяли состояние инструментов. — Да, он был моим другом.

— И что с ним случилось?

Повелитель хмыкнул и проигнорировал этот вопрос, вместо ответа воскликнув:

— Наконец-то! Сэт, иди сюда!

Уже знакомый некроманту подросток отвлекся от изучения эльфийской арфы и с обидой уставился на Шейна:

— Чего?

— Я нашел тебе нового учителя. — Седой расплылся в улыбке. — Это — господин Эльва, профессиональный некромант. Он ручается, что сумеет усадить тебя на трон раньше, чем я.

Маг и ландарский наследник обменялись рукопожатиями:

— Предположим, что здравствуйте.

— Привет. Хочешь, я расскажу тебе одну историю? — предложил Эльва.

— Не уверен, — усомнился Сэтлео. — Я не люблю беседовать с чудаками, а некроманты от них мало отличаются.

— И все же я настаиваю. — Некромант огляделся, надеясь обнаружить неподалеку что-то вроде дивана, и разочарованно вздохнул. — Дело было так. Однажды, в далеком-далеком прошлом, существовало великое королевство. Оно не придерживалось идей о чистоте крови, не реагировало на насмешки, собирало минимальный налог — и процветало, потому что у его правителя было достаточно мозгов, чтобы не портить людям жизнь. Ведь хорошая жизнь — это достаток, причем такой достаток, которым хочется поделиться. Согласен?

— Согласен, — помедлив, буркнул подросток. До него сразу дошло, что именно пытается объяснить некрмант, но следующие слова стали настоящим сюрпризом:

— Так вот, правитель этого королевства сделал все, чтобы его люди ни в чем не нуждались. А потом умер. Умер от руки инквизиции, и все пошло наперекосяк: его заслуги переврали, современную историю исправили, официального наследника выгнали, и на трон уселся тупой мужик из Совета Лордов. Он способен мыслить лишь о собственной выгоде, и ему плевать на деревенских жителей, на торговцев, на обычных людей... плевать, осознаешь? И поэтому в некогда прекрасном королевстве вспыхнули бунты. Люди желают вернуть кровного, правильного короля — того, кто не будет требовать от них слишком много, кто не будет прятать деньги под подушкой и просыпаться посреди ночи проверить, не пропали ли они? Но их честолюбивые намерения не смогут увенчаться успехом, пока в королевство не вернешься ты. Прямо сейчас, пока мы стоим здесь и наслаждаемся дорогим вином, они умирают. Они, — Эльва выдержал зловещую паузу, — умирают. За тебя. За твое королевство. А ты распускаешь сопли и ноешь, что тебе страшно, что ты боишься не совладать с таким огромным куском земли, что вдруг тебя никто всерьез не воспримет... ты ноешь, а они уже восприняли. Они верят — рано или поздно придет наследник, договорится с Леашви и наведет порядок. И знают, что если этого не произойдет, их повесят. Всех. Даже детей.

Побледневший Сэтлео сглотнул, дернулся и отвернулся, но худая спина не могла скрыть его эмоций. Он действительно боялся. И не представлял, как спасти всех жителей Ландары и разобраться в ситуации, никому не навредив.

— Тебе нужно, — Эльва тоже отвернулся, намереваясь разыскать Илаурэн, — всего лишь туда поехать.

Вечером у Сага окончательно испортилось настроение.

Во-первых, до чертового Айл-Миноре следовало добираться целую неделю — если не дольше. Во-вторых, жара оказалась предвестником грозы, и небо затянули черные тучи. Пока они громыхали и порождали голубые вспышки молний, заклинатель метался туда-сюда в надежде найти укрытие, но никаких результатов не достиг. Когда хлынул ливень и в считанные секунды промочил недавно приобретенную одежду, три-один-шесть смирился с неизбежным и побрел вперед, опустив голову и разглядывая свои сапоги. Красивые, на заклепках. В империи Ильно Саг подобного не носил.

Над широкой полосой дороги нависла темнота, мир окунулся в темно-синие и серые краски. Тени стали почти сплошными, а среди пышных древесных крон загорелись желтые и серебряные огоньки. Что это такое и кому оно принадлежит — если принадлежит, — Саг выяснять не захотел и свернул к берегу реки.

Собственно, вдоль берега он и шагал весь день. Местные жители сказали, что там есть заброшенный путь к первому мосту, и никто, кроме отшельников и монахов, им не пользуется. Разговаривать с блаженными заклинатель умел, как и убеждать их в собственной

правоте, а выше обозначенный тип личностей считал именно таковыми. Кто в здравом уме станет поклоняться Богу или искать счастье в уединении, когда вокруг изобилует колдовство? И надо приложить совсем чуть-чуть — крохотную долю! — усилий, чтобы научиться подчинять его своей воле. Колдовство — свободная материя, и ему без разницы, с кем играть.

Именно так Сага и учили — магия играет с тобой ровно до тех пор, пока ты ей интересен. И можно пойти на любые меры, сочинить любой план, чтобы этот интерес не ослаб, — ведь в противном случае дар угаснет, а от его носителя останется лишь обугленная оболочка. Главы Ордена наперебой предостерегали, мол, не используйте заклятия по мелочам, не помогайте никому зря, не растрачивайте силу попусту. Три-один-шесть старался следовать их советам, но порой выходили... осечки, и дар действительно пропадал на день-два.

Ему бы отдохнуть, поразмыслить — и понять, что магия имперских заклинателей в корне отличается от магии людей из-за моря. Люди из-за моря рождены колдунами, рождены повелителями стихий — а имперцы крадут чужое могущество по крупице, прячут на складах, запирают в защитных амулетах... и понятия не имеют, как правильно с ним обращаться. Сведения о драконьем колдовстве обрывочны и запутанны, а их корни покоятся в глубоком прошлом. Если кто и в курсе о верных методах, то лишь знаменитые соратники Яритайля — и вряд ли они живы.

Когда окончательно стемнело — так, что дорога стала неразличимой на фоне сплошного мрака, и приходилось ждать очередной вспышки молнии, чтобы сделать еще один шаг, — Саг остановился. Забрался в хилые еловые заросли, уже не чувствуя соприкосновения капель с телом, и почти сразу провалился в тяжелую дремоту, где надрывно выли дикие звери и наматывала круги нежить.

Сдавленное рычание насквозь промокшего дакарага он тоже списал на сон — и ошибся. Клыкастые челюсти, источающие запах гнили, вцепились в незащитное человеческое плечо и сомкнулись со зловещим клацаньем.

Саг проснулся и, не мигая, вытаращился на белую морду с двумя янтарными пятнами, прорезанными линиями зрачков. Эту его реакцию дакараг принял за сигнал, что пора заканчивать: поднапрягся, уперся лапами в землю и дернул. Хрустнула кость, а затем — вместе с куском тошнотворно-красного от крови мяса, — рухнула в открытую пасть.

Боли заклинатель не ощутил. У него вообще было туго с восприятием: что-то случается, чего-то от тебя ждут, а чего — не понятно. Поэтому он встал, даже не пошатываясь, и схватил нежить за вздыбленную холку.

— Живучий какой, — изумился дакараг. Человеческая речь оказалась для него слишком сложной и пережегалась глухими всхлипами. — Не здешний?

— Нет, — согласился Саг.

— То-то я смотрю — весь в ожогах, ленивый, как черт, да еще и с полуоторванной рукой в драку лезешь. И, — нежить принюхалась, — от тебя несет падалью. Ты — восставший?

— Да, — снова согласился три-один-шесть.

— Забавно. И почему же ты гуляешь на таком огромном расстоянии от родных берегов? У тебя есть враги?

— Есть, — в третий раз кивнул заклинатель, после чего коротко ткнул дакарага в шею. Спрятанный в рукаве нож вошел глубоко, звучно, с приятным хлопаньем — но причинил

нежити вреда не больше, чем комариный укус.

Она задрожала, заперхала, затряслась под беззвучными приступами смеха. И бросилась в атаку — сшибла Сага своим колоссальным весом, прижала к земле, царапая когтями, распахнула воняющую пасть. Вдумчиво облизнула лицо позднего ужина, приготовилась откусить ему щеку... и взвыла, словно умалишенная. Вниз, на заклинателя, полетели крупные капли крови, мигом лишив его зрения и нюха. Остался один слух: вот разорвало воздух лезвие полоторного меча, вот меч вонзился прямым в глотку дакарага, пропахал в ней глубокую борозду... а вот нежить упала, тяжело рухнула на мокрую землю, и из-за этого в воздух взметнулись брызги воды из луж.

— Эй, парень, — раздался грубоватый мужской голос. — Ты жив?

— Жив, — не очень уверенно подтвердил Саг. По раненому плечу расползлась волна озноба, потихоньку занимая руководящее место в теле. — Спасибо за помощь.

— Пожалуйста, — любезно отозвался неожиданный спаситель. — А ты кто? Мне говорили, что этим трактом уже давно не пользуются.

— Мне тоже так говорили.

Саг с трудом разлепил веки, вытер чужую кровь ладонями и рукавами — все равно куртке уже конец, — и разглядел своего героя. Это был широкоплечий, русоволосый мужчина со светло-кариими глазами и горбинкой на перебитом носу. Его подбородок оброс щетиной, шею стягивал воротник вязаного свитера, а поверх него блестела легкая кольчуга из эльфийской стали. Справа на поясе болтался одноручный меч, слева — серебряная фляга, а в руках путник сжимал меч полоторный, испачканный темной жидкостью. На заклинателя мужчина смотрел спокойно, без опаски — и даже слегка смягчился, заметив его растерянность.

— Ладно я, — с корявой усмешкой, еще больше перекосившей нос, произнес он. — Я — рыцарь, меня драться научили раньше, чем писать и читать. Но вы? Безоружный, слабый и, ко всему, неспешно соображающий... я поражаюсь, как она вас не съела — вы же просто идеальная жертва. Особенно не сопротивляетесь, ругаться не торопитесь... а если бы ругались — она бы опешила и повременила, облегчив мне задачу.

— Простите, — буркнул Саг. Ссориться с настоящим рыцарем — себе дороже, он во славу оскорбленной чести и достоинства снесет тебе голову быстрее, чем дакарагу. — Я впервые вижу такую нежить.

— Ой, да что там видеть, — отмахнулся мужчина. — Дакарагов, как представителей волкообразных тварей, в приморье достаточно. Или вы не отсюда?

— Ага. — Три-один-шесть с горем пополам поднялся и попытался отыскать свою сумку — там еще были хорошие горские настойки. — Я не местный.

— И вы ранены, — констатировал рыцарь. — Давайте, я помогу. Сядьте вон на тот корень.

Сага так трясло, что он послушно шлепнулся на указанное место и облегченно закрыл глаза. Под веками поползли красные круги, отдаленно похожие на волны. Рядом грохотала река, закрепляя впечатление — хотя ее свирепый рык больше напоминал водопады, чем холодное имперское море.

Рыцарь заставил его стянуть сначала куртку, а потом — рубашку. Вытащил из кармана флакон, наполненный чем-то голубым, с терпким вьедливым запахом, и вылил содержимое в багровую дыру, некогда служившую плечом заклинателя. Рану запекло, но путник тут же перетянул ее плотной повязкой, также добытой в глубине карманов, после чего позволил

Сагу одеться.

— Благодарю вас, — пробормотал заклинатель, чувствуя себя немногим лучше, чем выброшенная на песок, под палящие лучи солнца, маленькая медуза. — Я посплю, ладно? Разбудите меня на рассвете.

— Ладно, — разрешил рыцарь.

Возможно, он еще что-то добавил — на всякий случай, предупреждая юношу об опасности заражения, — но Сагу было уже без разницы. Он окунулся в глубокую темноту, закутался в нее, словно в теплое одеяло — и, кажется, очнулся через мгновение, хотя за это мгновение горизонт успел обрасти солнцем, белыми кудрявыми облаками и туманом.

— Доброе утро, — поприветствовал его рыцарь. Он сидел у костра, разведенного из влажных веток, и держал над пламенем нанизанные на нож кусочки мяса — по виду, дакаражьего. — Как вам спалось?

— Нормально, — соврал три-один-шесть. — А вам?

— А я не спал.

— Как так?

— Ну, знаете, — путник хохотнул, — рыцари выносливее большинства людей. Не спать всего лишь одну ночь — это мелочи. К тому же вы бредили, и я сомневался, окажетесь ли живым к утру.

— Простите, — повторил заклинатель.

— Бросьте извиняться. Лучше идите сюда, вам надо позавтракать. Вот, держите, — рыцарь передал ему другой, с уже готовым мясом, нож и флягу, наполненную душистым элем.

Юноша смутился, но предложенную еду взял. Судя по состоянию, регенерация завершилась еще в середине ночи, и теперь обновленный участок плоти жутко зудел, а организм, истративший все резервы, громко требовал восполнить хотя бы треть.

— Как вас зовут? — спросил мужчина, когда с мясом было покончено.

— Дейра, — угрюмо сообщил Саг. Обманывать человека, угробившего дакарага ради спасения незнакомца, оказалось противно. — А вас?

— Паулдаим, — представился тот. — Или Паул, если коротко. Я родом из Гро-Марны.

— А я из Хасатинии.

— О! Я никогда там не был. По слухам, у вас довольно... гм... любопытные представления о еде? Один мой друг, не ко злу будь помянут, жаловался на сырую рыбу и странные кислые соусы.

— И вовсе даже они не кислые, — попробовал отстоять неизвестное королевство три-один-шесть. — Нормальные соусы. Это у вас — только не обижайтесь! — способы приготовления пищи хромают.

Паулдаим весело рассмеялся:

— Ага, в Гро-Марне с изысканными блюдами плохо. У рыцарей нет ни желания, ни лишнего времени, чтобы возиться со всякими ягодками-огурчиками, когда есть сочное, славное, мое любимое мясо!

Заклинатель поморщился. Его спаситель явно выбрался из какого-то села, где не принято заморачиваться правилами этикета.

— Что ж, мне пора идти, — с наигранной печалью сказал он.

— Погодите, я с вами! — тут же подскочил рыцарь. — Мне надо в Старое Герцогство, а это как раз за Айл-Минорскими графствами. С вашей стороны будет ужасно мило составить

мне компанию! Что думаете?

— Да, — покривил душой Саг. — Будет неплохо. Но давайте поторопимся, иначе я не успею нанести визит своему старому другу.

Паулдаим затоптал костер, подхватил свои вещи, абы как разбросанные по земле, и уточнил:

— Кто же этот друг?

— Господин Тинхарт. — Заклинателю слегка полегчало, потому что имя графа Ивеля можно было назвать абсолютно честно. — У меня есть к нему несколько... несколько вопросов. И, ко всему прочему, я обещал встретиться с маркизом де Лайном.

— Ве-е, — скривил губы рыцарь. — Если вам после беседы с маркизом удастся выжить, я полностью оплачу ужин в самой дорогой корчме Хасатинии.

— А? — растерялся Саг. — Подождите, вы что-то не так поняли. Я не собираюсь в Хасатинию. Мне нужно попасть в Айл-Миноре до того, как закончится нынешняя неделя, а затем...

— Не беда, — беззаботно заверил его Паулдаим. — Вы назовете цену, а я отдам вам определенное количество монет. Договорились?

Три-один-шесть уныло вздохнул:

— Договорились.

Фасалетрэ Эштаралье сидел на верхушке дерева, под прикрытием зеленой листвы, и невозмутимо наблюдал за имперским заклинателем. В обществе рыцаря юноша совсем скис, и оставалось надеяться, что до семьи хозяина демона он не доберется.

Одними только ложными надеждами сыт не будешь, и, дождавшись, пока рыцарь и заклинатель скроются из виду, Летрэ спрыгнул вниз. Попал прямо на кострище и замарал подошвы сапог пеплом, и тот же пепел медленно растер между пальцами, прикидывая, откуда и для чего явился мужчина из Гро-Марны.

От тонких серых ломтиков несло гарью, сладким соком дикой травы и — немного, — сотворившим его человеком. Вполне обычным человеком — ни магии, ни иллюзий, — а значит, рыцарь для отца Эльвы угрозы не представляет. Надо сосредоточиться на имперце и, если выпадет удобный случай, закопать его ко всем чертям. Закопать так, чтобы, даже обладая бесконечной способностью к воскрешению и регенерации, господин три-один-шесть не сумел выбраться на волю.

— Я тебя догоню, — пообещал Фасалетрэ, укладывая пепел обратно. И с удовольствием — мрачным, заглушающим все другие чувства удовольствием, — подхватил с древесного корня белую нитку — часть рубашки заклинателя. Безусловно, магия поиска работает с более долговечными и дорогими их владельцу вещами — но у людей.

А Фасалетрэ Эштаралье был демоном.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОЛУКРОВКА

Особняк семьи Эль-Тэ Ниалет выгодно отличался от обители госпожи Лефрансы: он был окружен роскошными старыми дубами, раскинувшими ветки над крышей, и небольшим, но изысканным садом, поросшим мелкими звездчатыми соцветиями.

Неуместной деталью выглядел только трехуровневый зомби, застывший столбом перед

выходом из беседки. Шейн критически его разглядывал и брезгливо принимался, после чего заключил:

— Вероятно, он поспорил с кем-то из наших слуг. Причем недавно, иначе успел бы нормально разложиться. Я три дня себе голову ломал: почему возле конюшен воняет? Видно, убийца решил, что запах навоза перебьет запах мертвечины. Подожди здесь, я распоряжусь насчет общего сбора.

— Хорошо, — жизнерадостно отозвался Эльва. И, когда повелитель уже пересек порог, добавил: — Я могу сразу назвать причину его смерти. Смотри. — Он подошел к ожившему трупу и раздвинул пальцами дыру во влажной рубашке. Собственно, эта дыра продолжалась и дальше: уходила под кожу жутким багровым рубцом, а сквозь него просматривалась розовая полоса ребра и черные ошметки легких.

— Значит, нож соскользнул? — Шейн так увлекся, что вернулся и наклонился, чтобы лучше видеть чужое увечье. — Ничего не понимаю. У этого парня были прекрасные шансы выжить.

— Нет, — возразил некромант. — Он явно выпил незадолго до смерти. Причем выпил довольно много, иначе на лице не сохранилось бы столь явных следов.

— Н-да? — Повелитель снова критически уставился на труп. — Может, ты и прав, но мне показалось, что это следы не опьянения, а усталости.

— Но-но! — фальшиво возмутился Эльва. — Верь мне! Уж в чем, в чем, а в мертвецах я отлично разбираюсь.

Седой тихо рассмеялся и отправился за слугами, оставив некроманта наедине с убитым. Зомби стоял смиренно и мог бы показаться обычным человеком, если бы не яркая пятиконечная звезда, зависшая перед ним в пространстве. Эльва начертил ее быстро, не заморачиваясь красотой, и символ получился ужасно кривым — никого не удивит, если развалится. Однако влитая в него энергия держала труп крепче, чем тысяча стальных цепей.

Поднятием мертвецов маг не занимался уже несколько лет — с тех пор, как перестарался с заклятием и вогнал себя в беспамятство на долгие месяцы. Но Шейн со страдальческим стоном пожаловался, что в его имениях кто-то кого-то закопал, а выкапывать вручную не хочется — к чему, если некромант заставит покойника вылезти из почвы самостоятельно? Эльва похмыкал, поохотал и согласился провести маленькое расследование, присовокупив к нему психологическую атаку на возможных убийц.

Поднять зомби удалось без особого труда, но с потоками удержания что-то было не так. Обычно восставшие мертвецы более агрессивны, а этот не проявлял никакого интереса к происходящему.

Скорректировать потоки некромант не успел: Шейн, разглагольствуя о самых страшных грехах, уже подгонял к беседке многочисленных кухарок, конюхов, дворецких, уборщиц, стражников и прочих, прочих, прочих. Почти все они сдавленно ойкали, заметив в тени беседки труп, и лишь один человек — мужчина лет сорока, с пронзительными черными глазами, — сдержал эмоции. Он покосился на зомби с отвращением, но без страха, и этим заслужил легкий призрачный уважения.

— Итак, господа, — повелитель остановился и похлопал покойника по плечу, показывая, что он не опасен. Эльва как раз в этом сомневался, но предупредить седого не стал: в конце концов, Шейн состоял в Братстве Отверженных, а туда вряд ли принимали неудачников. — Сегодня мы с милордом Тиезом обнаружили во внутреннем дворе труп. Выражаясь мягко, мы не очень обрадовались. И у нас есть все причины полагать, что убийца

— это кто-то из вас.

Ответом ему послужило недовольное бормотание:

— Да что вы такое говорите?!

— Совсем с ума посходили...

— Меньше надо с некромантами якшаться!

— Ни стыда, ни совести — собственных слуг винит!..

— Я потрясен: они действительно тебя не любят, — произнес Эльва, выбираясь из-за стола. — А я надеялся, что ты просто пошутил. Эй, ребята! Чем вам не угодил господин Эль-Тэ Ниалет?

Ближайшая кухарка бросила на мага преисполненный ненависти взгляд:

— Чем не угодил? Вы смеетесь?! Да из-за него погибли наши хозяева, господин Лидвен и госпожа Намар! С какой стати мы должны уважать убийцу родителей?!

Шейн побледнел так, что стал походит на привидение.

— Я их не убивал!

— А как же! — продолжала вопить кухарка. — Не убивали! Это сделала злая инквизиция, ай-яй-яй! Вы бесконечно оправдываетесь, бежите от истины и не желаете признать...

— ХВАТИТ! — заорал Эльва. Женщина заткнулась, но по-прежнему смотрела на мага с ледяной неприязнью. — Вы идиоты? Или у вас мозги отказали? Ну да, в Айл-Минорские графства инквизиция почти не совалась, и у вас тут не горели костры, где дровами служили люди! Вы, черт побери, понятия не имеете, как действовали святые отцы!

Холодная ладонь повелителя сомкнулась на его запястье и дернула назад:

— Эльва, стой! Ты теряешь над собой контроль!

— Ничего я не теряю! — бесился парень. — В спокойном расположении духа я ненавижу людей ничуть не меньше, чем сейчас. Можно, я оторву этой проклятой бабе голову? Или нет, — он хищно улыбнулся, вынудив кухарку попятиться и испуганно прижаться к мужу. — Я вырву ей ногти! По одному, как вырывали их тебе, а потом заставлю сожрать! И если после этого она все еще будет в сознании, я поджарю ей пятки, переломаю все кости и выбью зубы, посажу на кол и выставлю на...

— Эльва! — умоляюще воскликнул Шейн. — Пожалуйста, прекрати!

Некромант выругался и отступил, но было поздно: зомби, уловивший настроение своего создателя, метнулся вперед и схватил женщину за воротник. Усиленные колдовством челюсти клацнули на расстоянии пылинки от ее носа, и кухарка, передернувшись всем телом, обмякла. По толстым ногам потекло.

— Ве-е, — скривился маг. — До чего же мерзкая тетка! Не могла, что ли, перед походом сюда заглянуть в уборную? — он демонстративно прикрыл нос платком, сделал восемь шагов в глубину сада и обратился к трупу: — А ты чего встал? Отпусти ее и давай за мной, нечего пугать людей!

Зомби послушно уронил кухарку, оскалился в адрес ее благоверного супруга и удалился, шаркая босыми ногами по земле.

— Итак, — Шейн прокашлялся, — давайте вновь поразмыслим о нашей небольшой проблеме. Кто его убил? — он указал на вполне бодрого покойника.

— Да никто не убивал! — тоненько возмутился кухаркин муж.

— Ага, никто, — подтвердил тот мужчина, что изначально не испугался. — Но я его знаю. Это Микта из деревушки на окраинах Города Живых. Он приходил к вашей личной

швее, клянчил еду в кухне и резался в кости со старшим конюхом. Если рассуждать логически, то, пожалуй, старший конюх его угробил — проигрался по-крупному, а заплатить не сумел... ну или жадность не позволила.

— Да как ты смеешь! — конюх даже на месте подпрыгнул, чтобы быстрее броситься на обидчика.

— Стоп! — Шейн, не мудрствуя лукаво, ударил его подошвой по ноге. Парень рухнул, схватился за ушибленное и принялся причитать:

— Среди бела дня родные хозяева избивают! Что за...

Он запнулся, потому что глаза повелителя на миг полыхнули красным. Эльве почудилось, будто за этот миг многое изменилось.

— Ясно, — очень тихо и очень выразительно произнес Шейн. — Стража, будьте добры запереть его в подвале. Я постараюсь обсудить все с дядей, а потом решу, каким будет наказание.

— Вы не имеете права! — запищал предполагаемый убийца. — У вас нет никаких доказательств моей вины! Вы хоть представляете себе, что...

Он запнулся повторно.

— Я, — по-прежнему едва слышно сказал повелитель, — представитель Гильдии Магов. И если ты не совсем уж тупой, то знаешь, каким даром я обладаю.

На лице конюха отразился сложный мыслительный процесс.

— Предсказатель будущего, вроде бы?

— Нет. — Шейн присел на краешек лавки, потянулся и сообщил: — Я провидец. А провидцы немножко, самую малость, — в его голосе прозвенела издевка, — умеют слышать, что творится в чужих головах. И про себя ты сейчас кричал, что не хочешь вылететь из особняка и что Боги обязательно должны тебе помочь, потому что ты каждый вечер ходишь в минорский храм на исповедь, и священник отпустил тебе грех убийства. Любопытно, сколько ты ему заплатил? Десять монет? Двадцать?

— Пятьдесят, — простонал мужчина. Затем поднялся, попытался дотянуться до повелителя и, обвиснув в крепком захвате четырех стражников, принялся кричать: — Будьте вы прокляты! Уж вам-то какое дело до моих грехов?!

— Не люблю, когда во дворе воняет, — честно ответил Шейн. И приказал: — Уведите его. Всем, кто был тут во время разбирательства, к ближайшему ежемесячному гонорару добавят по пятьдесят золотых — в качестве извинений за подозрения. Всем, кроме вас, — он кивнул сперва на кухарку, а затем — на ее мужа, — и вас. Сегодня вы навсегда покинете мой особняк.

— Да кто вы такой, чтобы нам приказывать?! — женщина, едва очнувшись, побагровела от ярости.

— Я — его хозяин, — любезно донес до нее повелитель. — Дядя ведет здесь дела, потому что я, как официальный наследник семьи Эль-Тэ Ниалет, дал на это свое согласие. И если меня не устраивают нанятые им слуги, я могу их выгнать и заменить кем-то более дружелюбным. Да и сам дядя в любой момент покинет Айл-Минорские графства, если я наконец-то решу жить, как полноправный граф, и отвергну титул виконта.

Столь высокие материи для кухарки были недостижимо трудны. Она наморщила лоб, пытаясь осмыслить полученную информацию, и была вежливо спроважена остальными, не желающими терять работу, слугами.

— Убийца заплатил храмовнику пятьдесят монет, и по пятьдесят монет ты добавил к

гонорару этих людей, — пробормотал Эльва. — Не многовато, а? Они же работают спустя рукава.

— Я довольно-таки богат, — пожал плечами Шейн. — И прекрасно представляю, что они чувствовали, когда я потребовал выдать мне продажную крысу. За такое действительно стоит извиниться.

— Ну, если ты так считаешь... — протянул некромант, сообразив, что некоторая часть надбавки будет компенсацией и за его собственную вспышку гнева. — Дай лопату, что ли. Пойду закопаю господина Микту где-нибудь на равнине.

— Это можно поручить кому-нибудь другому.

— Можно, — мрачно улыбнулся Эльва. — Но у меня, кажется, приступ нелюдимости.

— Тогда сходи попроси у садовников, — посоветовал повелитель. — У них найдется все необходимое.

Парень коротко кивнул и убрался. В невысокой, увитой плющом пристройке ему выдали и лопату, и простенький, но аккуратно сбитый гроб. Для некроманта он был тяжеловат, а вот зомби без труда вынес свое будущее вместилище за пределы особняка.

Пределы были красивой кованой оградой, изображающей переплетение виноградных лоз. На первый взгляд она выглядела несуразной, не способной ни от чего защитить, а на второй из толщи железа проступали магические символы, причудливо удвоенные, утроенные и удесятеренные. Эльва подозревал, что незадачливых воришек поджарит, едва они прикоснутся к собственности семьи Ниалет.

— Господин Тиез! — из поместья выбежал Сэтлео, осмотрелся и бросился за некромантом. — Господин Тиез, подождите!

Парень остановился. После встречи на празднике в доме Лефрансы ландарский наследник прицепился к нему, словно репей. Загадочные отношения Эльвы и графа Тинхарта поразили его в самое сердце: до этого он ни разу не видел, чтобы Тинхарт пытался кого-то задушить, а потом невозмутимо пояснял, что не видел свою жертву уже много лет и ужасно соскучился. Кстати говоря, граф целиком и полностью поддержал идею препоручить заботы о благополучии Сэта некроманту: ведь он уже связывался с Леашви и точно знает, что в Ландаре подростка примут с распростертыми объятиями. Но, поскольку вещи мальчика оставались в поместье Шейна, пришлось на пару дней отложить визит в Леден.

— Ну чего тебе? — рыкнул Эльва, когда расстояние между ним и подростком сократилось до трех шагов.

— Ничего, — выдохнул тот. — Я с вами! Господин Тинхарт не умеет поднимать зомби, и я до сих пор не... — он отшатнулся, когда труп по желанию некроманта лязгнул зубами прямо над его ухом, и воскликнул: — Аларна заberi, как же здорово! А разговаривать он умеет? А как он наблюдает за миром? То есть у него обычное зрение или какое-нибудь особенное? А...

— Заткнись, — прошипел парень. — Я не в настроении.

— Почему? — искренне огорчился Сэтлео. — Вам плохо? Если хотите, давайте я сам его закопаю, а вы пока отдохнете...

— Сэт, — сердито перебил его Эльва. — Перестань. Ты же не собачка, чтобы вот так передо мной распинаться. Веди себя нормально, пожалуйста.

— Я же просто помочь хочу!

— Вот! Предлагать помощь следует другими способами, а не фразой "давайте, я сделаю все за вас", понимаешь?

Подросток виновато почесал нос:

— Понимаю. Извините, господин Эльва.

— Вот и отлично.

Некромант по кругу обошел холм, за которым простиралась маленькая, но красивая деревня: двенадцать домиков, корчма, огороды, ровная полоса тракта и два колодца. Над трубами вился сизый дымок, кое-где воевали с сорняками женщины, а в тени молодой акации расположилась компания детей: один мальчик принес книгу и с восторгом показывал друзьям гравюры. Кряхтение ожившего трупа привлекло их внимание, но парень накинул на зомби морок, и теперь для людей без дара он стал огромной черной собакой, волочившей на спине гроб.

— Эй, дядя маг! — весело окликнула Эльву девочка в синем платье. — А кого вы убили?

— Заклятого врага, — брякнул парень в ответ.

Дети восторженно переглянулись, а Сэтлео с укоризной отметил:

— Может, не стоило их обманывать? Признались бы честно, мол, конюх милорда Ниалета убил господина Микту. Его же, наверное, родители дома ждут, волнуются...

— И? По-твоему, я должен привести им зомби? Мол, вот ваш любимый сыночек — не особо живой, но двигается и прежнюю личность сохраняет. Правда, где-то в глубине души, так глубоко, что черта с два ее кто-нибудь оттуда вытащит. Ну, кроме ритуалов поднятия уровня. Если они будут мне платить в течение месяца — а ровно столько я ритуал и продержу, призову духа-покровителя, — то... кхм, — Эльва осознал, что увлекся, и недружелюбно добавил: — В общем, ты догадался.

— Догадался, — ехидно произнес Сэтлео.

Когда деревня осталась далеко позади, а поместье Шейна вообще скрылось из виду, начался лес. Небольшой и неубедительный — заблудиться не получится даже у отпетых пьянчуг, — но все-таки способный обеспечить некроманта необходимым укрытием.

Он снял с трупа морок, вручил ему лопату и приказал:

— Выкопай такую яму, чтобы было удобно опустить в нее гроб.

Зомби послушно ухватился за черенок и принялся за работу. Эльва постоял рядом, убедился, что он справляется, и уселся под раскидистой березой. Сэтлео, чуть помедлив, плюхнулся рядом.

Вблизи Паулдайм оказался не таким уж несносным спутником, как успел представить себе Саг. Во-первых, он не читал заклинателю морали. Это было огромной добродетелью, ведь в Ордене ни один чертов человек не мог воздержаться от красочных поучений в адрес восставшего. Во-вторых, он не расстраивался, если к вечеру не получалось найти достойное место для ночлега, и без лишнего ворчания делился с юношей факелами. В-третьих, он прекрасно умел ориентироваться на местности и выбирал самые легкие и безопасные из покинутых путей. А в-четвертых, он разбирался в классификации местной нежити и знал, кого можно оставить в покое, а кого лучше зарубить, пока тварь не одумалась и не сожрала своих потенциальных врагов.

Единственное, что настораживало Сага — это несоответствие между поведением и манерой речи Паулдайма. При разговоре рыцарь вел себя подчеркнuto бесшабашно, словно пытался создать определенный образ, не имеющий ничего общего с реальностью. Но когда он считал, что юноша его не видит, улыбка тут же пропадала, брови хмурились, и выражение

лица становилось холодным и расчетливым. В такие моменты Саг прикидывал, не сбежать ли от него вообще — но потом осознавал, что Паулдайм наверняка отыщет глупого спутника и спросит, почему он так поступил. Причем спросит так, что придется отвечать — вне зависимости от своего желания.

Определенно, рыцарь из Гро-Марны умел производить впечатление на людей.

Когда подошвы сапог наконец-то застучали по мосту, ведущему в Айл-Минорские графства, Саг вздохнул с облегчением. До сих пор ему удавалось скрыть истинные причины похода, а значит, и сейчас это будет достаточно легко. Несмотря на всю подозрительность Паулдайма, он вовсе не тот, кому подвластно отличать правду от убедительной лжи. К тому же Старое Герцогство находилось ниже и южнее, чем особняк господина Тинхарта, и заклинатель до последнего надеялся, что рыцарь свернет туда.

Не повезло. Памятуя о недавнем споре, рыцарь решил сопроводить юношу до обители семьи Ивель, а затем проследить, выживет ли он после общения с маркизом де Лайном. Отнекиваться было поздно, и Саг поплелся следом за ним, размышляя о безысходности существования.

Айл-Минорские Графства раскинулись вокруг, будто ловчая сеть — зеленая равнина, редкие скопления домиков, рощи и небольшие, светлые, явно молодые леса. Красиво, подомашнему тихо — идеальное место для сел и деревень. Не нужно объясняться со стражниками, не нужно платить пошину за землю — только делиться с правящей семьей одной четвертью от торгового дохода. Паулдайм рассказывал Сагу, что в Айл-Миноре всегда превосходный урожай, и люди на нем хорошо зарабатывают. А если кому-то лень возиться с зерном, картофелем, морковью, свеклой и тому подобными вещами, можно разбогатеть за счет рыболовства: между графствами и королевством Шаэл проходило богатое рыбой ответвление Волнистых Рек, где, несмотря на общее сумасшедшее течение, было множество спокойных уголков.

На словах все это выглядело чудесно, но на деле... Заклинатель каждой частичкой своего тела чувствовал разлитую под поверхностью мощь и понимал, что Айл-Минорские графства — это не столько богатая урожайная земля, сколько пристанище для свободной энергии. Разумеется, энергетические жилы прячутся под любыми участками суши — слабые, сильные, изобильные и не очень, — но здесь их влияние было сокрушительным. Превосходное место для ведьм и колдунов, превосходная опора для самых страшных заклятий. Любопытно, почему ее не используют? Ведь благодаря жилам в этой земле маги Заморья могут получить бесконечный запас силы.

— Вон, смотрите, — показал Паулдайм, когда путники развели костер и доверили ему остатки мяса. В пока еще бледных сумерках, как в молоке, проступало темное пятно с иголками шпилей. — Это особняк графа Тинхарта. Завтра в полдень мы до него уже доберемся.

— Чудесно, — буркнул Саг.

— Вы не рады?

— Рад. Просто слегка устал. — Заклинатель улегся на походное одеяло, скрестил руки на груди и зевнул. — Скажи, Паул. По какому принципу Айл-Минорские графства поделили? Я читал, что раньше они принадлежали одному роду, кажется, прародителю семьи Ивель — а теперь разбиты на три части.

— Как, ты не в курсе? — удивился рыцарь.

Юноша прикусил язык: он не предполагал, что причины изменения здешних земель

известны всем и каждому. В библиотеке крепости Сокол говорилось лишь о самих изменениях.

— Ах да! — Паулдаим хлопнул себя по лбу, и в этом жесте Сагу почудилось что-то неправильное, наигранное. — Ты же из Хасатинии. У вас, должно быть, не принято обсуждать ближайших соседей.

— Ну, не такие уж мы и ближайšie, — возразил Саг. В селе, где путники раздобыли мясо, он успел купить еще и карту близлежащих королевств — жителям она была без надобности, а заклинателю следовало разобраться в устройстве этого фрагмента мира. — Чтобы добраться до Хасатинии, нужно пройти через Бертасль или Шаэл — прямого моста не существует. Да и я раньше не интересовался историей чужаков.

— Как грубо, — поморщился Паулдаим. И попробовал пояснить: — Ты, наверное, успел заметить, что прямо под нами пролегают четыре жилы чистой энергии. Под Айл-Минорскими графствами они складываются в крест — поэтому еще пару месяцев назад все, что привозили из Айл-Миноре в подверженные инквизиции государства, считалось проклятым. Глупости, конечно: здешние торговцы начали продавать свое зерно под видом гро-марнского, шаэлского и, кстати, хасатинского. Но и тогда, и сейчас любой, кто бывал тут и не хлопал глазами впустую, знает: пока энергетические жилы контролируются потомками прежних графов, все в порядке. Одну жилу берет на себя наследница рода Эгшер, вторую — наследник семьи Эль-Тэ Ниалет, а третью и четвертую разом удерживает господин Тинхарт. Все трое пристально наблюдают за колебаниями свободного колдовства — и все трое мигом почувствуют, если его попытается поглотить какой-нибудь идиот. А мне-то пришлось верить на слово — я магическим даром не владею. — В голосе рыцаря прозвучала тоска.

Побледневший заклинатель кивнул, ожидая, что Паулдаим вот-вот посмотрит на него и задаст вопрос: "А разве господин Тинхарт не поделился с вами этой информацией?" Но рыцарь, к счастью, отвлекся на скопление светлячков чуть дальше по равнине, а потом снял с огня мясо и принялся его уплетать.

У Сага аппетит пропал, но он безропотно расправился со своей порцией и лег спать, утешая себя мыслью, что завтра все закончится.

Утро выдалось теплое, даже душное, и переполненное облаками. На Айл-Миноре то и дело ложилась тень, накрывая путников пушистыми боками и пряча солнце. На западе величественно, словно стяг личной гвардии императора, маячила выцветшая, не дающая света Дайра. Заклинатель не понимал, почему она осталась на небе, но боялся вызвать у Паулдайма новые подозрения. И молчал, перебирая в памяти картины из Ильно: там ни одна из Лун не задерживалась над миром дольше, чем на ночь.

К полудню, миновав очередную рощицу, путники очутились перед высокими коваными воротами. Рыцарь постучал по ним рукоятью меча, а Саг тем временем разглядывал двор — или сад, потому что он полностью скрывался за розами. Расторопный слуга выбежал из-за них, как из леса, и застыл по ту сторону створок.

— Ваше имя?

— Паулдаим из Гро-Марны, — представился рыцарь. — И мой товарищ, господин Дейра. Он пришел побеседовать с господином де Лайном.

— Вот как? — вежливо отозвался слуга. — Подождите, пожалуйста. Я доложу о вашем прибытии милорду Тинхарту. Не хотите что-нибудь передать?

— Нет, спасибо, — отказался Паулдаим.

— Еще как хотим! — вмешался Саг. — Скажите господину де Лайну, что речь пойдет о

его сыне.

— О котором из них? — уточнил слуга.

— Об Эльве.

— Хорошо, но милорда Эльвы нет в особняке, — виновато улыбнулся он. — Насколько мне известно, милорд Эльва вообще не любит встречаться с родителями.

— Не страшно, — покривил душой заклинатель. — Если бы я нуждался в милорде Эльве, я бы связался с ним напрямую. Но мне нужен его отец. Будьте добры, сообщите, что это срочно.

— Сделаю в лучшем виде, — пообещал слуга и скрылся.

Паулдайм побродил туда-сюда, покосился на Сага и заявил:

— Как-то ты не рад.

— Нет, почему? — уже привычно солгал три-один-шесть. — Рад. Но нервничаю, ведь обмен сведениями с господином де Лайном всегда напоминает допрос. Причем в роли дознавателя выступает он.

— Раньше ты так не думал.

Заклинатель внутренне похолодел, но внешне остался беспристрастным.

Рыцарь отвернулся, якобы любуясь оградой — воистину превосходной работой гномов, призванной изображать гротескных небесных ящеров. Стилизованные драконы распахнули крылья, оскалили пасти, напрягли спины и хвосты, приготовились к атаке... в общем, всячески намекали, что особняк графа Тинхарта стоит обходить десятой дорогой, а не нагло соваться в гости.

А вот Сага больше пугали не они, а розы. В империи Ильно таких цветов не было, не здесь, на землях врагов, розы часто попадались на кладбищах. Скорбящие родственники сажали цветы у могил, будто пытаясь извиниться перед погибшими за то, что сами до сих пор живы. Подобное почтение к тем, кого уже не вернуть, здорово тяготило заклинателя. Он привык, что мертвые — это мертвые, и они никогда не вернуться, не посмеют потревожить живых. А тут, получается, смерть — вовсе не причина забыть о человеке, как о страшном сне? Странно.

Юноша прикинул, а не может ли на территории графа Тинхарта покоиться какой-нибудь памятный ему отряд бойцов, погибших в сражении. Но быстро прервался, потому что к воротам снова подошел слуга. Осторожно приоткрыл одну створку и пригласил:

— Входите.

— Благодарю, — с облегчением вздохнул Саг.

Слуга проводил его к высокому двустороннему крыльцу, лишенному ступеней — сплошная скользкая горка, без поручней не залезть. Заклинатель вцепился в стальные прутья — и ошарашенно пронаблюдал, как провожатый невозмутимо поднимается к тяжелым деревянным дверям, не прилагая никаких усилий для удержания равновесия. Паулдайм тоже вытаращился на слугу с благоговейным ужасом, и тот, склонив голову, спросил:

— Что-то не так?

— Да нет, — нервно хихикнул рыцарь. — Все в порядке. Скажите, как вы по этой штуке ходите?

— Я долго тренировался.

За дверьми незваных гостей ожидало страшное разочарование: холл был абсолютно пуст. Ни мебели, ни ковров, ни картин, ни изысканной люстры — сплошные голые стены, высокий сводчатый потолок и холодный, будто ледяная глыба, пол. Саг испытал трусливое

желание развернуться и убежать.

— Маркиз де Лайн скоро спустится, — заверил слуга. — И лично проводит вас в приемные залы.

— Ага, — буркнул Паулдаим. — Чудесно.

Провожатый одарил его сочувственным взглядом и ушел, насвистывая себе под нос. Рыцарь передернул плечами и затянул шнуровку на вороте куртки.

— Холодно здесь, — невесть кому пожаловался он.

Заклинатель хмыкнул. По его мнению, холод был не единственным недостатком особняка Тинхарта. Куда больше пугала абсолютная пустота, не разбавленная даже светом.

Отец Эльвы — невысокий, рано поседевший мужчина с выцветшими, что-то между серым и голубым, глазами, — выглянул из пасти близлежащего коридора. Он был совсем не похож на сына — толстый, круглолицый, побагровевший от усилий — поди дойди до внешнего холла, с таким-то телосложением! — и страшно недовольный жизнью. На Сага и Паулдайма этот мужчина посмотрел так, словно они ему крупно задолжали.

— Ваше Сиятельство! — рыцарь преклонил колена, излучая невероятную — и слегка фальшивую, — радость. — Я счастлив вас лицезреть!

— Угу, — буркнул маркиз. — Пойдемте наверх.

Парень вскочил, готовый исполнять приказ, и метнулся в указанном направлении — держась, впрочем, на три шага позади отца некроманта. Саг поплелся следом, пытаясь отыскать в маркизе де Лайне хоть одну общую черту с Эльвой.

Лиайга, отдуваясь и пыхтя, поднялся по винтовой лестнице и вывел гостей в просторную комнату с открытыми окнами. Заклинателю пришлось сощуриться, а Паулдайму — закрыться локтем, чтобы привыкнуть к яркому освещению.

Маркиз тем временем уселся за стол, подвинул к себе чистый кусок пергамента и окунул перо в чернильницу. Подождал, пока лишние капли упадут обратно, и аккуратным, пусть и нелепым, почерком что-то написал. Незнакомые Сагу руны соединялись так причудливо, будто каждая новая их часть была ключом и замком к следующей.

— Так о чем вы хотели поговорить? — обратился де Лайн к заклинателю.

— О вашем сыне, — рассеянно отозвался тот, рассматривая комнату. Дорогие ковры, шкафы, три мягких, глубоких кресла... все они были заняты — у окна сидела изящная, стройная женщина с льняными волосами, собранными в высокую прическу, по правую руку от стола — мужчина с заметной горбинкой на носу, а в тени книжных полок — парень в потрепанной военной форме с нашивками лейтенанта.

— Об Эльве, — констатировал господин Лиайга. — Слышишь, Грайз? Твой младший братик опять что-то натворил.

— От него сплошные проблемы, — поморщился мужчина. — Какую гадость он устроил на этот раз? Скормил корову дакарагу? Убил невиновных людей за то, что они посмели обидеть девушку-проститутку? Напутал с заклинаниями, и вместо изгнания воплотил призыв?

— Грайз, — ледяным тоном окликнул лейтенант. — Умолкни.

Мужчина вспыхнул:

— Не смей вмешиваться, Кайта!

— Увы, но твои приказы меня нисколько не волнуют, — огрызнулся парень. — Ты — всего лишь подставная фишка в игре более умных людей. Так что сиди молча, а мы с отцом сами разберемся, кто прав: Эльва или этот мрачный господин. — И, не давая старшему брату

опомниться, попросил: — Расскажите нам о своей беде, пожалуйста.

— Да, конечно, — торопливо заговорил Саг. — Меня зовут Дейра, я из Хасатинии. И... видите ли, — он замялся. — Я пришел, чтобы поделиться с вами информацией с глазу на глаз, а не в компании вашей жены и сыновей — хотя они, вне всякого сомнения, достойны доверия.

Кайта сдвинул светлые брови, а Грайз презрительно фыркнул. Госпожа де Лайн осталась бесстрашной.

— Что ж, давайте выйдем, — согласился Лиайга. Выбрался из-за стола, задел объемным животом кипу свитков, которая тут же радостно обрушилась на ковер, и поморщился: — Грайз, убери.

— Хорошо, отец, — с неожиданной покорностью ответил старший сын Тиезов.

Маркиз вывел Сага на балкон, схватился за ажурные, вряд ли способные удержать человека перила, и произнес:

— Поведайте мне, наконец, в чем дело.

Заклинатель усмехнулся и вытащил из рукава нож.

— Дело, — любезно пояснил он, — в том, что ваш сын сбежал из империи Ильно, а значит, представляет для нас угрозу. Ему известно немного, но... сами понимаете: тайна превыше всего. И я должен, — Саг прервался, чтобы убедиться в отсутствии чужих любопытных ушей, — обязательно должен убить и его самого, и всех, кто его сопровождал. Ответьте на пару вопросов, и вы не пострадаете, господин Лиайга.

Маркиз тяжело вздохнул. Юноша с удивлением осознал, что он абсолютно не испугался.

— Я давно не связывался с Эльвой и не могу удовлетворить ваши требования. Но позвольте сказать одну вещь... перед тем, как вы меня убьете.

— Ладно, — разрешил заклинатель. — Валяйте, но поскорее.

— Было очень глупо угрожать мне в особняке Тинхарта. Мы с ним не друзья, но граф — благородное существо, пусть и полукровка. Мне часто приходится внимать глупым нареканиям, что, мол, я имею дело с тем, у кого нет ни капли человеческой крови. Но война объединяет еще и не таких тварей, поэтому... — Лиайга бросил полный печали взгляд в пустоту над плечом заклинателя, — простите, господин Дейра. Умереть я тоже не в силах. Мой старший сын недостаточно хорош для титула маркиза, и я, как вы недавно выразились, просто обязан дать ему все необходимые знания. Простите меня еще раз...

Присутствие кого-то сильного и сердитого Саг ощутил за мгновение до того, как раздался шелест эльфийской стали. Лезвие меча промелькнуло в ногте от уха заклинателя.

— Превосходная реакция, — похвалил Тинхарт. — Если не ошибаюсь, вы — восставший? Наслышан, наслышан. Как поживает ваш драгоценный император?

Саг молча вытаращился на него. Лиайга был прав — обычного человека граф совсем не напоминал. Золотистые, вьющиеся, явно нечесанные пряди падали на глаза, но не могли их скрыть: вокруг зрачков, причудливо мерцаая, пламенела яркая карминовая кайма. Она тонула в расплавленном золоте радужек, закаляла его и снова проявлялась, заставляя врасплох случайных собеседников Тинхарта. Потрясающее зрелище, но любезничать с имперским заклинателем полукровка не собирался.

— Не люблю, когда моих товарищей считают мусором, — сказал он. — Где ваше оружие, господин Дейра?

Саг оскалился, странно вытянул шею — и изменился. Сквозь спину, будто сквозь плодородную землю, проросли белые шипы, а пальцы распустились темными лезвиями.

Особняк утонул в синих, голубых и темно-серых тонах, а силуэт графа, наоборот, окрасился в пронзительный желтый.

— Вот, так лучше, — заметил он и атаковал, не давая юноше опомниться.

На принятие облика нежити всегда уходило около трех минут, но сейчас у Сага не было времени. Дико завопив, заклинатель вывернулся из захвата полукровки и едва не наткнулся на услужливо подставленный меч. Тинхарт язвительно расхохотался, а маркиз де Лайн тоскливо вздохнул:

— Мне жаль, господин Дейра, но Эльва предупредил меня о возможном вмешательстве с вашей стороны сразу же после того, как получил вестника от Валгиара Хилмера — командира крепости Сокол. Вы, кажется, обращались к нему за помощью? Сочувствую. Валг скорее откусит себе голову, чем предаст любимого ученика — хотя за какие заслуги он его любит, ума не приложу. Ну, Тинхарт, удачи тебе, — Лиайга повернулся к полукровке и поклонился. — Несомненно, против твоих сил у этого мальчика нет шансов. А я пойду. Моя дорогая жена немного нетерпелива.

— Иди, — согласился граф. И перехватил руку заклинателя, занесенную для удара: — Но-но, господин Дейра, у нас с вами еще есть неотложные дела. По мне, так будет гораздо лучше, если в них не участвуют простые смертные.

Саг хотел было вырваться, но почти сразу потерпел поражение. Сухая, шероховатая ладонь Тинхарта сомкнулась на его горле, сжалась, закрывая путь дыханию — к счастью, нежить в нем не нуждалась, — и дернула юношу на себя. Тот с ужасом ощутил, как исчезают острые лезвия, как втягиваются обратно шипы... потом померкло зрение, а потом — вернулись прежние цвета, но откровенно злой Тинхарт никуда не делся.

— Я почему-то был уверен, что облик полумертвой твари держится дольше, — разочарованно буркнул он. — Ну да и ладно.

Ладонь напряглась, и заклинателя швырнули спиной на перила. Что-то хрустнуло, и Саг со стоном повалился на пол, давясь горячей, густой, отвратительной на вкус кровью. Часть ему удалось выплюнуть, а часть осела во рту, прилипнув к языку и нёбу.

— Ты, — выдавил из себя заклинатель, — тварь!

— Протестую, — возмутился полукровка. — Я нахожусь в своем доме, а вы ввалились сюда без приглашения и попытались убить моего гостя. Почему я должен с вами церемониться?

Юноша приподнялся, желая прямо смотреть на врага во время беседы — и взвыл от боли, вспыхнувшей в груди. Как-то само по себе оказалось, что он снова валяется на полу, нелепо раскинув руки, а все вокруг дрожит, колеблется и подпрыгивает.

— Неприятно, правда? — поинтересовался Тинхарт, присаживаясь на корточки рядом. Справа от него, азартно принявываясь, опустился невысокий парень с кошачьими ушами. Граф покосился на него, улыбнулся и представил: — Знакомьтесь, господин Дейра — это Фасалетрэ Эштаралье. Именно он принес нам новости об имперском заклинателе, мечтающем уничтожить семью господина Эльвы, самого господина Эльву и всех, кто посмел нарушить границы Ильно. И я вынужден вас огорчить — ничего не получится. Во-первых, потому, что Эльву сопровождали слишком своеобразные люди, и найти их будет непосильно трудно для одного-единственного восставшего. А во-вторых, потому, что из моего особняка вы не выйдете. Вы так рвались внутрь, что теперь у меня нет ни малейшего желания вас выгонять. Вставайте, я провожу вас до подземелий и выделю самую сухую из тамошних комнат.

Он взвалил Сага к себе на спину и окунулся в глубину коридоров, лестниц и старых, обитых сталью дверей. За одной из них проступило нечто вроде тюрьмы: огороженные решетками камеры, факелы в чистых, аккуратно вымытых скобах, несколько стульев и смена стражников.

Фасалетрэ Эшгаралье помог Тинхарту сгрузить заклинателя на деревянный лежак, после чего вышел и предложил:

— Может, принести ему одеяло? Как бы не сдох к утру.

— Не сдохнет, — с безразличием куклы возразил граф. — Восставшие быстро регенерируют. На твоём месте я бы беспокоился о другом: как бы он к утру не очнулся и не разнес особняк на тысячи ошметков.

— Пока вы здесь, у него не выйдет, — беззаботно ответил демон. — Мне пора домой. Развлекайтесь.

— Погодите! — отчетливо прозвучал третий, независимый, голос. — Что значит "развлекайтесь"? И по какому праву вы упекли невинного человека в подземелье? Между прочим, он мой товарищ, и я за него ручаюсь. Если он действительно кого-то возненавидел, то возненавидел по делу. Такие люди на мелкую месть не размениваются!

— Потрясающе наивно, — оценил Фасалетрэ Эшгаралье. — И потрясающе достоверно. Кто вы, господин Паулдаим, и ради чего вы столь талантливо ждете? Этот мальчик вам что-то пообещал?

— Нет, — фыркнул рыцарь. — Напротив. Но мы с ним поспорили, и, пока результат нашего спора не решится, я не могу оставить его на растерзание. Даже вам, хотя вас, милорд, я действительно уважаю.

— Эй, мальчик, — обратился к заклинателю граф. — О чем вы спорили?

Саг открыл было рот, но не сумел произнести ни слова. Боль прошла, и позвоночник заколола запертая в теле энергия, пытаясь исправить нанесенный ему ущерб.

— Я обещал, что оплачу Дейре ужин в самой дорогой корчме Хасатинии, если он выживет после беседы с милордом де Лайном, — признался Паулдаим. — И он выжил. А если бы не вы, он бы не только выжил, но и довел дело до конца, выяснив, где сейчас находится господин Эльва. Что это, кстати, за господин? Его имя однажды упоминала моя знакомая.

— Господин Эльва — это третий, самый младший, сын Лиайги, — невозмутимо пояснил Тинхарт. — И, по совместительству — очень сильный некромант, считай — проводник для материи потустороннего мира. Следует полагать, что Эльве удалось скрутить господина Дейру в бараний рог... или, во всяком случае, обеспечить его проблемами. Мы дружим достаточно давно, чтобы я не сомневался в разрушительных талантах этого парня.

Заклинатель скрипнул зубами, а рыцарь заявил:

— Вот видите! Господин Эльва сам виноват. Не стоит из-за его ошибок причинять боль разумному существу, будь оно хоть тысячу раз наделено способностью к исцелению. Боль остается болью, даже если спустя пару часов рана исчезает.

— Ну, — граф с большим сомнением покосился на Сага, — ваш приятель атаковал первым. Допустим, я закрою на это действие глаза и попробую успокоить его мирно, однако он сам не допустит подобного окончания своего пути. Верно, господин Дейра?

— Верно, — пробормотал заклинатель. И, чуть поразмыслив, добавил: — Убирайся, Паул. Мне твоя помощь не нужна.

Рыцарь поглядел на него с обидной жалостью.

И послушно убрался.

Рунами перехода Шейн занялся лично — чтобы убедиться, что некроманту и ландарскому наследнику ничего не угрожает. Во избежание опасных ситуаций он настроил не только точку входа и выхода, но и центральную, зависшую между двумя измерениями плоскость: на случай, если в Ландаре приятелям все-таки не повезет, и возникнет необходимость в срочном отступлении.

Эльва собрал вещи, закинул на плечо сумку, подхватил меч и вытолкнул Сэтлео на пылающие символы. Подросток испуганно пошатнулся, вздрогнул, когда маг схватил его за локоть, и натянуто улыбнулся повелителю:

— До встречи, Ваше Сиятельство!

— Пока, — помахал ему тот.

Руны дернулись, твердая поверхность под ногами пропала. Сэтлео что-то тоненько пропищал, но Эльва не обратил внимания: переход закончился, символы разлома погасли, и прямо перед путниками возникла недовольная рожа караульного. Неохотно отдав честь, он смерил подростка полным отвращения взглядом и сказал:

— Дорогу до дворца вы знаете. Леашви ожидает в тронном зале.

— Отлично, — скептически отметил некромант. — Огромное вам спасибо за отзывчивость.

И вышел, ни на миг не отпуская Сэтлео.

— Не нравится мне все это.

— А? — уточнил подросток.

— Я рассчитывал, что тебя встретят несколько... кхм... теплее, — проворчал парень. —

Но выбирать, к сожалению, не приходится.

Игнорируя стражников, изваяниями застывших по краям лестницы, он направился к массивным двустворчатым дверям. Сэтлео шагал следом, то и дело настороженно встряхиваясь — ему чудилось, что ландарский город замер в предвкушении кровавой бойни. Даже погода стояла соответствующая: за темными тучами солнце казалось красным.

Холл, галерея, тронный зал... арбалетчики на балконах. У Эльвы в груди тревожно екнуло, и он аккуратно, чтобы никто не заметил, окружил себя и подростка плотным магическим щитом.

Леашви стоял у распахнутого окна, любуясь густой кленовой листвой, и отвлёкся от этого занятия с большой неохотой. Бегло покосился на кровного наследника, двинулся навстречу... и упал.

А в его затылке, зловеще багровея краями и розовея раздавленными костями, осталась зиять глубокая рана.

Сэтлео словно превратился в ледяную статую, но Эльва опомнился мгновенно. Закрыв подростка собой, позабыв о щите, и спокойно велел:

— Не двигайся.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АРТЕФАКТЫ

Следующее ядро разбилось о магический щит с такой силой, что взятая энергия мигнула и обзавелась цепью трещин. Эльва поспешно ее укрепил.

Сэтлео вытарашился на Леашви и побледнел:

— Он что, умер?

— Вряд ли человек с дырой в голове может быть живым, — уклончиво ответил парень. — Разве что если я...

Он закрыл глаза, уловил схему здешних основных потоков и, сотворив из них крючок, подцепил труп бывшего главы Совета. Тот дернулся, захрипел, привыкая к новому состоянию, и неожиданно плавно поднялся. Густая зелень заклятия удержания пробивалась сквозь рану, так и напрашиваясь на второй выстрел. И загадочный стрелок не подвел: ядро проделало дыру в щеке Леашви.

— Найди убийцу, — приказал Эльва. — Найди и приведи ко мне.

Зомби тут же метнулся прочь, шаркая подошвами сандалий. Некромант проводил его тяжелым взглядом и приготовился снова погрузиться в переплетение потоков, но Сэтлео дернул его за рукав:

— Извините...

— Да? — парень обернулся и наконец-то сообразил, что ландарский наследник едва стоит на ногах и весь трясется, словно в припадке.

— Мне как-то, — начал подросток, героически сдерживая рвотный позыв, — нехорошо.

Эльва схватил его за плечи и требовательно встряхнул:

— Успокойся, Сэт. Слышишь меня? Успокойся. Ты уже видел смерть, и в ней нет ничего особенного. Все когда-нибудь умирают. Ко всему прочему, Леашви и так злоупотребил гостеприимством этого мира. Но мы-то с тобой живы и в порядке, верно? Поэтому надо не паниковать, а попытаться отыскать того, кто его убил. Иначе обвинят нас.

— Да, — чуть помедлив, согласился Сэтлео. — Да, вы правы... извините. Я сейчас...

Что он сейчас, некромант выяснить не успел. Зомби вернулся, волоча за ногу невысокого, светловолосого мужчину. В свободной руке он принес легкую гномью аркебузу — последнее достижение бородатого народца, приносящее меньше разрушений, но больше пользы.

— Он, — выдохнул зомби. — Это — он.

— Ясно, — серьезно кивнул парень. — Спасибо. Теперь можешь отдыхать.

Леашви послушно улегся прямо на холодный пол, и Эльва отпустил лишние потоки. Затем, поразмыслив, подошел к убийце и порылся в его карманах. В одном, правом внутреннем, лежал детский медальон на короткой серебряной цепочке.

Мужчина застонал, шевельнул грубыми пальцами, и некромант невозмутимо, не размениваясь на вежливость, приставил к его шее нож. Пленник покосился на мага, потом — на Сэтлео, и сдавленно попросил:

— Не дави так. Мне больно.

— Ты умеешь колдовать, — констатировал парень.

— Умею. Я воздействовал на звук и — немного — на стражников. Прекрати давить. Прекрати!

Эльва с удовольствием пронаблюдал, как из-под лезвия агшела выползают первые, пока что маленькие, капли крови, похожие на бусинки. Мужчина дернулся, надеясь хоть чуть-чуть увеличить расстояние между своей кожей и магическим клинком. Не сумел, поэтому взвыл:

— Отпусти, я все расскажу!

— Расскажешь, — равнодушно подтвердил некромант. — Причем рассказывать будешь скоренько и со вкусом. Здравствуйте, господа стражники! Отправляйтесь, пожалуйста, сразу

в военный суд и доложите, что не справились со своими обязанностями. Пока вы зевали за дверью, главу ландарского Совета Лордов убили!

Арбалетчики ему не поверили и оцетинились взведенным оружием, готовые в любой момент нажать на спуск. Сэтлео бросился на перехват, подняв руки расправленными ладонями вверх:

— Подождите, стойте! Он не врет!

— Вот именно, — пробормотал убийца. — Это я в него выстрелил. Ну сами подумайте: на кой черт Ландаре король? Постоянные бунты, ненависть и вражда — это прекрасная почва для богатого урожая. У нас в последнее время столько заказов! Люди под шумок избавляются от давних неприятелей, а давние неприятели под шумок избавляются от них. За два месяца я заработал втрое больше, чем за год — а если вы отдадите мне голову Леашви, как доказательство, что я действительно от него избавился, мне заплатят пятьсот золотых монет! И я с вами поделюсь, честное слово!

— Блаженный, что ли? — удивился ближайший арбалетчик. — Совсем ума нет?

— Есть, — возразил мужчина. — Но я желаю умереть от удара топора по шее. А этот молодой человек, если вы срочно не вмешаетесь, зарежет меня агшелом!

Эльва выругался и, спрятав нож куда-то под куртку, торжественно вручил убийцу стражам закона. Те смущенно поблагодарили, заставили пленника подняться и потопали к выходу, гремя доспехами. За миг до того, как двустворчатые двери закрылись, до некроманта донесся крик:

— Кстати, нервный ты наш! У командира Гильдии есть заказ, в котором говорится о милом мальчике по имени Сэтлео, и за него обещают три тысячи золотых!

Подросток вздрогнул, но все же попробовал пошутить:

— Для убийцы он слишком откровенен.

— Ну еще бы, — мрачно хохотнул парень. — Он же врет. Врать гораздо легче, чем делиться со своими палачами правдой. Не знаю, на что этот тип надеется, но для нас главное — не оправдать его надежды ни единым решением. Вот что, Сэтлео, — он порылся по карманам и вручил наследнику шесть серых камней, нанизанных на плотные нитки, — надень-ка их на шею. Защитные амулеты в таких ситуациях не бывают лишними.

— Хорошо. — Подросток послушно устроил камни в ямочке между ключицами, поправил воротник и уточнил: — А как же вы? Вы оставили себе хоть что-нибудь?

— А я, — Эльва внимательно огляделся и подошел к трону, — могу себя защитить без внешних источников силы. Эй, ты! — он повернулся к стражнику, предупредительно застывшему у старого гобелена, и приказал: — Приведи сюда господина Шига, госпожу Ларру и господина Дэльтеара. Мне надо их познакомить с будущим королем.

Стражник бросил ничего не выражающий взгляд на Сэтлео, улыбнулся и был таков.

Спустя полчаса он вернулся в сопровождении невысокой, стройной и взволнованной женщины. Ларра, третья по счету шишка в Совете Лордов, увидела наследника и замерла, закрыв алые губы платком.

Она была некрасивой, но необъяснимо притягательной. Эльва поймал себя на том, что жадно рассматривает темные ресницы, вздернутый нос и серые глаза женщины. Поймал — и поспешил отвлечься узорами на ее синем, словно морская глубина, платье.

— Райстли, — глухо произнесла Ларра. — Ты очень похож на Райстли. Сэтлео, если не ошибаюсь?

Подросток промолчал, справедливо полагая, что нечего тратить слова на давно

известные факты.

— Ты ведь уже знаком с правилами придворного этикета? Потому что коронацию придется проводить на этой неделе, и мы не сможем взяться за твое обучение. Да и ты, наверное, распустишь Совет Лордов сразу же после того, как окажешься на престоле.

— Нынешний — распуцу, — сказал Сэтлео, вспоминая о прощальных пожеланиях Тинхарта. — И постараюсь основать другой, более беспристрастный. Понимаете, вы причинили немало неудобств как господину Райстли, так и господину Рикартиату — его официальному наследнику. Немало, хотя были обязаны их поддерживать всеми правдами и неправдами. Я вас не поучаю, нет, — он отмахнулся, заметив, что Ларра возмущена. — Но считаю, что вы допустили огромный промах.

— И кого же ты возьмешь в Совет Лордов, интересно узнать? — с тщательно скрываемой обидой спросила женщина.

— Во-первых, господина Эльву, — огорошил ее подросток. И не только ее: некромант пошатнулся, сдвинул брови и сердито уставился на мальчишку. — Во-вторых, господина Шейна. Он все равно не станет открыто править Айл-Минорскими Графствами. В-третьих, господина Летрэ, если для него это будет важно. В-четвертых...

— Сэт, — вмешалась Ларра. — Ты ведь называешь имена, исходя из своих эмоций. Настоящие короли так не поступают.

— Уж простите, — огрызнулся наследник. — Но я лучше пойду вразрез с вашими убеждениями, чем приму их и получу роль бесполезной марионетки.

На щеках женщины вспыхнул нездоровый румянец. Она встряхнулась, словно дикая кошка, гордо выпрямилась и сообщила:

— Коронация состоится через два дня. Мы разошлем королевских глашатаев с посланиями, чтобы уведомить об этом народ. Будьте добры, приведите себя в порядок.

Ближе к ночи Эльва был вынужден признать, что в роли короля Сэтлео выглядит бесподобно. Либо на него так повлиял переезд в Ландару, либо надменный характер участницы Совета, но до конца дня подросток ходил, гордо задрав подбородок, и величественно всех игнорировал. Наверное, он бы с радостью избавился и от общества некроманта, но тот неотрывно следовал за ним по пятам, покачивая отрубленной головой Леашви и ласково воркоча:

— Сделаю из него новую черепушку. Погуляю и сделаю, но сначала нагоню страх на местных жителей. Кстати о жителях! Сэт, а давай отыщем одну мою приятельницу?

— Можно, — с легкой опаской согласился наследник, втайне надеясь, что эта приятельница утихомирит непоседливый характер Эльвы. — А как?

— Да вот так. — Некромант положил голову на стол, вышел из отведенных Сэтлео комнат и громко, хорошо поставленным голосом гаркнул: — Его Величество желает видеть госпожу Альнар!

Стражники, подпрыгнув от неожиданности, отрядили на поиски двух товарищей и клятвенно заверили мага, что Альнар прибудет с минуты на минуту. Эльва снисходительно покивал, хлопнул тяжелыми створками и уселся на ковер. Мягкое кресло, обитое темно-красной тканью, казалось ему слишком неудобным.

Сэтлео, с надеждой покосившись на спутника, открыл книгу. Он опасался, что не успеет прочесть и двух страниц, но некромант почему-то притих, извлек из дорожной сумки желтый, заляпанный воском свиток, развернул его и погрузился в незнакомые подростку

руны. Они были выведены зелеными чернилами — местами блекло, местами ярко, — и едва ощутимо переливались скрытой внутри силой.

Наследник отвернулся и принялся читать "Обобщенную историю Ландарского Королевства". Собственно, эта история была очень скупа на подробности, но позволяла в общих чертах усвоить нормы, принятые в Ландаре. Самой успешной эпохой, с точки зрения автора, были годы правления Райстли — и мирные, и урожайные, и с умеренными налогами. Даже инквизиция не особенно их испортила — если не учитывать, что именно она в итоге Райстли и погубила.

Тинхарт, Шейн и Эльва тоже хорошо отзывались о последнем короле Ландары. Бесцельно шатаясь по коридорам, галереям и залам леденского дворца, Сэтлео нашел несколько его портретов, вывешенных совсем недавно. Спокойный, улыбчивый парень с явной примесью эльфийской крови, голубоглазый, с обрамленным густыми каштановыми прядями узким лицом и до странности добрым взглядом.

Эльфийская кровь смутила наследника, и он обратился к некроманту с вопросом, почему королевство досталось не абсолютному человеку. Эльва молча на него вытаращился, потом расхохотался, а потом — пояснил, что ландарская королевская ветвь происходит от эльфов Черного Града Шеальты, и что у Сэтлео наверняка отыщется капля-другая норова остроухих.

Двустворчатые двери снова распахнулись, на этот раз — благодаря стараниям дворецкого. Невысокий, дрожащий, древний дедушка, чьи черты прятались под легким, воздушным ореолом пушистой седины, уверенно шагнул внутрь и доложил:

— Госпожа Альнар, старший сержант Королевской Гвардии Ландары, к вашим услугам!

За ним в комнату вошла низенькая девушка в белой с красными вставками парадной форме. Судя по полупрозрачной пленке на глазах, она была слепа, как котенок — и Сэтлео не больно-то удивился, потому что на лбу, щеках и переносице старшего сержанта сохранились следы страшных ожогов, скрывающих веснушки. Две рыжеватые косички спускались на худые плечи.

— Ваше Величество. — Девушка поклонилась. — Я счастлива, что удостоилась чести встретиться с вами лично.

— Э-э-э... — растерялся подросток. — М-м-м... то есть да, я тоже счастлив. Господин дворецкий, принесите нам чаю, ладно? С бутербродами и яблоками. А вы, госпожа Альнар, проходите, не стесняйтесь. Давайте, я проведу вас к дивану...

— Я могу сама, — вежливо отказалась она. И, не колеблясь, подошла к указанному предмету мебели. Села, расправила мундир и поинтересовалась: — А кто здесь? Помимс Вашего Величества.

— Это мой друг, — с гордостью ответил Сэтлео. — И он утверждает, что вы — его приятельница. Честно говоря, именно ему пришла в голову мысль пригласить вас сюда.

— Вот как? И кто же вы такой, господин друг Его Величества?

— Я, — рассеянно откликнулся некромант, — Эльва. Эльва Тиез де Лайн. И у меня есть к тебе дело, Альнар.

— А-а-а, — старший сержант улыбнулась и обменялась с ним дружеским рукопожатием. — Рада тебя слышать. И что же это за дело?

— Хм, — Эльва сел справа от нее, устроил свиток на столе и поставил на углы по чернильнице, не давая пергаменту свернуться. — Я хочу вернуть тебе зрение.

Девушка тут же нахмурилась.

— Это невозможно, — произнесла она. — Люди из Гильдии уже пытались помочь, и ничего не вышло.

— А у меня — выйдет, — воинственно возразил некромант. — Я составил собственное заклятие. Месяц над ним копался, пока все грани не свел — и ручаюсь, что оно уничтожит твою беду. Кроме того, я включил в основной поток наиболее мягкие узоры, чтобы точно нигде не навредить.

— Но... зачем? — продолжала недоумевать старший сержант. — Мы ведь даже не друзья. Так, единожды друг друга выручили, да и то — по мелочи, в порядке мгновенного возврата...

— Затем, что помимо обычного безумства мой пытливый ум требует чего-нибудь такого мощного, просчитанного и благородного, — отшутился Эльва. И тут же, пока Альнар не выдвинула очередной вопрос, осведомился: — Так ты готова? Это займет около получаса. Тебе позволено отвлекаться, беседовать с Его Величеством, употреблять чай с бутербродами — словом, делать все, что заблагорассудится, но только в пределах этой комнаты. И, если не трудно, постарайся не отходить от меня. В итоговой части я прописал прямое касание, и мне нужно...

— Господин Тиез, — официальным тоном перебила его девушка. — Я не такая глупая, как вы себе вообразили, и выполню все указанные вами требования. Все, уже замираю. Ваше Величество, подайте мне бутерброд.

Сэтлео с готовностью передал ей поднос, принесенный расторопным слугой. Старший сержант изящно, с легкой опаской взяла ломоть ржаного хлеба, отломил крохотный кусочек и отправила в рот.

Некромант убедился, что по ее вине опасности не возникнет, и сомкнул веки. Под ними тут же образовалась первородная черная пустота с редким вкраплением звезд, нарисованных воображением. Как известно, воображение — это страшная вещь, и оно умеет разбавлять любые картины чем-то личным, различимым лишь для своего хозяина.

Рисунок из цепи символов — некротических, общих и стихийных, — для Эльвы был трудноват. Честно признаться, парень редко разменивался на масштабные работы — поэтому действительно исключил из нынешней острые углы. Все центральные потоки, а также поверхностные линии, были замкнуты очень аккуратно. Слова накладывались на них, как стихи — на музыку, но мелодичности и нежности им недоставало. Некромант бормотал выверенные фразы едва слышно, на грани восприятия — и, получая опору в его сознании, эти фразы исчезали из свитка. Первым робкое мерцание зеленых рун обнаружил Сэтлео, а потом Альнар негромко попросила не шелестеть — мол, шелест сбивает с толку. Подросток виновато улыбнулся и пояснил, что заставить чужую магию рождаться в тишине он не может.

Когда со свитка исчезли все руны, Эльва потянулся к девушке и накрыл ее глаза ладонями. Пальцы закололо, как если бы парень окунул их в сугроб.

— Rerra na kharra sea lenna, — закончил он.

Старший сержант не шелохнулась. Под ладонями стало влажно.

— Убери, — попросила девушка, неестественно выпрямившись. — На секундочку.

Некромант повиновался, с любопытством разглядывая свое творение. Белесая пленка пропала, и зрачки Альнар, погруженные в густую зелень радужек, медленно скользнули влево.

Старший сержант вздрогнула, моргнула и посмотрела на парня.

— Значит, вот, как ты выглядишь.

— Ага, — рассмеялся Эльва. — Похож на идиота, правда?

Фасалетрэ Эштаралье сидел на дереве, время от времени с тоской поглядывая на голодного, упрямого, истекающего слюной вурдалака. Кладбищенская тварь привязалась к нему в Старом Герцогстве, наивно посчитав, что ей положено вкушать высших демонов на завтрак, обед и ужин, и бывший пленник пещеры уже тысячу раз проклял себя за то, что вообще сунулся на выжженные драконом земли.

Он убивал вурдалака трижды, и трижды чертово существо приходило в норму, подбирая куски чужих тел в целях восстановления своего. В конце концов, добравшись до восточного берега Герцогства, Летрэ плюнул на диковинного сопровождающего и решил отдохнуть. Перехватил обеими руками гитару, оперся спиной о ствол раскидистой осины с обманчиво тонкими и хрупкими ветками, умиротворенно вздохнул и вознамерился пару часов поспать — но вурдалак, почуяв смену настроения жертвы, поднял слепую морду к небу и коротко, глухо взвыл.

Демон пронаблюдал, как ожившие трупы, принявшие этот вой за сигнал, выбираются из могил. Зрелище было отвратительное, но ему понравилось. О способности вурдалаков руководить другой нежитью, в основном — низкоуровневой, Летрэ слышал, но по глупости своей не верил. Испытывать перед ними страх тем более не стоило.

Он перебрал струны, выбирая мелодию, и мрачно усмехнулся. Несмотря на старательно изображаемое безразличие, демон любил музыкальные уроки Мильта. Бессмертный амайе, с его выразительным, уверенным, эмоциональным голосом — впрочем, только в песнях, — произвел на Летрэ немалое впечатление. Признаваться бывший пленник пещеры не собирался, однако материал усвоил и худо-бедно, подстраиваясь под собственное, уже сутки как простуженное, горло, пропел:

— Я сию, прикасаясь пальцами
к неподвижной твоей руке.
Мы пришли в этот мир скитальцами
по небесной большой реке.

Ты погиб на границе сущего,
я вознес для тебя курган.
Лучше смерть, чем вот эта жгущая
боль в открывшихся дырах ран.

Я стою у границ отчаянья,
в одночасье утратив свет.
В мире нет никого печальнее.
Ни в одном живом мире нет.

И дорога уводит дальняя
в неизвестность и пустоту,
на свидание со страданием,
по прямому пути в беду.

Компания мертвецов внимала его песне молча. Демон даже невольно возгордился и отвесил шутливый поклон, слушая недовольный ропот вместо аплодисментов.

Вурдалаку его веселье не впечатлило, и он повторил фокус со своим долгим, пробирающим до костей воем. Трупы приободрились и пошли на штурм, а Фасалетрэ Эшгаралье принялся отпихивать их ногами. Подошвы дешевых, но дорогих сердцу ботинок — после месяца в пещере научишься ценить еще и не такие мелочи, — противно чавкали, нанося удары прогнившей, синеватой плоти. Потом скрипнули, героически преодолевая сжатие чужих зубов, и... порвались. Вслед откушенному фрагменту выделанной кожи размоталась, будто флаг, испачканная портянка.

— Ну, все, — с ненавистью процедил демон. И, крыльями раскинув руки, совершил глубокий прыжок назад.

Наполовину босая нога легко вошла в землю, соединилась с энергетической жилой под Старым Герцогством — слабой, но действующей. Мощно пнув пустоту прямо перед собой, Летрэ вызвал волну паники во вражеском войске: мертвецы слепо заметались туда-сюда, жутко топоча и роняя ошметки тел, а при столкновении — вообще разбиваясь. Оторванные конечности падали, не переставая шевелиться.

Вурдалак попробовал призвать младших сородичей к порядку. Не смог, потому что под нижнюю челюсть, вдумчиво ощупывая внутреннюю часть рта, вошли острые, как нож, пальцы и вырвали изрядный кусок. Тварь захрипела, отшатнулась, взмахнула когтистыми лапами — в неровном свете заходящего солнца блеснул яд, — и рухнула, поливая все вокруг черной кровью. Летрэ бережно, почти нежно перебросил гитару за спину, отряхнул мокрую ладонь и с наслаждением навис над противником.

— Умри, — приказал он.

Вурдалак выпучил глаза, огорошенный такой наглостью — и, передернувшись, затих. Демон усмехнулся, осознавая свою власть над низшими существами и переживая легкое, противное опьянение, принесенное этой властью.

Убивать словом, убивать мыслью, убивать, подчиняя внешние потоки энергии и преобразуя их без ущерба для Дара... да что там — не имея Дара вообще. Рикартиат еще умел колдовать — витиевато и красиво, как эльфы, — но после смерти в Нельноте его магия рассеялась, освободив место для иных сил. И как ими пользоваться, нынешний менестрель не имел зеленого понятия.

Фасалетрэ Эшгаралье вытащил из кармана яблоко — зеленое, сморщенное и всем своим видом намекающее, что первый же укус уничтожит либо зубы, либо желудок, — и безбоязненно надкусил. Что ему до превратностей всяких фруктов, когда вокруг витает неопишуемая вонь мертвечины? Хотя для некоторых демонов она, как известно, лучше самых изысканных духов...

Бросив огрызок в открытую всем ветрам глотку вурдалака, Летрэ нарисовал меч. Прямо в воздухе, старательно сводя линии лезвия, острия, сердцевины и рукояти. Затем немного постоял, повествуя самому себе, какое роскошное оружие видит и как его, не щадя материалов, ковали горцы. Вдохнул, выдохнул, сжал кулак — и с радостью почувствовал, что в нем, переливаясь ледяными комьями, образуется вышеупомянутая рукоять.

Надеясь отвязаться от нежити при помощи Волнистых Рек, демон вспорол ее мышцы и превратил в розовое месиво суставы. Полюбовался проделанной работой, вытер меч об одежду ближайшего трупа и отправился на восток, брезгливо толкая все еще

дезориентированных зомби. У тех не хватало мозгов, чтобы всерьез обидеться — или наоборот, хватало, чтобы не связываться с высшим демоном.

Волнистые Реки — колоссальное скопление вод, гонимых течением и ветрами, — набрасывались на берег Старого Герцогства с энтузиазмом голодных драконов. Нырять в подобное буйство стихии поостерегся бы даже самоубийца — они обеспечили бы ему чересчур быструю смерть и унесли бы брэнное тело слишком далеко от родных деревень, не позволив безутешным друзьям и родственникам вдоволь поплакать, проклиная Богов, судьбу и Создателя — если они, конечно, догадываются о его существовании в мире.

Фасалетрэ Эштаралье приуныл, провожая тоскливым взглядом волны, и попятился на добрых сорок шагов. Огляделся, подмечая детали — уже давно пропал лес, разделявший проклятую землю с Айл-Минорскими графствами, и рядом не было ничего, кроме кладбища. Тысячи и тысячи крестов утыкали некогда плодородную почву, пряча под своими остриями гробы. И, если сощуриться и податься вперед, можно было различить одинокую фигурку на горизонте. Она пошатывалась, лихорадочно ощупывала испачканную кровью одежду и несла на себе явный отпечаток магии Тинхарта. Значит, лучезарный граф не стал проявлять излишнюю настойчивость и послушно выполнил условия демона — то есть отпустил Сага рано утром, выпроводил из особняка и вынудил преодолеть четко определенный путь.

Честно говоря, возиться с восставшим Фасалетрэ было лень. Но, раз уж взялся, нужно доводить гениальные замыслы до конца.

Демон снова покосился на Реки, подавил стон, разбежался... последний толчок пришелся по краю обрыва, а за ним последовал невнушительный, корявый, скоротечный полет. Потом — падение, удар, туча бирюзовых брызг... и ужас, охвативший демона всего лишь на миг — но успевший нанести непоправимый урон здоровью.

Под водой на Летрэ скалились мертвецы. Закованные в цепи, прибитые гвоздями ко дну, они извивались, словно черви, и следили за бывшим пленником пещеры полными голода глазами.

Он ухватился за склон и тоже вытаращился на покойников. В основном это были женщины, но кое-где попадались дети. Изувеченные, со вспоротыми животами и открытыми грудными клетками, где ребра цветом распускались наружу, с проломленными висками и перебитыми позвоночниками, при жизни утопленники явно были не очень счастливы. Или, вернее сказать, вообще не счастливы.

Демон встряхнулся и представил, будто с трупами его разделяет широкий щит, после чего отпустил береговой выступ и поддался сильному течению. Потребность в дыхании не давала о себе знать — если уж обычная нежить способна без него обходиться, то у шэльрэ и подавно не возникнет проблем.

Имперский заклинатель нырнул не так изящно, и зомби встретили его с большой радостью — пришлось отчаянно вырываться и расшвыриваться последними крохами волшебства. Драконы в Старом Герцогстве не водились, и у Сага оставалась лишь одна возможность спастись — бить свободной энергией. На врагов она подействовала, как удар огромной кувалдой. Поднявшийся ил на несколько мгновений отобрал у юноши зрение, а когда вернул, трупы уже превратились в мерзкую бело-розовую лепешку. Отдельные, самые маленькие, ее части подхватило и унесло течение.

Испытывая жгучее отвращение, заклинатель бросился в погоню за Фасалетрэ, перебирая в памяти события нынешнего дня. С утра пораньше Тинхарт почему-то сменил гнев на милость и велел пленнику убираться восвояси, задержав, впрочем, Паулдайма. Рыцарь

отнекивался, бесился и всячески давал понять, что его раздражает подобная опека, а восставший, пользуясь устроенным им шумом, покинул особняк графа. Попробовал было уйти на север, к Белым Берегам, и... не сумел. Стоило отклониться от заданного Тинхартом направления, как внутренности сковал холод, а голову — дикая, неправильная, сумасшедшая боль. Едва не обезумев, юноша покорно побрел на проклятые драконами земли — и выяснил, что заклинателей драконов на этих землях тоже не ждут. Борясь с отчаянием, он проследил за короткой схваткой вурдалака, поддерживая тварь всеми силами — но, поскольку сил было мало, Фасалетрэ Эштаралье с легкостью победил. Потом Саг увидел, как чертов демон прыгает в воду, а минутой позже оказался под поверхностью сам.

Теперь он худо-бедно упорядочил хаос в своих мозгах, вспомнив, что существует немало заклинаний, способных связать жертву и убийцу. И что разорвать такие заклинания можно, только выдернув из их создателя основную нить — или уговорив его отменить приказ.

Чуть дальше, уже за долиной ЭнНорд, Волнистые Реки немного успокоились. Если заклинатель не ошибался, то позади осталось не только королевство дриад, но и графство Лантершот, а вместе с ним — и большая часть обитаемых участков суши.

Фасалетрэ Эштаралье обернулся и расплылся в улыбке, безмолвно обещая устроить веселый праздник. Вода стала горячей, из трещин в недрах каменного дна поднялись прозрачные пузыри. Помчались наверх, наперегонки с перепуганной рыбой, и лопнули. Искаженный звук достиг ушей Сага и не раз повторился.

— Ну привет, — сказал демон, породив новые пузыри — поменьше и послабее. Его голоса юноша не различил, но почему-то почувствовал каждое слово, каждую интонацию. Выбранный Летрэ тон — насмешливый и снисходительный, как у самоуверенного, наглого короля, — язвительно проскользнул в мысли заклинателя и прочно там укрепился. — Давай драться, что ли? У меня мало времени.

— Как и у меня, — поморщился Саг. Обходиться без воздуха ему было тяжелее, чем демону, и растрачивать скудные запасы не хотелось. Однако бороться с высшим существом хотелось еще меньше. — Я ничего против тебя не имею. Давай разойдемся по-хорошему и не будем портить друг другу жизнь?

Фасалетрэ Эштаралье расхохотался:

— Не будем? Ты явился сюда, чтобы убить моего хозяина и его друзей. Я, конечно, не испытываю в их адрес особенно теплых чувств, но я поклялся защищать этих людей. И, раз уж ты такой неугомонный, предлагаю решить вопрос прямо здесь и прямо сейчас, пока к нам не присоединилась какая-нибудь речная тварь и не откусила от тебя половину.

Заклинатель кашлянул, расставаясь с последними пузырьками воздуха, и обреченно атаковал.

Молот, сотрясший дно и несколькими минутами ранее уничтоживший целую толпу трупов, не причинил Фасалетрэ Эштаралье никакого вреда. Напротив — он беспрепятственно прошел сквозь его фигуру, мигнул и вернулся к юноше, вдесятеро усиленный. Ради спасения Саг был вынужден метнуться вверх, вынырнуть из воды, сделать быстрый, скупой, не имеющий веса вдох... и дернуться, когда тонкая, но не по-человечески сильная рука сжала его лодыжку.

Кость хрустнула и выглянула на свет, окруженная розовым мясом. Заклинатель стиснул зубы, уверенный, что демон постарается закрепить успех — но Летрэ почему-то отпустил противника, вздрогнул, широко распахнул глаза и закричал:

— Нет, нет, нет, нет, нет! Это не со мной происходит!

— С тобой, — возразил юноша. — Ты ведь намеревался меня убить. Так доведи дело до конца, не заставляй меня зря мучиться!

Демон поднял на него безумный, полный животного страха взгляд. Обе радужки стали зелеными, равнодушие рассыпалось пылью, и Сагу показалось, что сейчас на него смотрит не Летрэ, а совсем другой человек. Именно человек, а не шэльрэ.

— Я не убиваю людей, — прошептал некто, запертый в душе бывшего пленника пещеры. — Я не...

Заклинатель смотрел на него с изумлением — и с не меньшим изумлением наблюдал, как густая зелень выцветает, теряется, уходит прочь под наступлением расширенных зрачков — а потом скрывается под водой. Река радушно подхватила хрупкое тело и понесла на северо-восток, за границы обитаемого мира.

А спустя миг, хрустально зазвенев, лопнула связывающая нить заклęcia.

— Эй, Эльва! Просыпайся!

Некромант пробурчал что-то невразумительное и уткнулся носом в подушку.

— Эльва! — возмутился подросток. — Вставай, кому сказано! Мое королевское величество повелевает тебе проснуться!

— Засунь свое королевское величество себе в задницу, — сонно откликнулся парень. — А я устал.

— Сам виноват, — не остался в долгу Сэтлео. — Нечего было до рассвета в библиотеке сидеть. Что ты там читал? Трактат о способах обольщения только что спасенной девушки?

— Еще чего! — Эльва вскочил, намереваясь отомстить наследнику за столь непродуманные речи и раннюю побудку. Или не раннюю — солнце успело не только подняться, но и начать неторопливый спуск обратно за край земли. — Черт возьми, сколько времени?

— Четыре часа после полудня, — мстительно сообщил полузадушенный подросток. — А теперь отпусти меня, и пошли поужинаем. Или, кхе-кхе, — он потер пострадавшую шею и ухмыльнулся, — позавтракаем?

— Ой, заткнись, — отмахнулся некромант.

Они вышли из комнаты в коридор и столкнулись с Альнар. Девушка отшатнулась и выпустила из рук прядь волос — та выбилась из косички и пушистым водопадом легла на плечо.

— Добрый вечер, Ваше Величество, — поклонилась Альнар. — Привет, Эльва. Как спалось? Какие планы на ночь? Я составила список литературы, которая может тебя заинтересовать.

— Спасибо, — не слишком искренне кивнул парень. — Даже не представляю, что бы я делал без твоей помощи.

Девушка взглянула на него неожиданно пронизательно.

— Тебя раздражают наши шутки, верно?

— Еще чего! — смутившись, повторил некромант. — Просто... понимаете, мне ведь нравится спать днем. И нравится читать книги, желательно — в одиночестве. А вы превращаете мои увлечения в какой-то кошмар, будто я пытаюсь развлечься, а не отыскать информацию.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Это все, разумеется, прекрасно. Но вместо того, чтобы прочесть статьи о ландарских

преступных группировках, ты посвятил себя истории поисков Плиарета. Готова признать: музыкальное королевство — действительно любопытная вещь, но сейчас мы в нем не нуждаемся. Нам нужно всего-то навсего, — Альнар перешагнула порог столовой, — короновать Сэтлео. При короле все быстро наладится, тем более что наш претендент на трон — родственник Райстли, настоящий кровный наследник.

— Вообще-то, — Эльва устроился за столом и благосклонно покосился на прислугу, поспешившую накормить гостей, — историю Плиарета я решил почитать после того, как получил вестника от Эхэльйо. Он пишет, что меня очень ждут на корабле в связи с некими изменениями, произошедшими в характере Ри... кхм... то есть одного моего знакомого. Но я успел ознакомиться с примерным списком наших врагов. Во-первых, это Союз Наемников — ласковое местечко, где привечают профессиональных убийц, шпионов и оружейников. Во-вторых, это Ведьмина Гора — объединение колдунов, не желающих вступать в Гильдию. Оно недовольно тем, что на троне годами сидел человек без магического Дара, управляя людьми на добровольной основе. В-третьих, это Лепестки Краха — я бы назвал их Лепестками Придурков, но ладно. Люди из "Лепестков" страдают неумеренной неприязнью в адрес иных рас и любят исключительно людей — а в Сэтлео, как известно, присутствуют пару капель эльфийской крови. Кстати, со все теми же "Лепестками" разобраться будет легко — возьмем и сделаем вид, что передумали и мечтаем посадить на трон чистокровку, а они сами к нам прибегут. Предложат самые лучшие варианты, похвалят и, может быть, примут в свою организацию... шутка, — добавил он, заметив, как изменился в лице подросток. — Никого мы провоцировать не станем. Стража, безусловно, согласится с любым нашим приказом, потому что мы — представители нового Совета, однако... как бы это помягче... я опасаясь, что рано или поздно ей надоест. Когда на короля нападают два, три или четыре раза — это еще терпимо, тем более, если нападающие раскрыли свое инкогнито. Но те, кто охотился на Сэта сегодня, были превосходно обучены и не выдавили из себя ни звука, даже когда я начал отрезать им пальцы...

Альнар побледнела. Ночью в леденскую резиденцию, отправив на тот свет восемь стражников и трех слуг, пробрались недоброжелатели. Откуда они вылезли и куда залезли, сообразив, что отвлекли от важных дел некроманта — никто не понял, но Эльве удалось поймать и запихнуть в застенки троих. Коротко с ними побеседовав, маг замысловато обругал весь мир и снова спрятался в библиотеке. На вороте его рубахи осталось карминовое пятно, и теперь старший сержант с трудом подавила рвотный позыв, осознав, каким был его источник.

— Эльва, ты что... — Сэтлео тоже позеленел, страдальчески покосился на подносы с едой и зажал рот ладонью, — их всех...

— За кого ты меня принимаешь? — удивился некромант. — Одному я жизнь сохранил. Пускай шпики развлекаются, авось, что-нибудь и выяснят...

Подросток застонал, а колдун, гнусно похихикав над его слабостью, наколот на вилку кусочек мяса и с аппетитом отправил в рот. Прожевал, вывалил на тарелку полмиски салата, несколько крупных картофелин, четыре ложки грибов и принялся за еду.

— Какая же ты все-таки сволочь, — прохрипел Сэтлео, с тоской следя за каждым его движением.

— Ага, — улыбнулся Эльва. — Это была моя маленькая месть. Здорово получилось, правда? А ведь я принес отрубленный палец, чтобы продемонстрировать его тебе перед завтраком. На нем есть крайне примечательное — и крайне подозрительное! — колечко.

Ободок изнутри расчерчен друидскими рунами, хотя я почти уверен, что в Зверогрите артефакты не изготавливаются. На кой ярый защитникам природы понадобилась магия разрушения? Одноразовая, к слову, хватит разве что на убийство одного-единственного человека. И я даже догадываюсь, какого именно.

К Альнар вернулось самообладание, и она спросила:

— Почему ты сразу не рассказал, что нашел у преступников артефакт?

— Забыл, — честно признался парень. — Не выспался, да и день вчера выдался тяжелый. Я потрясен, что все еще помню свое имя.

Девушка нахмурилась. Возможно, Эльва поймал бы всех противников, если бы не растратил большую часть энергии на лечение ее слепых глаз.

— Альнар, — тихо позвал маг. И, дождавшись, пока старший сержант перестанет напряженно изучать обшлаг правого рукава, произнес: — Я ни о чем не жалею. Отчасти потому, что я самостоятельно решил тебе помочь, а ты меня об этом не просила. И отчасти — потому, что без вновь приобретенного зрения ты бы не развалила башку того медведеобразного мужика на две половинки... я и представить себе не мог, что девушки умеют так здорово обращаться с оружием.

Фразу "особенно слепые девушки" он благоразумно проглотил.

— Меня учили драться при поступлении в Гвардию, — пожала плечами Альнар. — Но в реальных сражениях я участвовала всего трижды, причем в двух случаях из трех меня спасали товарищи. Эльва, я очень-очень благодарна тебе за... за все. Если бы не ты, я бы до конца своих дней жила в темноте.

— Глупости, — фыркнул некромант. — Рано или поздно судьба бы предоставила тебе героя.

— Дурак, — вмешался Сэтлео. — Она же радуется, что этим героем в итоге оказался ты!

— Ваше Величество, — вспыхнула старший сержант, — не суйте свой нос в чужие дела!

— Ой-ой-ой, — передразнил подросток. — Да какое мне дело до ваших дел? Меня просто бесит, что мой учитель такой тупой.

Звякнуло, влажно хрустнуло, кухня утонула в причитаниях разносчиц и поварят. Невысокая женщина сняла фартук, намочила его в бадье с теплой водой и сердобольно смыла с лица наследника соус, причитая:

— Как же так вышло, господин Сэтлео?

— А действительно, — хмыкнула Альнар. — Как?

Эльва доел грибы, выхватил из синей вазочки салфетку и неохотно пояснил:

— Телекинез.

Подросток гневно зарычал, вскочил и обратился к застывшим у дверей стражникам:

— Немедленно отрубите ему голову!

— Э-э-э... — растерялся тот, что стоял правее. — Так ведь он колдун, Ваше Величество. Заколет нас нашими же копьями прежде, чем мы сделаем хотя бы один шаг вперед.

— Точно подсчитано, — похвалил его Эльва. — Не беспокойтесь. Его дутое Величество пошутило. Сэтлео, сядь, — он поймал наследника за полу куртки и дернул, вынудив шлепнуться на стул. — И успокойся. Давайте прикинем, кто, помимо знаменитых в Ледене... да и во всей Ландаре... мастеров мог составить такой оригинальный сплав для артефакта?

Маг вытащил из кармана хрупкое, темное, едва различимое на фоне столешницы кольцо. Альнар подцепила его ногтями, ойкнула и выронила:

— Черт, жжется!

— Ну еще бы, — серьезно подтвердил некромант. — Подобные артефакты рассчитаны на устранение любых объектов, кроме хозяина. Выражаясь проще, если бы я бросил его тебе в лицо — вместо того, чтобы аккуратно положить на стол, — ты бы умерла.

— А раньше предупредить не мог? — рассердилась старший сержант.

— Нет. Я думал, что ты в курсе. Извини. В общем, смотрите, — Эльва провел открытой ладонью над кольцом, и в воздухе между приятелями зависла, переливаясь голубыми, синими, красными и темно-зелеными огнями, прямоугольная схема потоков. — Оно работает при помощи третьего узла. Видите третий узел? Обычно в артефактах замыкают восьмой, шестнадцатый или двадцать четвертый, а первые семь не трогают, потому что в таком случае магические свойства будут бросаться в глаза каждому представителю Гильдии. Из этого получается, что либо противники надеялись расправиться с нами сразу, либо не были осведомлены о моем присутствии. Выбегая из библиотеки, я заблокировал энергетические связи в замке, чтобы никто, кроме меня, не мог применить Дар. Полагаю, наши враги поняли это слишком поздно — сперва ударили кольцом стражника, а потом удивились, почему эффект активации отказал. У первого убитого был синяк на скуле, а на синяке остался след от стального ободка. След — и крохотный ожог. Правда, дворцовые стражи не обратили на него внимания — их больше заинтриговала дыра в груди. — Эльва мечтательно ощущал собственную, пока что целую, грудь и с сожалением убедился, что шрамы на ней отсутствуют. — Но после первого провала вторженцы не отступили. Почему? У них хватало оружия и, чего уж там греха таить, энтузиазма. Пришли бы через месяц, как следует подзарядив потенциал артефактов.

— А что такого? — подняла брови Альнар. — Они всего лишь действовали по ситуации. И справились бы, не выскочи ты из-за угла.

— Нет, — поморщился некромант. — Они на что-то рассчитывали. Я видел, как тот медведеобразный мужик размахивал рукой и орал — а на руке блестело кольцо. Я почти уверен, что он пытался с кем-то связаться. Возможно, их личный маг занимался активацией артефактов со стороны, чтобы до поры до времени они не проявляли свою силу. Будь кольца активны еще до пересечения дворцовых границ — и я бы их почувствовал.

— И что, такое возможно? — позабыв о своей обиде, уточнил Сэтлео.

— Да.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СОВЕТНИК

С момента последнего визита застенки под леденской резиденцией не изменились. Парень, весело насвистывая, спустился по недавно вымытым ступенькам, подхватил из скобы запасной факел и зажег — внизу, несмотря на охрану, царил полумрак.

— Ну, как тут убийца господина Леашви? Хорошо себя чувствует? — осведомился он, хлопая стражника по спине. — У меня к нему разговор. Не возражаешь?

— Н-н-нет, — торопливо отозвался тот. — Проходите, не занято.

— Славно. — Некромант заглянул в камеру, сел на услужливо подвинутый стул, уставился на пленника и спросил: — Ты знаешь, что сегодня ночью во дворец пробрались твои дружки? Наверное, они предполагали, будто ты без промедлений активируешь кольца

даже отсюда, но ты оплошал. Хотелось бы услышать полную версию событий. Можно с оскорблениями.

Личный маг недоброжелателей поднял голову... и расхохотался. Он хохотал столь заразительно и неистово, что Эльва с трудом сдержал собственную улыбку — и погладил подвешенный на пояс череп, еще несколько часов назад служивший опорой для плоти, глаз, мозга и ушей господина Леашви. Самого Леашви некромант не любил, более того — слегка презирал, как чрезмерно искушенного властью, — но его свежие, податливые для колдовства, кости... м-м-м...

— Ну как, посмеялся? — буркнул он, когда пленнику осточертело притворяться всезнающим победителем. — Готов со мной побеседовать?

— Готов, — с равнодушием куклы согласился маг. — Будешь выносить предупреждения, мол, что улавливаешь вранье, увиливание и насмешку?

— Нет, зачем? — искренне изумился Эльва. — Мы и так без проблем отыскивали общий язык.

— Ага. — Выражение лица пленника тонко намекало, что в этом самом общем языке он ничего хорошего не находит, но от безысходности намерен сотрудничать. — Задавай свои вопросы. Ты, я гляжу, целый список составил.

Некромант досадливо поджал губы.

— Это не я. Это Альнар, моя знакомая. Она посчитала, что в пылу допроса я могу забыть о важных вещах, поэтому вручила мне свиток с подробным перечислением. Даже номера проставила, вот.

Пленник принял протянутый через прутья решетки желтый пергамент, развернул и вчитался. Увлеченно так, с душой.

— "Выясни, как его зовут"... — проворчал себе под нос он. — Ведхе. Можно просто Вед. "Поинтересуйся, в какую преступную группировку он входит"... прошу прощения, что это за глупость? Я же честно признался, что пришел за башкой Леашви по заказу из Гильдии Убийц. А если бы вы мне не помешали, я бы обзавелся еще и башкой наследника... у-у-у, тоска... три тысячи золотых можно растянуть до конца своих дней. Поселиться в какой-нибудь деревеньке, обзавестись женой, детишками... вот ты бы как детишек назвал, а, некромант?

— Никак. Я никогда не задумывался о детях. По мне, так лучше до глубокой старости шататься по трактам, чем жить на отшибе и прятать магический Дар глубоко внутри, — поделился мнением парень. — Кстати о Даре — где ты научился клепать такие грубые артефакты?

— Ну почему сразу — грубые? — обиделся Вед. — Очень даже хитрые, с ключиком. Кто-то покупает, я продаю и спустя определенное количество времени активирую. Неплохой, кстати, источник дохода. Но вы, — он сурово, с наигранной серьезностью сдвинул брови, — сорвали мне выгодную партию.

— Вот как? — сердобольно посочувствовал Эльва. — Нам ужасно жаль, и мы бы выплатили тебе компенсацию, не убей ты представителя Совета Лордов. А что за партия у тебя намечалась?

Пленник ухватился за краешек лежака:

— Я обязан беречь тайну клиентов.

— Твои клиенты мертвы, — солгал некромант. — А я — вот он, живой и невредимый. Как по-твоему, кто опаснее — мифические заказчики или гильдийский маг, способный

пустить тебя на фарш?

— Хорошо, сдаюсь, — открестился от клиентов Вед. — Думаю, они не оскорбятся. Ты-то всяко ближе, а вместе с тобой — еще и виселица... я буду благодарен, если ты поможешь мне ее избежать и защитишь от недовольства хеашцев. Идет? Взаимовыгодная сделка. Я стану твоим рабом, а ты — моим хозяином... что?

Захихикавший было Эльва осекся, виновато скривился и брякнул:

— В роли хозяина я страшно популярен. Сначала Фасалетрэ Эшгаралье, а теперь ты. Не хочешь предложить что-нибудь менее существенное? Я не уверен, что смогу всю жизнь терпеть рядом с собой небритого, насмешливого, наглого мужика с отвратительным чувством юмора.

Пленник тоже захихикал, на редкость противно и тягуче.

— Уговорил. Я расскажу вам, кто так сильно жаждет королевской крови, и проведу до их логова, а вы взамен подарите мне свободу.

— Идет, — кивнул некромант. Перед тем, как отправиться в застенки, он посоветовался с друзьями и получил право распоряжаться судьбой Веда по своему усмотрению. — Выходи.

Решетчатая дверь открылась перед пленником, как врата рая. Он перебрался в коридор, красноречиво подняв стянутые цепью запястья. Эльва пробормотал себе под нос заклятие-ключ, и браслеты щелкнули, открываясь — Вед бережно перехватил их и вручил опешившему от такой заботы стражнику.

— Я прямо заново родился, — дружески обняв колдуна, рассмеялся он. — Никогда бы не поверил, что камера причиняет столько неудобств, если бы сам в нее не угодил. Спасибо тебе, некромант. Кто ты, к слову говоря, такой? Зуб даю, где-то я тебя уже встречал раньше.

— Мало ли, — туманно ответил парень. — Я много где бываю. Но родился на Белых Берегах, в семье маркиза де Лайна.

Вед содрогнулся:

— Аларна забери, как ты выжил?!

— А что, ты знаешь моего отца? — мрачно осведомился Эльва. И красноречиво развел руками: — Я и сам в шоке. Иногда он присылает в Гильдию письма с требованием вернуть меня домой, и приходится ездить туда-сюда, выслушивая мамины причитания и папины лекции типа "не убивай невинных, не порочь репутацию рода, не любись с продажными девицами, не размахивай оружием понапрасну" и так далее. Раздражает, конечно, но приходится притворяться хорошим сыном и сдержанно соглашаться со всей этой ересью.

— Какой кошмар... — Убийца содрогнулся повторно. — На твоём месте я бы их прикончил и прикопал под кустиком.

— Бедняга. Ты, наверное, часто людей прикапываешь?

— Приходится, — вздохнул Вед. — Они страшно мерзкие!

Наверху лестницы пленника и некроманта поджидала Альнар. Сегодня девушка рассталась с белой формой королевской Гвардии и облачилась в легкое голубое платье. Когда Эльва разговаривал с ней часом раньше, она смущенно сообщила, что счастлива снова видеть свое отражение в зеркале и отслеживать все изменения, происходящие вместе со сменой одежды.

— Доброе утро, — поздоровался убийца. — Меня зовут Вед. А вас?

— Альнар, — коротко сказала старший сержант. — И я не намерена любезничать. Вы — нарушитель закона, и ваш труп будет болтаться на виселице уже спустя пару дней.

— Не будет, — огорошил ее некромант. — Мы заключили договор.

— Значит, все эти месяцы против Ландары действовал... Хеаш? — потрясенно прошептала девушка.

— Не совсем, — мягко возразил Вед. — Все эти месяцы против Ландары действовал кто-то, кто воспользовался Дикими Землями, как способом скрыть свое настоящее знамя. И вы не сумеете вывести его на чистую воду, пока он не назовется. Все, что я имел несчастье лицезреть — это сборище наемников, изгнанников и бывших заключенных из тюрем, сбитое в маленькую, но крепкую армию. Им нечего терять, и сражаться они будут до последнего. Удачный выбор, — оценил убийца. — Я бы тоже с удовольствием поруководил крысами, которые нуждаются исключительно в развлечениях. Постепенно, при некоторой доле успеха, мы бы даже захватили весь мир... эх, мечты, — мужчина непритворно вздохнул. — Так что, проводить вас к этим несчастным развалинам?

— Да, — согласился Эльва. — Но отнюдь не "вас", а только меня. Альнар останется после коронации, чтобы проследить за здоровьем Сэтлео. Или, вернее, за теми, кто желает его ухудшить.

— Нечего за ними следить! — ландарский наследник вскочил. — Я не понимаю, из чего ты делаешь беду? Чего ради бороться в одиночку, когда мы можем собрать мою личную Гвардию и пойти с ней в атаку на Хеаш?

— Гвардейцы — это профессионалы, — вставила Альнар.

— Гвардейцы не пойдут на развалины древней крепости, узнав, что мы взяли и поверили преступнику, — пояснил некромант. — А я принесу весомые доказательства. Возможно, раздобуду еще парочку черепов...

— Прекрати! — Сэтлео сорвался на крик. — Перестань все взваливать на себя!

— Я не взваливаю. Я убиваю время, — Эльва зябко передернул плечами. — Дует откуда-то. Альнар, ты не могла бы закрыть окно?

— Оно закрыто, — присмотревшись, сообщила девушка. И тут же обеспокоенно уточнила: — Ты не заболел?

— Да нет, — не слишком уверенно отозвался парень. — Вроде бы. В общем, так, Сэт: ты либо остаешься здесь и принимаешь корону, либо уходишь вместе со мной, но в Ландару больше не возвращаешься.

— Что?! — окончательно взбесился подросток. — Ты же сам настаивал, чтобы я сюда приехал! А теперь иначе запел?!

— Я настаивал, чтобы ты приехал и стал королем, а не мотался за мной по миру в поисках неуловимых врагов! Или ты полагаешь, что мы справимся с целой армией враждебно настроенных людей?

— Но... — Сэтлео слегка замялся, — я думал, что ты намереваешься их убить.

— Всех? — нервно хохотнул некромант. — Вед, напомни-ка мне, сколько там человек — хотя бы приблизительно?

— Около пяти тысяч.

— Пяти тысяч? — недоверчиво переспросила Альнар. — Вы не ошибаетесь?

— Нет, — отрезал убийца.

— Я понимаю твои сомнения, — согласился со старшим сержантом Эльва. — Такое большое скопление людей трудно скрыть от ландарского пограничного гарнизона. У меня на уме два варианта: они либо в сговоре, что, исходя из последних событий, вполне вероятно, либо имеют в своих рядах талантливых стихийных магов. Но тогда становится неясно,

какого черта хеашцы наняли Веда. С тем же успехом они могли прийти сюда сами и захватить Леден силой, а потом распространить свою власть по соседним городам. Без короля, — он выразительно покосился на Сэтлео, — Ландара не окажет должного сопротивления. А король у нас очень молод и нуждается в хорошем советнике. Я бы предложил нанять на эту работенку Дэльтеара из бывшего Совета — он достаточно умен и, вдобавок, высоко ценит королевскую кровь.

— Поддерживаю, — вновь подала голос девушка. — Господин Дэльтеар — это прекрасная кандидатура. Ваше Величество, я за него ручаюсь.

— Угу, — уныло проворчал подросток. — Король то, король это... из дворца лишний раз не выйди, со злыми людьми не разговаривай, охрану не выгоняй... теперь еще мужика какого-то приплели, хотя я бы с удовольствием ограничился одной Альнар.

— У меня недостаточно опыта, — здраво рассудила старший сержант. — Я могу руководить небольшим отрядом, но знать не знаю, что делать с армией. А господин Дэльтеар — бывший вояка, он успел дослужиться до генерала — правда, в Эльской империи, а не у нас, но все-таки... к тому же он полукровка, как и Его Сиятельство Тинхарт.

— Решено, — заявил Эльва, поднявшись. — Я пойду спать. Вед, будет неплохо, если до вечера ты успеешь собрать вещички. А если тебе вздумается убежать, то... сам понимаешь. Без обид.

— Без обид, — криво улыбнулся убийца.

Фасалетрэ Эштаралье сидел на берегу Лантершота, стиснув кулаками виски. Между ними, пробираясь в мозг, звенел отчаянный, полный боли и бессильной ярости, крик. Чужой крик.

Крик Рикартиата.

Любопытно, как проклятому менестрелю удалось выжить? Все — в том числе и Амоильрэ, — рассчитывали, что его сущность окажется полностью стертой в Нельноте, городе серафимов. Неужели в душе хранителя из Безмирья сохранилась достаточная доля энергии, чтобы цепляться за израненное тело даже после того, как в нем поселился демон?

Крик оборвался, утонул в темноте сознания, до поры до времени спрятавшись в самый дальний угол. Фасалетрэ Эштаралье прислушался к своим ощущениям, но не сумел в них разобраться. Внутри ворочалось, царапая внутренности, неприятное беспокойство. Оно причиняло куда больше неудобств, чем прежнее ледяное непонимание — и проясняло некоторые детали. Например, дало демону осознать, что представляет из себя настоящая человеческая улыбка — пусть и безрадостная, тоскливая, призванная выразить горечь. Помедлив, Летрэ снова ее повторил — и почувствовал себя живым, как никогда прежде.

Отдавать это тело Рикартиату он вовсе не собирался.

Догонять заклинателя было поздно — и боязно. Демонические силы пребывали в жутком хаосе, выведенные из строя внезапным появлением менестреля едва ли не сильнее, чем сам Фасалетрэ Эштаралье. Разбираться с ними он не стал, придя к выводу, что когда-нибудь — и, скорее всего, в самое ближайшее время, — они и так вернутся в норму. Поразмыслив и не придумав ничего лучше, шэльрэ поднялся, отряхнулся, скептически понаблюдал за падающими с куртки каплями и побрел на запад.

Его выбор был обусловлен тремя немаловажными деталями: во-первых, на западе чернел силуэт рыцарского замка, а во-вторых, над постройками во внешнем дворе вился дым. Где дым, там и еда, и тепло, жизненно необходимое для промокшей одежды.

На стене, окружающей замок, слева от ворот пристроилась табличка с высеченной надписью: "Lettera na gae Solma! Kresta miente Graurte Andreatle, coilmeta na shattrec Leanterrashette". Демон худо-бедно опознал корявое белобрежное наречие и слегка растерялся — почему буквы не заменили принятыми Алетариэлем рунами? Жители Белых Берегов неизменно возмущались, когда их прекрасный, певучий язык портили в угоду тупым соседям, не способным запомнить правила сочетания тридцати семи основных символов. Признаться честно, Летрэ и сам не помнил, как руна "летт" соединяется с луной "эра" — и существует ли подобное соединение вообще. Поэтому он молча скривился, про себя обругал чертовых любителей Белых Берегов и постучал, для верности — ногой.

Не прошло и минуты, как огромная створка приоткрылась, и на демона вытаращился стражник. Кошачьи уши произвели на него неизгладимое впечатление, и, пока он глотал слова в отчаянной попытке выдать что-то не оскорбительное, Летрэ взял ситуацию в свои руки:

— Добрый вечер. Меня зовут Фасалетрэ, Фасалетрэ Эшгаралье. Вы не позволите мне заночевать в Солме?

— Эм-м-м... — стражник виновато потупился. — Извините, но господин Андратейл не принимает простолюдинов.

— Я не простолюдин. — Демон сдвинул брови и демонстративно перехватил гитару. — Я — менестрель, известный как Мреть.

— Господин Рикартиат? — изумленно переспросил мужик, опуская, впрочем, копье. — Подождите здесь, я доложу Его Сиятельству о вашем прибытии.

Створка захлопнулась. Летрэ переступил с ноги на ногу, слыша, как под подошвами поскрипывают доски добротного подвесного моста. Еще ниже недобро побулькивала заключенная в ров вода, то ли разбавленная ядом, то ли изначально нестабильная. Впрочем, лягушки чувствовали себя прекрасно и тянули длинные трели, награждая неприхотливый слух.

Ворота опять открылись, но на этот раз демона встречал не стражник, а стагл. Его ладони почти полностью скрывались под серыми, дымчатыми осколками камня, а лицо, напротив, состояло из привычных черт — тонкий нос, миндалевидные серые глаза, алая линия губ и резко выступающие скулы. Порывшись в памяти, демон предусмотрительно поклонился:

— Здравствуйте, господин Андратейл.

— Граурт, — поправил его стагл. — Для тебя — просто Граурт. Входи.

— Нижайше благодарю, — с иронией отозвался Летрэ.

Граф поморщился так, словно проглотил кусок лимона — диковинного желтого фрукта, популярного в Морском Королевстве. Менестрель торопливо шагнул за створку, обменялся рукопожатием со стражником и буркнул:

— Ладно, извините. И спасибо, что приняли.

— Пожалуйста, — довольно-таки прохладно ответил Граурт. — Спешу тебя обрадовать — ты как раз успел к ужину. Следуй за мной, но, пожалуйста, не притворяйся Рикартиатом. Нижними Землями от тебя несет за версту.

— Извините, — повторил Фасалетрэ Эшгаралье, потрясенный его прозорливостью. — Но мне больше некуда идти. Я... эм-м... случайно споткнулся на берегу Старого Герцогства, упал в реку и очень долго в ней пробарахтался. Еле вылез, теперь зуб на зуб не попадает...

— Странно. Я почему-то был уверен, что демоны высшего ранга не болеют, — вернул

пшильку граф.

— Ерунда, — отмахнулся Летрэ. — На самом деле шэльтрэ подвержены большинству человеческих болезней. Вы ведь не забыли, что изначально люди были созданы представителями моего племени? А мне к тому же досталось хрупкое тело.

Граурт промолчал, и демон внезапно ощутил себя идиотом. У господина Андратейла явно имелся талант по запугиванию поздних гостей.

По ту сторону ворот действительно находилось немало построек, в том числе и три конюшни. Лошади ржали, топали копытами и взмахивали хвостами — тонкий слух менестреля улавливал десятки отличий между тем или иным звуком. К счастью, задерживаться во дворе лантершотский граф не стал: перекинулся парой слов с кухаркой, волочившей тяжелую корзину, бросил серебряную монетку конюху и нырнул в крытую галерею. Она закручивалась вокруг замка, как хвост — вокруг лапок присевшего кота, и закончилась винтовой лестницей наверх. Впрочем, это был не единственный доступный путь — если Фасалетрэ правильно посчитал, то Граурт проигнорировал полсотни дверей.

Лестница привела спутников в столовую, блестящую высокими витражными окнами. Над ней, словно немой часовой, возвышалась башенка с острым серебристым шпилем. Демон мимо воли поежился и ускорил шаг, а граф понимающе усмехнулся.

Были времена, когда стаглов причисляли к нежити и убивали. Наличие у них разума подвергалось сомнению, и маги прошлого бессовестно практиковались на полукаменных жителях гор. Потом стаглы объединились с горцами, взяли за оружие и пошли на людей с войной. Эта война почти полностью опустошила приморье, Велиссию и Гро-Марну, а затем, как лесной пожар, распространилась на Айл-Минорские Графства и королевство Шаэл. Однако гномов ни стаглы, ни горцы не обидели — низкорослый народец быстро сообразил, что к чему, и вступил в их решительные ряды. Остановить кровопролитную войну удалось лишь на Белых Берегах, ценой тысяч и тысяч жизней. Там "тупая нежить" сошлась в ужасном бою с королевскими некромантами, оправдавшими свое право управлять смертью. Стоило кому-то из противников умереть, как он тут же поднимался и атаковал своих сородичей, доблестно защищая магов. И победу людям предоставила не сила, не хитрость и даже не умения повелителей гибели, а страх. Вполне естественное, но крайне разрушительное качество.

Благодаря страху белобрежный король заставил стаглов, горцев и гномов всерьез подумать о заключении мира — на взаимовыгодных условиях. Человечество обязывалось не разрывать свою связь с Бертаسلم, продолжая вести торговлю и обмениваться информацией. Бертасль, в свою очередь, дал человечеству клятву не вспоминать о коротком, но страшном конфликте и ничего не преувеличивать. Стаглам пообещали полную неприкосновенность и внесли в список разумных существ, после чего позволили селиться, где угодно, и жить наравне с людьми. Горцы же отказались от каких-либо компенсаций и убрались обратно в пещеры Туманной Гряды, закалять сталь.

Демон отвлекся от мыслей, лишь оказавшись в столовой. Здесь было уютно, тепло и светло. На стенах — картины, в углах — эльфийские гобелены, а в центре — круглый стол, накрытый на четверых. Расторопный слуга уже принес кресло и тащил на подносе запасной прибор, рассчитанный не иначе, как на целую армию.

— Мне хватит одной тарелки, — вмешался Летрэ, не представляя, что положено делать с остальной посудой.

Слуга вежливо кивнул и посмотрел на Граурта, ожидая подтверждения приказа. Граф

лениво махнул на него рукой, и тот испарился прежде, чем кто-либо из присутствующих успел это заметить.

Собственно, присутствующих, помимо господина Андратейла и менестреля, было трое. Золотисто-рыжая женщина с каменными наростами в форме короны, мальчик с трогательными голубыми косичками и такого же цвета пятнами на тонких пальцах и юноша лет шестнадцати, чей пронизательный сиреневый взгляд с любопытством скользнул по лицу демона.

— Позвольте вас представить, — мягко произнес Граурт. — Это — моя жена, светлейшая госпожа Ленаура. Справа от нее, — он указал на мальчика, — мой младший сын, Лерт. Рядом с Лертом, соответственно, мой старший сын — его зовут Инк. Дети, познакомьтесь — это господин Фасалетрэ Эшгаралье.

— Здравствуйте, — величественно проронила Ленаура — следует полагать, топаз.

— Добрый вечер, — улыбнулся Лерт — по всей видимости, сапфир.

— Рад встрече, — негромко сказал Инк — похоже, аметист.

Демон покосился на Граурта и, так и сяк повертев его образ в голове, окрестил стагла топазом дымчатым. Хорошая семейка подобралась. Если выломать камни из их тел, можно заработать целое состояние.

— Я тоже рад, — буркнул Фасалетрэ Эшгаралье, плюхнувшись в кресло.

Граф устроился на своем месте — во главе стола, — и жестом дал понять, что можно приступать к трапезе.

Около получаса в столовой царила тишина. Дети господина Андратейла приглядывались к демону — Инк настороженно, а Лерт — со счастливой улыбкой. Ее Сиятельство Ленаура, наоборот, старательно притворялась, что в комнате нет никого, кроме членов ее семьи.

Граурт расправился с куриным крылышком, запеченным в чесночном соусе, и повернулся к гостю. В прозрачных серых радужках отразились огоньки свечей.

— Итак, милорд Фасалетрэ, — начал он. — Мой сосед, айл-минорский граф Тинхарт Ивель, сообщил о вашем возможном прибытии. Он также написал, что вы никоим образом не связаны с Рикартиатом — кроме, разумеется, внешнего вида. И что Рикартиат мертв. Это правда?

— Правдивее не бывает, — подтвердил демон, не желая признаваться в своем недавнем бессилии. — Сожалею, господин Андратейл. Насколько мне известно, вы с Рикартиатом были друзьями?

— В некоей мере, — согласился Граурт. — Я ценю деятелей искусства, и ко мне часто обращаются за советом — кого можно пригласить на праздник, кому поручить оркестр, кто умеет играть на арфе, а кто — на современной гитаре... поэтому с Мретью мы были скорее деловыми партнерами. Но я дорожил этим мальчиком. Увидишь его — и не заподозришь, что на самом деле он пишет музыку.

— Вероятно, — без интереса брякнул демон. — Для меня Рикартиат — это всего лишь досадная помеха. Не люблю, когда меня по ошибке принимают за песнопевца.

— И, тем не менее, в разговоре со стражником вы представились менестрелем.

— Иначе он бы меня выгнал. Разве нет? — Лертэ недобро улыбнулся. — Да и все, с чем мы имеем дело, познается в сравнении. Лучше пусть меня называют Рикартиатом, чем аттле Эшгаралье.

— Аттле? — насмешливо уточнил Граурт. — Насколько мне известно, это обращение к

шэльтрэ низшего ранга. Не удивлюсь, если человек, посмеявшийся занизить ваши способности, сейчас покоится в сырой земле.

— Увы, — развел руками демон. — Он оказался вовсе не человеком, а открыто враждовать с бессмертными расами вредно для здоровья. Ко всему прочему, мой обидчик искупил свою вину, преподав мне с десятков музыкальных уроков. Так получилось, что талант Мрети передался не в полной мере, и я был вынужден заняться его... кхм... возрождением. Вы не возражаете? — Летрэ вытащил из кармана деревянную трубку и тряпицу, где поблескивал серый с зелеными крапинками порошок.

— Возражаю, — холодно отчеканил граф. — Вы можете курить в своей спальне, но отравлять других права не имеете. Тийна, милая, — обратился он к пожилой служанке, заглянувшей в комнату, — проводи господина Эштаралье в башню. — И, снова обращаясь к демону, деловито сообщил: — Прошу прощения, но нам придется запереть центральную дверь. На рассвете ее откроют.

— Не страшно, — покривил душой менестрель, прекрасно понимая, что Граурт осторожничает — и не хочет разбираться с последствиями возможного буйства демона. — Только имейте в виду, что я — не оборотень.

От Ледена до южной границы Ландары, а оттуда — до Хеаша было около четырех дней пути. Эльва поленился тащиться по трактам, через мост и по бесконечной пустоши, поэтому сократил путь с помощью переходных рун. К сожалению, их исказило остаточное волшебство Диких Земель, и вместо того, чтобы очутиться в трех часах пути от логова заговорщиков, некромант и убийца свалились напрямиком в озеро.

Насколько Эльве было известно, заброшенная людьми территория насчитывала всего два озера, и располагались они ближе к герцогству Алагейя, чем к Хеашу. Однако выбирать не приходилось, а заново нарисованные руны могли вывести куда попало — четкие энергетические точки на Диких Землях отсутствовали. Поэтому парень смиренно оттолкнулся от поросшего водорослями дна и тоскливо покосился на далекие пятки Веда, прикидывая, не ухватиться ли за них, тем самым облегчив себе задачу.

Поверхность оказалась неожиданно далекой — и недоступной. Несмотря на жаркое лето в близлежащих королевствах, здешние озера сковал толстый слой льда. Сквозь него пробивался рассеянный, скорее голубой, чем белый, свет, и размытыми линиями уходил в глубину. Справа от Эльвы, разинув рот в беззвучном и отчаянном вопле, безнадежно бился о ледяную корку убийца.

Колдовать под водой — удовольствие сомнительное. Вместо привычного огня с пальцев сорвалась пелена кипятка, неестественно взбурлила, обожгла лицо и исчезла. Некромант выругался, чувствуя себя так, будто легкие слиплись и больше не могут обеспечивать его воздухом. Да и вообще — чем дальше, тем сильнее он сливался с непокорной, страшной, готовой убить стихией. Зрение померкло, подернулось красной пленкой и уже почти пропало, когда Эльва осознал, что внизу — где-то там, под водорослями, — имеется труп. Осознал — и подцепил его остатками Дара, вынуждая подчиниться своей воле, пробить чертов лед и вытащить неудачливых путников на сушу.

Тот поддался потрясаяще, безумно легко — и, выбравшись из-под упругих стеблей, помчался вверх. Некромант еще успел сообразить, что заставил работать кого-то очень, очень, **ОЧЕНЬ** крупного — а вот полностью оценить его не успел.

Целую вечность вокруг вертелись, полыхая, словно самоцветы, тысячи звезд.

Растворяться они не торопились и, наверное, продолжили бы допекать Эльву, если бы кто-то наглый не поставил ему на грудь тяжеленную, грубую когтистую лапу. Парень выдохнул, закашлялся и согнулся в три погибели, обхватив себя руками за плечи.

— Эй, ты, — дрожащим голосом позвал Вед. — Ты, колдун паршивый, тупица несусветная, идиот безмозглый... кого ты, черт возьми, вызвал?

— А? — прохрипел некромант, с трудом разлепив веки. И, с завидным энтузиазмом вскочив на ноги и отбежав на добрых двадцать шагов, добавил: — Ого, как здорово!

Убийца увеличивать расстояние не стал, философски разглядывая небольшого — относительно — небесного ящера с продырявленной шкурой и копьём в спине. Дракон спокойно, не спеша возмущаться по поводу внезапного пробуждения, изучал своих новых хозяев.

— Шикарно, — вернувшись на прежнюю позицию, пробормотал Эльва. — Просто прекрасно. Нет, ты посмотри! Какой гребень, какие лапы, какая изящная голова! Красавец! А я даже не подозревал, что могу поднять кого-то подобного. Это ведь не обычный зомби, а целый озерный страж! Я, кстати, не раз и не два слышал, что озера на Диких Землях кишат драконами — но не думал, что мертвыми. А мертвый дракон — это намного лучше, чем живой! Во-первых, он не собирается нами обедать, во-вторых, не относится к нам враждебно или с ехидцей, а в-третьих, во всем нас слушается. Таким образом, мы доберемся до Хеаша не за полтора дня, а уже через пару часиков! Верно, мой крылатый дружок?

И он, игнорируя стенания Веда, залез на драконий гребень. Устроился поудобнее, ухватился за выступ и снисходительно обратился к спутнику:

— Ну чего ты там застрял? Давай, иди сюда. С помощью этого малыша мы не только выясним, чем Хеаш грозит нынешней Ландаре, но и разгоним противника по пустошам! А с маленькими отрядами бороться легче, чем с одной внушительной армией. Я прав, мой крылатый дружок? Подхвати, пожалуйста, моего приятеля, и полетели к развалинам крепости Healshe.

Дракон понятливо рыкнул, поймал перепуганного убийцу и забросил за спину, к Эльве. Некромант, в свою очередь, стиснул пальцы на воротнике Веда и не позволил ему улететь обратно в озеро — хотя дыра в синеватой корке льда успела затянуться, и повторное барахтанье среди обжигающе холодной воды мужчине не грозило.

Сидеть на драконьем хребте было почти удобно — как в седле, только встречный ветер мешает. Маг запоздало принялся трястись, будто осиновый лист на ветру, и, громко клацая зубами, прочитал короткое бытовое заклинание. Одежда мгновенно высохла, но теплее от этого не стало — поняв, что крылья вполне себе держат огромную тушу в воздухе, дракон распростер их, как паруса, и воспарил в облака.

— Эль... Эль... Эль... Эльва! — возопил убийца, запинаясь на каждом слове. — За... за... заставь его лететь... ни... ни... ниже!

— Ни... ни... ни за что! — невнятно прокричал маг. — Тогда вра... вра... враги увидят нас быстрее, чем мы... мы... мы успеем достигнуть крепости!

Вед хотел было возразить, но едва не откусил себе язык и благоразумно стиснул челюсти.

Дракон несся над облаками, распугивая редких птиц — и духов. Последних убийца не различал, принимая за отблески солнечного света или гонимый ветром туман, а вот Эльва ясно видел невесомые полупрозрачные силуэты. И слышал, как они посылают проклятия в адрес некроманта, посмеявшегося запятнать своей магией небесного стража.

Вопреки их честному мнению парень страшно собой гордился. В истории Гильдии были случаи, когда кто-то за пару мгновений создавал упыря, зомби высшего уровня или вурдалака, но не упоминалось ни одно умертвие, роль которого досталась целому крылатому ящеру. Драконы, как отнюдь не маленькие и к тому же разумные существа, плохо поддавались заклятиям — и живые, и мертвые. Их шкура, чешуя и костяные наросты вроде гребня, шипов или рогов отталкивали человеческое колдовство не хуже специальных амулетов — а то и лучше. Однако в озере это свойство ослабело, и Эльве первому — первому из черт знает скольких некромантов! — достался почти целый, бодрый и сохранивший основные способности дракон!

Внизу показалось темное пятно Хеаша, едва заметное на фоне вересковых полей. Парень похлопал умертвие по шее, безмолвно требуя начать спуск, и вытащил из ножен меч. Эльфийская сталь зашелестела, предвкушая битву — и не зря, поскольку некромант, вдохновленный своим творением до отказа, намеревался зарубить десяток-другой изменников.

Дракон коснулся земли, обратил серебряный взгляд на врагов и заревел, приветствуя. Эльва спрыгнул с высокого гребня, ослепительно улыбнулся и заявил:

— Ну здравствуйте, господа!

Вооруженные до зубов люди, одетые в неприметную грязно-серую форму, вытаращились на него, как на пророка Аларны. Некромант заправил за ухо челку и огляделся.

Крепость Хеаш — остовы нескольких стен и сиротливый огрызок башни — окружал потрясающе обширный военный лагерь. Шатры, шалаши и следы костров были повсюду. Их создатели явно придерживались тактики "скрой от предполагаемого противника все, что можно" и накрыли свои временные жилища ветками, сухими листьями и травой. Достаточно плюнуть пламенем всего лишь единожды, и этот несчастный лагерь запылывает веселее Старого Герцогства.

— Привет, колдун, — опомнившись, сказал высокий мужчина лет тридцати. Темноволосый и темноглазый, он производил неприятное впечатление. Эльве почему-то остро захотелось запрыгнуть обратно на драконий гребень и обратиться восвояси — к фрегату Мильта, ожидающему где-то в открытом море. — Зачем явился?

— Выяснить отношения, — брякнул некромант. — Какого черта вы суете свои наглые носы в дела Ландары?

— А какого черта ты суешь свой наглый нос в наши дела? — передразнил мужчину. И, обернувшись, приказал: — Убейте его. Немедленно.

Двое громил, поудобнее перехватив алебарды, бросились вперед. Парень смерил их оценивающим взглядом, усмехнулся — и невозмутимо пронаблюдал, как небесный ящер делает встречное движение. Влажный хруст оповестил всех о том, что неудачливые мужики съедены и с аппетитом проглочены, дабы продлить существование агрессивно настроенного умертвия.

— Ой, — наигранно замялся Эльва. — Как неловко.

Темноволосый мужчина дернулся, словно получил увесистую оплеуху.

— Не насмехайся надо мной, мразь!

— Не называй меня мразью, — парировал некромант. — Я не намерен любезничать с тем, кто портит жизнь тысячам людей!

— Тогда почему ты любезничаешь с господином Сэтлео? — насмешливо скривился

командир армии Хеаша. — Или ты думаешь, что он никому ничего не портит? Так вот я спешу тебя разочаровать: это ошибка, мальчик. Если бы Сэтлео вернулся в Ландару сразу, а не мялся и не ныл, что, мол, не справится с важными делами, я бы еще понял. Но он ведь бросил ее, бросил на растерзание политикам и фальшивым дипломатам, уверенным, что им все позволено!

— А ты чем лучше? Собрал компанию ублюдков, надоумил их устраивать полноценные бунты и сидишь тут, посмеиваешься — ах, какой я все-таки всемогущий!

— Заткнись! Что ты можешь знать обо мне, урод?!

Переговоры окончательно переросли в перепалку, когда Вед смущенно попросил:

— А мне уже можно ехать домой?

— Едь, — рассеянно разрешил Эльва. — Только дракона оставь. Кстати, о драконе!

— Не смей! — дико запричитал мужчина, совершив быстрый рывок к магу. — Не смей!

Кто тебя оправдает, если ты убьешь всех моих товарищей?!

— А кто сказал, что я нуждаюсь в оправданиях? — удивился некромант. И, не дрогнув, скомандовал: — Давай, дружище! Сожги их к чертовой матери!

Ведь это всего лишь нечисть. Нечисть, принявшая облик людей, чтобы, опять же, оправдать свои неблагородные дела. Нечисть, принявшая чужой облик, чтобы суметь внести смуту в разум ландарцев, чтобы свергнуть род Каерра Хааль, как таковой, и занять его место.

Умертвие выгнуло спину, распахнуло пасть...

Марево, темно-синее зловонное марево сожрало ближайших солдат и перекинулось на их соседей, превращая живые тела в пепел не хуже, чем сделала бы это магия. Командир умирающего войска бессвязно, бессмысленно, страшно выл, рухнув на колени и прижав ладони к груди. Смерть бушевала вокруг, яркая и жуткая, постоянная и вечная, ожидающая своего часа ревностнее, чем жизнь.

А Эльва стоял. Стоял, безжалостно наблюдая за последствиями собственного приказа. Собственно, он никогда и не умел жалеть врагов.

Дракон судорожно сглотнул, выпустил пару клочков дыма и прекратил сожжение, потому что сжигать было уже некого. Кроме темноволосого мужчины, защищенного амулетом. Грубым, настроенным на третий узел амулетом, активированным в момент начала буйства крылатого ящера.

— Вед, предатель! — обернувшись, глухо рыкнул некромант. — Какого черта?!

— Ты их всех убил, — пробормотал тот, отчаянно хватаясь за гребень. — Просто взял — и убил! Не сомневаясь!

— Ну да, — согласился Эльва. — А что?

Убийца осекся на полуслове. Некромант продолжил с недоумением на него тарашиться.

— Ты же сам говорил — здесь только бывшие каторжники, отверженные Гильдиями наемники и бывшие заключенные тюрем. Так почему теперь бесишься? Они бы все равно погибли — парой месяцев позже и гораздо мучительнее, чем здесь.

Позеленевший Вед боком съехал с драконьей шеи, упал на четвереньки, и его вырвало. Умертвие брезгливо отступило в сторону.

Эльва повернулся к темноволосому мужчине, присел перед ним на корточки и осведомился:

— Как тебя зовут?

— Невтен, — очень тихо ответил бывший командир армии. — Невтен де Криз.

— Приятно познакомиться, — скептически кивнул некромант. — Ну что, Невтен де

Криз, ты готов последовать за своими подчиненными? Они, небось, уже заждались тебя за чертой сущего.

Мужчина поднял на него измученные глаза:

— Ты собираешься меня убить?

— Именно так, — невозмутимо подтвердил Эльва. — За преступления против короны, за подлый заговор, за убийства невинных людей в Ландаре. За то, что ты опорочил имя нынешнего короля, за то, что не раз и не два покушался на его жизнь. За то, что приплачивал Совету, и продажный господин Леашви выгнал из Ледена господина Рикартиата. За то, что ты обратился в инквизицию и сообщил, что Райстли Каерра Хааль, самый талантливый из ландарских королей, обладает магическим даром. За то, что в итоге инквизиция от него избавилась, а ты получил неплохой шанс занять освободившийся трон.

— Откуда... — начал было Невтен, но подавился своей же кровью и затих. Измученные глаза начали стекленеть.

— У меня хорошие осведомители, — улыбнулся некромант, отряхивая меч.

Вед, больше похожий на покойника, чем на прежнего ироничного убийцу, вытер рот рукавом и уточнил:

— А действительно, откуда?

— Ну, — Эльва вытер лезвие об одежду врага, спрятал оружие в ножны и от всей души потянулся. — К твоему сведению, перед отбытием я немного побеседовал с Дэльтеаром де Стайнэ. Хотел убедиться, что Альнар не ошибается, и этот человек ни за что не предаст Сэтлео. В ходе беседы мы слегка увлеклись, и Дэльтеар поделился со мной подозрениями в адрес бывшего советника Райстли. По его версии, этот советник перешел к ландарскому королю по наследству — он полукровка, — от отца, и из уважения к почившему родителю Его Величество сохранил за ним столь высокий пост. Но, поскольку взгляды старого и молодого короля отличались друг от друга, как муха — от стрекозы, господин Невтен позволил себе проявить недовольство и впервые, учитывая нынешнюю ситуацию, взбунтоваться. Райстли его шуточек не потерпел и прогнал взащей, сообщив всем пограничным гарнизонам, что обратно в Ландару советник возвращаться не должен. И началось... сперва Его Величество погиб в Ледене, затем Совет Лордов весело посмеялся над Рикартиатом, получившим официальное право наследования, но не сумевшим им воспользоваться, затем Леашви едва не снес голову Сэтлео, хотя к тому моменту по всему королевству уже полыхала взаимная ненависть, а усмирить ее мог только король. В общем, — Эльва погладил умертвие по высокому плечу с буграми мощных, нетерпеливо перекатывающихся мышц, — мне открылась некоторая часть истории одного маленького кусочка земли, и я посчитал, что она достойна моего внимания.

— погоди, — растерялся Вед. — Получается, прямо сейчас ты, пришлый некромант... спас целую Ландару?! Да еще и называешь ее маленьким кусочком земли?!

Парень поморщился.

— Ну почему сразу — спас? Спасет ее Сэтлео, когда получит корону. А я всего лишь немножко ему помог. Приграничный гарнизон не справился бы с таким количеством ублюдков, тем более что этим ублюдкам нечего терять. А дракон, пусть и мертвый — запросто. Кстати говоря, — он рассмеялся, — у меня и в мыслях не было соваться в Хеаш. Я собирался пройти краем и бегло оценить обстановку, максимум — спрятаться за заклятием невидимости и прогуляться по развалинам, выясняя планы врага. Но после нашего падения в озеро заполучил сильного, практически непобедимого союзника и подумал, мол, раз уж я

заставил проснуться невесть когда отбросившего лапы дракона, то почему не заставить его поработать во благо славного, уютного королевства? Ну и...

Он замолчал, провел кулаком по мокрой щеке, недоумевая, какого черта она окрасилась в алый цвет.

А Вед, едва успокоив свою дрожащую от страха душу, застыл, следя, как по лицу некроманта ползут ручейки крови. Его собственной крови, невесть с чего решившей покинуть взбалмошного хозяина. Они брали начало где-то в ушах, в носу и, кажется, в горле — потому что Эльва, не выдержав, жутко раскашлялся и последовал примеру убийцы, но расстался не с утренним завтраком, а с доброй половиной драгоценной красной жидкости.

Переборов оцепенение, убийца метнулся к некроманту, схватил его за подрагивающее плечо и окликнул:

— Эй, Эльва! Эльва, ты меня слышишь?

"Не слышит", — ехидно возразил внутренний голос, когда парень безвольно обмяк, а помутневшие синие радужки скрылись за плотным покрывалом век.

ГЛАВА ПЯТАЯ

АРХИПЕЛАГ

— Упырь.

— Русалка.

— Шэа.

— Дракон.

— А у меня — Аларна, — радостно припечатал друзей Зутт. — Давайте, доставайте денежки.

Маргул со вздохом полез в карман. Эльва тоже, но уже привычно промахнулся и вяло выругался, сетуя на несправедливость судьбы.

Его правый глаз прятался под слоем повязок, пропитанных терпкой горской настойкой. Левый был открыт, но различал только неясные пятна и силуэты — без подпитки магией, разумеется. А некромант, не желавший чувствовать себя слепым, бессовестно растрачивал дар на заклинания-усилители, настраивая их под определенные детали — как сейчас с картами, например.

Дракон, поднятый магией со дна озера, отказался засчитывать Эльве победу без вреда для здоровья. На первых порах парень вообще ничего не видел, и Веду пришлось тащить его к южному берегу Диких Земель сначала волоком, а потом — придерживая за локоть. Впрочем, некромант не унывал — пока не оказался на корабле. Там слепота оказалась куда более страшной вещью, чем на суше — поверхность под ногами качается, где что находится — неясно, а если совсем не повезет, можно свалиться за фальшборт и угодить под киль. Зато Эльва окончательно утвердился во мнении, что поступил правильно, когда бесплатно вернул зрение Альнар.

Решить собственные проблемы тем же заклинанием не получилось, как и любым другим — магия разбивалась на тысячи осколков и песком сыпалась на палубу. Результаты, мягко выражаясь, неподходящие для радости, — однако некроманта они не смутили, а спустя десять мучительных суток левый глаз все-таки открылся, и жаловаться стало не на что.

Нашарив-таки серебряную монету, парень торжественно вручил ее канониру. Тот осклабился, почесал отросшую бороду и сказал:

— Завтра утром мы уже пришвартуемся к порту Эльма. Я покажу тебе пятую кораблестроительную плиаретскую верфь, а Мильт — если он, конечно, не шутит, — возьмет нас всех на грандиозный прием в замке Ее Величества Хайрен. Прием, как обычно будет устроен по случаю возвращения "Оборотня", и отвертеться от любопытных подданных не выйдет.

— А ты уверен, что Ее Величество королева хочет видеть у себя всю команду, а не только капитана судна? — скептически уточнил Эльва, разрушая чары. Зутт превратился в красновато-песочное, а Маргул — в рыжее с белым пятно.

— Уверен, — хмыкнул канонир. — Госпожа Хайрен, безусловно, испытывает некие... хм-м... особые чувства к нашему капитану, однако ее советники, советницы и фрейлины тоже хотят их испытывать. А команда у нас — ого-го, такую нигде больше не отыскать! Вот взгляни на меня, — судя по невнятному шевелению, он горделиво расправил плечи. — Я — мужчина хоть куда и могу завтра же устроить свадьбу с любой дамочкой, которая мне понравится!

— Устраивай, — флегматично отозвался Маргул. — Но меня оставь в покое. Я к Ее Величеству не пойду.

— Почему? — удивился Эльва. Даже наполовину слепому, ему было страшно интересно встретиться с госпожой Хайрен. На фрегате ее уважали немногим меньше, чем Мильта, к тому же многие рядовые корсары были знакомы с плиаретской королевой лично — что для имеющего власть человека весьма несвойственно. Да и сами острова безумно интриговали некроманта — в последнее время он был готов занять постоянную должность штатного мага и работать на "Оборотне" всегда. Правда, Мильт упорно отказывался брать его в команду и предрекал, что в противном случае фрегат затонет, не успев заработать новое имя.

Эта фраза открыла Эльве забавную историю — мол, на самом деле небесный корабль переименовывали уже семь раз. До первой плиаретской войны он носил название "Белая крыса", взятое в пику неприятелям капитана. Однако после возвращения подбитого фрегата в порт Мильт понял, что был не прав и оскорбил не своих противников, а верного друга. Он пораскинул мозгами, выпил вина и отдал приказ внести корабль в основные ведомости Эльма, как "Розу ветров". Спустя два десятилетия сменилась команда, и новый рулевой ни с того ни с его окрестил "Розу" "Калейдоскопом" — ко всеобщему изумлению, этот произвол прижился и использовался около пятнадцати лет. Потом рулевой трагически погиб в бою, а колдун, взятый на борт фрегата перед отплытием во внешние моря, сжег вражескую шхуну зеленым пламенем, породившим такие же зеленые и донельзя мрачные искры. Мильт наградил его одним из самых важных орденов Плиарета, а затем сообщил, что в честь великого подвига корабль получит очередное новое имя — "Изумрудная пыль". Но, в отличие от "Калейдоскопа", оно не пожелало хвататься за фрегат всеми силами и вскоре, благодаря похищенному из Дератрикса менестрелю, превратилось в "Шестую струну". Менестрель действительно был талантливым и вышеупомянутую шестую струну обожал, отчего его песни звучали излишне грубо. Впрочем, грубость мало кого расстраивала, и целую человеческую жизнь — почти девяносто пять лет, — корабль звали очень музыкально. Затем менестреля похоронили, а Мильт, в одиночку выхлебав пять бутылок этолиты, горько посмеялся и обозвал фрегат "Оборотнем". По слухам, это произошло чертовски давно, и с тех пор амайе не спешил что-либо менять.

На шкафут вышел Эхэльйо, чуть помедлил и направился к некроманту. Тот подобрался, приготовившись ответить ругательством на очередной вопрос вроде: "как ты себя чувствуешь?", но бывший проклятый всего лишь предупредил:

— Зутт, Маргул, спустя двадцать минут мы будем проплывать мимо скал. Капитан рекомендует вам закрыться в своих каютах.

— А что там такого жуткого? — немедленно осведомился Эльва.

— Сирены. Тебе, кстати, никто ни черта не рекомендует, потому что ты все равно не станешь слушаться. Вероятно, именно эта твоя черта заставляет Мильта опасаться, что если ты обустроишься на фрегате, то всем остальным корсарам мало не покажется.

— Да на кой они мне сдались? Я, может, море люблю, пейзажи всякие. Шторм, опять же, очень красиво выглядит...

— Угу, — мрачно перебил некромант эльф. — Особенно сейчас, когда у тебя вместо зрачков и радужек — сплошное розовое месиво!

Парень вздохнул:

— Ну ты и зануда. Я получил бесценный опыт, выручил Сэтлео, впервые за историю Гильдии поднял из мертвых дракона, а меня упрекают каким-то там зрением! Да я и без него всю окрестную нежить с ног на голову поставлю!

Эхэльйо досадливо поморщился, отвернулся и убрался на ют. Маргул последовал за ним, на ходу вещая о зловредных сиренах, способных любого, даже самого устойчивого, мужчину сбить с пути истинного. Зутт, сочувственно похлопав Эльву по плечу и тоже удалился, напоследок дав ценный совет смыться с внешней палубы, пока не поздно, и заткнуть уши чем-нибудь поплотнее.

— Ладно, ладно, — солгал некромант. — Сейчас колоду соберу, и пойду.

Канонир только понимающе улыбнулся.

Впрочем, спустя пару минут колода действительно была собрана — чутко, аккуратно, с твердым осознанием важности происходящего. Но, едва спрятав ее за пазуху, некромант побрел отнюдь не в свою каюту, а на бак.

Оттуда открывался замечательный обзор на близлежащие воды — бирюзовые, прозрачные, почти бесконечные. Серые огрызки скал сиротливо возвышались вдаль, а на них, извиваясь от нетерпения, устроились прекрасные женщины. Некоторые из них предпочли спрятать особенности пышнотелых фигур под пучками водорослей, но большинство, польщенное прибытием небесного корабля, разделось до нитки. Эльва не без любопытства изучил выставленные на всеобщее обозрение детали, сел и наконец-то уловил мягкие, певучие голоса. Они были призваны повлиять на мага и вынудить прыгнуть за борт, однако выстроенная мгновением раньше защита поглощала заговоренную часть слов, пропуская только смысл:

"Спустишь ко мне, прекрасный рыцарь,
спаси меня из бездны вод;
пусть эта страсть, как будто птица,
нас за собою унесет..."

"Я прозябаю здесь веками,
приди ко мне и мир отринь,
чтоб не осталось между нами

ни женщин, ни земных Богинь..."

"Возьми меня! Горю желаньем..."

Ласкай меня, и гладь, и верь,
что только я — твоё создание
останусь рядышком теперь..."

Брезгливо поджав губы, некромант с большим трудом спустился обратно на шкафут. Ну и что за возвышенный смысл находил в сиренах тот же Валгиар Хилмер? Порочные, противные, по-змеиному увертливые, а вдобавок — еще и пошлые твари! Неужели кому-то может всерьез понравиться женщина, если она так горячо упрашивает взять ее прямо здесь и прямо сейчас?

Фу, какая гадость!

Эльва с горем пополам миновал лестницу, забрался на гамак в своей каюте и мрачно уставился в дальний угол. Не надо было игнорировать совет Зутта — осадок на душе остался гаденький. Так и хотелось взять лодку, наколдовать что-нибудь помощнее и разнести скалы к чертовой матери — потом никакая зараза туда больше не вылезет!

Мрачные мысли прервал отчетливый, сумасшедший стук внизу. Он повторился дважды, прежде чем сменился тоскливым, звенящим воем. Некромант горестно скривился — тишину нарушал Рин, за пределами империи Ильно не сумевший долго сдерживать свою благоприобретенную кровожадную сущность. Корсары собирались выбросить его в море, однако Эльва настоял, что разберется в ситуации и вернет мозги зараженного на место. Ему претила идея убить кого-то, кто так решительно рвался к собственному спасению.

Исчерканный рунами свиток валялся в сумке. Подобрать заклинание-ключ к Рину оказалось в разы труднее, чем справиться с травмами Альнар. Вероятнее всего, главная проблема заключалась в отличиях между той магией, что изучали в Академии, и той, что была сконцентрирована на берегах империи Ильно. Ведь Ильно, если хорошенько подумать — это средоточие драконьего, нейтрального к живой материи, колдовства, а Белые Берега и смежные с ними королевства — почти полностью человеческая территория. Тамошних крылатых ящеров — разумеется, из тех, кто здравствует и поныне, — можно сосчитать по пальцам одной руки: кровожадная, но разумная тварь из грота по соседству с восточным фрагментом Велиссии, ироничное, мало кому являвшееся существо из темного хасатинского леса, серый небесный страж графства Этлен и каратрим, старший сын эльского императора.

По соседству со свитком валялись черепа — уже в количестве двух штук. Первый — тот, что принадлежал Леашви, — зловеще скалился на любого вошедшего, а второй — вероломно похищенный у Невтена, — был сильно потрепан. Поскольку сам Эльва не мог заняться срезанием с головы советника всего лишнего, это нелегкое дело пришлось поручить Веду, и убийца оплошал. На костях пестрели царапины от ножа, а местами — даже целые дыры, второпях пробитые острием. Глазницы представляли собой весьма удручающее зрелище, а трех или четырех зубов не хватало. Впрочем, их-то бывший ландарский советник мог потерять еще при жизни...

Некромант зажмурился, прогоняя боль, и в который раз за день попытался вообразить, как выглядит плиаретский архипелаг. Мильт обещал поделиться информацией и подробной картой, но, похоже, исполнение обещания пришлось отложить — хотя вряд ли сирены умеют нагонять морок на разум бессмертного амаие. Интересно, почему флот музыкального

королевства до сих пор не выкурил морскую нежить и не перекрутил на зелья? Кожа, волосы, ногти и хрящи сирен необходимы при работе над приворотными смесями, а приворотные смеси, в свою очередь, весьма популярны. Поймав только одну тварь, любой местный маг получит неплохую возможность заработать три тысячи золотых — если, конечно, обладает хоть каким-то талантом.

А, ну их всех к черту! Эльва потянулся за тонким походным одеялом, укрылся и приготовился вздремнуть.

— Он еще не приехал?

Альнар вздохнула, выглянула в окно и ответила:

— Еще нет.

Сэтлео нервно вскочил и принялся мерить шагами комнату. Белый с красными вставками костюм — почти такой же, как у гвардейцев, но роскошнее и выразительнее, — слился в одну сплошную сумасшедшую пелену. Старший сержант молча спросила у Богов, где она провинилась и нельзя ли исправить допущенную ошибку, чтобы больше не мучиться с капризным наследником Ландары.

Прошла минута. Подросток опустил в кресло и, тяжело дыша, выхлебал полкувшина воды.

— Успокойся, Сэт, — посоветовала девушка. — Иначе вместо коронации нам придется вести тебя к лекарю.

— Я к нему не пойду, — неожиданно серьезно возразил наследник. — Пусть на меня наденут этот чертов венец, и все беды наконец-то закончатся. Но, — он сердито сдвинул брови, — я хочу, чтобы Шейн присутствовал! Я еще понимаю Эльву — он слишком далеко и не способен вернуться, по крайней мере пока что. Но повелитель?! Неужели он не додумался нарисовать руны перехода и с их помощью перенестись в Леден?

— Ошибаешься, — укоризненно заявил тихий голос откуда-то из глубин зеркала. — Я додумался. Но руны сократили бы мое свободное время часа на два, а так я пришел за тридцать минут до церемонии.

Сэтлео уставился на седого парня так, будто впервые его увидел.

— Ты что... ты чего... что ты делаешь?!

— Стою, — коротко отозвался повелитель.

Он действительно стоял — внутри стекла, заменяя собой чужое отражение. Но вот зеркало пошло рябью, как потревоженная ветром вода, и подошвы ботинок Шейна мягко опустились на пушистый ковер.

— Привет, — запоздало поздоровался парень.

— Угу, — буркнул Сэтлео, все еще ошарашенный его эффектным появлением. — А как ты оказался... ну... там?

— Если ты не забыл, я тоже ношу жетон Гильдии Магов, — напомнил повелитель, щелкая по вышеупомянутой железной вещице, приколотой к вороту рубахи. — А в Гильдии Магов состоят исключительно талантливые существа. Есть маги-стихийники, маги-некроманты, маги-зельевары, маги-алхимики и так далее... а есть я, и мое призвание — совмещаться с несовместимым. Однажды, — он криво улыбнулся, — в день, когда тебе остро понадобится помощь, напиши мое имя на зеркале. Я приду.

— Э-э-э... — протянул подросток. И наугад буркнул: — Хорошо. Только вряд ли в этот самый день у меня будет при себе стекло.

Шейн пожал плечами и обменялся рукопожатием с Альнар.

— Чудесно выглядишь.

— Спасибо, — кивнула девушка. — Не жалуюсь.

Двустворчатые двери с шелестом распахнулись, и в комнату ввалился Дэльтеар де Стайнэ — невысокий, широкоплечий мужчина с коротко стриженными черными волосами и пронизательными серыми глазами. Он облачился в парадную мантию, украшенную серебряной вышивкой, и прижимал к груди увесистую шкатулку из красного дерева.

— Ваше Величество, — поклонился он. — Пора спускаться, карета ждет.

— Отлично, — нарочито небрежно согласился Сэтлео. — Спасибо.

Альнар на всякий случай вцепилась в его рукав, готовая предотвратить позорное бегство. Шейн, не настаивая на прямом касании, обратился к Дару.

Небольшая процессия, возглавляемая Дэльтеаром, величественно спустилась по центральной лестнице. Бывший эльский генерал проследил, как наследник забирается на обитое красной тканью сиденье, скрещивает руки на груди и страдальчески поджимает губы. Вслед за ним в карету залез Шейн, потом — Альнар, а сам Дэльтеар отдал краткие распоряжения вознице и, захлопнув тонкую дверцу, вскочил на подведенного слугой гнедого коня.

Королевская площадь Ледена — место, где проходили все мало-мальски значимые события, — была забита битком. Простой народ азартно толкался, вопил, свистел и орал: "слава наследнику!", а дворяне брезгливо осматривались с возведенного за пару дней возвышения. Напротив, пока что полупустая — только герольды изваяниями застыли по обе стороны, — располагалась еще одна свежая постройка. Эта выглядела лучше, чем простая дворянская — ее явно сделали на совесть. Украшенная ландарскими гербами, флагом и шпандартами всех армий, а также личной гвардии Его Величества, она горделиво белела над толпой, дожидаясь своего часа.

Дэльтеар спешился, снова перехватил шкатулку и поспешил выпустить из кареты Сэтлео. Подросток едва не споткнулся и побледнел, предвкушая скорый позор, но магия Шейна сгладила пространство, и нога нашла под собой твердую поверхность до того, как с этой самой поверхностью ознакомилось все тело. Подросток облегченно выдохнул и вслед за Дэльтеаром отправился вверх, не отрывая глаз от деревянных ступеней. Шейн неторопливо шагал за ним, галантно предложив Альнар локоть — девушка взялась за него с достоинством настоящей принцессы и гордо выпрямилась, чувствуя на себе сотни любопытных взглядов.

Бывший эльский генерал улыбнулся, жестами показал, что сейчас все должны прекратить шуметь, и провозгласил:

— Мои дорогие друзья! Уважаемые гости Ледена, господа дворяне, господа торговцы и лавочники, господа оружейники и кузнецы, милые кухарки и хозяйки таверн, мужчины и женщины! Сегодня мы с вами собрались, чтобы стать свидетелями коронации полноправного наследника ландарской крови. Его имя — Сэтлео Каерра Хааль, и, как и любой из прежних королей, он несет в себе память светлой Шеальты.

Дэльтеар де Стайнэ прервался и повернулся к подростку, побледневшему еще больше.

— Я не хочу, — едва слышно прошептал Сэт. — Мне страшно.

Мужчина нахмурился, надеясь, что он прекратит страдать и возьмется за дело, но наследник окончательно стушеввался. Бывший эльский генерал, закаленный войнами и пограничными стычками, беспомощно покосился на Шейна.

И повелитель не подвел.

— Сэт, — позвал он. — Послушай меня, пожалуйста. Сейчас очень важно убедить людей в том, что ты — настоящий король, а не какая-нибудь трусливая фальшивка. Не трясись. Перестань представлять, что будет, если ты заикнешься. Просто перестань. Я понимаю, что это непросто, но если ты сейчас не возьмешь себя в руки, то не возьмешь уже никогда. Мы стоим на пороге новой ландарской эпохи — мы все, и даже те, кого по вполне приемлемым причинам нет рядом. Неужели ты хочешь разрушить этот порог, заставить его рухнуть прежде, чем история изменится?

— Нет. — Сэтлео был готов расплакаться. — Но мне все еще страшно. Какой из меня король, если я даже с самим собой справиться не могу?

— Ты можешь, — неожиданно вмешалась Альнар. — Можешь! Я была свидетелем твоих тренировок с Эльвой, я знаю, как сильно ты старался! Так выйди вперед и соверши то, о чем он тебя просил. Докажи, что ты достоин называть его своим учителем!

Подросток сглотнул.

Шейн позволил себе опустить веки, чтобы растерянные человеческие лица на площади сменились приятной тьмой.

Альнар стиснула кулаки, собираясь врезать ландарскому наследнику.

Но Сэтлео, подобравшись, как обнаруживший мышь кот, занял позицию справа от Дэльтеара де Стайнэ и громко, вполне уверенным голосом, воскликнул:

— Мой народ!

Народ заинтересованно вытаращился на него. Окруженный пристальным вниманием, подросток слегка смутился, однако отступить не захотел. Или побоялся, хотя в данном случае эти два варианта были абсолютно равноценными.

— Я приехал сюда совсем недавно, — сообщил Сэтлео, — и понятия зеленого не имею, как себя вести. Но я помню, что вы ждали меня и надеялись на мое возвращение, помню, что Совет Лордов причинил вам немалый вред. И я обещаю все исправить.

Дэльтеар повел ухом, пытаясь различить шепотки, пробежавшие среди леденцев. Ничего предосудительного, как, впрочем, и радостного — разве что женская, полная почтительного обожания, фраза: "Господин Сэтлео так похож на Его Величество Райстли!"

— Ну, на этом и закончим, — буркнул мужчина себе под нос. — Госпожа Альнар, вы мне не поможете?

— Помогу, — с достоинством отозвалась девушка. И приняла шкатулку, протянутую бывшим эльским генералом с невероятной осторожностью, словно внутри находилось что-то очень хрупкое.

— Для меня, — уже громче произнес Дэльтеар, — это огромная честь — провозгласить имя нового короля. И сегодня, — он пощелкал застежками, открыл крышку и бережно, всеми десятью пальцами, выудил из обшитого алой тканью нутра королевский венец — тонкий, изящный, призванный изображать переплетение гибких лоз, унизанных мелкими, будто водяная пыль, сапфирами, — вы, наконец, получаете все, что принадлежит вам по праву, господин Сэтлео Каерра Хааль, семнадцатый король Ландары!

Подросток преклонил колено, и венец заиграл солнечными бликами в его каштановых волосах.

Ослабленный последствиями заклинания организм решил, что ему обязательно нужно провести во сне больше суток. Никто из команды "Оборотня" не стал вмешиваться, и Эльва проснулся с гудящей головой, не желающими ходить ногами и заплывшим глазом.

Проснулся — и выяснил, что, пока он болтался в пучине дурных снов — именно дурных, лишенных всякого смысла, но наполненных леденящим кровь ужасом и картинами, от которых отец поседел бы снова, а мать рухнула бы в обморок часов на пять, — фрегат успел пришвартоваться к пристани Эльма, основного портового города Плиарета.

— Неблагодарные черти, — ворчал некромант, кое-как выбравшись на палубу и приготовившись спуститься с нее на сушу.

— О, Эльва! — невесть чему обрадовался Мильт, торопливо покидая кварталдек. — Я нашел то, что ты просил. Вот, пожалуйста — это наша история. Правда, в сокращенной версии, но полную тебе предоставят в любой городской библиотеке, если ты вежливо попросишь и не забудешь упомянуть, что пришел с "Оборотня". А вот карты...

На мага посыпался разношерстный ворох пергаментов — от совсем новых до изрядно потрепанных. Местами в них просматривалась старомодная вязь рун и древние, как мир, символы, созданные еще в первые дни мира.

— Спасибо, — скептически оценил капитанские старания парень. — Ты ни капельки не опоздал.

Амайе рассмеялся, похлопал некроманта по плечу и убрался восвояси. Эльва про себя отметил, что прибытие на берега Плиарета повлияло на Мильта благотворно. Обычно хмурый и молчаливый, капитан "Оборотня" светился радостью и ничего не оставлял без внимания.

Перед тем, как начать прогулку по городу, некромант шутки ради сверился с картой. На ней столица небесных кораблей была всего лишь маленькой точкой — самой близкой к острову, подписанному как "Пустоши Ховел" и украшенному тремя крестами. Над Ховелом навис Остров Отверженных, обладающий всего двумя городами — Минор на северо-западе и Диез на юго-востоке. Самым крупным участком суши оказалась Королевская Гавань, где были расположены торговые, наемные и разведывательные порты Плиарета, а самым маленьким — утыканный схематическим лесом остров Дайна. Весь архипелаг, подступая вплотную к довольно-таки пологим берегам, окружало Хрустальное Море.

Из нагромождения свитков выпала аккуратно сложенная записка. Развернув ее, Эльва с трудом разобрал использованные Мильтом руны: "Пожалуйста, не заходи в таверну под названием "Звездная сеть". Там собираются исключительно плиаретские корсары, и они вряд ли примут тебя с распростертыми объятиями".

— Тьфу, — поморщился парень. — Просто замечательно. Благодарю вас, благородные морские волки, за гостеприимность и понимание. И желаю провалиться на дно, чтобы рыбки и белые киты не скучали.

Поскольку он уже стоял на причале, двое или трое рабочих принялись обмениваться нелицеприятным мнением о сошедшем с "Оборотня" колдуне. Некромант привычно постучал по черепу Леашви, скорчил зверскую рожу и побрел прочь.

Удивительно чистый, светлый и тихий, Эльм раскинулся на границе моря и глухого смешанного леса, щупальцами развернув многочисленные улицы, проулки и площади. На рынке не носились бешеные коты, гнусаво требуя у торговцев поделиться товарами, не вопили люди, не дрались бродячие рыцари. Наоборот — все происходило размеренно и спокойно.

Эльва прошелся вдоль овощных рядов, заметил гору крупных желто-зеленых яблок и приобрел восемь штук — все, на что хватило денег. Темноволосая женщина, стоявшая за весами, с недоумением воззрилась на блестящие белобрежные монеты, где вместо гордого

королевского профиля красовались пять кленовых листов.

— Вы не здешний, господин маг?

— Нет, — согласился парень. — Я только сегодня приплыл с "Оборотнем".

— О! — не слишком красивое, но по-своему приятное лицо торговки расцвело улыбкой. — Мы долго его ждали. Теперь в Эльме главная тема разговоров — это корабль капитана Мильта. Все пытаются догадаться, что за новости он привез. И все, наверное, ошибаются...

— Наверное. — Эльва присмотрелся к ее ушам — вполне обычным, а значит, женщина не амайе. — А вы не подскажете, как выйти на центральную площадь?

— Отчего же не подскажу? — она бросила некроманту еще одно, бесплатное, яблоко. — Вам нужно дойти до конца торгового ряда, повернуть в южный переулок — то есть налево, — и полностью его пересечь. Удачи, господин маг!

— Вы очень добры, — поклонился парень, скрывая смущение. Черт возьми, неужели все жители Плиарета такие? Но как Ее Величеству Хайрен удастся поддерживать порядок на соседних островах, когда она сама живет в Намаре, а Намар лежит в трех днях пути от того же Эльма?

Южный переулок оказался узким, едва проходимым и вдобавок темным — на него падала густая тень. Эльва со своим ослабевшим зрением двигался наощупь, прикладывая ладони к стенам домов. Крысы, убегающие от нормальных людей, обрадованно метнулись к некроманту и нестройной гурьбой закружились у его ног, цепляясь лапками и хвостами за сапоги. Парень вяло ругался, отпихивал самых настойчивых и всячески давал понять, что сейчас он не в настроении дружить с маленькими вредителями. Зверьки разочарованно пофыркали, подергали его за краешек штанины и скрылись, потому что маг переступил границу тени и света.

Центральная площадь портового города была окружена разного рода заведениями, вызывавшими у жителей почти одинаковый интерес. Таверна, пекарня с прилегающей к ней лавкой, где на накрытых скатертями столах громоздились корзины со свежим хлебом, пирожками и булочками, двухэтажное детище кузнеца — за призывно распахнутой дверью блестяли ножи, мечи, ятаганы и копья, скромная обитель мага-травника — над ней болталась развеселая вывеска с надписью "Зелья, декокты, яды" и так далее. Люди неторопливо прохаживались туда-сюда, здоровались со знакомыми, обменивались информацией. А за их спинами, не привлекая к себе лишнего внимания, на старом гранитном постаменте застыл, шелестя поднятыми парусами, остов корабля. Перебитый киль, обломок бушприта, форштевень, облепленный ракушками — и бесконечные дыры в бортах и палубе. Большую часть рей судно потеряло в бою, а меньшая продолжала верно служить Плиарету, о чем красноречиво свидетельствовал синий вымпел, расшитый стилизованными волнами.

— Жуть, правда? — кто-то нагло похитил у Эльвы яблоко и вонзил в него зубы. Поднапрягшись, парень различил Маргула — в основном за счет яркого рыжего пятна. — Я все надеюсь убедить капитана, что эту древность пора выбросить и поставить вместо нее хорошую скульптуру, но он лишь отнекивается. Мол, на площади испокон веков стоит первый небесный корабль, и он должен тут стоять, пока вышеупомянутые века не растворятся в бездне вечности.

Картограф попытался изобразить одухотворенный взгляд, но никаких результатов не добился.

— А по-моему, Милът правильно говорит, — возразил некромант. — Это же память.

— Память для того и нужна, чтобы хранить важные события где-то на задворках сознания, — рассердился Маргул. — И извлекать их оттуда в определенных ситуациях. А здесь — ну зачем она людям? Создавать лишний повод для гордости? Так они к этому поводу отношения не имеют. Небесные корабли принадлежат амайе, и строят их тоже амайе, а люди... люди всего-навсего работают. Причем работают ради регулярной зарплаты, как я... или как ты. Им без разницы, привнесут они что-нибудь в историю Плиарета или останутся безымянными корсарами, грабившими суда потенциальных врагов и провожавшими менестрелей из чужих земель в эти.

Эльва пожал плечами, намекая, что не хочет спорить. Картограф украл у него еще одно яблоко, вежливо попрощался и нырнул в таверну, вызвав там целый шквал радостных восклицаний.

Ну еще бы. Он ведь с "Оборотня", а "Оборотень" покидает Плиарет надолго. Это тебе не местный торговый кораблик, призванный перевозить вещи и продукты с Королевских Гаваней на Пристани, Остров Отверженных или Дайру. Это боевой фрегат.

Поразмыслив, некромант тоже заглянул в таверну — прямо противоположную той, где угнезвился Маргул. Вывеску он проигнорировал, но, кажется, там было написано что-то длинное и вычурное, а не "Звездная сеть".

Заняв столик у окна — неправдоподобно маленький и хрупкий, рассчитанный от силы на двоих, — Эльва попросил у сонной разносчицы рыбу, запеченную в сметане, и картошку с укропом. Та пообещала, что все появится спустя двадцать минут, но уходить почему-то не спешила. Магу даже пришлось поднять на нее глаза:

— В чем дело?

— Ну... понимаете, я бы с удовольствием составила вам компанию, — запинаясь, пояснила девушка. — И за обедом, и... после него.

— Хм? — Некромант намеревался поморщиться, но раздумал, осененный новой идеей. — А что, это было бы неплохо. Только вот, — он указал на хозяина заведения, застывшего за стойкой неммым укором, — не обидится ли ваш работодатель?

— О, я с ним поговорю, — заверила просиявшая разносчица.

— Вот как? — Эльва одарил ее широкой улыбкой. — Что ж, я желаю вам удачи — и с нетерпением жду.

Девушка послушно ретировалась, предоставив некроманта самому себе. Он немедленно занялся изучением других посетителей таверны. Друг на друга эти самые посетители походили не больше, чем яблоко — на помидор, но одна объединяющая черта все-таки нашлась: у каждого, кто сидел за здешними столами, был накрепко зашнурован ворот, скрывая ключицы и часть шеи. Плиаретская традиция? Или такой суровой вещью грешит только Эльм? Снаружи царит жара, причем адская — кто вышел из дома без платка, тот утирает пот рукавами или обливается соленой морской водой, а может, вообще плавает наравне с небесными кораблями. Так зачем мучить себя стянутым воротом? Страшные люди... и не люди.

В углу собралась троица молчаливых амайе, занятых исключительно едой. Под соседним окном распивала эльфийский эль компания гномов, по виду — давно и безнадежно пьяных. Эти пытались не ограничиваться собственно распиванием и перевести его в распевание, однако выбранный язык — или все-таки исполнение? — больно резанул по ушам. Хозяин таверны тут же вышел из своего привычного состояния типа "ненавижу все

сущее" и, ловко лавируя между посетителями, отвесил оплеуху первому же попавшемуся гному. Представитель низкорослого народа осекся, едва не откусив себе язык, и виновато ссутулился:

— Извините, господин. Мы увлеклись.

— Ничего страшного, — веско проронил мужчина. — Но, полагаю, вам пора прекратить. Братоубийственное веселье начинается ночью, а днем будьте добры изображать милых и порядочных ребят.

— Да, конечно, — пробормотал гном, вскакивая. Результат данного действия Эльву не впечатлил — низкорослый народец, он и в Плиарете низкорослый народец, — вон, макушкой едва до пояса хозяину достает.

Разносчица вернулась без фартука, удерживая хрупкими пальчиками два подноса. Один поставила перед некромантом, а второй — к себе на колени. Судя по довольному выражению лица, именно в такой позе она трапезничала каждый день.

Парень пожелал ей приятного аппетита. Девушка ответила тем же и с готовностью воткнула вилку в жуткое красноватое месиво, не вызывавшее к Эльвы никаких приятных ассоциаций.

— Извини, но что это за кошмар? — спросил он, с усилием отводя взгляд.

— Это? — разносчица прожевала уже отправленный в рот кусок, нахмурилась и пояснила: — Змеиный суп. Только я его, кажется, недосолила.

— Змеиный? — изумился некромант. — Тут, на островах, вы питаетесь змеями?

— Ну да, — подтвердила она. — А вам что, никто не рассказывал? На Плиарете малс лесов, зато озера имеются в изобилии. А в озерах, как, кстати, и на прилегающих к ним равнинах в изобилии водятся съедобные змеи. Несъедобные тоже, но их мало кто путает. Разве что жители деревень.

Парень сделал мысленную заметку, что при случае надо будет поговорить о ползучих гадах с Эхэльйо — авось поделится информацией, вкусные они или нет, — и вонзил тонкий серебряный нож в рыбий бок, накрытый кусочками моркови.

— А вас, — произнесла девушка, взбалтывая закрытую баночку с лимонным соусом, — как зовут?

— Эльва, — представился некромант, скромно опустив родовое имя.

— А меня Ши. Рада с вами познакомиться.

Он приподнял уголки губ, не желая ее обидеть, и продолжил орудовать ножом. Девушка, не заморачиваясь правилами этикета, вытерла подбородок манжетой рукава, отставила миску и неподдельно восхитилась:

— Ого, как изящно вы кушаете!

— Эмм... — Парень прожевал то, что успел отрезать от рыбы, и растерянно посмотрел на Ши. Она тоже на него посмотрела — так, будто увидела сошедшего на грешную землю Бога. — Что случилось?

— Ну-у, — протянула девушка, кокетливо опуская глаза. — Вы, наверное, из благородных? Не расскажете о своей семье? Где вы родились, как вас воспитывали? Я слышала, будто благородные ежедневно бьют своих детей, чтобы они вели себя сдержанно, не выражая лишних эмоций.

— Вовсе нет. Свойство не показывать людям свои чувства — благоприобретенное, оно у всех само со временем проявляется. А большинство благородных трясется над своими детьми, как бабки над огородом: когда же они вырастут? Когда дадут урожай? Однако, как

правило, вся слава и почет достаются первому ребенку в семье — то есть кровному наследнику рода. Моего старшего брата ценят, словно он состоит из золота и золотом гадит, а меня... меня бросили на попечение няньки, разрешили играть с местными мальчишками — особняк-то наш совсем рядом с городом, туда и обратно можно за час сбегать. Потом, правда, спохватились... мол, Эльва, где ты нахватался этих дурных привычек? Ужас какой! Вилку надо держать левой рукой, нож — правой, и никак не наоборот! Салфетку заправлять за воротник, а не класть на колени! Локти на столешнице не устраивать, в течение завтрака, обеда и ужина не чихать, и так далее. Мнение родителей меня мало волновало, если волновало вообще, но няня потратила бесконечного много недель на мое обучение, когда ей стали за это доплачивать. Она была хорошей женщиной, и мне нравилось ее радовать. Да и Кайта, мой второй брат, настаивал на нормальном поведении — мол, однажды ты вырастешь, и нам придется брать тебя с собой на приемы. Грозил запереть меня в фамильном склепе на ночь, если я не перестану прямо за столом чесать комариные укусы... в итоге, кстати, все-таки запер, и я случайно — больше от страха, чем по злему умыслу, — заставил проснуться своего прадедушку.

— Ого, — потрясенно прошептала Ши. — Как?

— Я маг, — объяснил Эльва. — Профессиональный некромант. И дар у меня проявился очень рано, еще до случая со склепом. Я подбирал в садудохлых птиц, и они улетали. Я собирал потравленных слугами жуков, и они с новыми силами набрасывались на сад. Я отбирал у кошки мышей, и ей приходилось снова за ними бегать. А поскольку никто не обращал на меня внимания, дикий крик посреди ночи стал веселым сюрпризом. Я-то понятия не имел, что дедушка подчинится любому моему слову, и боялся быть сожраным. Но тут мне повезло — низкоуровневые зомби тупые, они распознают только громко произнесенные фразы, а я забился под саркофаг и орал. Дедушка постоял рядом, покряхтел, порычал... потом ему, видно, надоело, и он залез обратно в свою последнюю обитель. Тут и Кайта подоспел — двери распахнул, давай меня звать: Эльва, Эльва, ты где? Что произошло? Почему ты кричал? А я трясусь, понять не могу — живой он или мертвый. Мало ли, сдох где-нибудь по-тихому и пришел помочь любимому дедушке — я-то помню, как братец рыдал на его похоронах.

Некромант прервался, отпил вина, давая девушке шанс убраться. Он ожидал, что Ши, как и многие перспективные клиенты, испугается и побрезгует коротать день в обществе повелителя смерти, но она невозмутимо проронила:

— А что было дальше?

— Дальше... — Эльва откинулся на спинку стула и потер ноющий висок. — Ну, Кайта меня убедил, что не собирается закусывать младшим братом, и проводил к отцу. Тот совсем не обрадовался: шутка ли, благородная семья де Лайн произвела на свет некроманта?! Заявил, что отдаст меня инквизиции и придет полюбоваться, как я горю на костре. Я никогда его не любил, — добавил парень, выразительно скривившись. — Никогда. Мать — еще кое-как, мы порой проводили вечера вместе. В библиотеку ходили, в конюшню, она меня учила держаться в седле... а отец... тьфу, он такое мерзкое существо, что впору раздавить каблуком и не оставить даже мокрого места! Я и вспылел. Нагрубил ему, демонстративно отрекся от рода де Лайнов, брякнул, что уйду из дома. Он, на мою беду, поверил и запер меня в комнате, выставив охрану. Пришлось притворяться хорошим мальчиком и делать вид, будто я искренне раскаялся в своих злодеяниях. Но пару месяцев спустя я исполнил свое обещание и ушел в Академию Алаторы. Тогда там не было

факультета некромантии, но учителя не поддерживали инквизицию и выдали меня за носителя ангельского волшебства, а по ночам, тайком ото всех, натаскивали создавать и убивать нежить.

— Здорово, — не покривив душой, выдохнула разносчица. — Мне бы так! А то всю жизнь только и делаю, что с младшей сестрой вожусь да заказы посетителей выполняю. За оскорбительные, причем, копейки... а за усекновение вурдалаков, полагаю, вам платят щедро? У меня есть на примете один знакомый, который уже полтора года жалуется на беспокойное кладбище по соседству. Его еще называют кладбищем капитанов, знаете?.. В Плиарете не рождаются некроманты, а маги Киоля не способны разложить мертвецов по могилам. Так этот знакомый открыто сообщил, что заплатит три сотни золотых монет любому, кто наведет порядок на распроклятом захоронении.

— Три сотни? — Эльва мечтательно присвистнул. — А где твой знакомый живет? Я бы прогулялся до его дома.

— До особняка, — поправила Ши. — Он тоже из благородных. Я там раньше в кухне работала, неплохие были пять лет. Хотите, провожу?

— Проводи, — согласился некромант. — Но сперва давай пройдемся до пристаней. Я не могу уйти с "Оборотня", не предупредив капитана. То есть могу, но вдруг он без меня уплывет? И придется мне искать себе работу на Плиарете, среди менестрелей и островов. Оно, конечно, забавно, я давно мечтал побывать на вашем архипелаге... и все же меня ждут дома.

— Кто? — скептически уточнила девушка.

— Да хотя бы Кайта. Если меня не будет поблизости, то кого, скажи на милость, он запрет в склепе?

Саг очнулся на скалистом берегу, под грохот волн и чьи-то боевые вопли. В бок уткнулось острие копья, призывно пощекотало кожу. Слегка проткнуло, ну да не беда: восставшие крепки, их и десятью ударами не убьешь, не то осторожным уколом.

— Neagranna shiel, staffle wa qrienna?

— Somo na sikk. Plerta yanga hige!

Гортанные, неуловимо чуждые голоса звенели над головой. Кто-то коротко обругал неуклюжего подчиненного, впил ему затрепину и указал на неподвижное тело. Тот неуверенно приблизился к заклинателю, потряс его за плечо, подхватил на руки. И едва не уронил, когда светлые глаза приоткрылись, и Саг обнажил в улыбке два ряда острых — острее самодельного копья, — клыков.

— Plerta sa thaa! Thaa-a-a-a-a-a-a!!! — заорал мужчина, помимо затрепины получивший мощный укус. Заклинатель впился в его горло, словно бывалый волк, и выдрал кусок плоти. Незнакомец тут же вознамерился упасть, и юноша выкатился из его обмякших объятий, не выпуская добычу из челюстей и угрожающе, с намеком рыча.

Товарищи погибшего — грязные, одетые в абы как соединенные куски кожи люди, — бросились прочь, решив не связываться с опасным пришельцем. И не забирать у него труп, потому что мужчина все равно умер, а тварь, может быть, насытится им одним и уйдет, больше никому вреда не причинив.

Саг проглотил скопившуюся во рту кровь и рухнул на колени. Властвовать над ослабевшим телом было трудно — чудо, что он вообще сумел продержаться до побега варваров.

А в том, что это именно варвары, живущие за пределами земель разумных рас, заклинатель ни капельки не сомневался.

Волнистые Реки превратились в море, глубокое, серое и буйное. Из него торчали зубья мокрых, блестящих скал, облепленные розовыми ракушками. Восставший наблюдал за неспешным передвижением их обитателей, пока догрызал сочную человеческую плоть, и пытался придумать: как, черт возьми, теперь отсюда выбраться?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МОГИЛА

— Ты никуда не пойдешь, черт тебя побери! — ругался Эхэлью, потрясая кулаком перед носом у некроманта. — Не пойдешь, ясно?!

— Это еще почему? — рыкнул тот, упирая руки в бока. — Ты мне кто? Заботливая мамочка? Так я не в том возрасте, чтобы плясать ради каждого твоего слова! Хочу — иду ночевать на кладбище, не хочу — не иду! Тебе какое дело до моих решений? Я пришел отчитываться капитану, и капитан меня отпустил!

— Я — твой друг! — окончательно вспыхнул проклятый. — И я буду очень расстроен, если какой-нибудь давно умерший капитан корабля откусит тебе башку и полакомится твоими мозгами, если они там, конечно, есть!

— А ты сомневаешься? — Эльва побледнел и на всякий случай ухватился за фальшборт. Остроухий тут же успокоился, заглянул ему в глаза и спросил:

— Ну куда ты в таком состоянии пойдешь? И что ты будешь делать, если заклятие-усилитель лопнет? На кладбище, среди беспокойных трупов, да еще и ночью...

— Ночь — мое любимое время суток, — огрызнулся некромант, расправив плечи. — А ты иди себе и прячься в каюте. Можешь за меня помолиться, раз уж так сильно опасаясь. — И, помедлив, повернулся к Ши: — Пойдем отсюда.

Девушка растерянно улыбнулась, заправила за ухо прядь чудесных каштановых волос и послушно зашагала за Эльвой. Проклятый выругался, саданул так и не разжатым кулаком по мачте и присоединился.

Некромант обратил на него внимание лишь перед воротами, ведущими во двор особняка благородного. Особняк, кстати, был вполне себе ничего — без лишней роскоши, с узкими слюдяными окнами. Всего два яруса, на втором имеется длинный балкон, а на балконе — цветы в разнообразных кадках, горшках и даже ведрах.

— Ты чего приперся? Вали обратно на фрегат! — сердито приказал парень.

— Угу, уже сваливаю, — в тон ему ответил Эхэлью. — Вот прямо разбежался. Стучи давай, на тебя уже слуги странно косятся, с подозрением. Сейчас арбалетчиков позовут и сделают из тебя миленькое дырявое решето!

— Заткнись! — Эльва, не сдержавшись, пнул ворота ногой. И так резко подался навстречу подбежавшему слуге — сгорбленному, седому, с явным отпечатком прожитых лет на теле, — что тот испуганно отскочил. — Открывай давай!

— Я прошу прощения, но вы... кто? — настороженно уточнил старик. — Господин не принимает корсаров.

Некромант содрал с куртки жетон:

— Я не корсар, я маг.

— А-а-а, — облегченно протянул слуга. — Значит, вы по поводу кладбища капитанов? Ну проходите, господин с радостью все вам расскажет. Здравствуй, Ши.

— Добрый день, — отозвалась девушка.

Старик приоткрыл ворота, пропуская гостей. Спустя миг за спинами звучно лязгнул замок, отрезая путь к отступлению.

Эльва поднялся на высокий порог, заглянул в гостиную — небольшую, со старыми портретами на стенах и полочкой для обуви. Ши бестрепетно сняла ботинки, а Эхэльюо — легкие летние сандалии. Некроманту было лень расшнуровывать сапоги, и он по просьбе слуги обмотал нижнюю их часть чистыми тряпками, чтобы не испачкать ковры.

Хозяин коротал досуг в столовой. Худой, высокий, невозмутимый человек сидел на диване, закинув ногу на ногу, и пил малиновый чай. Обнаружив гостей, он почтительно склонил голову — как если бы приветствовал равных.

— Господин Хроно, — поклонился старик. — Эти люди утверждают, что способны очистить от оживших покойников капитанское кладбище.

— Я понял, — кивнул хозяин. — Спасибо, Стет. Не мог бы ты принести нам еще чаю?

Старик улыбнулся, продемонстрировав последние зубы, и вышел.

— Господа, — Хроно указал на соседний, накрытый одеялом, диван. — Прошу, присаживайтесь. Угощайтесь, — он подтолкнул к некроманту вазочку с шоколадными пирожными. — И поведайте, откуда вы явились и какими рекомендациями обладаете.

— Эмм... — Эльва посмотрел на сладости с тоской, но от идеи замарать шоколадом руки все же отказался. — Ну, я белобрежец. У меня есть диплом об окончании Академии Магов, лицензия о праве вести охоту на территории других королевств и, конечно, жетон. Ваш слуга его уже видел.

— Вот как, целый диплом? — мужчина приподнял брови. — Вы позволите?..

— Разумеется.

Парень протянул ему мятый, скрепленный лентами свиток с треснутой зеленой печатью. Хроно аккуратно потянул за хрупкие края, вчитался... и чем дальше он, собственно, читал, тем больше округлялись его ореховые глаза.

— Все в порядке, господин? — забеспокоился Стет, вручая Эхэльюо наполненную до краев чашку. И, не дождавшись ответа, чуть громче окликнул: — Господин?..

— "Этот документ, — процитировал Хроно, изучая Эльву с проклянувшимся уважением, — заверенный центральной Академией Белых Берегов, является дипломом об окончании факультета Некромантии и Переходов. Господину Эльве Тиезу де Лайну присваивается вторая степень, а также звание специалиста по классическим обрядам и ритуалам". Мало того, что некромант, — мужчина вернул магу диплом, — так еще и вторая степень. В этот раз нам действительно повезло. Следует полагать, что вы — из высокородной семьи, милорд Тиез?

— Вроде того, — спокойно подтвердил Эльва. — Мои родственники высоко ценят чистую кровь.

— Не скажу, что это неправильно. Но вы, как заметно, не одобряете?

— Не одобряю. Я считаю, что людей не стоит делить на бедных и богатых, благородных и нет. Мы все одинаковы. У нас есть сходные, а порой — даже неотличимые друг от друга желания, мы все вынуждены вовремя есть, пить и посещать отхожее место. Мы ничем не лучше животных, господин Хроно. Просто нам повезло сильнее, чем им.

Мужчина поджал губы, задетый этим утверждением. Вероятно, ему не нравилось, когда

разумных существ опускали носом в грязь. Однако некромант был прав — пускай и по-своему. Те же эльфы, инфисты и якобы вымершие оборотни не допускали подобного разделения, предпочитая быть единым народом, а не разношерстными слоями общества. А потом, пользуясь иным характером мыслей младших рас, начали набирать человеческую прислугу. Ну а чем плохо? Работа привычная, платят хорошо...

— Перейдем к делу, — попросил Эльва, покончив с чаем. — Ши говорила, что неподалеку от вашего особняка процветает беспокойное кладбище. Вы не поделитесь со мной подробностями, что конкретно там происходит? Мертвецы вылезают из могил, или над их трупами бушует нечисть? Местные знахарки пытаются изучать темную магию, но в итоге кормят своей плотью мертвецов, а те, переполненные чужой силой, остаются поплясать на собственных надгробиях?

Хроно содрогнулся, бросил быстрый, оценивающий взгляд на некроманта и пробормотал:

— К счастью, до танцев дело не доходило. Да, трупы выбираются из гробов, но покидать пределы захоронения не спешат. Они... стыдно сказать, но они усаживаются полукругом, разжигают костер и поют песни.

Эльве многое пришлось повидать, но о таком он слышал впервые.

— Поют... песни? — помедлив, переспросил он.

— Да. — Мужчина потянулся за очередным пирожным. — Старые плиаретские песни о небесных кораблях. Я обращался к магам Киоля, умоляя их прекратить это безумие, но они лишь руками развели. Мол, у ребят наверняка есть недостигнутые цели в мире живых, и поэтому они не желают лежать на месте.

— Странные маги. — Парень встал, легонько — чтобы не выразить излишнее почтение, — поклонился и сообщил: — Если не возражаете, по самому кладбищу я прогуляюсь сейчас, а с мертвецами побеседую после захода солнца. И спасибо за чай, с вашей стороны было очень любезно провести дневную трапезу в обществе некроманта.

— Я буду счастлив пригласить вас на ужин, — ничуть не покривив душой, сказал Хроно. — Приходите. Не стоит работать на голодный желудок.

— Благодарю вас, — повторил Эльва и поскорее шмыгнул за дверь, не желая и дальше мучить себя подчеркнuto вежливым общением. Эхэльйо и Ши догнали его на лестнице, причем девушка выглядела радостной и довольной, а эльф — наоборот. Обоих прорвало одновременно, и некромант закрыл ладонями уши, избегая эха, посмевшегося откликнуться на разноголосицу спутников.

— ...а мне можно пойти с вами, господин маг?

— ...какого черта ты ему нагрубил?!

— Никому я не грубил, — буркнул парень. — И вообще, что тебя теперь-то взбесило? Весь день ходишь хмурый, как грозная туча, и зачем-то срываешься на мне. По-твоему, это нормально? Я устал реагировать на упреки и оскорбления. Проваливай на корабль, приставай к Мильту. А у меня дела. — Он жестом попрощался со слугой, закрывшим тяжелые деревянные створки, и, не заморачиваясь, спрыгнул с порога. — Дорогая Ши. Прости, но я не возьму тебя с собой. Некроманта мертвецы примут без проблем, а вот с тобой эти самые проблемы появятся. Живая кровь, будь она хоть тысячу раз дружелюбной, восставших покойников выводит из равновесия.

— Угу... — девушка тут же загрустила. — Тогда я пойду обратно в таверну. Там к вечеру людей — прорва, моя помощь всем пригодится.

Эльва обменялся с ней рукопожатием, и Ши, миновав открытую улицу, исчезла. Маг наконец-то заметил чертово кладбище — причину недовольства Хроно, — и уверенно направился к нему, на ходу копаясь в дорожной сумке.

Проклятый, снова не придав никакого веса его словам, поплелся туда же. Некромант сдавленно зарычал:

— Хэль, что тебе от меня надо?!

— Ничего. Я всю жизнь мечтал понаблюдать за действиями темного мага, но то возможности не было, то еще что-нибудь. — Эхэлью мрачно усмехнулся, затем одернул себя и другим, менее ироничным, тоном произнес: — Извини. Ты прав, мне не стоило возмущаться и портить тебе настроение.

— Хэль, — парню пришлось сделать над собой усилие, чтобы не ткнуть приятеля агшелом в живот. Или в горло — тогда-то он точно прекратит эти глупости! — У тебя как, нормально с памятью? Я буквально только что объяснял Ши, почему вы не должны составлять мне компанию.

Остроухий равнодушно пожал плечами:

— Я в курсе. Но я, в отличие от нее, маг. И обитатели кладбища меня ни капельки не пугают.

— Ишь, бесстрашный, — скривился Эльва, отворачиваясь.

Проклятый благоразумно заткнулся.

Мощная дорога подходила вплотную к высокой кованой ограде, выполненной в форме связанных между собой копий. За ней возвышались кресты, обомшелые могильные камни, а местами — даже целые стелы с древними письменами. Кое-где проступали силуэты скульптур, по традиции — плачущих, скорбящих либо немо взывающих к небесам ангелов. У ближайшего отвалился краешек белого крыла, а его товарищ по несчастью лишился носа.

Некромант с ледяным неодобрением изучил замок, изрядно проржавевший и вряд ли способный сдержать легион покойников. Одно крохотное заклятие, и он упал в траву, напоследок печально звякнув — мол, вот он я, и я бесконечно устал. Эльва пересек границу захоронения, притворил за собой калитку и неторопливо, отмечая про себя сотни разных деталей, пошел вперед.

В земле — корявые дыры. На камнях — следы ботинок и босых ног. Надгробия потрепаны, кусты безжалостно выдраны с корнями, тонкие веточки испещрены кусочками кожи — отвалилась, когда неудачливый мертвец за них взялся. А в тених, там, где ни один умный человек надолго не задержится, полно потерянных фрагментов: полусгнившие пальцы, опухшие ноги и рваные ошметки плоти. В общем, мало приятного.

Завершением картины послужила гитара, аккуратно приставленная к очередному надгробью. Эльва провел пальцем по обратной стороне грифа, щелкнул по струнам — звучат ли. Затем прочел высеченное на кресте имя: "Капитан Рез, быстроходная шхуна "Ясень", 11. 17. 43 н. н."

— Приятно познакомиться, — проворчал парень. — Вы не обидитесь, если вечером я присоединюсь к вашей развеселой компании?

Тишина. Только ветер потревожил примятую, пустившую душистый сок траву.

Но некромант, как никто другой, знал — мертвецы его слышали.

По синему-синему небу плыли пушистые облака, размеренно удаляясь на запад. Там, если глядеть с точки зрения человека, бродили рыжие и белые коровы, а пастух дремал под

низким кустом, надвинув на лицо шляпу. И там же, если смотреть с точки зрения колдуна, соприкасались две энергетические жилы. Их близость приводила в движение стихию земли, и страшно было представить, что таится глубоко внизу, прямо под копытами ничего не подозревающих животных.

Хотя бы здесь инквизиция не ошиблась — Айл-Минорские графства действительно являлись большой угрозой. Как для себя самих, так и для близлежащих королевств.

Впрочем, Фасалетрэ Эшгаралье плевать хотел на такие мелочи. Развалится этот мир или рухнет в бездну, останется жить или умрет — его не заботило. Нижние Земли всегда открыты для шэльтрэ высшего ранга, и уж они-то ни за что не исчезнут.

Особняк семьи Эль-Тэ Ниалет воздвигся впереди, как скала — несокрушимая и высокая. Пропитанный магией, испещренный ритуальными символами, накрытый мощным щитом... разумеется, обычные люди не знали о силе хозяина здешних мест, и для них его дом был всего лишь домом — обителью благородных господ, тех, кто защищает Айл-Минорские графства от излишков темного колдовства.

Добравшись до ворот, демон поманил к себе слугу. Тот выпрямился, удерживая в ладонях маленький складной нож, и вежливо улыбнулся:

— Добрый день. Вы к господину Шейну?

— Да, — слегка удивился Летрэ. — А как вы узнали?

Слуга пощелкал короткими лезвиями, складывая их:

— К господину Шейну часто приходят. Кто в гости, кто — подраться, а кто — попросить о помощи... если вы относитесь ко второму типу личностей, я вас выгоню.

— Интересно, как? — скептически осведомился демон. По его мнению, человек был способен разве что покричать, призывая подмогу, и распластаться безвольным трупом под ногами у высшей сущности.

— Использую руну, — просто ответил слуга, показывая плоскую серую пластинку на цепочке, помеченную черным знаком "Ksae". От пластинки веяло спящим заклятием, и Летрэ невольно отступил на шаг.

— Хорошо, — сказал он. — Прошу прощения за грубость. Если размышлять по-вашему, то я отношусь к третьему названному типу. Мне нужна помощь.

— Я передам ваши слова господину Шейну, — согласился человек. — Подождите здесь.

Демон подождал, любуясь огромными дубами, сомкнувшими ветви над особняком. Густая зеленая тень ложилась на все вокруг, и листва весело шелестела, приветствуя легкий ветерок. Летрэ не знал, почему, но здесь лето ощущалось гораздо ярче, чем на других землях — так, словно энергетические жилы щедро делились с ним запасными красками.

Слуга неторопливо и гордо сошел по лестнице, скрылся между цветочными клумбами и пропал. Спустя пару минут до шэльтрэ донесся его голос, обманчиво тихий и спокойный:

— Ваше Сиятельство, вы не могли бы подойти к воротам?

— Мог бы, — лениво отозвался другой, более молодой и звонкий, голос. — Но мне лень. Передай посетителям, что я никого сегодня не принимаю.

— Ваше Сиятельство! — сдержанно возмутился слуга. — Разве можно так относиться к подданным?

— Мой дорогой Нив, — Шейн зевнул. — Под воротами меня дожидается вовсе не подданный. Этот... с позволения выразиться, человек... не живет на территории Айл-Минорских графств. Я понятия не имею, что ему понадобилось, однако не испытываю желания вмешиваться в его проблемы. И я буду тебе безумно благодарен, если ты все-таки

сообщишь ему, что я занят.

— Это невежливо, — попытался воззвать к его совести человек.

— Да, я плохо воспитан. Что-нибудь еще?

Слуга возвел глаза к зеленому пологу листьев, намекая Богам, что сейчас их влияние пригодилось бы. Но у Богов нашлись другие развлечения, веселее и проще, чем попытки добиться взаимопонимания с отпрыском упрямого рода Ниалет.

— Извините, — вздохнул человек, останавливаясь в шаге от створок. — Но...

— Не утруждайте себя, — отмахнулся Летрэ. — Я обладаю отличным слухом. Пожалуйста, передайте господину Шейну, что мне надо поговорить с ним о заклинателе. Это важно. Бешеную крысу следует раздавить, пока она не устроила пожар в амбаре.

Рядом раздалось насмешливое фырканье, и высокий седой парень, держась в прохладной тени, буркнул:

— А не слишком ли ты любезен?

— Приходится, — вздохнул демон. — Твои слуги под надежной защитой.

— Верно. Я не собираюсь впускать выходцев из Ада в свой дом, даже если они пообещают мне пару тысяч золотых монет. Полагаю, у тебя в карманах ни черта не звенит? Превосходно. Я выйду. Нив, запири за мной ворота.

Он покинул пределы родного двора, щелкнул по кованым прутьям и усмехнулся. Нив неммым укором застыл по ту сторону.

— Я отведу господина Эшту в березовую рощу, — сказал Шейн. — Если понадобится — пришли кого-нибудь туда. Но амулеты ни в коем случае не снимайте и на дядины... да и тетины... стенания не обращайтесь внимания. Они любят приукрашать действительность, пускай и своеобразно. До встречи.

Слуга проводил хозяина крайне неодобрительным взглядом. Повелитель проигнорировал его с завидным хладнокровием, вызвав закономерный вопрос:

— Ты не ощущаешь себя сволочью?

— А? — Шейн обернулся, посмотрев на спутника удивленно. Голубая радужка отразила солнечные лучи, резко посветлев. — Ты о чем?

— О людях. Ты не считаешь, что с ними стоило бы быть... немного дружелюбнее, что ли? — медленно, путаясь в словах, выразил свое мнение Летрэ.

— Нет. Теперь — не считаю.

— А раньше?

Повелитель добрался до березовой рощи, расположенной совсем рядом с особняком — и двухсот шагов не наберется, — уютно устроился в корнях и кивнул, приглашая демона сесть напротив. Тот подчинился — одежду, пережившую долгий поход из Лантершота в ЭнНорд, а оттуда — в Айл-Миноре все равно было уже не спасти.

— Раньше я верил, что каждому из нас необходим тот, кто будет его поддерживать и спасать. И что ради этого надо обходиться с людьми помягче, потерпимее — вдруг спугнешь свою собственную судьбу? Но потом меня забрала инквизиция, и жизнь слегка изменилась. Я ни в ком не нуждаюсь. Мне без разницы, существует особняк Эль-Тэ Ниалетов или нет. Мне без разницы, любят меня слуги или нет. Пусть хоть об стенку расшибутся, лишь бы вовремя убрали и приносили поесть. Впрочем, — он сорвал гибкий стебель нидиры, — в Шатлене я прекрасно готовил себе сам. И ни один чертов придурок не бегал вокруг меня, словно я состою из золота, и не вопил: "Покушайте, господин Шейн! Искупайтесь, господин Шейн! Подпишите документы, господин Шейн! Вам пришло письмо, господин Шейн!"

Королевство Шаэл приглашает вас на летние праздники, вы поедете, господин Шейн? Давайте, я выберу самую лучшую вашу одежду?" И все это ужасно фальшиво, слащаво до боли в зубах. Так, что я испытываю жгучий соблазн схватить их за горло, — парень безжалостно раздавил хрупкие листики, — и сжать, да покрепче!

— Тише, тише, — попросил Фасалетрэ Эштаралье. — Успокойся. Где твоё знаменитое хладнокровие?

— Плавает в бутылке, — честно признался повелитель. — Утром я заключил, что, раз уж сегодня мне выпал шанс побыть дома, не размениваясь на долгие воспитательные беседы с ландарским королем, то можно выпить. К тому же я пытался свести воедино постоянные переходные руны из особняка в замковые подвалы, чтобы не рисовать их заново каждый чертов день, и здорово устал. — Он покосился на проплывающее по небу облако, похожее на кошачью голову, и полюбопытствовал: — Так на что ты рассчитывал, когда шел сюда? На мою помощь? Извини, но я не помогаю демонам.

— Неужели? А сам ты кто?

Шейн позволил себе приподнять брови:

— Разумеется, человек. Не знаю, что ты себе надумал, но я не шэльтрэ. Я медиум, и это разные вещи.

— Если верить памяти Рикартиата, ты умеешь уступать демону свое тело и руководить его действиями. Значит, ты ребенок вечного света. Такой же, как я.

— Сомневаюсь, Фасалетрэ Эштаралье. Я всего лишь связан с подобными детьми, но тело у меня человеческое. Некоторые процессы замедлены, вот и все.

Летрэ нахмурился, не желая признавать его правоту. Седой повелитель принялся заплетать прядь волос в косицу, ожидая, когда собеседник перейдет к истинным причинам своего визита и перестанет разглагольствовать о выходах из Нижних Земель.

— Северный ветер, — наконец произнес демон. — Ты в состоянии отыскать кого угодно, используя силы северного ветра. А я потерял след имперского заклинателя. По идее, течение унесло его на земли варваров, но если там есть драконы...

— Вряд ли, — равнодушно заметил Шейн. — Иначе варвары бы сдохли задолго до вторжения на Белые Берега. Впрочем, там им тоже не поздоровилось.

— Да что ты за тип такой?! — возмутился Летрэ. — У тебя есть хоть немного сострадания ближним? Между прочим, этот заклинатель охотится на моего хозяина, а по совместительству — твоего друга Эльву! Он спит и видит, как отрывает кудрявую башку Эхэлыо или сжирает потроха Маргула! Он продаст душу Кьётаранаулю за то, чтобы тот расправился с Мильтом — но лично я, если честно, ума не приложу, как можно убить бессмертного амайе...

— Амайе? — на лице Шейна впервые возник слабый интерес. — Значит, ты тоже знаком с корсарами Плиарета?

Демон осекся:

— Вроде того.

— Это здорово, — поделился мнением седой. — Плиаретцы — милый народ. Я надеюсь, они на тебя хоть сколько-нибудь повлияли?

— А должны были?

— Нет? Жаль.

— Слушай, — окончательно вспыхнул Летрэ. — Я пришел к тебе, потому что думал — ты не бросаешь людей в беде. Но я ошибся. Извини за потраченное время и бывай здоров,

повелитель северного ветра.

Он развернулся и сердито зашагал прочь, сунув руки в карманы. Под подошвами, ломаясь, жалобно тренькали травяные стебли.

Шейн проследил, как демон минует границу рощи, и едва ощутимо повел пальцами. Под ногтем указательного красным огнем загорелась старая рана, сломала полупрозрачную материю и выбралась на свободу. Осколки впились в нее с энтузиазмом голодных волков, причиняя боль — вроде бы острую, но какую-то отстраненную, неубедительную.

После жизни в застенках повелитель часто не мог понять, действительно ли ему больно, и на всякий случай не реагировал.

Вставать было лень, но воздух рядом уже закружился упругой черной воронкой, вымаливая оплату. Яркие капли он поглотил быстрее, чем иной пропойца — стакан дешевого пива. Выгнулся, задрожал, как живое существо... и растаял. На многострадальную землю Айл-Минорских графств осыпался золотистый пепел. А затем — медленно-медленно, — над ней начал проступать силуэт. Не человеческий.

— Что это? — обернувшись, настороженно уточнил демон.

— Северный ветер, — рассеянно пояснил Шейн. Он стал бледным до зелени и слегка пошатывался, поэтому благоразумно обхватил ствол ближайшей березы, уткнулся в него лбом, сомкнул веки. — Ты ведь мечтал о его вмешательстве? Пожалуйста. Разгребай.

Прошла минута, и стало ясно, что невесомый силуэт принадлежит кентавру — высокому, длинноволосому, надменно взирающему на седого. У Летрэ сложилось неприятное впечатление, что никого, кроме мага, это создание попросту не видит.

— Приветствую тебя, повелитель, — гортанно произнесло оно. — Что-то случилось? Ты призываешь меня не чаще, чем единожды в целый год. Я потрясен, что наша новая встреча произошла так скоро.

— Благодарю вот этого полудурка, если угодно. — Шейн присел, не отпуская, впрочем, белое дерево.

Кентавр повернулся к демону, с недоумением уточнил:

— Ты уверен, что он достоин знания обо мне? Или огненный феникс теперь недостаточно надежен?

— Огненный феникс не умеет мчаться сквозь время и расстояние. Не умеет находить людей, которых занесло на другую сторону мира. А ты умеешь. Ты поможешь ему, Сев, — повелитель, не ограничиваясь достигнутым, улегся, используя вместо подушки твердые корни. — Взамен за услугу.

Последнюю фразу он пробормотал столь сонно, что северный ветер поморщился. Похоже, взаимоотношения между ним и повелителем оставляли желать лучшего, но выбирать не приходилось — ни тому, ни другому.

— Кого ты ищешь? — раздраженно осведомился он.

— Сага, — осторожно ответил Летрэ. — Сага из империи Ильно. Я собирался утопить его в великой реке, но не сумел. Не помню, чем все закончилось, но я очнулся на берегу Лантершота, а его поблизости не было.

— Так уж и не помнишь? — в словах бестелесной сущности явно прозвучала ирония. — Только в том случае, если не помнишь ты. Именно ты, а не кто-нибудь иной. Жди меня тут, — он обвел рощу широким жестом. — Я выясню, куда занесло твоего приятеля, и вернусь. К этому времени ты успеешь довести... или, скорее, донести... повелителя до ворот, отдать на попечение слугам и прийти обратно. Удачи.

В следующий миг его развеяло, как дешую, наспех составленную иллюзию. Демон досадливо скривился, наклонился над неподвижным Шейном — и тут же отпрянул, застигнутый врасплох злой, полной ненависти фразой:

— Убирайся прочь!

— Э-э-э... прости. Он приказал...

— Не прикасайся ко мне, — чуть спокойнее потребовал седой парень. — Никогда не прикасайся. Не смей. Я сам... встану.

И он действительно встал, прижимая левую ладонь к груди. Прокашлялся, избавляясь от хрипоты, и побрел домой. Худой силуэт поглотили тени ограды.

Северный ветер явился нескоро — солнце успело укатиться за край, и повсюду, словно полог шатра, навис бесконечный мрак. Непроглядное новолуние лишь чуть-чуть поблескивало далекими огоньками звезд, а Фасалетрэ Эштаралье дремал, наслаждаясь запахом цветущего по ночам куста видны — ему, как представителю народа шэльрэ, эффект этого запаха был не страшен.

Не спеша будить причину своего беспокойства, кентавр сокрушенно покачал головой и бросил:

— Тебе надо прекратить связываться с демонами, Шейн Эль-Тэ Ниалет. Даже если раньше они были твоими друзьями.

Ужин в компании господина Хроно больше походил на поминки. Благородному, кажется, не верилось, что маг сумеет избавить кладбище от восставших мертвецов, а Эльву раздражали похоронные нотки в каждой его фразе. В итоге перепелку, абы как растерзанную изящной вилкой и крохотным, словно игла, ножом, он без всякого сожаления бросил, откланялся и поспешил скрыться из особняка. Остроухий на этот раз промолчал, только сердито шевельнул бровями — мол, как же ты мне надоел!

Сумерки легли на кладбище капитанов сплошным синевато-серым одеялом — порой и не различишь, где заканчивается надгробие и начинается тень. Но некромант, привыкший работать ночью, чувствовал себя вполне бодро. Он сразу подметил, что потерянные конечности пропали, а следов на влажной поверхности стало больше. Эхэльйо обнаружил эту неприятную деталь спустя пару минут, ойкнул и предложил:

— Может, уйдем, пока не поздно?

— Нет, — отказался Эльва. — Что я, зря терпел этого надутого индюка?

— Да с чего ты взял, что он надутый? — растерялся проклятый. — Обычный мужик, честный. Таких сейчас мало, особенно в среде благородных. На твоём месте я бы не воротил от него нос.

Некромант остался невозмутимым:

— Не воротил бы. Но ты не на моём месте, Хэль.

— Знаю, — вздохнул эльф. — Поэтому постараюсь не путаться у тебя под ногами. Что ты, кстати, собираешься предпринять?

— Для начала присяду. — Парень действительно опустился на лавку, примыкающую к дереву. — И немного отдохну, пока не появятся мои клиенты.

— Я полагал, что твой клиент — это господин Хроно, — удивился Эхэльйо.

— Ты правильно полагал. Но в случае с беспокойным кладбищем, где мертвецы не воют от голода, а поют песни о небесных кораблях... я смею надеяться, что они достаточно разумны и мы сумеем понять друг друга без боя.

На лице проклятого отразилось жгучее недоверие. Он, конечно, избежал участи учиться в Академии Магов, получив большую часть сведений на землях Шеальты, но восставших из могил трупов встречал, и все они были на редкость тупыми созданиями. Все, что сохранили их гниющие мозги — это желание жрать, умение размахивать ручищами и устраивать засады, а еще протягивать в горле звук "ууууээээ!". Факт, что здешние зомби чем-то отличаются от иных, пока что оставался не подкрепленным.

На небо высыпали звезды — много-много, порой сливаясь в единое мерцающее пятно, — но ни одна луна не показалась. Темнота достигла такой глубины, что стало невозможно различить собственную ладонь, хотя Эхэлью специально попробовал. Ни бледного морока, ни смутного силуэта. Ни черта, кроме густой черноты, накрывшей кладбище капитанов.

И в этой черноте, вспыхнув неожиданно ярко, проявились глаза неподвижного некроманта. Синие радужки, алые вертикальные зрачки. От неожиданности остроухий попятился... и наткнулся на нечто мягкое, тошнотворно липкое, ужасно холодное. Оно вздрогнуло, клацнуло зубами — теми, что еще не выпали из гниющего рта, — и спросило:

— Что здесь потеряли чужаки?

Эльф, не выдержав, отскочил прочь и выдернул из ножен клинок. Закаленная сталь описала полукруг, но Эльва, не подавая признаков страха — или вообще его не испытывая, — приказал:

— Спрячь.

— Рехнулся?! До они сожрут нас за пару минут, если мы не окажем сопротивления!

— Спрячь! — уже громче повторил парень. — Ты обещал не путаться под ногами. Убери этот чертов меч, очень тебя прошу.

Эхэлью выругался и подчинился. Рукоять напоследок печально звякнула, а зомби, наоборот, весело расхохотался:

— Ну вы и недоумки!

— Недоумки, — легко согласился некромант, — но не чужаки. Мы пришли с "Оборотня" и хотим выяснить, почему вам не лежит в гробах. Слишком твердые стенки? Или крышка жмет? Или, возможно, черви не дают покоя? Я слышал, что сейчас гробы делают абы как, на хлоп-хлоп, а потом подземные твари лезут во все доступные дыры. Так что? Чем я могу вам помочь?

Мертвец, смущенный его уверенностью, отступил. А вот его товарищ, застывший справа от Эхэлью, подобными качествами не обладал и вынес предложение:

— Посиди с нами, что ли. Мы давно не видели живых.

— Посажу, — поразмыслив, кивнул Эльва. Впрочем, он и так сидел, поленившись вставать с удобной лавки ради сомнительных переговоров. — Но взамен вы больше не будете тревожить местных. Господин Хроно, хозяин во-о-он того особняка, из-за вас страдает недосыпом. А недосып — это, между прочим, страшная вещь! Только в смерти от него и избавишься...

Тихий шелест полуистлевших одежд сменился звуком шагов. Невысокая женщина, чья серая кожа плотно обтягивала кости — словно вот-вот лопнет и выпустит их наружу, — подобралась ближе, устроилась напротив мага и с улыбкой принялась наблюдать за каждым его действием. Действия, как таковые, отсутствовали — парень оценивал покойников, прикидывая, к какой категории кладбищенской нежити их отнести. Выходило, что возникшему описанию не соответствует ни одна — и Эльва решил, что обязательно

побеседует об этом с кем-нибудь из Гильдии.

Мертвецы образовали круг, в центре которого одиноко возвышалась лавка. На эльфа они не обратили внимания, позволив ему стоять за границами давно погибшего воинства. Бледный, с каплями пота на висках, Эхэлью нервно оглядывался. На ум лезло лишь два варианта спасения: убежать, перемахнув через ограду, и доложить о происходящем Гиалю — ведь Милът, наверное, уже ушел с корабля, — или, опять же, убежать, но прорвавшись через окружение зомби и вытащив некроманта обратно на божий свет. Пожалуй, если бы Эльва не выглядел таким безмятежным, проклятый давно применил бы заклятие помощнее и навсегда упокоил местное, кхм, население.

— Итак, — начал светловолосый парень, изучая рваную рану в животе ближайшего трупа. Вокруг расположились женщины и мужчины, молодые и сильные. Перспективные — подняв их заклятием, некромант вполне мог уничтожить и Эльм, и пристани, и верфи, и половину плиаретского флота. — Явился я, значит, на кладбище капитанов. Но никто до сих пор мне не объяснил, почему оно так называется? Потому, что тут похоронены только капитаны, или потому, что его основал капитан?

— Тут, — охотно подхватили мертвецы, — покоимся мы, а мы руководили небесными кораблями без малого три поколения.

— Но вы люди, — напомнил Эльва.

— А что, — зомби с оторванным ухом и рассеченной щекой потребовалось много усилий, чтобы соединить буквы, — по-твоему, плиаретский зачарованный флот создан исключительно для амайе? Нет, мальчик. Амайе в этом маленьком королевстве мало, и оно не гнушается смертными существами. Жаль, что нельзя снова выйти в море и стоять у штурвала. Какая разница, мертвый я или нет? После пробуждения здесь я чувствую себя куда более живым, чем при жизни.

Последнюю фразу трупы встретили смехом, свистом и радостными воплями.

Некроманту приходилось бороться с разумной нежитью, обещавшей выкупить свою судьбу за пару сотен золотых монет. Приходилось бороться с людьми, выступившими против того или иного решения. Приходилось убеждать представителей относительно мирной нечисти, приходилось... в общем, много чего приходилось, но весь этот богатый опыт спасовал перед мертвыми плиаретскими корсарами.

Они были... нормальными. Абсолютно нормальными, как любой другой житель архипелага. Разумеется, если забыть о той немаловажной детали, что они вылезли из могил и потихоньку разлагаются — медленнее, чем это случилось бы без природной магии, но все же... все же!

Однако разобраться в причинах данного явления оказалось довольно просто. Мгновением раньше зомби сами поведали, что мечтают вернуться на когда-то им принадлежавшие корабли. Вполне достижимая цель, но вряд ли тот же Милът обрадуется, если на борт "Оборотня" поднимется вонючий дохляк и потребует передать ему капитанские права. Хорошо, что у Эльвы имеются запасные идеи...

— Вы все, — сказал он, — родились на Плиарете, верно?

Нестройный гул голосов подтвердил, что да, верно. Некромант наставительно поднял палец:

— Значит, вы все осознаете, какие проблемы доставляете обществу. Разве будет кто-то гордиться городом, где бушуют восставшие мертвецы? Господин Хроно уже готов переехать из Эльма куда-нибудь на королевские гавани — например, в Киоль, там-то его точно

защитят. И не только он — жители близлежащих домов тоже недовольны. Объясните мне, уважаемые капитаны, понравится ли вам соседствовать с опустевшим городом — причем опустевшим по вашей вине?

Эхэльйо почувствовал, что еще чуть-чуть — и парень переступит некую грань, пролегающую между дружелюбностью и яростью бесконтрольных зомби. Но Эльва смолк, смерил мертвецов осуждающим взглядом и сложил руки на груди, намекая, что не собирается уходить, пока ему не предоставят ответ.

Прошло около получаса, и кто-то робко проскулил:

— Я думал, что они мной гордятся.

— И я, — диким стоном вырвалось у той самой женщины с продырявленным животом.

Кто-то заплакал, кто-то сразу сорвался на отчаянный, полный боли вопль. Некромант не проявил никаких эмоций, а Эхэльйо на всякий случай стиснул рукоять меча.

— Как же так, парень? — уточнил труп, чье душевное равновесие с честью выдержало испытание. — Ради них мы испили до дна чашу, наполненную тоской, ради них мы пересекали море, ради них составляли карты и собирали информацию о дальних королевствах... а теперь они считают, что мы причиняем им неудобства? Мы, плиаретские капитаны? Те, кто бился со шгормом, кто выполнял все приказы Ее Величества Хайрен, кто ни разу не нарушал законы островов?

— Мне жаль, — вежливо улыбнулся Эльва. — Новы мертвы. А мертвые не должны тревожить живых. Вы находитесь в разных мирах, и эти миры могут благополучно быть лишь на расстоянии друг от друга. Живая кровь не в силах делить одно измерение с мертвой. И этот закон гораздо крепче плиаретских.

Его улыбку встретили тишиной, молившей о пощаде громче, чем преступник за пару минут до свидания с виселицей. А потом...

...первый удар некрмант принял на щит — магическое полотно прогнулось под весом тела, готового использовать все свои резервы, лишь бы заставить гостя заткнуться. Второй наткнулся на острие меча, захлебнулся на лезвии, и отрубленная голова зомби по высокой дуге полетела вверх.

Эхэльйо оказался рядом, прикрывая спину некрманта. Оружие пело и сверкало, разгоняя ночную тьму, и к его мощи примешивалось колдовство. Человек, больше не размениваясь на любезности, швырялся зеленым огнем, а эльф — ледяными осколками, острыми, будто стрелы.

Пламя радостно пожирало тела тех, кто в прошлом служил музыкальному королевству. В траве смутно серебрился пепел, а кости, отвергнутые заклятием, рассыпались от малейшего прикосновения. Будь трупов поменьше, и Эльва справился бы сам. Однако дар стремительно таял, а противники все еще наседали. Теперь их было всего лишь десять, но этих десятерых изрядно потрепало сражение. У кого-то не хватало ноги, у кого-то — кисти, а кто-то атаковал зубами, лишившись всего остального. Жалкие крохи некротической магии сожрали их, словно голодные демоны, и... все закончилось.

Остроухий привалился к дереву и, тяжело дыша, обводил кладбище капитанов затравленным взглядом. Некромант, едва совладав со слабостью, отправился на проверку — наклонялся над каждой могилой, топтал оторванные куски тел, рисовал на надгробиях корявые символы. На их форму повлияли дрожащие, словно в лихорадке, ладони, но общий состав был неизменным, и линии немymi стражами застывали у начертанных по камню имен.

— Эй, Хэль, — окликнул Эльва, стоя в дальнем углу ограды. — Я нашел нетронутую могилу. То есть закрытую. То есть... ой, да ну к черту! Просто иди сюда.

Из подозрительного холмика торчал крест — широкий, добротный. Вырезанное в нем имя успело покрыться лишайником, но некромант безжалостно его ободрал, испачкав рукава куртки.

— Что за... — потрясенно выдохнул проклятый.

Парень хихикнул:

— Ага, странно. Я думал, что мы первые будем в курсе, если его угораздит умереть.

Плиаретская вязь рун причудливо переплеталась, образуя фразу: "Thellet Mielte, gran-tie STAKKE SHATTA, aemie". Эльва неторопливо, будто пытаясь различить ее вкус, перевел:

— Капитан Мильт, фрегат "Белая крыса", амайе. Смотри, тут еще и эпитафия есть:

"Подожди меня там, где кончается горизонт.

Подожди, пока ливень роняет на нас сезон -

я приду и останусь с тобой.

Навсегда останусь".

— Очередная песенка? — поморщился Эхэльйо. — И что с того? Эти строки не объясняют, зачем вполне себе живому Мильту понадобилась могила.

Некромант сдвинул брови, задумавшись.

— Может, внутри ничего нет? И поэтому она осталась целой, в отличие от остальных?

— Понятия не имею. — Остроухий пожал плечами. — Но мне это не нравится. Давай уйдем, пока нам на головы не свалилось нечто вроде небесной кары.

— Давай, — серьезно кивнул Эльва. И, обернувшись на неприметный крест, добавил: — А еще давай поинтересуемся у Мильта, какого черта его имя делает на старом дереве.

— Не сейчас, — отмахнулся проклятый. — Сначала я хочу убедиться, что тот, кто проводит время на кварталдеке — настоящий Мильт.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НИЧТОЖЕСТВО

Он читает исторические книги только для того, чтобы вспомнить.

Вспомнить, как горит основная плиаретская верфь, как огненным цветком распускаются паруса фрегата, как плачут, поливая песок брызгами, бесконечные волны. И как отчаянно, страшно, давясь собственной болью, кричит королева Хайрен.

Вот она — невысокая, хрупкая, одетая в тонкое льняное платье. Из-под растрепанной рыжей челки выглядывают зеленые глаза. Этим глазам известно все, они живут в мире с момента его сотворения. Они догадываются, кем был Создатель. И они точно уверены, что молодой смешливый амайе не подведет ни музыкальное королевство, ни лично Ее Величество.

Вот она, а вот он — худой, как скелет, мальчишка в рваной рубахе и дырявых сапогах. И Хайрен отдает ему самое ценное, что есть у архипелага — огромный, светлый, прекрасный фрегат, пока что безымянный, но вскоре наделенный именем "Белая крыса".

Хайрен отдает ему...

Мильт проснулся, судорожно хватая ртом воздух, и уцепился за краешек гамака. В каюте было полутемно, свеча успела оплыть и растечься желтоватым озером по глиняной подставке. Рядом с ней, наполовину исписанный белобрежными рунами, лежал старый клочок пергамента.

Амайе сделал глубокий вдох, а потом — очень осторожный, растянутый на целую вечность, выдох. Он и предположить не мог, что война, произошедшая в далеком прошлом, снова ему приснится.

Где-то среди сумок с вещами хранились дневники, где подробно описывалось каждое новое событие. Местами там были и гравюры, нарисованные самыми талантливыми солдатами. Мильт хранил их работу, как некоторые хранят сокровища — втайне от тех, кого называл друзьями, предпочитая не вспоминать об их существовании и никогда, никогда не произносить вслух ни одно слово, записанное на потемневших от времени страницах. Сильно потемневших. Еще немного — и от них останется бесполезный прах, не способный с кем-либо поделиться своими секретами.

Первая плиаретская война. Время, когда архипелаг был куда больше, включая в себя не четыре, а десять островов, пускай шесть из них и считались непригодными для жизни. И время, когда герцог, следивший за порядком на землях от Райвела до Отрэ, отказал старшему сыну в праве наследования.

С одной стороны, правильный поступок — вспыльчивый человек не получил власть. Но с другой — огромная ошибка, потому что он ушел на необитаемые острова и построил там новое королевство, окрестив его Клиарной.

Поначалу он царственно игнорировал просьбы королевы Хайрен вернуть ее собственность. Вероятно, он игнорировал бы их до конца жизни, — а человеческая жизнь коротка, — если бы не...

Мильт зажмурился, заново переживая картины столь давних дней, что знать о них могли только представители народа амайе.

...в тронном зале очень тихо, из окон мягкими потоками льется солнечный свет. Королева Хайрен стоит, разглядывая внутренний двор, и нервно перебирает пальцами пояс длинного, до пят, бирюзового платья. Оно удивительно ей идет, выгодно сочетаясь с высокой прической и осанкой, такой идеальной, что Мильту страшно — вдруг она переусердствует, и под напором волнения хрустнет позвоночник?

Хайрен юна. Ей от силы девятнадцать лет, и она еще не умеет спокойно оценивать ситуацию. Многочисленные советники, помощники и доброжелатели сбивают девушку с толку, и ее взгляд беспомощно скользит из угла в угол, по старинным картинам, гобеленам и тканым полотнам.

Но теперь ей приходится решать в одиночку, и амайе терпеливо ждет.

— Я слышала, будто... будто вы были на торговом корабле, затонувшем у Острова Отверженных, — запинаясь, говорит Хайрен. — Что там случилось?

— Ничего страшного, — честно отвечает Мильт. — Но капитан был придурком и мечтал о пышных похоронах своего жирного тельца, поэтому плюнул на мой совет обойти рифы с юга. И лично мне не кажутся странными последствия. На море было беспокойно, шхуну бросало туда-сюда, словно перышко, и при столкновении она погибла.

— Разве шхуна — живое существо?

— Ну разумеется. И не только шхуна. Любой плиаретский корабль, построенный моими сородичами — это такая же личность, как вы или я сам.

Королева качнулась с пятки на носок, собираясь с мыслями.

— Я также слышала, что вам удалось спасти команду.

— Не всю, — возразил амайе. — И я не нарочно. Я всего лишь подбадривал их, как мог, пока мы плыли к берегу. Воды у Острова Отверженных кишмя кишат нежитью, и рулевого, а за ним и четверых караульных сожрали с потрохами. — Он понимал, что общаться с королевой нужно иначе, возможно — скрывая большинство мерзких деталей, но... не мог. Для Мильта она была не всемогущей владычицей Плиарета, а перепуганной девочкой, нуждавшейся в правде.

— И все же, — продолжала настаивать Хайрен. — Вы проявили завидную храбрость и верность. Вы подали достойный пример, вы... — она запнулась и смущенно покосилась на двустворчатую дверь, опасаясь, что за ней имеются чужие любопытные уши. — Я очень вам благодарна. И хочу взамен предложить место на фрегате, который неделю назад сошел с центральной плиаретской верфи.

— Простите? — вежливо уточнил амайе.

— Вы станете капитаном. Я считаю, что у вас достаточно опыта для того, чтобы стать капитаном.

— Ваше Величество, — он выбрал тон помягче, надеясь на нее повлиять. — Мне всего двадцать три. Какой опыт? Какой капитан? Разве что, — он улыбнулся, — вы хотите, чтобы фрегат пошел ко дну, едва покинув границы порта?

— Он не пойдет. — Хайрен устроилась на троне, посмотрела на Мильта неожиданно твердо, без прежней глупой боязни. — Все мои советники голосовали за вас. За бессмертного амайе.

— А-а-а, вот, в чем штука? Намекаете, что в случае неудачи я не сдохну, а если пропаду, так у меня нет родственников и вам не придется выплачивать компенсацию? — расхохотался Мильт. — Чудесный план, госпожа.

Девушка вспыхнула, порывисто встала и вlepила ему пощечину. Просторный зал радостно подхватил эхо, понес его к сводчатому потолку, мимо облицованных мрамором колонн.

— Или вы сейчас же прекращаете свои шуточки, или ваша якобы бессмертная голова завтра будет болтаться на воротах Эльма! — выпалила Хайрен.

Мильт, рассчитывавший на совсем иную реакцию — что Ее Величество откажется от идеи подарить ему небесный фрегат, — скривился.

— Ладно, — негромко произнес он. Щека горела, словно вместо изящной ладони по ней пришелся удар раскаленным прутом. Впрочем, у королевы в запасе наверняка имелись магические штучки, как и у каждого чистокровного амайе. — Ваша взяла.

— Отлично, — бросила Хайрен, тщетно пытаясь отыскать на его лице признаки недовольства.

— Отлично, — повторил за ней он.

Следующее утро было ясным, теплым и укутанным в пушистые облака. Мильт, выполняя приказ Ее Величества, поднялся на борт фрегата, чувствуя, как колотится обезумевшее сердце.

Палуба. Мачты. Реи. Паруса. Квартердек, где перед штурвалом устроился пожилой мужчина — человек, но вроде бы из военных. Он вытащил изо рта острую деревянную щепку, вышвырнул ее в море и задал вопрос:

— Ты, что ли, капитан Мильт?

— Я, — подтвердил амайе. — Приятно познакомиться.

— Ну конечно. Приятно ему, — мужчина брезгливо сплюнул. — Родился бессмертным и возомнил себя важной шишкой, а? Ненавижу вас. Проклятое племя. Ни болезни вас не берут, ни раны, ни даже яды. Вы катите бочку на демонов, хотя ничем от них не отличаетесь. Такие же твари. Хорошо хоть за границы Плиарета не лезете, ограничиваетесь островами. Или, если точнее, ограничивались. Вот объясни, капитанишка — на кой вам сдалась Клиарна? Забыли бы об этом тупом конфликте и жили, как прежде, безо всяких надуманных проблем.

— Ха-ха, — равнодушно улыбнулся Мильт. И, не размениваясь на вежливость, молниеносно шибанул человека рукоятью кинжала в переносицу.

Тот заорал, ухватился за ушибленное и с наивной обидой уставился на амайе. Свежеиспеченный капитан судна насмешливо ему отсалютовал:

— Ну как, больно? Это чудесно. Боль способна научить нас многому. И твой сегодняшний урок гласит, что отныне ты не работаешь на моем фрегате. Не хочу прожить сотню лет бок о бок с командой, ненавидящей меня, словно какого-нибудь ублюдка. Пошел вон.

Мужчина грязно выругался и спустился на шкафут, а оттуда — на пристань. Мильт усмехнулся, мысленно празднуя свою первую встречу сплиаретскими корсарами, заметил низенького мальчишку, спешащего на камбуз, и велел:

— Эй, малец! Прогуляйся по кораблю, собери тех, кто успел напроситься в команду. Сообщи, что я жажду их увидеть. Справишься?

— Да, — коротко выдал ребенок. И, не выдержав, уточнил: — А вы — амайе? Настоящий? Как здорово! До меня только слухи о вашем племени доходили, причем наполовину лживые.

— Такое со всеми слухами бывает. Поторопись.

Мальчишка поклонился, поудобнее перехватил ручку плетеной корзины и помчался прочь.

Спустя минут двадцать ему удалось вытолкать на шкафут почти всех — в общем гомоне Мильт уловил фразу, что отсутствует кок и помощница широкоплечего канонира со шрамом на подбородке.

— Пожалуй, можно и без них разобраться, — пробормотал он себе под нос. И уверенным, спокойным, ровным голосом выдал: — Здравствуйте, господа корсары! Меня зовут Мильт, и с этого дня я буду вами руководить. Благодарю всех за то, что вы пришли на фрегат. Насколько мне известно, королева Хайрен лишь вчера вечером объявила о наборе команды.

Молчание. Оценивающие взгляды. Амайе подобрался, как готовый к внезапному прыжку кот, и продолжил:

— Наша цель — кратковременное, но опасное плавание к берегам Клиарны. Тамошний самопровозглашенный король, сын райвелского герцога, позволяет себе слишком много. Мы с Ее Величеством склонны полагать, что его нападение на Эльм, Сатру, Виерду и Острог Отверженных — это начало войны. И королева пожелала отомстить, подарив противнику ту же испачканную кровью монету: мы с вами подкроемся к Лесташу и откроем огонь. Когда я говорю "мы", я имею в виду собственно фрегат и еще семь кораблей-добровольцев. Кому-нибудь что-нибудь не понятно?

— Мне, — обратился к нему канонир. — Лесташ — это город, где живут обычные люди. Мирные люди. Жертвы правителя, не обремененного мозгами. И мы их всех убьем? Просто возьмем — и выстрелим по плиаретскому же населению?

— Во-первых, они больше не плиаретцы. Я никого не осуждаю, но свой выбор — уйти с обитаемых земель на покинутые, — они сделали сами. Во-вторых, Лесташ уже около года представляет собой укрепленный воинский форт. Там нет никого, кроме солдат, и эти солдаты тонко намекнули, что будут с нами сражаться. Им без разницы, единый мы народ или нет.

— Это всего лишь проявление верности, — настаивал канонир.

— Верности кому? — вежливо осведомился Мильт. — Самозванцу?

— В жилах Насталя течет благородная кровь. Он имеет полное право распоряжаться своим происхождением, как угодно.

— Мне жаль, но он лишился права наследования. Если бы он не сунулся на близлежащий архипелаг и не начал вопить, что, мол, создал целое королевство — его бы не трогали. Но он нарушил плиаретские законы, а значит, стал преступником. Врагом короны. И все люди, покинувшие Плиарет в поисках лучшей жизни на его территории — тоже теперь не плиаретцы. Они — убийцы. Они поддержали сынишку герцога всеми силами. Да, ваша милость! Давайте плен королеву Хайрен, чтобы она не засиживалась на троне! Пускай страдает и хоронит своих подданных, а мы порадуемся и устроим веселый пир.

— Вы правы, но чем мы будем лучше, если повторим их действия? — сдвинул брови канонир.

— Ничем, — легко согласился амае. — Для них мы будем точно такими же злыми, жестокими и продажными тварями, как они — для нас. Такова война, господин стрелок. И от нее никуда не денешься.

Он не беспокоился, что человек может развернуться и уйти. Не беспокоился, что на фрегате гораздо меньше людей, чем включает в себя стандартная команда судна такого типа. Но канонир, а с ним и остальные корсары сохраняли неподвижность, а легкое недовольство сменилось мрачной решимостью.

— Мы пойдем с вами, капитан, — выразил общее мнение мальчишка, на этот раз волочивший полную корзину фруктов. — Мой папа убеждал, что вы достойны — значит, вы достойны. Мы верим, что вы нас не подведете.

— А ты очень смысленный для своих лет, — усмехнулся Мильт. — Спасибо.

В темноте город клиарнийцев казался крошечным. Одна часть стены, другая часть стены, скопление крыш и едва различимых шпилей. Все остальное охватывал, раскинув голодные щупальца, густой туман.

У Клиарны было всего несколько отличий от Плиарета: здесь не любили музыку, не строили храмы Аларны и не пользовались строгими правилами этикета. Мол, кому надо, тот и так научится вежливости, а обычным жителям это ни к чему.

Мильта здорово раздражало такое отношение к древним традициям. Плиарет, как государство, всегда славился чистотой и аккуратностью своих подданных. Там, в отличие от Хасатинии и Шаэла, никто не выливал содержимое ночных горшков прямо на улицу, никто не бросал мусор где попало, никто не повышал голос на случайных прохожих. А те люди, что предпочли Клиарну, быстро и радостно примерили на себя образ свиной.

И он им понравился.

Остров, где построили Лесташ, тянулся с запада на восток, вгрызаясь в пучину моря высокими скалистыми берегами. Чуть выше зеленел смешанный лес, обступая обитель клиарнийцев со всех сторон: местами непролазный, а местами — вырубленный.

Рядом с капитаном застыл цейхватер — угрюмая женщина лет сорока, чьи виски успели поседеть, а лицо — обзавестись морщинами. Она поглядывала на вражеский город искоса, явно испытывая очень далекие от радости встречи чувства. Ее темно-синие, почти черные во тьме глаза полыхали гневом, осуждением и — совсем немного — жалостью.

— Спустись на дек, — собравшись, безо всяких эмоций велел Мильт. — Прикажи открывать огонь по мере готовности.

— Есть, — кивнула цейхватер, развернулась на каблуках и отправилась выполнять задание.

Волны, тихие и мирные, с шелестом разбивались о штевень. Этот звук для амайе был самым дорогим, самым близким, самым... необходимым. Возникая на границе моря и суши, бессмертные создания получали огромную любовь к бирюзовым, бушующим водам и кораблям, способным их пересечь. Именно возникая, а не рождаясь, как все нормальные, смертные, дети сотворения мира.

Правый борт ослепительно полыхнул, фрегат качнулся, и Мильт стиснул пальцы на фальшборте. Оглушенный и ослепший, он не сразу справился с обстоятельствами — и к этому моменту Лесташ уже горел, стоном и плачем приняв атаку плиаретских корсаров.

Результат превзошел абсолютно все ожидания: пламя подхватили деревья, понесли прочь на крыльях западного ветра, занимаясь одно за другим. Небо над городом посветлело, и, будто моля его о спасении, гулко забил набат.

Спустя несколько минут из порта Лесташа выдвинулись лодки, забитые людьми. Все судорожно цеплялись друг за друга, кто-то отчаянно выл о потерянных пожитках. Один человек — вроде бы, молодой парнишка со смешной татуировкой-фиалкой на левой щеке, — сыпал проклятиями. Мильт прислушался, уважительно хмыкнул и громко, чтобы фраза достигла тех, кому предназначалась, рявкнул:

— Повторный залп!

— Огонь! — отреагировала цейхватер, и ее окрик прозвенел неожиданно ясно и четко, пока не утонул во вновь наступившем грохоте.

Издали пришел ответ — слабый, рассчитанный столь плохо, что ядра канули в глубину моря, не причинив "Белой крысе" вреда. Мильт хлопнул по плечу испуганного рулевого, велел четко следовать плану и помчался на шкафут, навстречу давешнему мальчишке.

— Принес?

— Да, — пропыхтел тот, важно помахивая желтым конвертом. — Амулет внутри.

— А инструкция?

— Инстру... что? — ребенок растерянно замер. — А, пояснения! Да, все там. Берите господин капитан.

— Можно просто капитан, — отмахнулся амайе.

В конверте лежало нечто угловатое и острое. При ближайшем рассмотрении оно оказалось метательной звездой, обернутой хрупким, готовым вот-вот рассыпаться листком. Осторожно развернув его, Мильт пробежал взглядом по корявым, ползущим влево и вниз строкам:

"Данный предмет составлен для одноразового использования. С равной вероятностью

вызывает ветер, бурю, шторм, грозу и так далее. Будьте осторожны, используя его в море".

Не менее корявая подпись — "Нидрэ, городской маг Эльма", — пристроилась в углу, но за те годы, что звезда провалялась на складе, успела выцвести и побледнеть. Амайе сунул листок в карман, поудобнее перехватил амулет, оборвал его связь с внешними потоками силы и, размахнувшись, швырнул за борт.

Вспыхнуло, повеяло холодом, и между кораблями двух враждующих государств растянута, ощерившись тысячами сосулков, ледяная стена. Мальчишка вообразил, как "Белая крыса" разбивается об эту громадину, после чего поежился и дернул Мильта за рукав. Зря — фрегат уже покидал клиарнийское пространство, предоставляя уцелевшим жителям Лесташа убирать порождение колдовства самостоятельно.

Амайе успел обрадоваться, что поручение Хайрен достигло цели, когда стена лопнула, и осколки брызнули прямо на плиаретские суда. Кто-то закричал, кто-то, ругаясь, требовал вернуть на место парус, а кто-то молча рухнул на палубу, заливая доски кровью. Мильту повезло: осколки зубьями выстроились по фальшборту, но его самого не задела.

— Ты не мог бы выбросить этот чертов конверт, куда положено? — попросил он. И, не дождавшись реакции, обернулся.

Мальчишка сидел у мачты — видно, отчасти все-таки успел отскочить. Но даже один-единственный кусок льда, сумевший соприкоснуться с человеческим телом, вызвал необратимые изменения. Из косо́й дыры в животе вывалились внутренности, красновато-розовым ореолом рассыпались по правую руку от ребенка. Алая жидкость, отражая отблески далеких факелов — факелов клиарнийцев, — потрясающе быстро растекалась по шкафуту. Вот она подступила вплотную к носкам кожаных сапог амайе, а вот — скользнула под них, горячая, словно уголь.

— Нет, — глупо произнес Мильт. — Нет. Не может быть.

— Капитан! — рулевой, выпустив штурвал, свесился с квартердека. — Они наступают! Наступают проклятые колдуны!

Бессмертное существо, получившее признание королевы Хайрен, а вместе с ним — и право распоряжаться жизнями смертных, проигнорировало призыв. Оно, не отрываясь, наблюдало за гибелью подручного. Мальчишка перестал стонать, его зрачки, заключенные в круги серо-зеленых радужек, остановились. Обмякшие ладони стали кукольными, на губах надулся и лопнул последний кровавый пузырек.

— Капитан! — зов человека был столь отчаянным, что больно бил по ушам.

По ушам женщины-цейхвatera, по крайней мере. Она выбежала на шкафут, пылая от ярости, и отвесила Мильту оплеуху — резко, не задумываясь, будто била старого знакомого, а не капитана фрегата. Амайе вздрогнул, недоверчиво покосился на нее — и огреб снова. Женщина замахнулась, чтобы ударить его в третий раз — и ударила, сквозь зубы прошипев:

— Приди в себя! Какой смысл стоять столбом, если мальчику уже не помочь?!

В тот же миг ее голова, поливая все вокруг кровью, слетела с плеч. Невысокий человек в тонкой, насквозь промокшей одежде отсалютовал Мильту ятаганом, дернул щекой, выдавая свою ненависть. Его атака, наверняка разрубившая бы грудь кого-нибудь менее расторопного, прошелестела по капитанской рубашке — и наткнулась на ответный удар.

Амайе оскалился, словно псина, обнаружившая во дворе воров. Пальцы на прохладной рукояти подрагивали, готовые сменить хват, но пока что это не требовалось — противник не ожидал такого решительного отпора, споткнулся о тело погибшей женщины и со стоном

растянулся на палубе. Мильт, пользуясь ситуацией, нанес ему быстрый, блеснувший размытым росчерком стали, укол.

И тут же развернулся, встречая нового противника.

Этот был одет лучше — в клиарнийскую военную форму, синюю с черным. Под подошвами его низких ботинок горели руны, а губы приподнялись в насмешливой, полной презрения, улыбке:

— Не только у вас есть маги.

— Верно, — легко согласился капитан. — Не только у нас.

Топот, звон, взаимные оценивающие взгляды. Человеку удалось заставить Мильта отступить, наткнуться спиной на гладкий рангоут мачты. Тяжелый палаш выбил из нее целый сноп щепок, но разминулся с быстрым, не знающим боли, телом бессмертного существа.

Противники застыли на почтительном расстоянии друг от друга, сдвинув брови и выискивая хоть малейшую брешь.

— Ты амайе, — обвинил капитана человек.

— Я в курсе, — расхохотался тот. — Представляешь?

— С вашей стороны было очень глупо нападать на Лестащ, — с укором произнес клиарниец. — Герцог Насталь...

— Герцог Насталь что? Основатель великой расы? Победитель змей, укротитель бешеных плиаретцев? — участливо осведомился Мильт. — Может быть. Для вас — может. Но я так не думаю. Он всего лишь убийца, мечтающий о власти и о деньгах.

— Для вас — возможно, — вернул шпильку мужчина. И быстро, в опасном изворотливом выпаде метнулся вперед.

Парировать Мильт не успевал, поэтому просто отшагнул вправо, наугад взмахивая мечом. Острие наткнулось на чужую кость, сломало ее и двинулось дальше. Наградой капитану послужил сдавленный вопль, однако взамен его собственная спина стала влажной, горячей и... странной.

До этого он ни разу не выступал в роли раненого, поэтому лишь слегка удивился. Удивился, когда мир пошатнулся, словно крохотный котенок на слабых еще лапках, и пропал.

— Значит, они все погибли? — спросил надтреснутый женский голос. За вопросом последовал глухой всхлип, полускрытый кружевным, не способным по-настоящему избавить от слез, платком.

— Не все, — возразил другой, тоже женский, но куда более старый и невозмутимый голос. — Капитан Мильт жив. Тринадцать человек из его команды — тоже, а это неплохая цифра для нынешних обстоятельств. Кроме того — вдумайтесь, Ваше Величество! — фрегат "Белая крыса" сумел возвратиться в порт, да еще и не сильно пострадал. Признаю — паруса сгорели, а борта пестрят дырами... но ведь он стоит на воде! Стоит, а не тонет!

— Разумеется... — очередной всхлип сменился неуверенным смехом. — Разумеется, ты права. Однако я вовсе не ожидала, что Клиарна сумеет столь мощно... и столь сокрушительно... отреагировать на наше нападение. Я... стыдно признаться... надеялась, что так называемый герцог Насталь осознает свою ошибку и перестанет тягаться с небесными кораблями. А у него, как выяснилось, были неплохие методы по устранению моих корсаров. Во всем, что произошло, виновата я. Советники говорили — ничего не

получится, и мы лишь поставим под угрозу плиаретский флот. Но я глупо настаивала, что план верен. Убеждала. И вот, чего добились...

От мысли, что совсем рядом находится королева Хайрен, Мильту стало нехорошо. Он поднял руку, потер тяжелые, опухшие веки, пытаясь прогнать из-под них туман. Белая морось уходить не спешила, и пришлось выпустить ее во внешний мир — она стаей перепуганных мышей закружилась перед глазами, но уже через мгновение бесследно исчезла.

— Господин Мильт! — Ее Величество склонилась над раненым, ничуть не смущаясь своего откровенного декольте. — Как вы? В порядке?

— Нет, — сдержанно отозвался амайе. — Но вы все равно не должны обвинять себя. Поболит и пройдет, всего-то крохотная царапина. Правда, госпожа лекарь?

— Правда, — любезно согласилась полная, закутанная в зеленый халат бабка. Зубов у нее явно не хватало, из-за чего некоторые буквы теряли изначальное звучание, и угадывать их приходилось по остатку слова. — Ваш господин Мильт повалится, отдохнет — и станет как новенький! — Она жизнерадостно улыбнулась. — Такие мелочи еще никого не убивали. Разве что этот кто-то умудрялся подцепить заражение, но нашему дорогому герою повезло.

— Не называйте меня героем, — поморщился капитан. — Я на самом деле ничтожество.

— Ложь! — рассердилась Хайрен. — Перестаньте себя недооценивать!

Мильт наигранно изумился:

— Недооценивать? Я же вроде наоборот — переоценил!

Он сам не вполне понимал, почему ему так приятно доводить королеву до вспышек ярости. И тем не менее — страшно обрадовался, обнаружив на ее щеках многообещающий румянец.

— Сейчас не время и не место, — сказала Ее Величество, сжимая кулаки. — Держите при себе свои дурацкие шуточки. И, пожалуйста, поскорее выздоравливайте. Мы идем в полноценное наступление на Клиарну. Мы сотрем их города в пыль, а для этого ваша помощь необходима. Я ценю людей, способных забыть о жалости ради приказов.

— Лестно, — неожиданно замялся амайе. — Но неправильно. Меня незачем ценить. Я провалил задание, госпожа. Я мог хотя бы попробовать предугадать, что будет, если клиарнийцев известят о наших целях. Мог — и ни черта не сделал. Вы наивны, добры и участливы, и вы не желаете признавать, что именно я — причина смерти ваших товарищей. Я, а не вы, моя маленькая отважная королева.

— Не смейте разговаривать со мной таким тоном, — огрызнулась Хайрен. — И не смейте оспаривать мое мнение. Насколько я помню, вы не входите в число советников.

— Не вхожу, — серьезно кивнул Мильт. — И точно так же прошу вас об этом не забывать. И если честно, Ваше Величество, — он подался вперед, — я бы очень хотел поучаствовать в наступлении не через неделю, а уже в ближайшие дни. Сами посудите: мой фрегат ворвался в плиаретские воды, будучи почти сгоревшим, а мои подчиненные... ну...

Королева впервые посмотрела на него с сочувствием — и сомнением.

— Мне жаль, но вы ранены. Придется чуть-чуть повременить.

— Пустяки! Вон, даже госпожа лекарь подтвердила, что мои раны не являются такой уж крупной бедой. И я отлично себя чувствую, — добавил амайе, ничуть не покривив душой. — Я не прошу вас отпустить меня в море на разбитом фрегате. Я прошу внести мое имя в состав команды другого корабля, под руководством кого-нибудь опытного и... мудрого.

Эта просьба прозвучала невинной шуткой, но во взгляде Мильта, обращенном к Ее Величеству, бесконечным озером плескалась надежда.

— Я не могу, — негромко, словно извиняясь, выдавила она.

— Можете.

— Не могу... вы слабы. Вами движут эмоции. Вы умрете, едва достигнув клиарнийских границ.

— Госпожа, — уголки губ амайе дрогнули, намекая на скорую улыбку — или же смех. — А разве вы пренебрегаете эмоциями? Если бы не обида, если бы не гнев, и, чего уж там скрывать, если бы не ненависть — вы бы ни за что не решили сжечь ко всем чертям Лесташ. Или я ошибаюсь?

По тому, как нахмурилась Хайрен, он понял — нет.

Не ошибается.

Разбрасываться обещаниями — это непозволительная роскошь для созданий, в чьих руках сосредоточена власть.

Поэтому королева музыкальных островов, не колеблясь, привела свой замысел в исполнение. Почти все небесные корабли — за исключением пограничных гарнизонов и контроля на пути к империи Ильно, — потрясаясь быстро собрались у пристаней Вильсы и Велса, обменялись информацией и снова покинули родные берега.

Мильта же пригласили на борт "Огненного вихря". Потрепанный, кое-где покрытый сигнальной краской корабль, явно не предназначенный для боев, пугалом возвышался над портовым городом.

Палуба ничуть не повлияла на первое впечатление: там было грязновато и мрачновато. Снасти обвисли, не выдержав долгого противостояния с ветром и соленой водой, паруса пестрели рыжими пятнами. Ют покрылся водорослями, словно замшелый камень, а бизань-мачта поросла бурым налетом лишайника.

— Боже мой, — амайе поежился и, запоздало спохватившись, расправил плечи. — Сколько же лет эта посудина простояла без дела?

— Много, — сообщил невысокий, но крепкий мужчина лет пятидесяти, если не шестидесяти. Его блестящую лысину скрывала широкополая шляпа, а на шее болтался защитный амулет — не особенно надежный, но еще ни разу не активированный. — Эта, как ты выразился, посудина была приписана к торговому союзу Минора, а купцов не заботят корабли. Им лишь бы продать зерно и мясо поскорее, чтобы до конца зимы запереться в доме — подальше от морозов и снега.

Мильт криво усмехнулся:

— Точно. Я тоже не слишком-то уважаю их пресловутый союз. А вы, должно быть, капитан Лейк?

— Ага, — мужчина, откашлявшись, сплюнул за борт, после чего протянул амайе потную ладонь. — Ну что, будем знакомы? Хотя я не улавливаю, зачем нам знакомиться, если о тебе и так на каждом углу рассказывают горожане.

— Затем, что о вас пока не рассказывают, — предложил амайе. — Где вы служили?

— А нигде, — лукаво сощурился человек. — Я довольно стар, и все эти плаванья плохо отражаются на моем здоровье. Поэтому вот уже пять лет я спокойно живу с женой и дочерью, выращиваю кактусы и люблю петь песни. Впрочем, кто на Плиарете не любит? Но отказать Ее Величеству Хайрен в помощи я не смог, так что теперь мы с ребятами отмываем

всю эту чертову историческую плесень. Квартердек за годы простоя превратился в сущий ад, а кают-компания до такой степени одичала, что я нашел там четырех лягушек и одного ядовитого паука. Не будь на мне перчаток, он бы не побрезговал шансом перекусить. Короче говоря, — Лейк вытащил из кармана свернутый кусочек пергамента, поднес его к левой ноздре и понюхал, — принимайся за работу, парень. Пока мы не приведем "Огненный вихрь" в надлежащий вид, ни о какой Клиарне и речи быть не может. Особенно при учете того, что нам поручили заботу о раненых.

— О раненых? — недоверчиво уточнил Мильт. — Прошу прощения?

— А ты до сих пор не в курсе? — сдержанно удивился мужчина. — Наше судно будет перевозить тех, кому, хе-хе, не достанет изворотливости и скорости. Бои происходят не только на воде, но и на суше, и там у корсаров понижаются шансы на победу. Да, наша королева считает клиарнийцев чем-то вроде бородавки — мерзкая, уродливая и неудобная, — но они все-таки мастера. Герцог Насталь учился у талантливых, одаренных людей, а потом им же доверил обучение своих воинов. Это опытные бойцы, хитрые и выносливые.

— Корсары ничем не хуже, — перебил его вдохновенную речь амайе. — До меня доходили слухи, что Лесташа, Весты, Тикны и Финнэ теперь не существует.

— Бери выше, — гордо хмыкнул Лейк. — Вчера Ее Величеству донесли, что Амаль, Тильна и Центральные Верфи тоже славно горят. Клиарна несет потерю за потерей. Если бы нам не приходилось так дорого за них платить, я бы, пожалуй, радовался. Ладно, парень, — мужчина спрятал порошок обратно и бережно свел края застёжки. — Иди в трюм. Мои ребята подскажут, как тебе действовать.

"Ребята" действительно подсказали, и до вечера Мильт, будто прилежный кухонный рабочий в таверне или корчме, мыл и чистил разные поверхности. Затем ему выпало сомнительное удовольствие по уборке дряхлых ящичков, чьи стенки давно провалились вовнутрь и были жутко трухлявы — чудо, что вообще удалось вынести с корабля.

У лестницы амайе остановился. Выровнял дыхание, пощупал поясницу — не мокро ли. Рана, стянутая крепкими швами, заживала быстро и без лишней боли, но порой напоминала о себе мокрыми красными пятнами. Обошлось — пальцы скользнули по сухому материалу, раздался едва различимый шелест.

— Мильт? — капитан Лейк выглянул из распахнутой двери камбуза.

— Да, это я.

— Вижу, что ты, — человек невозмутимо отправил в рот полную ложку каши. — Не голоден? У меня есть гречка.

Амайе переступил с ноги на ногу, не желая обидеть его отказом — и безрезультатно пытаюсь забыть о своей неприязни к вышеуказанному продукту.

— Извините, капитан, — выдавил он. — Я ее на дух не переношу.

— Правда? — без особого интереса буркнул мужчина. — Ну ясно. Если попадем в безвыходную ситуацию, забросаем врагов твоим нелюбимым блюдом. Представляешь, как это будет весело? Они такие орут, потрясают саблями и ятаганами, а тут мы. Шмяк! И полная тарелка гречки размазывается по благородному клиарнийскому лицу. Веселье. Вот бы герцог Насталь лично возглавил охоту на наш корабль. Я бы еще и доплатил, чтобы размазать дешевое масло по его высокомерному лбу.

Раннее утро раскрасило мир в бледно-розовые, зеленоватые и белые тона. Под снастями

лежали тени, такие густые, что казалось — их можно даже пощупать. На квартердеке сидел рулевой, всматриваясь в туманную дымку впереди — там, окруженный сотнями других кораблей, догорал объединенный флот Клиарны.

Пока что догорал он медленно, сопротивляясь и наивно надеясь пустить врагов ко дну. Но численный перевес был на стороне корсаров — пока из прибрежных крепостей, расположенных у стен столицы, не пришел "привет" от королевского гарнизона. Гномьи пушки, достаточно мощные, чтобы представлять угрозу для крупных судов, били не смолкая, и воины Плиарета никак не могли подобраться вплотную к Спирре.

Город, окутанный дымом, смутно виднелся вдаль — нечто обманчиво хрупкое, ажурное и нежное. Такое, будто дома строили не люди, а кто-нибудь вроде эльфов.

Даже жаль, что все это придется разрушить.

Мильт стоял на палубе, рядом с настороженным капитаном. Тот поспешно доедал бутерброд, рассыпая крошки и постоянно роняя кусочки огурцов. С чем, с чем, а со снабжением на "Огненном вихре" все было хорошо — хоть бери да ешь хлеб ежеминутно.

— Не пройдут, черт меня заberi! — выругался Лейк. — Встали вокруг своей драгоценной задницы, как пчелы возле улья, и замерли. С такими темпами мы тут зазимуем. Ты взял теплую одежду, парень? Нет? Зря. Пойди сшей себе куртку из остатков парусины, а я скажу, что нарочно ее списал.

— Спасибо, — иронично ответил Мильт. — Без куртки-то я нипочем не проживу. Прохладно сегодня.

Он взглянул на клиарнийскую столицу, заключенную в кольцо кораблей, и тоскливо добавил:

— Жаль, что у нас нет лодки.

— Как это нет? — возмутился капитан. — Я лично проверял, все ли снаряжение на месте. Три спасательных лодки — для чрезвычайной ситуации, но мы, как люди и не люди из тыла, в нее не попадем. Четыре набора весел — три для лодок, а один так, побаловаться.

— Хм? — амайе с надеждой покосился на человека. — А если я попрошу вас опустить лодку на воду, вы будете орать и отнекиваться?

Лейк пожал плечами:

— Кто знает? Вдруг твоя цель достаточно благородна. Давай угадаю: ты не собираешься сидеть в безопасности и ждать, пока Спирру захватят передовые части. Ты мечтаешь о славе. Все вы — из тех, кто бессмертен, — о ней мечтаете. Но вот что я тебе скажу, парень: там сейчас ад. Если Насталь сидит в замке и протирает штанами трон, ты его даже не заденешь. Повиснешь на десятке копий, истечешь кровью и будешь вынужден сменить тело.

— Вы владеете телепатией? — расхохотался Мильт.

— Нет, — отмахнулся мужчина. — Я владею жизненным опытом, а это куда полезнее. Единственный вопрос, и ты можешь отправляться куда угодно. Зачем тебе слава, а? Ты ведь и так уже знаменит.

— Угу — как неудачник, вернувшийся в Плиарет на фрегате с проломленными деками и пеплом на реях. Благодарю, но нет. Подобная слава мне ни к чему.

Лейк почесал бороду, нахмурился и притворился, что все действия безумного амайе не имеют к нему ни малейшего отношения.

Лодка оказалась чересчур тесной даже для одного пассажира. Мильт бодро орудовал веслами, не забывая следить за клиарнийскими судами. Те не особенно часто двигались, а если и покидали насиженные места, то лишь затем, чтобы подойти ближе к городу. Грохот

нескончаемых залпов, приглушенные крики, плеск, скрип... пришлось приложить немало усилий, прежде чем бой остался далеко позади, и под килем заплескалась спокойная, не обагрённая кровью, вода.

Здесь Мильт, немного поколебавшись, бросил весла, задержал дыхание и прыгнул за борт. Волны сомкнулись над его головой, как пасть голодного дакарага. Общий характер звуков изменился, а какая-то невезучая рыба подплыла слишком близко и ударила амайе хвостом по скуле. Он, срывая злость, ткнул ее рукоятью кинжала по хребту. Потом тем же кинжалом срезал шнуровку сапог, освобождаясь от лишнего веса, и направился к скалистой полосе берега.

Расстояние, на первый взгляд небольшое, выпило почти все его силы. Когда Мильт наконец-то выбрался из воды, у него зуб на зуб не попадал. Холод вынудил амайе пожалеть об утопленной обуви, но забирать ее было поздно и глупо. Поэтому он, попрыгав и побегав, а заодно убедившись, что на скалах нет никого из личной гвардии герцога, побрел в сторону столицы.

Вплотную к городским стенам подступала роща — редкая, составленная из низких деревьев, беспощадно истрепанных ветрами. Там Мильт наткнулся на трех людей с аркебузами. Люди, в свою очередь, наткнулись на Мильта — и были очень потрясены его появлением.

— Да это же плиаретец, — презрительно бросил самый высокий. И вскинул оружие: — Сдавайся, тварь!

— Нет, — отказался амайе — и бешено рванулся вперед.

Кинжал запросто вспорол живот вражеского солдата, зацепив на развороте его товарища. Совсем молодой парень вскрикнул, схватился за шею и выронил аркебузу. Тихий звяк оповестил всех о том, что она благополучно достигла земли.

Третий противник был умнее, чем первые два. Он успел сообразить, что оружие с погашенным фитилем не способно нанести урон противнику. И логично рассудил: сражаться бессмысленно, Клиарна все равно стоит на грани гибели. Да и какая там Клиарна, когда из тринадцати городов здравствует только Спирра?

— Давай не будем драться, — предложил он.

— Ого, как ты заговорил! — Мильт обидно заулыбался. — Что, неужели страшный плиаретский флот вывел тебя из равновесия?

— Да нет, — развел руками солдат. — Но я ведь не дурак, и умирать мне не хочется. Предлагаю разойтись по-хорошему, не пачкая руки — я провожу тебя до шхуны, где сидит наш многоуважаемый герцог, а из твоей памяти благополучно сотрутся детали сегодняшнего столкновения. Идет?

Амайе приподнял брови:

— Это даже не смешно. Почему я должен быть уверен, что ты приведешь меня именно к шхуне герцога?

— Потому, что как раз в этот определенный момент я дезертирую из войска Клиарны, — терпеливо пояснил человек. — Обидно сдохнуть, как лесной кабан, неудачно повстречавший охотника. У меня тут и суденышко неподалеку припрятано — сяду, чуть-чуть отдохну и все, и прощай, богатое краткосрочное королевство.

— Краткосрочное? — Мильт, вопреки своим словам, все-таки рассмеялся. — Но заработать ты на нем, похоже, успел?

— Успел, — с достоинством подтвердил мужчина. — И собираюсь потратить

вырученные деньги с толком. Ну как, ты что-нибудь решил? Там как бы бой, и времени у тебя — да и у меня, — мало.

— Решил, — согласился амайе. — Пошли, покажешь мне эту шхуну. Но если я не найду там герцога, то догоню тебя по горячим следам и подвешу на ветку осины — их тут хватает. Выберешь, какая тебе больше нравится, и повисишь, пока тебя вороны не расклюют.

Человек спокойно кивнул, что, без всякого сомнения, пошло ему на пользу — Мильт перестал сомневаться в правильности своего выбора. Зачем бегать по незнакомой земле, с пеной у рта выискивая Насталя, когда рядом изнывает от промедления его бывший подчиненный? К тому же откровенное вранье парень бы различил, а в голосе солдата оно отсутствовало.

Шхуна стояла у небольшой, рассчитанной всего лишь на одно судно пристани. На борту царило оживление, вооруженные люди таскали ящики, стойки для копий и новые, недавно забранные из кузниц, мечи. Сощурившись, амайе заметил краешек знамени, свернутого во избежание стычек — краешек серо-зеленый, с вышитой на нем буквой "Е".

— *Steplet na vier fanelle*, — брезгливо прошептал он.

— Ага, — кивнул солдат, отползая прочь, — правильно. Дальше ты уж сам разбирайся, а я в дрызги с герцогом лезть не стану. Прощай, бессмертный дурак.

— До встречи.

Человек скрылся в кустах, почти не потревожив ветки. Амайе послушал, как постепенно затихают, растворяются его шаги, и продолжил наблюдение за вражеским кораблем. Там произошла перемена — шкафут опустел, а на баке вытянулся, уставившись куда-то на запад, невысокий веснушчатый юноша.

Мильт рискнул покинуть свое укрытие, пройтись по пристани и тихо, ужасно тихо взобраться вверх по левому борту. Потом ухватиться за такелажную снасть, перегнуться через фальшборт и на цыпочках подкрасться к лестнице, ведущей в кают-компанию.

Здесь — непонятно, ради чего, — висело начищенное до блеска зеркало. Отражение амайе — красноглазое, встрепанное, с белыми, как снег, волосами, — промелькнуло в нем, словно призрак, и скрылось.

Белая крыса. Уничижительное прозвище, придуманное недоброжелателями для чудака-альбиноса, трепетно любимого королевой Хайрен. Ведь когда кому-то достается целый фрегат, а ты сидишь и грызешь ногти в крохотном кабинетике — это чертовски обидно.

Мильт не спорил, что его внешность несколько... примечательна, но расстраиваться не спешил. У него еще были козыри в рукаве. Вернее, в обоих рукавах.

Кают-компания — просторное помещение, где гордо возвышались несколько кресел, дубовый стол и шкаф со старыми книгами — оказалась почти свободной. Почти — за вышеуказанным столом сидел, листая доклады военных, скучающий, рано поседевший парень. Его ноздрю украшало тоненькое кольцо, чья точная копия располагалась на верхней губе. Под нижней проступала родинка.

Не узнать его было просто невозможно.

— Господин Насталь, — вежливо произнес амайе. — Доброе утро.

Человек смерил его насмешливым взглядом:

— Полагаю, ты из Плиарета?

— Верно, — Мильт поклонился, чувствуя себя идиотом-аристократом, и выхватил из ножен кинжал. — Извините, пожалуйста, но королева Хайрен желает вашей смерти. Я пришел, чтобы исполнить ее желание.

— Вот как? — Герцог Насталь улыбнулся. — Не скрою — это весьма похвально. Вы проявляете чудесный энтузиазм. Наверное, любите Ее Величество? Благодарны ей за оказанное доверие?

— Благодарен.

— Ну что ж... я догадывался, что кому-то из вашего народа удастся добраться до корабля. Я догадывался, что такие, как вы, не отступят, пока не добьются справедливости. А справедливость, к сожалению, своя у каждого.

Он встал, поправил пояс — ни меча, ни ножа, ни револьвера, — и сделал два шага к Мильту.

— Пожалуйста, приступай. Но для начала потешь мое любопытство: зачем ты так стараешься, если на шхуне полно моих людей? Рано или поздно они все равно тебя убьют.

— Затем, что я всего лишь ничтожество, господин, — честно сообщил амае.

И наотмашь полоснул герцога по незащищенному горлу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗМЕИ

В трюме было прохладно и темно, но чисто — команда "Оборотня" следила за состоянием абсолютно всех корабельных помещений. Кое-где стояли деревянные ящики, а кое-где — длинные свертки, накрытые парусиной. Из нескольких табуреток, оставленных предыдущими посетителями, корсары построили нечто вроде башенки.

Эльва забрал ее вершину, сел и откусил едва ли не половину от крупного зеленого яблока. Неспешно проживал, любуясь Рином, забившимся в дальний угол. Зараженный по-прежнему вел себя, как... зараженный, а не обычный остроухий, в чьих жилах течет древняя эльфийская кровь.

— Ну и как мне с тобой быть, а? — без обиняков спросил некромант. — Ты привлекаешь к себе слишком много внимания. Еще чуть-чуть — и Мильту придется выбросить тебя за борт, чтобы враждебно настроенная толпа не сожгла корабль ко всем чертям. Понимаешь? Нет, ты вообще слышишь меня?

Рин глупо, безо всякой реакции таращился в стену над плечом человека. Эльва зарычал, сорвался с места и встряхнул его за плечи, как нашкодившего щенка.

Голова эльфа болталась из стороны в сторону, но никаких перемен это не повлекло. Либо ему нравилось притворяться тупым, что очень сомнительно, либо он просто не мог выбраться из вязкого тумана болезни.

Некромант сложил руки на груди и раздраженно, выражая свое разочарование, фыркнул.

Во внешнем виде зараженного почти ничего не изменилось — кроме корней, отбрасываемых зрачками. Они распространились на большую часть лица, поглотив скулы и виски, углубившись под черные волосы. Эта деталь придавала Рину некую схожесть с озерной нечистью, хотя как она связана с имперскими зараженными, Эльва не понимал.

Спустя еще час ему надоело искать признаки разума в опустевших карминовых глазах. Проверив, достаточно ли надежно держатся цепи, парень поднялся на палубу и устало оперся о фальшборт. При его появлении с рей, словно приветственный салют, вспорхнули чайки — белым птицам не нравилась черная магия. Их укоризненные, полные обиды крики

больно били по ушам, но некромант старался не обращать внимания — в прошлый раз он шархнул по чайкам стихийным заклятием, и пернатые трупы градом повалились на соседние корабли. Мильту пришлось выдержать пространную воспитательную беседу с коллегами-капитанами — и эта же беседа была впоследствии пересказана Эльве. Парень пообещал угомониться, но brave корсары, не имеющие отношения к "Оборотню", все равно косились на синеглазого парня недовольно, а порой и откровенно сердито.

Ситуация со зрением прояснилась, и некромант избавился как от повязок, так и от заклинаний-усилителей. Было чертовски приятно различать вещи и лица, не прибегая к помощи дара.

— Стоишь, презренный колдунишка? — к нему подошел взлохмаченный Маргул. Судя по зевоте и сонному, рассеянному взгляду, он недавно проснулся. — Давай, поведай мне, как дела. Сумел ты договориться с нашим дорогим зараженным или нет?

— Нет, — виновато возразил парень. — Пока еще нет.

— Плохо. С такими темпами мы разоримся на курицах, свиньях и коровах. У твоего приятеля превосходный аппетит. На Мильта уже косо поглядывают, когда он просит продать еще пару-тройку обескровленных тушек. Надеюсь, нас не заклеят обжорами по вине имперца.

— Не должны. Если я не справлюсь за четыре дня, то убью его. Это будет милосерднее, чем сохранить жизнь существу, которое больше не осознает, кто оно и что.

Маргул затянул воротник:

— У тебя странные понятия о милосердии.

— Какие есть, — пожал плечами Эльва. — Я умею оценивать обстановку. И у Рина до ужаса мало времени.

— Мы могли бы его бросить уже давно, разве нет? Могли оставить его в империи, на потеху заклинателям. Но ты счел, что не стоит пренебрегать столь отчаянной мольбой о спасении. И я считаю, что ты не должен ненавидеть себя за то, что попытался вытащить зараженного из настоящего ада.

— Возможно, только в этом аду Рин и мог нормально существовать. Ильно отличается от Белых Берегов, Велиссии и Плиарета. Там основная доля магии исходит от небесных ящеров, а тут... тут их практически нет. Скажи, на островах можно найти хотя бы одного дракона? Разумного дракона, я имею в виду?

Картограф призадумался, наблюдая за неспешным полетом очередной чайки. Минуя фрегат, она гнусаво заорала и забила крыльями, намекая, что присутствие темного мага действует всем на нервы.

— Экая тварь, — скривился подросток. И тут же отвлекся на лодку, рассекающую волны в десяти выстрелах от "Оборотня" — рыбаки вышли на промысел, раскинув ловчие сети. — А насчет твоего вопроса... я бы советовал повнимательнее отнестись к тем, кого пригласили на праздник в замке Ее Величества. Там бывают очень и очень любопытные личности. Главное — выдержать первый натиск, проявить сдержанность и хладнокровие. Прием, вроде, состоится сегодня вечером?

— Угу.

— Ну что ж, удачи тебе и всем, кто рискнет сунуться в это осиное гнездо. Передавай привет королеве, если тебе выпадет шанс поцеловать ее прекрасную ручку. А я пойду, у меня еще куча дел.

— Каких? — сощурился некромант.

Маргул, успевший отступить на несколько шагов, обернулся:

— Надо проверить запасы пергамента и чернил, докупить, чего не хватает. Потом посетить швейную лавку, забрать новую куртку и штаны. В общем, все по плану.

Он скрылся, на ходу насвистывая мотив популярной песенки о принцессе, спящей в глубине моря. Эльва сокрушенно помотал головой — его эта песенка тоже долго преследовала. Зашел в трактир, а там веселая компания местных менестрелей тешила поздних гуляк старыми историями. Основная их часть показалась парню весьма занимательной, но конец выступления поверг в ужас даже хозяина заведения — чего уж говорить о гостях? Серьезные, талантливые, умные музыканты внезапно сменили стиль и начали горланить о материях настолько низменных, что плиаретское общество поспешило выбросить их на улицу — развлекать бродяг. То есть это Эльва предположил, что менестрелей выбросили именно с такой целью — хотя сейчас, перебирая в памяти картины произошедшего, сомневался, есть ли на Плиарете бродяги.

В последние дни море было тихим, спокойным и как никогда красивым. Гребешки волн неторопливо накатывались на пристань, порождая уже привычный для некроманта шум прибоя. С легким смущением парень обнаружил, что этот звук становится все более родным и приятным — хоть бери и строй себе избу здесь, на берегу, а потом из-под полы торгуй амулетами. Составлять их нетрудно, главное — не упускать из виду основные законы. И не закреплять всю систему через третий узел, как Вед.

Интересно, кстати, выбрался ли он обратно в Ландару? Плыть вместе с корсарами на овейный славой архипелаг убийца отказался, аргументируя это тем, что в нынешнем королевстве Сэтлео у него еще остались дела. Эльва искренне надеялся, что они заключаются не в отрезании головы свежеиспеченного короля, а еще — что Альнар, Шейн и Тинхарт сумеют защитить подростка от незваных гостей.

Поразмыслив, он отправился в свою каюту и тоскливо оглядел принесенные кем-то вещи. Темно-синий камзол, плотная рубашка на пуговицах, белые штаны... черт возьми, ну почему белые? Почему люди всегда считают, что некроманту идет белый цвет? Эльва чувствовал себя куда лучше, выбирая одежду нейтральных серых тонов. А тут на тебе, придется влезать в нечто броское, страшно дорогое и к тому же купленное за чужой счет.

Чтобы самостоятельно разобраться с новым нарядом, понадобилось почти пятнадцать минут. Эльва хмуро уставился на отражение в зеркале, ругнулся и подобрал волосы с помощью привычной голубой ленты — но не повязав на лоб, а обхватив ею короткие пряди.

Получилось нелепо донельзя.

Господин Лиайга Тиез де Лайн сидел на балконе, свесив кисти рук с подлокотников, и мрачно наблюдал за усилиями колдуна.

Валгиар Хилмер, вызванный им ради поисков пропавшего сына, прикусил нижнюю губу и попытался создать вестника. Вот бумага скомкалась, вот — сгорела, преобразовалась в легкую светлую птицу, а вот — лопнула целым снопом искр. Написанное маркизом письмо вернулось к прежнему облику — самый обычный лист, исчерканный аккуратными белобрежными рунами.

— Ну что, господин Хилмер? — ядовито полюбопытствовал тот. — Не выходит?

— К сожалению, нет, — признал маг.

— И каковы причины подобного... неприятного события?

— Ну, — Валгиар Хилмер испытал жгучее желание сплюнуть прямо на пол, чтобы

разом сбить всю спесь с этого паршивого аристократа, — либо Эльва находится слишком далеко от Белых Берегов — на расстоянии, недоступном для магической связи, — либо он уже...

Лиайга поморщился, из чего следовало, что намек он понял и принял.

— Я не могу на пустом месте предположить, будто мой сын умер и покоится где-нибудь в сточной канаве. Мне необходимы факты. Доказательства. Или хотя бы свидетели. Вы выполните это задание? Сумеете отследить путь, пройденный Эльвой после краткого визита в Ландару? Или же, как три предыдущих мага, начнете виновато извиняться и сбежите?

— Не припоминаю, чтобы у представителей знатных родов было право грубить представителям Гильдии, — огрызнулся Валг. — Я действую так, как хочу, а всякие там родители моих учеников пусть катятся десятой дорогой — особенно если не умеют разговаривать с людьми вежливо. Всего хорошего.

По хмурому лицу Лиайги пробежала тень сомнения, и он поспешил поймать колдуна за рукав:

— Постойте, господин Хилмер. Я... прошу прощения за свои слова.

— Ого, какой прогресс, — оскалился в улыбке мужчина. — С чего бы такая покладистость? Насколько мне известно, вы никогда не страдали большой любовью к младшему сыну. Чего стоит одно его решение смыться из этого особняка в Алатору...

— Прекратите, — поморщился Лиайга. — Сейчас я, кажется, вполне осторожен с вашими чувствами — так поберегите же в ответ мои. Да, я плохой отец. Да, я сделал для Эльвы очень мало хорошего, и вам удалось превзойти меня во всех смыслах. А еще я ни на секунду не забываю, что вас этот мальчик действительно любит. Ему без разницы, волнуемся ли за него мы, но ваше волнение способно его задеть. Эльва — достаточно проблемный ребенок. Я не уверен, что кто-нибудь, кроме вас, может убедить его вернуться домой и хотя бы единожды серьезно со мной поговорить.

— Поговорить о чем?

Маркиз недовольно поджал губы, намекая, что тема его будущих бесед с младшим сыном должна остаться в секрете. Валгиар Хилмер вздохнул, подумал о странном юноше по имени Дейра и произнес:

— Я приложу все усилия, чтобы выяснить, где находится Эльва. Я также передам ему любое послание, если вы напишете его в течение получаса. Но я не буду убеждать его, что это место, — он выразительно осмотрелся, — по-прежнему является его домом. Я не буду убеждать его, что он обязан постоянно сюда соваться. Эльва не нуждается ни в вашей навязчивой опеке, ни в вашем состоянии, ни в вашей репутации. У него есть своя. И он пользуется ей так, как считает нужным, без оглядки на благородство и правила этикета. Он свободный человек, понимаете? А поскольку вы каждому пытаетесь навязать свое мнение, то мне страшно предположить, как мучился из-за этого ваш собственный ребенок.

Земли варваров простирались на многие и многие мили, но нигде не было и намека на города. Сагу попадались исключительно маленькие общины, где все либо сразу хваталось за топоры и бросались в битву, либо бросали свои пожитки и бежали, крича что-то неразборчивое. Настроиться на чужой язык без взаимодействия с драконом оказалось весьма и весьма затруднительно, но заклинатель справился. Не мог не справиться — тем более что у него отсутствовали шансы покинуть эту обитель идиотов. Ни лодок, ни плотов, ни легких, маневренных кораблей — у варваров не было ничего. Вероятно, после нападения на Белые

Берега, когда бродячий народ пообломал зубы об упорство жителей приграничных деревень и воинов Вольгеры, дикий народ попросту избавился ото всех способов атаковать ближайших соседей снова. Впрочем, Саг понятия не имел об отношениях варваров с белобрежцами, и поэтому в его душе еще горела надежда.

Он вымотался так, будто без передышки работал целый год. Похудел, осунулся, и все его черты по-звериному заострились. О нормальной еде и речи не шло — заклинателю под номером три-один-шесть приходилось питаться человечинной, крысятиной или — если повезет, — зайчатинной. Везло редко — варвары успели перебить почти всех животных в округе. Юноша костерил их почему зря, обзывая прожорливыми тварями и уродами, пересчитывая всю их родню вплоть до седьмого колена и кропотливо, словно собирая мозаику, наделяя прозвищем каждого внучатого племянника. Он прекрасно осознавал, что все эти усилия не имеют смысла, но так было легче бороться с неопределенностью... и страхом.

Нет, Саг не боялся местных жителей. Бойцы из них никудышные. Хочешь — сворачивай им шею, хочешь — отдирай плоть заживо, а хочешь — веселись добрых два часа, пока противник не упадет и не сдохнет от усталости. Словом, драться с варварами было просто. Со временем заклинатель стал относиться к ним так, будто они — всего лишь тупой скот. Нельзя сказать, что он сильно ошибался.

Юношу пугало неторопливое, размеренное угасание магических сил. Дар, или как там его называют жители разумных королевств, превращался в тлеющий уголек и грозил вот-вот погаснуть совсем. Энергии становилось все меньше и меньше, и теперь, вздумай Саг сплести даже самое экономное заклинание — у него ни черта бы не вышло. Пока что он обходился способностями нежити, но они тоже постепенно теряли силу.

Еще пара недель, и три-один-шесть будет вынужден умереть, так и не достигнув цели. Подделом. Не стоило мчаться за врагами, уступив мозги гордости и гневу. Правильно госпожа Лиен смеялась.

Заклинатель стиснул кулаки, испытывая жуткое желание разорвать на части самого себя. Уже давно он так сильно не разочаровывался.

Резко похолодало, из-за низенькой березовой рощи налетел ветер. Он вырвал с корнем два или три чахлах дерева и сбил бы юношу с ног, не успеет он схватиться за омытый дождями скользкий валун. Собственно говоря, валуны на землях дикарей попадались повсюду — либо играли роль надгробий, либо стояли тут с момента рождения мира.

— Ну привет, — лениво и презрительно бросил Фасалетрэ Эшгаралье, спрыгивая с спины прекрасного рыжего кентавра. — Сдаться не хочешь?

Саг посмотрел на него затравленно. Разумеется, никто не запрещал ему попробовать убить демона врукопашную, без колдовства. И никто не запрещал героически пасть в бою — только вот за что? По глупости, ради случайной — или не случайной, не так это и важно, — стычки на краю света? Месяцем раньше заклинателю стало бы смешно, однако теперь он трезво оценивал варианты своих действий — вернее, их практическое отсутствие.

— Долго молчишь, — уважительно заметил Летрэ. — Неужели поумнел?

— Представь себе.

Юноша изрек это без привычного отвращения, и демон хмыкнул.

— Одиночество, — задумчиво протянул он, — превосходная штука. Хоть в чем-то Амоильрэ был прав. Оно выбивает из нас все лишнее. С тобой стало приятно общаться, заклинатель. Может, ты даже примешь мое деловое предложение?

— Это какое? — Саг притворился, что вопрос бывшего пленника пещеры его заинтриговал.

— А такое, — Фасалетрэ Эшгаралье переглянулся с кентавром, и тот невозмутимо кивнул. — Мы доставим тебя в империю Ильно, а ты взамен поработаешь на нас... если уместно так выразиться... разведчиком.

— Прости? — Заклинатель приподнял брови.

— Ну тебе что, сложно? По сравнению с тем, что ожидает тебя на этом клочке суши, я прошу о мелочи. Всего-то повнимательнее прислушиваться к другим имперским колдунам, а потом отвечать на мои короткие весточки. Подробно, красноречиво и, конечно же, безо всякой лжи. Потому что если ты меня обманешь, я раздавлю тебя подошвой ботинка. — Он покосился на свою обувь, словно представляя, украсит ее труп восставшего или все-таки нет. — Ах да! Есть еще кое-что. Ты наверняка считаешь мою мечту странной, но... я всю жизнь — после того, как получил это тело, — жаждал избавиться от них.

Демон потрогал правое ухо.

Кошачье ухо.

И с надеждой осведомился:

— Поможешь?

— Не исключено, — отозвался Саг. — Было бы... роскошно, если бы ты подошел немного ближе. Вот так. Отлично. Постарайся не двигаться.

Он осторожно изучил тонкую, обманчиво хрупкую материю. Уши были мягкими, нежными и навевали мысли о настоящих котах. Пока юноша их щупал, его так и подмывало плюнуть на эту часть договора и не портить забавную внешность Фасалетрэ, однако торговаться с демоном — это все равно что прыгать в бездонную пропасть. Проблем не оберешься.

— Я справлюсь, — выдал он, снова отступая. И добавил: — В принципе.

— В принципе?

— Мне жаль тебя расстраивать, но вне империи Ильно моя магия ослабела. Я избегаю боя не потому, что резко поумнел или научился уважать противников, а потому, что мне, черт возьми, нечем сражаться.

Демон помрачнел.

— Значит, плата вперед? Что ж. Это оправданная мера. Сев, ты готов?

Рыжий кентавр улыбнулся:

— Я — да. А вот готовы ли вы?

Вечер наступил как-то чересчур быстро — Маргул едва успел засунуть свою добычу под гамак, когда в дверь сдержанно постучали.

— Входите, — пригласил он.

Створка открылась, и на пороге возник Мильт. Он был одет в черный с зелеными вставками костюм, а в руках держал очаровательный веник — как там это называется? Букет? Картограф никому ничего подобного не дарил и не считал, что следует начинать.

— Дурацкие тряпки, — припечатал он капитана. — И цветочки не лучше. Где ты их откопал? На какой-нибудь могиле, с Эльвой за компанию?

Мильт опустил взгляд на подсолнухи, окруженные листьями папоротника, и досадливо скривился:

— Заткнись, Маргул.

— Молчу, — покладисто согласился парнишка. — А что, они имеют для тебя значение? Ты влюблен и собираешься признаться прекрасной леди?

— Нет, — в голосе амайе прозвучала нескрываемая враждебность. — Я просто люблю подсолнухи. Они, если тебе так уж любопытно, напоминают мне солнце.

— И всего-то? — после похода в город картограф явно был не в настроении. — Напоминают солнце. Надо же, какая глупость. Выйди на шкафут и любуйся этой гадостью, сколько влезет. Но зачем цветы рвать? Пускай бы себе росли и родили семечки.

Мильт пожал плечами и развернулся, намереваясь уйти.

— Слушай, придурковатый ты наш, — окликнул его Маргул. — Ты для чего спускался-то? Произвести на меня впечатление? Польщен. Благословляю тебя. Иди и проведи вечер в обществе королевы Хайрен, и не забудь поцеловать ее милый носик. Всего хорошего.

Капитан, конечно же, пришел совсем не за этим, но спорить с картографом не стал. От паренька так несло выпивкой, словно за несколько часов отлучки он выхлебал по меньшей мере три ведра дешевого самогона.

На самом деле амайе всего лишь хотел убедиться, что он в порядке.

Маргул ненавидел, когда корсары покидали фрегат. Для него "Оборотень" был всем — грустью и радостью, ненавистью и любовью, жизнью и смертью. Единственным настоящим домом. Пожалуй, даже родственниками из Хасатинии картограф не дорожил так, как дорожил Мильтом, Гиалем, Нильмой, Зуттом, Диштихом и прочими, прочими, прочими.

Капитан был в курсе об этом его пороке — и находил его весьма забавным. Сам парнишка с легкостью сходил на берег и шастал там часами, а то и неделями, но если это делал кто-то другой... все. Его не оставляло ощущение смутного беспокойства. А уж если корабль простаивал в порту пустым, не считая караульных...

Руны перехода доверили Эльве, но во избежание несчастных случаев сверили со схемой общих потоков. Серьезных ошибок не нашли и принялись потихоньку, в порядке очереди, пересекать границу размашистого, красивого, идеально выверенного рисунка. Мильт пропустил свою команду вперед, а сам ступил на руны последним — аккуратно, четко, словно от его шагов зависела судьба народа амайе. Мимо пронеслось безмолвное серое ничто, лишённое ярких красок — да и любых красок вообще, — а затем его место занял просторный, зеленый зал со сводчатым потолком и фресками на высоких стенах.

— Мильт! — радостно воскликнула Ее Величество, заключая капитана в объятия. Мир исчез за прядями ее чудесных рыжих волос и шелестом голубого платья. — Мильт, как я рада!

— Я тоже рад, — согласился мужчина. И протянул женщине букет: — Вот, возьми. Это тебе.

— Подсолнухи, — Хайрен выглядела абсолютно счастливой. — Твои любимые.

— Как договаривались. Я приносил тебе ирисы и фиалки, но ты всякий раз была недовольна и попросила, чтобы на следующий прием я принес цветы, которые нравятся лично мне. Я принес. Вот они.

Королева бережно приняла букет, прижала к груди, будто самое ценное сокровище. Уголки губ Мильта дрогнули, но взгляд сохранил прежнюю невозмутимость.

Кроме них, в зале никого не было. Корсары — а с ними и некромант, и остроухий, — уже спустились в основные помещения, предназначенные для приема гостей. Поэтому ни Хайрен, ни капитан "Оборотня" не скрывали свои эмоции.

Они никогда не называли себя парой. И не были намерены называть. Любви, как

возвышенной материи, между ними не существовало. Но ее легко заменило взаимное уважение, проверенная веками дружба и бесконечное, как сами небеса, доверие друг к другу.

— Пошли, — пригласила Хайрен, сжимая тонкими пальцами капитанский локоть. — Все уже заждались. И... — смутившись, она повернулась к персонажам фрески, — ты ведь расскажешь мне, где пропадал все это время?

— Расскажу, — пообещал Мильт. — А ты разве еще не встречалась с Эльвой? Он вроде бы испытывал руны первым.

— Нет, не встречалась. Я прибежала сюда только после того, как наткнулась на бородатого парня из твоей команды — кажется, его зовут Зутт, — и убедилась, что происходящее мне не снится.

Амайе криво усмехнулся:

— Ты уж прости, что так получается. Но без моря я мертв.

— Как и мы все. Я совсем на тебя не обижаюсь. — Хайрен подождала, пока стражники распахнут перед ней двери, и устроила свободную руку на перилах лестницы. — А что за Эльва? Очередной найденыш, получивший от тебя каплю жалости?

— Нет. Эльва — это профессиональный некромант из Гильдии Магов, друг моего эльфийского приятеля. Я надеюсь, что он тебе понравится.

— Вот как? — Ее Величество сощурилась, скрывая вспыхнувший в зеленых глазах интерес. — Обычно ты не расхваливаешь людей попусту. Кто он такой, Мильт?

— Он — это почти что копия меня прежнего.

Хайрен открыла было рот, готовая выдать нечто изумленное и недоверчивое, но лестница некстати закончилась. Перед амайе открылся великолепный обзор на бальный, забитый гостями, зал, и она поспешила спрятаться за привычной равнодушной маской.

Мильт, напротив, таиться ни от кого не стал. Какая разница, увидят на его лице лишнюю улыбку или нет? Это его лицо и его настроение. Когда живешь бесконечно долго, рано или поздно перестаешь задумываться о мнении окружающих и ценишь только свое.

— Госпожа Винз, — он поклонился низенькой, взлохмаченной женщине, выряженной в необъятную кроваво-красную мантию. — Как продвигаются ваши научные опыты? Вы уже выяснили, в чем заключается тайна вечного бытия?

Женщина, позабыв об этикете, расхохоталась:

— Вечного бытия? Я всего-то попробовала раскрыть механизм регенерации клеток нарвертов, а вы тут же это переиначили. Узнаю капитана Крысу.

Амайе поклонился повторно.

— Я рад, что сумел вас развеселить. И если серьезно, то как обстоят дела у магов Киоля? Мы по-прежнему обладаем исключительно мощью светлого дара, или на Плиарете все же родился кто-то особенный?

— Особенных личностей здесь хоть отбавляй, — отмахнулась госпожа Винз. — Одно ваше племя чего стоит. Зарождаетесь из воды и песка, а как обретаете плоть и кровь — загадка над загадками. Вы сами-то не поделитесь информацией?

— Я бы с радостью поделился, если бы она у меня была, — рассеянно пробормотал Мильт, наконец-то обнаружив силуэт некроманта. — Прошу меня извинить.

Эльва, не подозревая о внезапном преследовании, протолкался к дальней стене и замер под факелом, разглядывая плиаретцев. Девушки и парни, женщины и мужчины, старики, маленькие дети. На бал, не придираясь к чужому положению в обществе, пускали всех желающих — благо, размеры дворца позволяли королеве действовать таким образом.

Некромант с удовольствием прогулялся бы по внешним галереям — там редко кто задерживается, ведь все предпочитают вертеться и жариться в гуще событий, — и оценил бы местные картины. Эльм, хоть и служил столицей для небесных кораблей, столицей самого музыкального королевства не был. Местное творчество ограничивалось памятниками и теми скульптурами, что безутешные родственники (или коллеги?) воздвигли на кладбище капитанов.

— Вот он, — раздался неподалеку вкрадчивый, уверенный голос Мильта. — Эй, Эльва!

— Да? — откликнулся парень. И, сообразив, что амайе приближается к нему не в одиночку — рядом с ним, двигаясь грациозно и плавно, отсчитывала шаги молодая женщина, в чьих рыжих волосах серебрился острыми гранями королевский венец, — торопливо выпрямился.

— Позволь представить — это Ее Величество Хайрен, четвертая королева Плиарета Хайрен — это господин Эльва Тиез де Лайн, третий сын маркиза Лийги. Он родом из Белых Берегов.

— О! — на щеках королевы вспыхнул яркий румянец.

— Хайрен обожает белобрежцев, — со вздохом пояснил Мильт.

Некромант попятился:

— А-а. Приятно познакомиться.

— Ты прав, — Ее Величество наблюдала за Эльвой так восторженно, будто он был по меньшей мере ее любимым ребенком. — Он — вылитый ты в прошлом.

— Вылитый он? — Парень посмотрел на Мильта с оправданным сомнением. — Ну не знаю. По мне, мы с капитаном ни капельки не похожи.

— С этим капитаном — нет, — покладисто согласилась Хайрен. — А с тем, кто возглавлял "Белую крысу", когда Клиарна развязала войну — очень даже.

— Ты ведь был на кладбище капитанов, — добавил амайе. — И вряд ли моя могила ускользнула от твоего внимания.

— Твоя могила? — Эльва притворился, что слыхом не слыхивал ни о чем подобном, но Мильт его раскусил:

— Прекрати, пожалуйста. Я не слепой и прекрасно вижу, что после похода на древнее захоронение вы с Эхэлью ведете себе странно. Мой собственный друг постоянно на меня пялится, подмечая все перемены, а ты копаешься в бортовых книгах и умоляешь Маргула поделиться свитками, предназначенными лишь для меня и тех членов команды, кого угораздило связаться с "Оборотнем" еще до того, как он стал "Оборотнем". Это здорово веселит, но я предпочел бы ответить на ваши вопросы сразу, без лишнего шума. Не возражаешь?

— Нет.

— Вот теперь я верю, что это ты, — насмешливо произнес остроухий, выныривая из-за чужих спин, как акула. Мильт покосился на него с легким раздражением и собрался обругать, но Эхэлью поднял расправленные ладони: — Спокойно. Мы сдаемся.

— Почему это — сдаемся? — нахмурился некромант. — Пусть капитан объяснит, что его могила делает на кладбище. Он ведь живой. Абсолютно живой, я в таких вещах разбираюсь.

Амайе кончиками пальцев потер швы, пересекающие скулу, и тихо сказал:

— Там похоронено мое первое тело.

Эльва зажмурился, сдерживая ехидную фразу, которая так и рвалась на язык. Выдохнул:

— А что, вы их меняете?

— Не все, но иногда бывает. — Мильт обменялся выразительным взглядом с Хайрен. — Мы змеи, Эльва. Плиарет — это королевство змей. Наш народ появляется не так, как человеческий или эльфийский. Мы просто приходим, и все. Возникаем где-то на границе моря и пляжа, там, где соединяются вода и песок. Наши тела — это всего лишь свободная энергия, преобразованная в плоть и кровь. Тебе, как магу, наверняка известно, что подобное преобразование почти ничего не требует. И, соответственно, мы не особенно привязаны к своим телам. Когда на берегах Клиарны горела война — или, скорее, догорала, потому что из ее городов продолжала бороться только Спирра, — я убил герцога Насталь. Хотел, чтобы он почувствовал всю ту боль, что обрушилась на жителей Эльма после внезапного ночного нападения. Я любил Эльм. Любил и до сих пор люблю — он ужасно много для меня значит. И я посчитал, что моя жизнь по сравнению с жизнью этого города не имеет смысла. Личная охрана герцога поймала меня на пирсе, связала и бросила в море. Как бессмертное существо, я не в силах был утонуть и тупо следил, как удаляется линия поверхности. Потом вмешалась морская нежить — крупная и голодная. Не помню, как ее в ту эпоху называли. Она заложила несколько кругов почета над поздним ужином, распахнула пасть и откусила... кхм... нижнюю половину меня. Было довольно жутко видеть, как уплывают мои же размотанные кишки, — признался амайе. — Но я возродился спустя несколько лет и с радостью услышал, что фрегат "Белая крыса" по-прежнему принадлежит капитану Мильту. И с не меньшей радостью отреагировал на новую внешность, хотя рваная рана на щеке поначалу выглядела настоящим проклятием. Ну что? Вы довольны?

— Про Клиарну я читал, — задумчиво кивнул Эльва. — Но так и не понял, какого черта вы отдали эти острова герцогскому сыну? Отдали бы сразу герцогу, он хоть умным мужиком был.

— А никто их не отдавал, — вмешалась Хайрен, продолжая заворуженно наблюдать за белобрежцем. Она действительно обожала тех, кто был коренным уроженцем королевства Алетариэля. Светловолосые, светлоглазые... и честные. Почему-то — до боли честные. Непокосимые в своих намерениях. — Мальчишка сбежал туда с теми представителями личной гвардии, что не возражали против маленького бунта за деньги. Он хорошо им заплатил, затем поклялся заплатить еще лучше, и в итоге они разжирели на этом золоте, как портовые крысы. Изначально у нас и в мыслях не было развязывать войну с Клиарной. Мы не воспринимали ее, как целое государство. Шутили, смеялись — мол, какой глупый ребенок, неужели он надеется чего-то добиться?! Но Насталь не терял времени даром, построил флот, воздвиг города — пусть и не на плодородной земле, пусть и совсем крохотные. И туда потянулись люди. Все бы ничего, Плиарет — это тоже не крупный архипелаг, и здесь не поместится такое количество существ, как, допустим, на твоей родине. Я не особенно расстраивалась, когда мне докладывали, мол: Ваше Величество, еще половина мирных жителей Вахлеса переметнулась на сторону Клиарны. Я не особенно расстраивалась... и опоздала. Безнадежно опоздала, ведь Насталь, в отличие от меня, не сидел сложа руки. Он не сомневался, что затеял правое дело, и атаковал мои острова.

Некромант, посвятивший истории войны между двумя архипелагами почти четыре часа, буркнул:

— Это я помню. Но в корабельных хрониках нет ни слова о фрегате "Белая крыса". И упоминаний о том, что короля Клиарны убил Мильт, тоже нет. Или ты специально от них избавился? — он сурово взглянул на капитана.

— Что ты, — спокойно открестился амайе. — Все было немного не так, Эльва. Да, я убил Насталя, я помог Плиарету избежать новых столкновений с ним в будущем. Я мечтал о славе, как мечтаешь о ней ты. Но свидетелей смерти герцогского сына не было. Я пришел на шхуну один и подтвердить причину рассеченного горла Насталя смог, лишь переродившись заново. А вносить ее в упомянутые тобой хроники к тому моменту было уже как-то... глупо, что ли? "Найден мертвым на собственном корабле" — это вполне достойная формулировка для того, что я сотворил.

— Как самокритично, — парень покачал головой. — И, кстати, с чего ты взял, что я мечтаю о славе? Вовсе я о ней не мечтаю.

Милът переглянулся с Хайрен так, будто они обменивались мыслями.

— Я до сих пор не принял тебя в команду "Оборотня" лишь из-за того, что ты до боли напоминаешь мне меня же.

— Глупо, — рассердился Эльва. — Мы с тобой — совершенно разные личности. Ты не владеешь магией смерти, и ты к ней не приспособлен. Ты — бессмертный амайе, а я человек, и моя жизнь до обидного коротка. Если нижнюю половину меня откусит голодная нежить, я уже не воскресну. И стремления у меня иные.

— Это какие же? — усмехнулся капитан.

— Не скажу. — Некромант отвернулся и смерил неожиданно тоскливым взглядом лестницу, уводящую прочь из бального зала. — Я пойду прогуляюсь, ладно? Ваше Величество, — он поцеловал тонкую ладонь Хайрен, — беседовать с вами было очень увлекательно. Я рассчитываю на то, что вы проведете остаток вечера с удовольствием. До свидания.

И он быстро зашагал к ажурным ступеням, ни разу не обернувшись.

Рину мерещился простой деревянный скит, истрепанный северными ветрами, окруженный серой, выцветшей из-за холода и недостатка света мертвой травой. Мерещились шероховатые стены. Он часто был вынужден вытаскивать занозы из своих ладоней, когда соприкасался с этими стенами. Он часто рвал одежду, неудачно зацепившись за рыжеватые клыки заноз. Или пачкал, а сестра неубедительно ругалась сквозь смех. И он тоже смеялся, наслаждаясь ее весельем — весельем единственного близкого существа, оставшегося в живых.

Рин понятия не имел, как погибли его родители. Никто не мог поделиться с ним этой информацией. Сестра приехала уже после произошедшего, забрала маленького эльфа к себе, на край империи Ильно, где не было трактов и городов, где охотиться приходилось самостоятельно, где все законы, правила и рамки устанавливала природа. И Рин искренне верил, что это — самое прекрасное место на живой земле. Искренне верил, что вот так, вдалеке от заклинателей, воинов Легиона, императорских шпигов и прочих, прочих, прочих он действительно сумеет стать счастливым.

Но не сложилось.

Участь зараженного вынудила его бежать. Остроухий испугался, что однажды, сам того не осознавая, принесет сестре гибель или боль. Да, она утверждала, что справиться с болезнью реально, что укусы ведьминой змеи — это не беда, и его последствия обратимы. Но Рин чувствовал, что его обманывают. Обманывают, жалея, словно ребенка — того самого ребенка, ребенка, потерявшего сознание под обломками эльфийского особняка, ребенка, чья семья исчезла безвозвратно и бесследно, словно ее никогда и не было. Он ценил эту ложь.

Но не имел права ею пользоваться.

Сестра, как превосходная охотница, преследовала Рина вплоть до обитаемых городов. А там, среди тысяч и тысяч других созданий, среди запаха гнили и нечистот, потеряла его следы.

Он не знал, отступила ли она в итоге. Вернулась ли домой, продолжает ли коротать зимы в холодном, предоставленном всем капризам погоды ските. Но где-то в глубине его души, так глубоко, что наличие подобных глубин до поры было неприятным сюрпризом, таилась надежда: эльфийка из клана Ледяного Дракона все еще разыскивает младшего брата, все еще прижимается к сырой дороге, продрогшая до костей, но не смеющая признать поражение.

Рин боялся одиночества. И, наверное, именно по этой причине согласился пойти в Нолет — составить компанию Сагу. Юный заклинатель выглядел дружелюбным, общительным и вежливым — пока не запер зараженного в одной из комнат резиденции и не продал его секрет — его благоприобретенную связь с нежитью, — своим товарищам.

Если бы не Эльва, Рин достался бы имперским палачам и судил бы преступников — судил, слепо выполняя чужую волю. Судил страшно и безжалостно, словно зверь, посаженный на поводок и готовый убивать ради миски сытной похлебки.

Этот образ все еще вертелся перед зрением зараженного, когда он барахтался на грани между тяжелым, вязким сном и пробуждением. Разлепил веки — а вокруг незнакомое, темное помещение. Повсюду ящики, стулья и снасти, скатанные в тюки походные одеяла, оружейные стойки. Он поднялся, зябко поежился и подошел было к лестнице, ведущей наверх, но на полпути замер. Сердце колотилось в груди, как бешеное, едва не ломая ребра.

Возле ступенек, спрятав рогатую башку под крыло, спал дракон. Белый, будто снег, и такой прекрасный, будто сошел с картины талантливого художника. Изящный гребень перетекал в костяные наросты на хребте, и по ним можно было пересчитать каждый позвонок. Его хвост заканчивался острыми шипами, и шипы же росли на лапах, как диковинные растения, пробившие труп ради того, чтобы хоть раз попасть под солнечные лучи.

Дракон что-то глухо прорычал во сне, и Рин понял: он разумен. Разумен, как Хаал, но обладает гораздо более сокрушительной силой. Его не убьют заклинатели, ему не страшен никакой Саг. Он — вечность и мгновение, переплетенные воедино. Он — верность и любовь, радость и отчаяние. Набор противоречий... сам этот мир.

Остроухий и прежде видел драконов. Говорил, что они красивые, гордые и грациозные, что им должно принадлежать небо, что лишь драконы способны гармонично в него вписаться. Но это было не всерьез, а сейчас... сейчас у него перехватило дыхание, а колени сотрясла предательская дрожь.

Перед ним лежал не просто дракон.

Перед ним лежал его дракон.

Вернувшись на корабль, Эльва первым делом избавился от чертового камзола и влез в привычную просторную рубаху. Она обеспечила его почти хорошим настроением, и парень, вооружившись чашкой горячего малинового чая, отправился в трюм — проверить, как поживает зараженный.

Приставная лестница ходила ходуном под подошвами высоких сапог, но некромант не разлил ни капли. Деловито отхлебнул, бросил беглый взгляд в угол, куда забился Рин во

время последней такой проверки, и... обомлел.

В углу никого не было.

— Ау? — неуверенно позвал он. И перехватил чашку так, чтобы в случае опасности швырнуть ее в морду противника. — Рин?

Тишина. Только под килем тихо, едва различимо постанывало море.

— Рин, Аларна тебя заberi! — Эльва обошел трюм, заглядывая за ящики и тюки, придирчиво изучая все подозрительные фрагменты помещения, будто выходец из империи Ильно мог с ними слиться. — Где ты?

Щелкнув пальцами, некромант высек из своей кожи десятков ловких, гибких, бесплотных змей. Они призраками заметались по трюму, попискивая, как мыши. Кое-где сбивались в тревожную стайку, обменивались обнаруженными деталями и снова разбегались, не оставляя на общем магическом фоне ровным счетом ничего.

Они заползали в щели, заползали под ящики, обшарили ступеньки и впитались обратно.

Эльва закрыл глаза и прислушался к своим эмоциям. Рин сидел здесь... нет, не сидел — стоял. И потрясенно таращился на что-то, чего змеи уловить не смогли. Это что-то было весьма крупным, сильным и вызывало у некроманта стойкие ассоциации с глыбами голубого льда. И, что самое обидное, это что-то не объясняло, куда подевался зараженный.

Парень внутренне похолодел, представив, как Рин бродит по опустевшим к ночи улицам Эльма. Любой пьяный мужик, рухнувший носом в лужу, сыграет роль позднего ужина — или хотя бы перекуса. Нет, Эльве-то было не особенно жаль людей, но Эльм — это любимый город Мильта и Эхэльйо, это город, где построена пристань для небесных кораблей, город, где родился и где по-прежнему живет "Оборотень" — фрегат, в чью команду он так отчаянно рвался. И если Рин испоганит его трупами — лишними трупами, а не теми, что просыпались порой на кладбище капитанов, — будет... мерзко.

Некромант вылетел обратно на шкафут и вцепился в плечи растерянного караульного. Тот, в свою очередь, стиснул ремень, на котором свободно болталась аркебуза.

— Господин Эльва, вы с ума сошли?! — прохрипел он, вырываясь из крепкого захвата. — Я сейчас занервничаю и продырявлю ваши мозги, а потом выброшу труп за борт!

— Где пленник?! — не менее хрипло выдохнул парень.

— Пленник? — караульный слегка побледнел. — А что, его нет... там?

Он растерянно указал вниз.

— Нет, — подтвердил колдун. — И я жажду выяснить, каким образом он миновал тебя, твоих товарищей и Маргула?!

Последнее имя он почти прокричал, чтобы донести его до хозяина, задремавшего на баке.

— А?... — донеслось оттуда. — Ты чего орешь, Эльва?

— Того, что Рин пропал с корабля!

— Что? — картограф скатился на шкафут и, придерживаясь фальшборта, приблизился. — Как, любопытно услышать, Рин мог отсюда пропасть? Мы ведь заперли трюм, а Тик, — он похлопал по плечу караульного, — постоянно был здесь.

Некромант зарычал и бросился прочь — обшаривать город. Маргул, чуть помедлив, побежал за ним.

Караульный вытер со лба выступивший пот и мысленно покрыл отвратительными словами всех — и мага, и картографа, и зараженного, — за то, что они свели на нет все его усилия в течение смены.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КОМАНДИР

Ночные улицы Эльма были спокойны и безлюдны. Сквозь окна, закрытые ставнями, пробивался слабый свет свечей, а кое-где горели факелы, облегчая работу городской стражи — но работы, как таковой, не было. Это на Белых Берегах, граничащих с другими королевствами, выгодно основывать Гильдии Убийц, Воров и прочих неблагонадежных ребят, а на замкнутом, недоступном для большинства людей Плиарете — нет. Здесь любую кровожадную тварь найдут и казнят раньше, чем она сумеет войти во вкус.

Все это Эльва додумывал на ходу, лихорадочно шастая по узким переулкам и привычно отпугивая крыс, готовых крутиться у него под ногами, пока эти самые ноги не раздавят их хрупкие тела. Парень прощупывал пространство магией, словно выставленную на продажу ткань, копался в энергетических потоках, не беспокоясь о последствиях. И — не видел. Ни черта не видел.

Спустя полтора часа он убедился, что Рин, по сути, не покидал фрегат. Не выходил на пирсы, не шагал по мостовым, да что там — даже доски шкафута не сохранили отпечатков его подошв. Зараженный просто исчез, и все. Не в силах совладать со своим взбудораженным разумом, некромант вспомнил, как пропал с корабля Фасалетрэ Эштаралье. Но его ждали Нижние Земли, обитель демонов, царство вечного мрака. А Рина? Что, Аларна забери, моглс ждать Рина — обычного имперского эльфа, пускай и пострадавшего от ядовитого укуса нежити?

— Его тут нет, верно? — Маргул уселся на голые доски пирса, разулся и опустил босые ноги в воду. — И если да, то тебе не стоит лишний раз нервничать. Присядь. Отдохни.

— Ишь, раскомандовался, — буркнул Эльва, но совету картографа внял.

Море не успело толком остыть, и волны были теплыми и нежными. Жаль. При нынешних обстоятельствах холод повлиял бы на него лучше и быстрее, чем тепло.

Внизу чернела глубина, а на нее ложились, погруженные в сон, тени кораблей. Похлопывали паруса, позвякивали снасти — с ними играл налетевший ветер, и он же безмятежно перебирал пряди светлых волос белобрежного колдуна.

— Я не понимаю, — не выдержав, признался он. — Не понимаю, хоть ты меня режь. Куда он делся? Если не в город, за свежей едой, то куда?

Маргул рассеянно растопырил пальцы, похрустел костяшками и расслабился.

— Может, он улетел?

Некромант расхохотался:

— Ну и глупость же ты сморозил. Улетел, ха-ха... каким образом? Я не припоминаю, чтобы у Рина на спине росли крылья.

— Глупость, согласен, — серьезно кивнул картограф. — Это я так, за неимением других вариантов, предполагаю. Но ты все равно мозгами пораскинь. Не далее, как сегодня утром, мы с тобой говорили о драконах. О разумных драконах. А потом, когда я задремал на баке, мне приснилась...

Он сделал странный, осторожный жест ладонью, будто протирал воздух от лишних лунных лучей.

— Знаешь, такая огромная пустошь. Сплошной лед и снег, а под ними — кто-то еще.

Кто-то большой, крылатый и такой древний, что рядом с ним даже жить не хочется.

— Значит, лед? — Эльва нахмурился. Ощущения, принесенные ему змеями, никуда не пропали, и впечатление от загадочной иллюзии по-прежнему было свежим. — Любопытно.

— Да, — согласился Маргул. — А еще любопытно, кому понадобилось красть парня, зараженного нечистью? Он все равно умрет, рано или поздно. Прости, — он насмешливо искривил губы в ответ на явное раздражение собеседника, — но ты же сам собирался его убить, если живое сознание в теле так и не проснется.

— Мало ли, что я собирался, — смутился некромант. — То есть да, я не отрицаю своих намерений, но... погибнуть от руки того, кто хотя бы попытался тебя спасти, и погибнуть в угоду непонятым целям — это разные вещи. К тому же у Рина был магический талант, пусть и заглушенный болезнью. Если бы мне удалось вытащить его наружу, никакой чертов яд уже не имел бы веса.

— Что это за "был", "если бы", "погибнуть"? Ты, вроде бы, не из тех людей, которые легко сдаются. Пошел бы да поискал получше, порылся бы в магических отпечатках, или как ты там это называешь? Толку сидеть, заламывать руки и страдать, мол, ах как я плох? — Маргул старался задеть приятеля, не задев, и терпел один сокрушительный проигрыш за другим. — Эльва! — воскликнул он. — Подними свою задницу и начинай работать! Нечего жаловаться на судьбу слабому мальчишке, тем более — не обладающему никакими способностями! Давай-давай, дви...

Он запнулся.

— Ну? — хмуро уточнил некромант. — Что такое? Не молчи. Продолжай, я хочу выслушать твою напутственную речь до конца.

Картограф зажмурился, сглотнул и спросил:

— Эльва, ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, — сердито подтвердил парень. — Я не болезненная дамочка и не падаю в обмороки, когда за мной приходят проблемы.

Его голос становился тише.

И звенел, отдаваясь в ушах бесконечным эхом — словно хасатинский колокол на вершине храма для путника, чьи ноги еще не успели пересечь черту городских ворот.

Маргул рискнул снова открыть глаза — и убедился, что ему не померещилось. Полупрозрачный Эльва, похожий на жутковатое привидение, по-прежнему сидел рядом — пока совсем не исчез, пока с тихим шелестом не развеялся вслед за ветром.

На пирсе остались только его высокие, несколько минут назад расшнурованные сапоги.

Некромант не уловил, к чему картографа вдруг резко заинтересовало его здоровье, и не горел желанием затягивать бессмысленный разговор. Он уже привел в порядок беспокойные мысли и прикидывал, не обшарить ли еще раз трюм — но мир неожиданно завертелся, лопнул, рассыпался тысячами золотых искр... и снова сложился, но уже — не тот.

Синее ночное небо почти сплошь затянули облака, и не было видно ни Дайры, ни Шимры, ни далеких звезд. Сплошная темнота. В ней смутно угадывались очертания травы и деревьев — непривычно низких, с тоненькими хрупкими ветками.

Эльва зажег на ладони белый магический огонек — не очень мощный, чтобы не привлекать внимание окрестной нежити, но выхвативший у тьмы то, что таилось в паре шагов от колдуна. Все те же хиленькие растения, истощенные летним солнцепеком, редкие ночные жуки и бабочки. Прорва бабочек. Крылатые твари ринулись на свет с энтузиазмом

рыцарей, получивших сигнал к атаке, и испортили окружающую некроманта картину биением сотен теней. Пришлось погасить комочек энергии, впитать его обратно под кожу — и усилить зрачки.

Некромант окрестил бы это место пустошью, но кое-где просматривались остовы зданий — отнюдь не новых, разбитых войнами и беспощадно бегущими вперед годами. Каменная кладка крошилась под пальцами, стоило лишь едва надавить. Провалы окон, некогда витражных, щерились разноцветными осколками.

На первый скелет Эльва наткнулся, завернув за угол — туда, где заканчивалась улица. Он был желтым, покрытым трещинами и лежал, наполовину вдавленный в землю. Вероятно, поэтому его не обгрызли падальщики, и поэтому он сохранился полностью, не разлетевшись на сотни разрозненных фрагментов.

Перепад между Эльмом, Плиаретом и пристанью к этому безмолвному, покинутому людьми городу не давал некроманту спокойно вдохнуть. Дыхание засело болезненным комком в горле, сдавив его и не позволяя прорваться ни единому слову. Впрочем, некромант не расстраивался — все слова, пришедшие ему на ум, вогнали бы в краску кого угодно.

Он опустил на корточки и с силой потер веки, но вернуться на борт "Оборотня" это не помогло. Дар, забившийся плененной птицей в груди, ощущал тысячи и тысячи мертвых, чьи души пропали давным-давно, а тела оказались не погребенными. Хоронить их — занятие муторное и бесполезное, тем более что вместо почвы тут — пепел. Значит, город сожгли, причем сожгли быстро и со вкусом, стараясь чего-то избежать. Чего?

Сперва Эльва подумал о чуме. Инквизиция не могла с ней бороться, а маги не могли вмешиваться — остаточное колдовство навело бы храмовых псов на след. Но чума выглядит иначе. Да, в городе мало что сохранилось, но на этих памятках прошлого не было ничего страшного. Ни теперь, ни прежде. Не было крови, не было липкого, противного ужаса, не было отчаяния, пропитавшего ауры людей. И... а были ли люди?

Некромант сощурился, испытывая странную уверенность: те, кто погиб здесь, на самом деле не должны были умирать вообще.

Эльфы. Бесконечно долго живущие эльфы. Если смерть не заберет их в бою или не сломает грустью, они имеют все шансы наблюдать за будущим, пока оно не превратится в кошмар.

Эльва побледнел и на всякий случай окружил себя сплошным щитом. Чтобы убить представителей племени остроухих, чтобы запереть их в огне, надо обладать огромными силами. Надо быть равным если не Богу, то демону, причем демону высшему — выше рангом, чем Фасалетрэ Эштаралье, чем известный многим граф Шэтуаль, чем... нет, пожалуй, на уровне четверых принцев Нижних Земель следует остановиться.

Ночевать среди трупов тех, кто должен был пережить тебя — сомнительное удовольствие. Некромант куда-то побрел, предположительно — на север, но спустя полчаса сбился и осознал, что ходит кругами, и до утра бесполезно предпринимать новые попытки избавиться от соседства с трупами. Поэтому он улегся под очередной чахлой березой, готовой вот-вот сбросить последние бледные листики, и задремал.

Эта дремота была короткой, тревожной и глупой. Эльва вскакивал по любому поводу, едва различив поблизости шелест или шуршание лапок полевых мышей. А уж когда вместо мирных, знакомых звуков звякнула сталь, и тишину втоптали в жидкую грязь многочисленные шаги...

Некромант проверил, достаточно ли надежен щит, и внимательно присмотрелся.

Люди шли плотным строем, не выпуская из рук тяжелые копья, арбалеты и мечи. Темно-зеленая одежда, выправка, выдающая военных, осторожные, скользкие, но цепкие взгляды. Не вплети парень в щит маскирующее заклятие — оказался бы мишенью для четырех десятков стрел и болтов, рассчитанных на человека в доспехах.

Солдаты равнодушно миновали его укрытие, а за ними потянулась цепочка деловитых оруженосцев, лекарей и молчаливых, высокомерных ребят в алых мантиях. Среди них, непринужденно беседуя с невысоким мужчиной лет сорока, Эльве особенно не понравился русоволосый тип в серебристой кольчуге. Он два раза обернулся, прежде чем скрыться вслед за основной колонной, и окрестности наконец-то опустели.

Некромант пошевелился, размял затекшую шею и медленно, аккуратно выпрямился. Ему не удалось избавиться от дурацкого подозрения, что кто-то из солдат задержался и с минуты на минуту появится, прикрывая тылы загадочного ночного войска.

Он был почти прав.

Почти.

Из темноты вынырнул еще десяток теней, возглавляемых человеком, чью форму испортили блестящие пятна крови. Этот тип настороженно зыркал по сторонам и прикрикивал на своих товарищей, волочивших неподвижное тело остроухого юноши с жутковатой сеткой корней, раскинувшейся возле закрытых глаз.

Эльва метнулся было к нему, но сразу застыл, пораженный собственной тупостью. Солдаты тоже замерли, безошибочно определив, где находится их невидимый противник.

— Кто там? — окликнул окровавленный тип. — Именем Легиона — покажись!

Некромант быстро, ругаясь про себя, перебирал в голове возможные варианты действий. Сбежать? Но тогда они уйдут, и ищи их потом по миру — ведь отобрать Рина с ходу не получится. Избавиться от щита? А вдруг они откроют огонь? Аларна забори...

— Покажись! — повторил солдат.

И Эльва показался.

Он разрушил свою защиту одним экономным, незаметным движением — и притворился испуганным идиотом.

— Извините, — хрипло выдавил из себя он. — Я опасался, что вы меня убьете, если увидите.

Спутники окровавленного типа загоготали, будто гуси. Обезумевшие гуси.

— Правильно опасался, — кивнул тот. — В этом ужасном мире опасения спасают людей. Главное — не дергаться и не выдавать себя чужакам, как сделал это ты. Кто ты такой? И какого дракона ты шарахаешься от нас?

Последнее слово он произнес выразительно и гордо — так, словно Эльве были известны причины, вынудившие незнакомца устроить развеселую прогулку впотьмах.

— Я всего лишь странник, добрый господин. И, как и все странники, предпочитаю не связываться с убийцами. Это не моя беда, что вы тащите мертвого эльфа, но...

Солдат сощурился:

— Значит, странник? Да еще и удивительно зоркий.

— Прошу прощения, — некромант виновато улыбнулся.

— О, прекрати унижаться, — отмахнулся мужчина. — Поверь, я умею ценить талантливых людей. Но тебе невдомек, что я за сволочь, верно? — Он тоже улыбнулся, обнажив ровные белые зубы и шесть вампирьих клыков, что само по себе уже служило ответом. — Позволь представиться. Меня зовут Сарма, и я возглавляю Северный Легион.

Эльва внутренне похолодел.

— Объясняя тебе причины появления вот этого милого паренька, — Сарма указал на Рина, — скажу, что он имперец, сбежавший с какими-то полудурками на земли наших врагов. Я составил схему призыва, основанного на крови его сестры, и выцепил мальчишку обратно. Тут каждому известен закон: если ты родился в империи Ильно, то и умрешь в империи Ильно, и вообще ни одна живая тварь не разлучит тебя с империей Ильно. Но молодости свойственно ошибаться, и я попросил своих коллег из Ордена помиловать несносного паренька, а взамен пообещал воспитать из него бойца. Драконово обещание, но мне без разницы, под каким предлогом в ряды Северного Легиона попадет эльф.

— Эльфы нынче в цене, — хохотнул кто-то из его спутников. — Потому что почти все сдохли.

— То есть как это — сдохли? — растерялся Эльва.

Хохот немедленно стих, и солдаты переглянулись между собой. Сарма повел бровью:

— А ты не в курсе? Император счел, что эльфы — это пережитки прошлого, раз их женщины больше не в силах рожать настоящих заклинателей. Хотя, думается мне, он пощадил бы их остроухое племя, если бы не межрасовая вражда. Люди кричат: "Убить их! Убить! Убить!" и устраивают самосуд на площадях, потому что, в отличие от них, эльфы не умирают от голода. А мудрый правитель обязан поддерживать свой народ и учитывать его мнение.

Некромант с трудом подавил желание разразиться тирадой в адрес имперских крыс. Неужели они действительно уничтожают эльфов? Хотя к чему тут сомнения, если отголоски заклинания-призыва выбросили парня прямиком в город, сожженный практически дотла?!

— Выходит, вы и его убьете? — зло бросил он.

— Нет, — неожиданно возразил Сарма. — Этот мальчик мне нужен. У него есть задатки заклинателя. Ладно, парень, — он отвернулся и жестом показал, что пора снова подхватывать Рина и топать куда подальше, — давай расходиться. Иначе передовой отряд запаникует и отправит ко мне разведчиков, и придется терпеть, пока они обшаривают каждый камень и размышляют, нет ли рядом какой-нибудь угрозы.

— Подождите. — Эльва решительно двинулся к нему. — Возьмите меня с собой.

— С собой? — Мужчина рассмеялся. — Ты в своем уме?

— Да, — мрачно произнес некромант. — Я в своем уме гораздо больше, чем вчера или позавчера. Я с детства мечтал вступить в Легион, я во всем подражал вашим товарищам, я... — он изобразил восторг, и изобразил так талантливо, что окровавленный тип польщенно ухмыльнулся. — Я... ну пожалуйста, господин Сарма! Я что угодно совершу, даже если мне прикажут спрыгнуть прямиком в Ад и отрубить голову его владыке!

— Вот как? — мужчина покосился на соратников. — Хорошо, мы обсудим этот вопрос в лагере. А пока что помоги нести проклятого эльфа — еще немного, и мои ребята надорвутся.

— С радостью, — сказал Эльва и горячо поблагодарил своих нынешних "благодетелей". Представляя, как с таким же милым выражением лица разрывает их на кусочки.

Одной рукой Валгиар Хилмер сжимал поводья, а другой — воротник рубахи, вяло прикидывая, не распустил ли его к чертовой матери. Пронизывающий ветер тешил обитателей Белых Берегов сутки, а затем сменился удушливой жарой. Сейчас ленивые дуновения добивались только того, что дорожная пыль взмывала в воздух и клубилась

туманом — серовато-коричневым, неприглядным и удручающе сухим. Представитель Гильдии Магов отдал бы все, чтобы окунуться в настоящий туман и проторчать в нем до вечера, пока солнце не свалится за край земли, а Дайра и Шимра не принесут овечьими мечтами прохладу, но чего нет, того нет.

Он понятия не имел, где искать Эльву. Да, стоит посетить Леден, навестить нового ландарского короля — и поинтересоваться, не делился ли некромант планами на будущее. Но толку, если до бывшего ученика не добираются даже вестники? А вестники, как известно, бьют на ОЧЕНЬ большое расстояние — вон, затруднений не вызывает даже связь между Белыми Берегами и Дератриком.

Конечно же Валгиар Хилмер не собирался всю дорогу трястись в жестком седле. Поэтому, едва покинув особняк де Лайнов, свернул на тракт, ведущий к Шьенэту.

Там тоже был человек, способный поделиться сведениями.

Цитадель, окруженная лесом, грозно следила за путниками взглядом сотен и сотен бойниц. У ее ворот, избавляясь от скуки, сошлись в тренировочном бою двое солдат — высокий, широкоплечий парень лет двадцати пяти и безусый юнец с беспощадной россыпью шрамов на суровом, жестком, лишенном дружелюбных эмоций лице. Оба копейщика использовали обычное, остро заточенное, оружие и лишь чудом успевали остановиться, когда лезвие или острие слишком близко подступали к телу противника.

Обнаружив Валга, они опустили оружие и согнулись в почтительных, но не глубоких поклонах — приветствие равному, а не превосходящему, человеку. Маг поступил точно так же, а затем вежливо попросил:

— Добрый день! Вы не могли бы проводить меня к господину Кайте Тиезу де Лайну?

— Лейтенант ожидает вас в караулке, — отмахнулся юнец. — Вон она. Третья по счету слева от кухонь.

Валгиар Хилмер сощурился:

— Вижу. Спасибо вам.

Конь миновал границу цитадели, и воины вернулись к сражению. Копья плели прекрасное смертоносное кружево, и мужчина спиной улавливал их пьяную радость. Не оружие — а чудо, творение кузнеца, призванного придавать форму стали.

Белобречный король никогда не скупился на обмундирование для своих солдат. Особенно — для тех, кто входил в состав специальных отрядов типа "Охотников Инэ-Дэры".

Вручив коня заспанному слуге, Валгиар Хилмер поднялся на порог караулки. Постучал, и, получив приглашение входить, толкнул створку от себя.

Господин Кайта Тиез де Лайн был несколько ниже Эльвы. Его светлые, почти до белого выгоревшие волосы падали на глаза — потрясающего синего цвета, точь-в-точь, как у некроманта. Даже в манере наблюдать за собеседником присутствовало некое сходство, и Валгиар Хилмер мрачно порадовался, что второй сын маркиза Лиайги является не менее достойным человеком, чем третий. И уж точно гораздо более достойным, чем первый.

— Господин Тиез, — на этот раз поклон был ниже, чем перед стражниками у ворот. — Я счастлив, что вы здесь.

— Не надо кланяться, — поморщился Кайта. — Сядьте, господин Хилмер. Вы, наверное, устали с дороги. Не составите мне компанию?

Он указал на простой деревянный стол, накрытый на двоих.

— Вы очень предусмотрительны, — кивнул мужчина. — И я признателен вам за это.

Кайта улыбнулся, и волшебное сходство с Эльвой тут же разлетелось вдребезги. Улыбка

лейтенанта, хоть и вполне искренняя, ничуть не походила на улыбку его младшего брата.

Валг обругал себя за лишнюю сентиментальность и сел, подхватив пальцами вилку — вполне обычную, предназначенную не для одного определенного вида пищи. Кайта, наоборот, поднялся, чтобы разлить по кружкам недорогое вино.

Они пообедали, не спеша тревожить полуденную тишину. Мужчина про себя отметил еще добрых полтора десятка отличий между лейтенантом "Охотников Инэ-Дэры" и некромантом, чья душа постоянно требовала странствий, опасностей и приключений.

Когда с тарелок исчезли последние крохи, а из бутылки безвозвратно пропало около половины чудесной жидкости, Кайта спросил:

— Вам нужна информация о моем брате, верно?

— Да, — без обиняков согласился Валгиар Хилмер. — Ваш отец настаивает, чтобы я взялся за поиски Эльвы. Мне даже выпала честь побывать в одном из особняков семьи де Лайн.

— Полагаю, отец рассказал вам все, что знал?

— Да, — повторил мужчина. — По его сведениям, Эльва приложил руку к возведению на трон истинного ландарского наследника, за что и получил право голоса в тамошнем Совете. Затем он пропал, и несколько моих коллег попытались отыскать хоть какие-нибудь следы, но удача от них отвернулась. Может, я понравлюсь ей больше. Господин Лиайга упомянул, что вы разговаривали с Эльвой незадолго до того, как он уехал в Ландару. Он был в порядке?

— В порядке, — спокойно подтвердил Кайта. — На тот момент он намеревался нанести визит госпоже Лефрансе Эгшер — айл-минорской графине. Если не ошибаюсь, компанию Эльве должна была составить эльфийка Илаурэн из клана Айнэро.

— Вот как? — Валгиар Хилмер выразительно приподнял брови. — Но все это не кажется вам таким уж важным. Я прав, господин Тиез?

Лейтенант весело рассмеялся:

— Правы. И чертовски проницательны.

Маг почесал висок, нахмурился и предложил:

— Поведайте мне то, о чем поведал вам Эльва. Я обещаю держать это в тайне.

— Я бы с удовольствием промолчал и спровадил бы вашу милость за ворота цитадели, — со вкусом пробормотал Кайта, — потому что ненавижу тех, кто старается угодить моему отцу. Но поскольку вы — учитель Эльвы, и Эльва вспоминает вас без раздражения, более того — пишет вам письма, когда считает это необходимым... я сделаю исключение. Цените его, господин Хилмер.

Мужчина склонил голову:

— Я ценю.

Средний сын де Лайнов посмотрел в окно.

— Мой брат познакомился с великими корсарями Плиарета. Он не называл имен, но общие факты — это пожалуйста, это без проблем. Ради какого-то эльфа, пострадавшего во времена инквизиции, мой брат отправился к берегам империи Ильно — искать разумных драконов, способных избавить остроухого от его бед. С одной стороны, там ему повезло. С другой — нет: имперские заклинатели выследили чужаков и возжелали от них избавиться. Незадолго до своего возвращения в Ландару Эльва прислал мне письмо, где описал внешность некого господина Дейры и объяснил, что он — один из имперских крыс. Полагаю, отец уже успел вам пожаловаться? Этот юноша разыскивал моего брата и угробил

бы всех, кто попался бы на его пути, если бы не граф Тинхарт.

Валгиар Хилмер мрачно вспомнил о том, как якобы-Дейра приходил в пограничную крепость Морского Королевства:

— Угу. Понятно. Но в таком случае я перестану улавливать, зачем вам понадобилась моя помощь. Разгадка и так лежит на поверхности.

— Хм? — невозмутимо уточнил Кайта.

— Плиарет, господин Тиез. Эльва, скорее всего, добрался до Плиарета. Но никто не знает, где расположен этот остров, и никто не уверен, что он на самом деле существует. Поздравляю. Вашему брату удалось достичь легенды, да еще и подружиться с хозяевами небесных кораблей. Впечатляет, не правда ли?

— Правда. Но если бы он стремился лишь к этому, то не начал бы учить имперский. Я понятия не имею, ради чего Эльва так рвется в империю Ильно, но боюсь, что он снова наживет себе чертову гору неприятностей. Впрочем, господин Хилмер, — лейтенант поднялся и принялся собирать посуду, — я не настаиваю. Это ваше право — разобраться, как поступить.

— А вы сами? — лукаво уточнил маг. — Вы сами разве не желаете помочь дорогому младшему брату?

Кайта красноречиво подцепил двумя пальцами нашивку на рукаве мундира.

— Безусловно, желаю. Однако если я сейчас брошу полк, обратно меня уже не примут.

Основной лагерь Легиона впечатлил Эльву так, что остаток ночи превратился в лихорадочное гадание: убьют его или нет? Убьют или нет? Шатры, наспех сколоченное подобие шалашей, костры и скопления отрядов раскинулись вокруг на многие мили, насчитывая тысяч пять, если не все десять, человек и... не только.

Рина бросили у ближайшего источника огня, накрыли двумя походными одеялами и скрылись, нырнув под полог очередного шатра. Эльву никто не позвал, и он остался охранять зараженного, попутно ругая себя за все последние идиотские идеи. О побеге не могло быть и речи — ну как тут сбежишь, когда тебя окружает огромная толпа народу? Мало того, что истыкают стрелами, так еще и постараются убить не сразу, чтобы растянуть удовольствие и выпытать, откуда взялся этот безмозглый парень.

Прошло около двух часов, и некромант начал клевать носом, периодически вырывая себя из пучины сна и внимательно оглядываясь. Ничего не менялось. Легион следовал своим, лишь ему одному известным, порядкам. Сменялись караульные, готовили пищу повара, разносили котлы рядовые. Эльве тоже предложили поесть, и он с радостью принял миску наваристой, ароматной каши, заправленной салом.

— Ты, небось, не из местных? — поинтересовался разносчик, протягивая некроманту ложку.

— Не-а. Я с восточных окраин, — мужественно солгал тот. И тут же перешел в наступление: — А ты давно в Легионе?

— Шестой год. Уютно здесь, душевно. Все товарищи талантливы и умны, а если нет — командир от них живо избавляется. Но ты не беспокойся, — легионер помахал рукой девушке, жестами показавшей, что она тоже ждет-не дождетя ужина. — С тобой все нормально будет. Выправка у тебя хорошая, меч — еще лучше, да и характер вовсе не такой сумасшедший, как у многих твоих предшественников. Главное — не грубить командиру. И следовать его приказам.

— Ну ясное дело, — буркнул Эльва себе под нос. Приказы он с детства недолюбливал, особенно если их раздавали существа, чья логика не совпадала с его собственной. Именно поэтому Кайта, сколь бы ни надеялся устроить младшего брата на службу, терпел неудачу за неудачей — некромант кричал "НЕТ!", не дослушав до конца суть его просьбы.

Но теперь выбора у него не было. Сам влез — самому и выпутываться придется, тем более что небесный фрегат по-прежнему стоит у пристани Эльма. Чудесного, сказочного, теплого Эльма, где нет чертовых заклинателей и чертовых имперцев.

— Это ты, что ли, доброволец? — презрительно осведомился кто-то за спиной некроманта.

Обернувшись, он обнаружил приземистого, крепкого, скучающего мужчину с роскошной гривой золотисто-рыжих волос. Его щеки были испещрены кривыми шрамами, а зеленовато-серые глаза светились недовольством и неприязнью.

— Здравствуйте, — поздоровался Эльва. — Да, это я.

— За мной, — велел мужчина и, сердито поглядывая на прочих легионеров, двинулся к центральному шатру — тому самому, где по возвращении в лагерь обосновался господин Сарма.

Заходить туда некроманту было страшновато, хотя он не единожды ввязывался в истории и похуже. Но провожатый уже сдвинул полог, пропуская гостя внутрь, и почтительно отсалютовал вампиру.

Сарма стоял, изучая подробную, сильно потрепанную карту империи Ильно и прилегающих к ней крохотных островков. Горный хребет — естественная граница между северными и южными городами, — покрывали аккуратные символы, выведенные красным чернилом. С десятков перевернутых крестов, нечто вроде звезд и полукруглых сфер... белобрежные руны. Заметив их, Эльва напрягся — неужели его подозревают? И неужели командир Легиона осведомлен о столь далеких вражеских территориях, как Белые Берега?

— О, вот ты где, — произнес вампир. — Проходи. Садись, — он указал на свободное кресло, обитое синей тканью. Некромант представил, как двое или трое легионеров в поте лица тащат на себе эту чертову тяжеловесную мебель, однако послушно сел и сложил руки на груди, наблюдая за Сармой со смесью ожидания и непоколебимого равнодушия. Тот тихо рассмеялся и обратился к провожатому Эльвы: — Спасибо, Дауз. Ты можешь идти.

— Но, господин, — с обидой возразил мужчина, — что вы предпримете, если этот урод окажется опасным противником?

— Что-нибудь, — легкомысленно отмахнулся командир. — Ступай. Я хочу побеседовать с нашим неожиданным добровольцем наедине.

Дауз нахмурился, негромко выругался и убрался восвояси. Некромант бросил полный отвращения взгляд в сторону выхода, а затем прислушался к дару. Комок темной магии утверждал, что под равниной достаточно трупов на случай упомянутого вампиром "чего-нибудь".

Конечно, драться с чистокровными детьми племени наровертов — это та еще морока, но шансы на победу есть. Да и судить о чистокровности Сармы было рановато — мало ли, может, его обратили уже после рождения.

— Итак, — сказал командир Легиона, вырывая парня из лихорадочного потока предположений. — Ты представился, как Эльва из восточных селений. Представился очень убедительно, и я склонен тебе верить. По крайней мере, насчет имени. Однако же, — он сунул карту во внутренний карман куртки, — твоя причастность к восточным селениям

империи Ильно — да и к империи Ильно вообще, — остается под вопросом. Я буду бесконечно рад, если ты предоставишь мне факты. Любые. Как тебе жилось в деревнях, где запрещена охота на китов, а вместо дичи по равнинам и редким лесам бегает нечисть?

— Так себе, — с горечью признал Эльва. — Питаться травами, корешками и тем зерном, что не забрал император в качестве компенсации за невыплаченный налог — противно.

Сарма кивнул, принимая его слова, как должное:

— Ясно. Продолжай. Какими были твои родственники, соседи, друзья?

— Друзья? — иронично повторил некромант. — Да разве их можно назвать друзьями? Все, как один — дрожащие перепуганные крысы. "А что, если в следующем году снова будет неурожай?", "А что, если зимой передохнет скот?", "А что, если за нами явится нежить и вкусно пообедает?" В детстве я им еще верил, но теперь... это лишено смысла. Я был разочарован и решил уйти, пока еще не поздно. Сами понимаете — потом придет старость, постоянная боль, болезни и прочие сомнительные радости, а то и смерть — у нас мало кому удавалось прожить больше шестидесяти лет. — Он притворился, что размышляет, и постучал пальцами по собственному локтю. — Я радовался, как ребенок. Побывал почти во всех городах, повидал множество других сел. В некоторых из них люди чувствовали себя гораздо лучше, чем у меня на родине. С помощью нежити мне удалось заработать немного денег, и я...

— Ты, — Сарма мило улыбнулся, — пытаешься меня обмануть. Для чего?

Эльва осторожно выдохнул, но признаваться не стал.

— Любопытная ситуация. — Командир Легиона опустил на край стола, задумчиво изучая необычную внешность добровольца. Светлые волосы, светлые глаза, и даже кожа — светлая, безо всякого намека на загар или природную смуглость. В империи Ильно подобные люди были редкостью. Но сейчас чутье настойчиво подсказывало Сарме, что его новая игрушка воспитывались вдали от сурового императорского пристанища. — Во-первых, ты обладаешь магией. Не надо отрицать, я прекрасно улавливаю такие вещи. Во-вторых, ты как-то связан с малышом Рином, а значит, тебя выгодно использовать. В-третьих, ты явно не имперец. Нет. погоди. Не нервничай. Я нисколько тебя не осуждаю. Если бы опасность грозила моим друзьям, я бы тоже сунулся в любое пекло и разорвал бы в клочья его хозяина. Как насчет мирно договориться? Я даю тебе шанс остаться в Легионе и находиться рядом с нашим общим остроухим знакомым, а ты честно рассказываешь, где родился, где воспитывался и кто твои родители. Ты ведь из благородных, Эльва. По тебе заметно. То, как ты двигаешься, как ведешь разговор и даже как смотришь — все это намекает на благородное происхождение. Соглашайся. Честность за честность. Ты изливаешь мне душу, а я поясню, какого дракона мне понадобился Рин и какие у него перспективы. Ну?

— С чего бы такая... м-м-м... лояльность? — насторожился Эльва.

— Лояльность? — удивился вампир. — Что ты. Ни о какой лояльности и речи не идет. Просто ты меня интригуешь. Я люблю чужестранцев, люблю их наивные попытки избавиться Ильно от влияния императора, люблю их аргументы. Обожаю проводить досуг в пыточных, где многие готовы поседеть от жуткого крика типа: "Нет! Я невиновен! Невиновен!" Люди — забавные существа. Они приплывают к нам, наивно считая, что мы живем в настоящем кошмаре. Но это глупо. Мы сами выбрали нынешнего императора, и я считаю, что он неплохо справляется.

— А еще ты что-то путаешь, — напомнил ему Эльва. — Я не собираюсь оспаривать

здешнюю власть. Мне без разницы, каков из себя ваш правитель. Я всего лишь хочу, — он на мгновение закрыл глаза, — спасти своего друга.

— Ты хочешь спасти своего друга, — эхом откликнулся командир. — Но каким образом? Рин — зараженный. За пределами империи Ильно ему не выжить. Только на этих берегах бурлит магия изначальных драконов, только на этих берегах рождаются заклинатели. Мне жаль, Эльва, но у мальчика нет выбора. Либо он приспособливается к жизни тут, либо теряет ее там. Третьего варианта нет.

— Насколько мне известно, вампирья кровь исцеляет любые болезни. Почему бы тебе не пожертвовать пару капель?

Сарма сощурился:

— Отличная идея. И я бы с радостью ей воспользовался, если бы то, что бежит по моим венам, было чистым. Но, к сожалению, до двадцати двух лет я не был вампиром. Я воспитывался оборотнями.

Некромант, едва успевший вычеркнуть из списка своих опасений один пункт, мысленно проклял этот мир и обзавелся новым.

— Значит, оборотень? Занятная штука. И какова же твоя вторая ипостась? Волк?

— Волк, — с достоинством подтвердил мужчина. — Я — волк, и я испытываю жуткий голод. Биение живых сердец манит меня, словно теплое пламя — путника, прошагавшего двадцать миль по морозу. Так что? Ты принял какое-нибудь решение?

— Принял. — Парень про себя набросал магический узор, чтобы быть под защитой Дара, если Сарме не понравится его истинная сущность. — Меня зовут Эльва Тиез де Лайн. Мой отец — полноправный маркиз северного белобрежья, а я — третий его ребенок. Поэтому у меня были все возможности избежать судьбы дворянина. Я довольно долго цеплялся за родной дом, полагая, что нужен матери, и... нет, не ошибся... скорее осознал, что если проживу там еще хотя бы год — сойду с ума.

— И сбежал? — заинтересованно уточнил Сарма.

— Да. Поскольку на тот момент у меня уже пробудился мощный талант, то и сомнений, куда идти, не было: я направился прямиком в Алаторскую Академию. Там меня научили контролировать Дар — так у нас называется врожденный источник магии. Но годы шли, учебное время закончилось, и я оказался предоставлен самому себе. Поступай, как угодно, веди себя, как угодно, верь, во что угодно. Полное, абсолютное одиночество. Оно меня впечатлило, — признался Эльва. — Впечатлило настолько, что расстаться с ним я уже не сумел. Вероятно, я был предназначен именно для такой жизни. Появился на свет, чтобы странствовать, чтобы убивать, чтобы... — он ненадолго задумался, — чтобы все было правильно. У меня есть знакомый, который почему-то уверен, будто я действую ради славы. Это не так. Я действую ради справедливости, но справедливость у меня своя. Я спасаю тех, кого желаю спасти, сражаюсь с теми, кто вызывает у меня отрицательные эмоции, покидаю тех, кто надеется на мне заработать. Я — свободный человек, господин Сарма. Абсолютно свободный. И мне без разницы, какая у меня репутация, без разницы, кем меня считают другие люди. Я имею полное право быть таким, каким себя устраиваю.

— Потрясающе, — похвалил его командир Легиона. — Благодарю за то, что избавил меня от лишних сомнений.

Он мягко отступил к пологу, приподнял его и окликнул:

— Вихтис! Помоги новичку устроиться и разобраться в нашем уставе. И прикажи выдать ему форму — эти тряпки не сочетаются с нашими правилами.

— Да, командир! — бодро отозвался кто-то.

— Эй-эй, погодите! — сдержанно возмутился некромант. — А как же ответная история? Вы обещали объяснить, зачем вам нужен Рин, и у меня на эту тему десятки вопросов!

— Позже, — выразительно пообещал Сарма.

Эльву препоручили заботам симпатичной, но излишне болтливой и сумасбродной девицы. Темно-зеленый мундир обтягивал ее грудь, и казалось, будто швы вот-вот разойдутся. Некроманту стоило больших усилий не коситься на нее всякий раз, когда Вихтис наклонялась или, наоборот, выпрямляла спину.

Девушка сообщила, что Легион делится на определенные внутренние отряды. Мол, так проще разделяться и собирать информацию, а еще — учиться слаженно работать. Всего насчитывалось сорок три таких группировки, а всех остальных собирали в кучу исходя из того, каким оружием они владели. Эльва немедленно похвастался, что прекрасно дерется на мечах, топорах и парных дагах, а также стреляет из арбалета и дружит с метательными ножами. Вихтис растерянно моргнула, пролепетала: "я спрошу у господина Сармы, как с вами быть" и вручила некроманта угрюмому старику с белой бородой. Тот, в отличие от нее, страдал молчаливостью и мрачностью, однако на парня эти качества влияли не так, как на прочих воинов. Старик даже немного восхитился его устойчивостью, после чего объяснил: люди из Северного Легиона — это не воины. Это безжалостные бойцы, и никак иначе они называться уже не могут.

— Ну-ка примерь, — приказал он, протягивая Эльве штаны, мундир и рубаху из плотного материала. — Должно подойти.

Парень послушно избавился от своих вещей и влез в легионерские. Действительно подошло, хотя штаны, по его мнению, были чересчур свободными выше колен.

Придирчиво изучить себя в зеркале некромант не мог, но ощущения были мерзкие. Впрочем, выбирать не приходилось.

Сарма распорядился осчастливить его персоной арбалетчиков, и некроманта провели в западную часть лагеря. Туда же злой на весь белый свет Дауз принес Рина и заявил:

— Будешь о нем заботиться.

— Ладно, — изумился Эльва.

— Мыть, кормить, вводить в курс дела и так далее.

— Ладно.

— И не вздумайте сбежать. Если сбежите — мы отправимся в погоню, поймаем вас и поджарим, как диких кабанов на вертеле.

— Ладно, — покладисто согласился парень. — Не волнуйтесь, на берегах империи у меня еще есть определенные цели.

— Это какие? — незамедлительно рыкнул Дауз.

— А такие, — некромант загадочно покрутил обеими ладонями. — Этакие. Да ты иди, мужик, не задерживайся — я взрослый и самостоятельный, в непрерывном надзоре не нуждаюсь. И не забудь передать привет господину Сарме. Скажи, что я благодарен за оказанное доверие и, конечно, за обмундирование. До встречи.

И он поскорее отвернулся, чтобы раствориться среди легионеров прежде, чем тупые мозги мужчины переварят этот монолог.

Дауз посмотрел ему вслед с нескрываемой ненавистью. Да, он выглядел вовсе не так внушительно, как половина рядовых стрелков — но ведь стрелки не удостоились чести стать

личными помощниками командира, а он, Дауз, удостоился! Главное — не обращать внимания на снисходительные речи новичка. Когда-нибудь до него дойдет, что недооценивать некоторых людей чревато.

Мужчина понятия не имел, что подобные вещи до Эльвы доходили мгновенно. И что парень намеренно старался вывести его из себя — и выяснить, на что горазд его новообретенный противник.

Некромант устроился у костра, нахохлившись и прикидывая, как отправить вестника Мильту. Расстояние между империей Ильно и Плиаретом было для него загадкой, а вокруг хватало любопытных глаз, ушей и соответствующих амулетов. Однако, уже после общего отбоя, когда лагерь наконец-то затих, парень послал проклятие на головы всех Богов и быстро, необработанным осколком графита по дешевому пергаменту вывел:

"Всем привет, ребята!

Я в порядке, но отголосками чужого заклятия, рассчитанного на Рина, меня затянуло обратно на вражеские берега. Тут холодно и неудобно, да к тому же полно имперцев. Их командир — хозяин Северного Легиона. Я буду вам очень благодарен, если вы быстренько отыщете запасного некроманта и вмешаетесь в эту дрянь, потому что единолично я ее вряд ли разгребу.

С бесконечной надеждой и просьбой простить за внезапное исчезновение,
Эльва.

P. S. И не смейте выбрасывать мои черепушки!"

Некромант перечитал написанное и удовлетворенно кивнул.
Самое то.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПЕСНЯ

Праздник в обители королевы Хайрен для Мильта всегда затягивался, но обычно — по другим причинам. Ее Величество традиционно требовала поделиться всеми последними наблюдениями, убедиться, что фрегат ни разу не пострадал, а его команда не понесла невосполнимые потери. Однако сегодня капитану "Оборотня" повезло.

Этого парня он видел в первый раз. Высокий, отстраненный и рассеянный, тот застыл у низких столиков с холодными закусками и витал в облаках, пока внимание амайе не привлекли его волосы — то ли красные, то ли синие, то ли рыжие, то ли желтые, то ли белые пряди переливались огнем, отбрасывая отблески на сонные янтарные глаза.

— Хайрен, — Мильт остановился, — кто это?

— Это? — королева посмотрела на незнакомца так, будто он испортил ей жизнь. — Это господин Искра, первый сын эльского императора. Тебя представить?

— Благодарю, — улыбнулся капитан, — но я и сам в состоянии. А гостям уже скучно, и они выглядят не хуже волков. Предлагаю такой план, — поспешно добавил он, заметив, как дрогнули губы Хайрен. — После окончания приема я буду ждать тебя в южной галерее. И обрадуюсь, если ты распорядишься убрать оттуда лишних стражников.

— Хорошо. — Ее Величество отвернулась и сделала несколько грациозных шагов прочь. — Но если ты не придешь, я прикажу тебя обезглавить. Или повесить. Или...

Дослушивать амайе не стал. В его присутствии королева Плиарета часто сыпала угрозами, но чтобы осуществить их — нет. Никогда.

— Добрый вечер, — он протянул эльскому наследнику расправленную ладонь. — Меня зовут Мильт. Я капитан боевого фрегата "Оборотень".

— Добрый вечер, — без особой радости согласился тот. — Я Нэрол.

— И не человек, — полувопросительно произнес корсар.

— Нет. — В приятном, но излишне тоскливом голосе эльца прозвучало откровенное раздражение. — Все только об этом и спрашивают. Жутко надоело. Если у вас все, то идите, пожалуйста, своей дорогой.

— Увы, — амайе выразительно развел руками, — у меня не все. Вы ведь каратрим, верно? То есть дракон. И кровь у вас драконья, и повадки, и характер, и вообще вы — дракон! А у меня на борту, — он перешел на шепот, — есть мальчик из империи Ильно, который без помощи небесных ящеров не протянет и двух суток. Проявите милосердие, господин Нэрол. Прошу вас.

Парень по прозвищу Искра удивленно моргнул:

— А вот такого со мной еще не случалось. Мальчишка из империи Ильно? Серьезно? Вы не шутите?

— С чего бы? Если бы я хотел пошутить, то, поверьте, сделал бы это иначе. Но мне действительно нужен живой дракон.

— Тогда я взгляну, — решительно заявил Нэрол. — Даже если ни черта не получится — будет интересно. Далеко до фрегата?

— Близко. Мой родной город и это место, — Мильт широким жестом обвел зал, — связаны переходными рунами. Секунда — и мы уже в Эльме. Секунда — и возвращаемся на прием. Вы готовы? Превосходно. Следуйте за мной.

Искра покорно покинул шумный гостевой зал, переступил границу начертанных в полу рун. Мгновение — и вокруг, подобно туману, зависает серая мгла. Второе мгновение — и она пропадает, а вместо нее появляется просторная кают-компания со сдвинутой к стенам мебелью.

Там, нервно кусая губы и периодически делая глоток малинового чая, переминался с ноги на ногу Маргул. Обнаружив капитана, он дернулся и негромко, с тоской, выдал:

— Эльва и Рин пропали.

— Извини, что? — обреченно уточнил амайе. — Ладно Рин, Рина я понимаю. Не Эльва? Опять?!

— Не кричи на меня, Мильт, — попросил Маргул. — Мне и так плохо. Представь: я спокойно сидел на пирсе, никого не трогал, никого не обижал, и тут — бах! Мой друг исчезает, как привидение. Слово бы его и не было здесь.

— Не мучай себя, — выдвинул ответную просьбу капитан. — Иди спать, а я попробую разобраться.

— Хэль уже пробовал, и его результаты весьма скромны. — Картограф, передернув плечами, направился к выходу. — Все, что он определил — это приблизительный тип заклятия. Магия крови. Он еще говорил, что такую редко используют. Мол, она требует больших жертв, и мало кто способен перенести их без вреда для себя.

— Ценное мнение, — вмешался господин Нэрол. — Разрешите осмотреться?

— Пожалуйста, — кивнул Мильт. — С вашей стороны это будет ужасно кстати.

Каратрим улыбнулся, тенью проскользнул мимо Маргула и, судя по звукам, поднялся на шкафут. Картограф и капитан остались наедине.

— Зря я взял Эльву на корабль, — самокритично признал амайе. — Этот человек — все равно что ходячее пушечное ядро, готовое в любую секунду разорваться. Разумеется, он приложил все усилия, чтобы помочь нам спасти Эхэлью. Но...

— Ты идиот, Мильт, — неожиданно разозлился подросток. — И если это такой способ меня утешить, то он с треском провалился. Ходячее пушечное ядро, надо же! А я-то думал, что Эльва — наш товарищ, наш друг! Странно, никогда прежде я не замечал за тобой такого пренебрежения к людям!

Он швырнул чашку на пол, и та разлетелась десятком острых осколков. Когда капитан сумел отвести от них растерянный взгляд, Маргула в кают-компании уже не было.

Нэрол, в отличие от бравых корсаров, времени даром не терял. Он прошелся по пирсу, пощупал воду, углем нарисовал на прохладных досках шесть поисковых символов. Те замерцали — бледно, будто ночные звезды, — и безошибочно определили место, где находился и откуда исчез корабельный маг. Парень по прозвищу Искра фыркнул, сообразив, что имеет дело с некромантом — причем некромантом весьма талантливым, иначе магия крови убила бы его быстрее, чем затянула бы в глубину противоположных граней заклęcia. А противоположные грани отличались завидной крутизной: уходили вертикально-вверх, тянулись, тянулись и тянулись, пока не обрывались набором почти исчезнувших нитей. Искать Эльву по ним — напрасная трата энергии и возможностей. Но умения Нэрола не ограничивались подобной ерундой.

Собственно, никто вообще понятия не имел, где начинаются и где заканчиваются его способности. Искра, рожденный в столице Эльской империи — ближайшего соседа Ландары, — обладал не только драконьей мощью, как все каратримы, но и человеческим волшебством. Оно было хаотичным, спонтанным и... смешанным. В равных долях светлое и темное. В равных долях предназначенное для разрушения и создания.

Вернувшись на палубу, он поймал за локоть капитана Мильта и с надеждой спросил:

— Скажите, а у вас на борту имеются личные вещи господина Эльвы?

— Да, — согласился тот. И обратился к голубоглазому, кудрявому, заспанному эльфу, выглянувшему из камбуза: — Хэль! Будь добр, проводи нашего гостя.

— Хорошо, — без особой радости откликнулся тот. — Идемте.

Он нырнул в переплетение жилых кают, как в нору. Наверное, даже под землей Нэрол не чувствовал себя таким жалким — деревянное нутро корабля, кое-где укрепленное железом, подступало отовсюду и едва ли не сжималось, чтобы сожрать неудачливых путников. Стихией каратрима было небо, и противоположные небу материи он переносил плохо.

— Это здесь, — Хэль толкнул достаточно тонкую, не предназначенную для долгой осады дверь. — Проходите. Берите любой предмет, какой вам приглянется, но при одном условии: потом вы обязательно вернете его на место, — остроухий сложил руки на груди, намекая, что в случае чего будет отстаивать добро некроманта ценой собственной жизни.

— Обязательно верну, — подтвердил Искра, переступая условную линию порога — условную, потому что на самом деле порог отсутствовал.

Господин Эльва, кем бы он ни был, порядок недолюбливал: все валялось везде. Выданный с ошметками ниток рукав рубашки висел на краю канделябра, в углу

раскинулась кипа разномастных пергаментов, к потолку была прибита метательным ножом карта империи Ильно. Нэрол честно с ней ознакомился, про себя отметив, что имперцы вряд ли располагают большим запасом пищи или воды — всего лишь одна река, ни единого озера и суровый, хищно заостренный, будто челюсти голодного великана, горный хребет. Уровень жизни тамошних деревенщин рисовался каратриму в самом худшем свете, и он поспешил отвлечься. Не получилось — взгляд Искры замер на двух человеческих черепах, связанных крепкой карминовой нитью. Тот, что слева, выглядел превосходно: чистый, аккуратный, обделенный лишними увечьями. А тот, что справа, играл роль полной противоположности первого: испещренный рубцами, царапинами и трещинами, да к тому же лишенный нескольких зубов. Но от обоих одинаково веяло темной магией, причем магией столь мощной и сокрушительной, что у Нэрола заняло под лопаткой. Дышать тоже стало немного страшновато, и в поисках утешения он обратился к Хэлю:

— Почему вы не предупредили, что на вас работает архимаг?

— Потому что Эльва — не архимаг, — невозмутимо пояснил остроухий. — Да, у него прекрасные перспективы, и его способности весьма далеки от уровня рядового колдуна. Но, к сожалению, мой приятель не собирается лезть в гильдийскую Башню ради сомнительных — как он сам выражается, — привилегий. И вряд ли кому-нибудь удастся его переубедить.

— Жаль, — искренне огорчился Искра. — Таких магов, тем более — с темным даром, ныне днем с огнем не найти.

— Неправда. Этого найти можно — и днем, и ночью, и с огнем, и без огня, и даже в глухом лесу, если ему приспичит пообщаться с представителями мирной нечисти. Он странный парень, господин каратрим. Я знаком с ним уже несколько месяцев, но до сих пор не могу понять — кто передо мной. И чего мне следует от него ожидать.

Нэрол весело рассмеялся:

— Неплохой показатель. Раз уж вы, Бог знает сколько проживший эльф, освободивший к тому же от проклятия Кленкар, не сумели разобраться, то я тем более не смогу.

Эхэльйо напрягся.

— Как вы меня узнали?

— В основном по ауре, — дружелюбно пояснил Искра. — Я был в Кленкаре, прогуливался по опустевшим улицам. Ваша аура оставила глубокие отпечатки в общих энергетических потоках города. Не стоит отнекиваться. Я — не инквизитор и не тупой зевака, и я нахожу ваш поступок весьма и весьма достойным. Примите мое признание.

— Спасибо, — скептически поблагодарил остроухий. — Вот уж от кого, от кого, а от бывшего наследника Эльской империи я похвалы не ждал.

Нэрол ощутил заманчивое желание повторить недавно прозвучавший вопрос, но мужественно сдержался.

— Вам известно, как господин Эльва подчинил себе эти черепа? — поинтересовался он, проводя пальцем по переносице Леашви. — Каким заклятием он воспользовался? Мертвая материя, конечно, никогда не против поиграть с живым миром, но для ее поддержания требуется немало сил. Куда проще поднять свободного зомби, расправиться с врагами и закопать его обратно в землю, чтобы не мешал простым людям.

— Нет, — покачал головой Хэль. — Эльва почти не рассказывал о своих талантах. Черепа и черепа, без разницы, что они такое. Разве что, — остроухий задумчиво нахмурился, — иногда он называл их защитниками. Но это скорее обобщение, чем что-то... ну... настоящее.

Искра закончил ощупывать Леашви и принялся за Невтена.

— А кем были эти ребята при жизни, вы не в курсе?

Северный ветер донес заклинателя до берегов империи Ильно, но соваться в Нолет не пожелал — мол, там много других колдунов, много жителей, много зевак, и все они слегка изумятся появлению кентавра и демона. Саг попрощался со своими врагами почти тепло — даже рискнул обменяться рукопожатием с Фасалетрэ Эшгаралье.

— До встречи.

Море бушевало, как сумасшедшее. Огромные волны разбивались о скалистую линию суши, рассыпались тысячами брызг. Холод, и без того пробирающий до костей, становился невыносимым, и Саг бегом бросился вглубь заброшенной местности.

До Нолета было недалеко — Сев рассчитал все так, чтобы и заклинателю не пришлось топтать по пустоши три дня, и демона не обнаружили орденские маги. Над городскими стенами вился густой туман, просачиваясь внутрь через ворота. Казалось, будто стражники в нем купаются.

Сага поприветствовали почтительно, но не унижаясь. Тот стражник, что стоял ближе к чаще для сигнального огня, покосился на юношу с подозрением. Да, все непосвященные наверняка надеялись на его возвращение в порт, с кораблем, и теперь не скоро избавятся от глупых шуточек про дурака, который помчался за иллюзорным противником и получил по носу, да так, что этот самый нос едва не захлебнулся в грязи.

Три-один-шесть гордо расправил плечи, скрывая слабость. Никто не должен сообразить, что поход на земли противника вымотал его до предела.

Никто не должен сообразить, что противник был сильнее и безумнее, чем изначально предполагалось.

В главную резиденцию Ордена Саг не пошел — свернул на полпути, добровольно променяв центральные улицы на крик и гомон окраин. Прогулялся по узким переулкам, наслаждаясь шумом и полумраком — в последние дни юноше их отчаянно не хватало, — и присел на кривую ограду возле корчмы. Из открытого окна вкусно веяло свежим хлебом, овощным рагу и чем-то пряным, нежным, слегка хмельным. Пошарив по карманам и с восторгом отыскав несколько имперских монет, три-один-шесть переместился в общий зал заведения, устроился за столом и перехватил рассеянный взгляд хозяина.

Рослый мужчина, по самые брови заросший седой бородой, принял заказ и убрался в кухню. Он был не слишком-то разговорчив, но с помощью ненавязчивых вопросов Сагу удалось выяснить, что, пока он прозябал у черта за рогами, в Нолете ничего важного не произошло. Орден заклинателей проедает налоги, от императора давно нет вестей, а на руинах форта Салес опять завелась какая-то нечисть — радостно ловит любопытных ученых, но не ест, а, вероятно, запасается пищей на зиму, потому что трупы находят выпотрошенными на ветках деревьев.

— Ерунда, — бормотал три-один-шесть, изучая посетителей. Никто из них не показался ему опасным, и, когда хозяин принес целый набор тарелок и кружку, наполненную вином, Саг безмятежно взялся за вилку.

К сожалению, Нолет изобиловал чуткими ушами и зоркими глазами — не минуло и получаса, как в корчму явилась приземистая, крепкая русая девушка, на чьи плечи ниспадали две толстые косы. Она села напротив, мрачно вздохнула и сказала:

— Привет.

— Привет, — равнодушно кивнул юноша. — Давай-ка я угадаю. Тебя прислали, чтобы ты выведала, какого черта я приперся в Нолет один и куда запропастился корабль — вместе с оружием, матросами и ценным снаряжением. Правильно? Так вот. Корабль, целый и невредимый, стоит на якоре у берегов Морского Королевства. Если мы свяжемся с его капитаном, и свяжемся немедленно, то избежим лишнего кровопролития и дурацких теорий в мой адрес. Я, как и собирался, приложил все усилия ради поисков захваченного в плен некроманта. Нашел его родственников, но расправиться с ними не получилось. Мальчик из семьи аристократов, а благородным законы не писаны. Кроме того, у них имелись неплохие защитники, и эти защитники вышвырнули меня обратно в империю.

— Надо же, — скептически хмыкнула девушка. — Наш непобедимый Саг проиграл. С ума сойти. Это повод выпить. Эй, хозяин! Принесите нам еще вина!

— Дура, — безжалостно припечатал ее три-один-шесть. — Если ты так уверена в своих силах, почему не отправилась к прибрежцам вместе со мной? Я ведь звал. Я ведь сообщил, что приму в команду каждого, кто действительно захочет сразиться с этими тварями. Давай-ка я угадаю еще раз, — любезно предложил он. — Ты банально... струсилa. Струсилa и решила остаться дома, под защитой товарищей. Еще и обрадовалась, небось, что всем надоевший Саг добровольно сунул шею в петлю.

— Заткнись! — вспылила девушка, смахнув локтем едва принесенную бутылку. — Закрой свой поганый рот, чертов мертвец!

— А ты закрой свой, — от всей души посоветовал Саг. — Иначе из этой корчмы я выйду с твоей головой под мышку. Ты мне надоела, Хатри. И ты, и твои дурацкие привычки относиться к людям так, как они того якобы заслуживают. Иди обратно в Орден, скажи, что я отдохну, а затем подробно отчитаюсь обо всех достигнутых результатах. И о недостигнутых — тоже. В общем, унижусь как смогу — тебе на радость. Но сейчас будь добра оставить меня в покое.

Мимо уха заклинателя прошелестел короткий легкий стилет. Лишь одно неуловимое движение спасло его от смерти, и Хатри, вскочив на ноги, яростно ударила кулаком по столу:

— Почему бы тебе просто не сдохнуть?!

— А тебе? — вернул шпильку Саг, оборачиваясь. Из-за его нелюбви к острым предметам никто, вроде бы, не пострадал — кроме побледневшего корчмаря. Последний стиснул маленькую рукоятку стилета, рассчитанную на женскую ладонь, и скупым рывком избавил стену заведения от лишнего украшения.

— С вас еще десять золотых монет, — с уважением, но твердо объявил он, глядя на заклинательницу прямо и укоризненно. — Ругаетесь — ради Бога, но портить чужое имущество я вам не позволю.

— Да подавитесь, — рыкнула девушка, бросив на столешницу необходимую сумму. И, уже направляясь к двери, провозгласила: — Было бы чудесно, если бы вы отравили этого мерзкого... человека!

Явная издевка Сага ни капельки не зацепила. Он пронаблюдал за тем, как хозяин корчмы сгребает красное золото, откинулся на спинку стула и широко зевнул.

Пускай бесятся.

Светловолосого новичка Везарт нашел у костра, разведенного арбалетчиками. Рядом с ним расположилась добрая половина отряда, пустив по кругу бутылку дешевого вина —

вероятно, купленную в городе и припрятанную до подходящего случая. Молодой боец, трепетно прижав к груди старую гитару, вещал о тройке знаменитых заклинателей, а новичок заворуженно внимал, прикрыв яркие синие глаза.

— Извини, — наклонившись к нему, произнес Везарт. — Но не мог бы ты на минуточку отвлечься?

— Угу, — покладисто согласился светловолосый. Как там его? Альва? Ульва? Парень зажмурился, проклиная себя за плохую память. — А что такое?

— Господин Сарма попросил передать тебе это, — пояснил боец, протягивая новому знакомому аккуратно сложенный клочок пергамента. — Не знаю, что там. У нас не принято читать письма, предназначенные товарищам — даже если эти товарищи появились только сегодня. К слову, тебе удалось многих заинтриговать — командир еще никогда не принимал в Легион тех, кто попадался ему... подобным образом. Я был бы тебе очень благодарен, если бы ты рассказал, откуда выполз и почему так рвался сюда вступить.

— Откуда я выполз — это, к сожалению, секрет, — дружелюбно ответил светловолосый. — А вот цели мои вполне понятны. Господину Сарме зачем-то понадобился мой друг, и бросать его я не собираюсь.

Взгляд Везарта скользнул по бледному лицу остроухого, закутанного в три походных одеяла. Корни, отпущенные зрачками, понемногу втягивались обратно, и Рин снова походил на прежнего, нормального себя. Его иссиня-черные волосы растрепались, ресницы слиплись, а левую бровь пересекала косая царапина — тонкая, но глубокая.

— Есть у меня кое-какие догадки, — тихо, чтобы никто другой не услышал, пробормотал боец. — Хочешь, я ими поделюсь?

— Поделись, — серьезно кивнул новичок.

Везарт отступил под сомнительное прикрытие деревьев, и светловолосый парень, насмешливо хмыкнув, последовал за ним.

— Неужели у господина Сармы есть тайны, недостойные того, чтобы донести их до бойцов?

— Тайны имеются у всех, — огрызнулся Везарт. — В том числе и у тебя. А господину Сарме невыгодно терять власть ради непроверенных догадок, если они вдруг станут общественным достоянием и превратятся в повод для шуток. Поэтому ты обязан, — выразительно добавил он, — молчать о том, что я тебе расскажу.

— Ладно, — равнодушно пообещал новичок. — Ну, теперь твоя душа спокойна? Или ты считаешь, что у этого прекрасного дерева тоже есть шансы расправиться с устойчивыми позициями командира Легиона?

— Не язви. Я разговариваю с тобой по собственной воле, вне командирского ведома. Разумеется, общение между бойцами не запрещено — как тут его запретить, когда все друг друга знают и сражаются плечом к плечу, — но...

Он осекся, прижав правую ладонь к груди — туда, где зашевелилась темная легионерская куртка. Из-под плотной ткани глухо, но внятно прозвучало низкое кошачье мяуканье.

— В чем дело, Нежность? — проворковал Везарт, и его тон, мгновение назад уверенный и твердый, сделался откровенно влюбленным. — Ты проголодался?

Он расстегнул воротник, и наружу выбрался черный, как ночь, кот. Животное посмотрело на светловолосого незнакомца печально и снисходительно, а потом снова мяукнуло и ткнуло бойца лапой в подбородок — мол, ты молодец, поужинал, а моя порция

где?

Новичок тоже посмотрел на кота — пронизательно и понимающе. Везарту его взгляд не понравился, и он поспешил оправдаться:

— Я не намерен расставаться со своим питомцем даже ради Легиона.

— Страшно представить, до какой степени он тебе дорог, — неожиданно мягко, безо всякого намека на недавнюю бесшабашность, сказал тот.

Боец провел пальцем по щеке Нежности, и кот подался навстречу, принимая ласку.

— Меня зовут Эльва, — донес до парня светловолосый, что-то для себя решив.

— А меня — Везарт, — эхом отозвался боец. — Чего это ты вдруг подобрел?

— Я люблю котов.

— С ума сойти, какая прелесть. По-твоему, коты заменяют стоящую причину довериться чужаку?

Новичок неожиданно открыто улыбнулся:

— Чужаку? Мы, вроде бы, состоим в одном Легионе. Так что насчет моего приятеля? Какие планы на его счет строит господин Сарма?

— Зловещие, — фыркнул боец. И тут же нахмурился: — Наш командир просто помешан на летописях и легендах. Вечно копается в истории, перечитывает хроники, прозябает в библиотеках. Встречается со всякими идиотами, хотя у них вековая пыль течет по венам вместо живой крови. И главное его увлечение — это ледяные драконы, драконы, принадлежавшие трем великим заклинателям. О них ты, конечно, слышал. Господин Сарма уверяет, что по крайней мере двое — Нила и Кайгэ, — до сих пор живы, просто не спешат снова связываться с людьми. Хорошо хоть смерть Яритайля он не оспаривает, иначе мне пришлось бы обратиться за помощью к Ордену, а отношения Ордена с Легионом весьма и весьма натянуты.

— На кой черт? — удивился Эльва. — Историки ведь официально подтвердили, что все трое — и Кайгэ, и Нила, и Яритайль, — не принадлежали к смертному племени. Кайгэ родился в семье крайтов, Нила — чистокровный нарверт, а Яритайль — остроухий. Все правильно. Так что тебя смущает?

— О, ничего, — иронично отрекся от своих убеждений Везарт. — Я, конечно же, безраздельно верю, что на самом деле эти ребята живы. Только вот, — он почесал кота за ухом, — почему никто из них не показывается имперцам? Они ведь остановили Войну Слез, а значит, могли рассчитывать на славу и на признательность императора. Но нет, великие заклинатели забились в какую-то нору и живут вдали от людей, всячески избегая встреч со случайными путниками и никуда не отпуская своих драконов. Вот что, Эльва, — боец Легиона наставительно поднял палец, — если бы Майрэ, Каурго и Шитару были в порядке, они бы ни за что не покинули небеса.

— Этот мир огромен, Везарт, — рассудительно заметил светловолосый. — Глупо утверждать, что чего-то в нем не хватает. Может, ледяным драконам просто надоели имперские небеса, и они полетели искать иные.

Он был ужасно терпелив, этот принятый Сармой новичок, хотя в его синем взгляде читалась нескрываемая насмешка.

— Перейдем ближе к делу, — вздохнул боец, отчаявшись доказать Эльве свою правоту. — Командир Легиона ищет Майрэ. Он утверждает, что этот дракон уснул где-то в горах Южного Хребта, и что разбудить его способен лишь тот заклинатель, чье тело вечно молодо и вечно отвергает смерть. То есть эльф. А у Рина, если я не ошибаюсь, даже после

укуса ведьминой змеи сохранилась некая доля магии.

Светловолосый зябко повел плечами:

— Вот как?

— Да. Скорее всего, господин Сарма попробует отыскать драконье логово. Идиотская затея, — он понизил голос, — но безумия нашему командиру не занимать. Он всегда отличался несколько... своеобразными привычками.

— Тут ты прав, — Эльва настороженно огляделся. — Затее действительно идиотская. Ну разбудит он Майрэ, а дальше что? Позволит ему собой закусить? Драконы, вырванные из спячки, доброжелательностью не блещут. Майрэ щелкнет челюстями, радостно поблагодарит и исчезнет.

— Надо думать, что господин Сарма надеется на более благоприятный исход, — возразил Везарт.

— И надеется напрасно. Рину не по силам контролировать ледяного дракона, тем более — такого древнего и связанного с Яритайлем. — Теперь синие глаза новичка горели беспокойством и — совсем чуть-чуть — гневом. — Спасибо тебе. Я пойду обратно.

— Иди, — великодушно разрешил боец. — Еще увидимся.

Они обменялись рукопожатием, и Эльва побрел к товарищам-арбалетчикам. Те встретили его смехом и неуместными шуточками, но парень не обратил на них ни малейшего внимания. Опомнился он лишь после негодующего окрика:

— А почему новенький до сих пор сидит? Пускай похвастается нам своими талантами — умеет же он что-то делать?

— Он? — Ближайший к некроманту боец рассмеялся. — Ну не знаю.

— Он умеет петь, — донес до легионеров тот, кто недавно обнимал гитару. — Зуб даю — умеет. Верно? — Боец испытующе посмотрел на Эльву.

— Да, — с заминкой отозвался тот. — Но, к сожалению, с имперскими песнями у меня не ладится.

— Имперские мы сегодня уже слышали, так что не отказывайся. Бери, — некроманту поверх костра протянули музыкальный инструмент.

Он вспомнил, как Мильт проводил уроки для Фасалетрэ Эштаралье, подбирая самые знаменитые творения Рикартиата, и вцепился в гладкую поверхность грифа.

— Ну, сами напросились, — буркнул он. И осторожно, почти нежно подергал струны — чтобы проверить, хорошо ли они звучат. Затем обычное дерганье превратилось в мотив — незамысловатый и, наверное, мало похожий на оригинал, но тем проще было соотносить его с резковатой манерой речи эльфийского клана Найэт:

— Мои руки висят плетью,
а ногам — не найти опоры.
Расстиляется небо — степью,
глухо каркает черный ворон.

И на поле одни трупы -
да с ножами в сердцах и шеях.
Рассыпается свет — ртутью;
по траве пробегает шелест.

Кто тут бился — узнать как мне?
Как найти среди мертвых знамя?
Тихо падают с неба — капли;
небо нами давно правит.

Я стою посреди боя,
отгремевшего, словно грозы.
И текут времена — кровью;
а за ними текут слезы.

Я рожден — для чего? — в горе,
я рожден — но зачем? — в гневе.
Глухо каркает черный ворон -
голос гибели и потери.

Мои руки висят плетью,
потому что мертвы — братья.
Расстилается небо — степью;
кто убил их всех — как узнать мне?

Вкрадчивая мелодия изменилась.

— На дороге назад — клевер,
на дороге вперед — вереск.
и по миру ползет — время,
возрождается, словно феникс.

Под ногами блестят лужи,
а вверху облака — белым.
Черный ворон, крича, кружит
в глубине голубого неба.

Я держу, как письмо, карту,
где сплелись воедино — реки;
а вот здесь, по длине тракта,
нет ни зверя, ни человека.

Я иду в тишине света,
я — рожденный в пылу злости.
Там, где ярко цветет — лето;
но лежат под землей кости.

Эльва накрыл струны запястьем и замолчал.

— Это ведь не все, — укоризненно протянул хозяин гитары. — Спел бы до конца, чего тебе стоит?

— Голоса, — улыбнулся некромант. — Это стоит мне голоса. Сам же слышал — у меня с ним не очень.

— Почему? Нормальный голос, просто слабоватый.

— Вот именно, — вмещалась высокая, стройная девушка — совсем юная, младше некроманта на все восемь, если не десять, лет. — Я не буду решать за остальных, но лично мне интересно, чем закончилась твоя история.

Парень мысленно сделал себе пометку на будущее: имперцам знакома речь клана Найэт. Чудесно, что он выбрал не балладу о Старом Герцогстве, а нейтральную сказку о короле-страже.

— Ну давай, не томи, — Эльву ткнули локтем под бок. — Раз уж начал — заканчивай, или я эту гитару об твою башку разобью.

— Жестоко, — поморщился некромант. — Но действительно. Башку-то мне жалко.

И он снова прикоснулся к прохладным, радостно отозвавшимся на человеческую нежность струнам. Посидел, освежая в памяти третий фрагмент песни:

— Вот по морю бегут — волны,
и срываются с них — брызги.
Я стою в глубине шторма,
как стоял в глубине смысла.

И глядит на меня — море,
да очами седых дельфинов.
На того, кто рожден — в горе,
на того, кто рожден сильным.

А враги мои — здесь, рядом;
не уплыли на старой лодке.
И глядят — но пустым взглядом,
от которого мало толку.

Мотив снова поменялся, стал медленнее и как будто печальнее.

— Я приду на могилу братьев,
где лежат они — все вместе;
принесу дорогое платье
тихой грусти — своей невесте.

Обниму ее стан хрупкий
да шепну, что люблю — на ухо;
и обмякнут мои руки,
и не станет совсем — слуха.

Заберет меня мир — в землю,
загорится трава — алым.
Я рожден был — зачем? — верным,

для защиты людей — слабых.

Отдохну, полежу немного
на подушке из их праха.
Помолюсь своему Богу -
помолюсь своему страху.

И вернусь — да пойду повсюду,
где цветут, как огонь, маки.
Только там, где опять — буду,
небо станет дождем — плакать.
**

Заснеженные горные склоны, отвесные и ослепительно светлые, раскинулись перед путником, словно корона, венчающая мир. Любой бы на его месте уже сорвался в одну из бесчисленных пропастей, но он — держался и действовал спокойно, хладнокровно, расчетливо. Он родился в глубине этих гор, воспитывался в глубине этих гор и помнил каждую трещину в камнях, каждое ущелье, каждую долину. Вдали, гремя раскатами грома, несла свои воды на восток единственная имперская река — эльфы прозвали ее Акут и часто спускались к бурному бирюзовому потоку, чтобы полюбоваться дикой стихией. Часто — но лишь до того, как император вычеркнул их народ из списка Разумных Рас, и люди пошли войной на остроухих жителей Южного Хребта.

По мнению путника, люди были безмозглыми крестинами. Он вообще предпочитал не возвышать никого в своих помыслах — ни смертных, ни бессмертных, ни условно живых. И редко обсуждал это хоть с кем-нибудь, потому что любил одиночество.

Но теперь на смену старому времени пришло новое. Пришло время мертвецов, когда прошлое забывается, а будущее расплывается набором темных, мутных, он бы даже заявил — грязных пятен, и значение имеет лишь настоящее. Когда погибшие в сражениях существа вынуждены напомнить о себе тем, кому повезло выжить.

Южный Хребет поглотил немало самоуверенных личностей, причем поглотил бесследно, не оставив на поверхности даже костей. Ему надо было прокормить своих отпрысков, верных и вечных, призванных стеречь острые пики и редкие деревца, искореженные ветром и непогодой. Ему надо было отвергнуть все лишнее, чтобы избавиться от навязчивого внимания живых племен. И он справился со своей задачей — он, пугающий снежный великан, пронизанный нитками пещер и туннелей, накрытый мягким, холодным одеялом, до конца веков предоставленный тишине.

И только одна могила — с обледеневшим черным надгробием, где чья-то умелая рука высекла несколько изящных, чуть сползающих влево символов — "YARIE-TEALLE", — прикорнула среди его владений. Путник остановился, преклонил колени и безо всякого определенного выражения прошептал:

— Они снова начинают искать.

Могила безмолвствовала, но тот, кто безнаказанно шастал по горам, уже привык докладывать о своих наблюдениях пустоте — порой до боли, до запертого в груди плача надеясь, что она отзовется.

Впрочем, сегодня он был не в настроении жаловаться.

Он преодолел весь этот опасный путь только для того, чтобы глухо, на грани звериного рыка, дать клятву:

— Я убью всех, кто посмеет тебя потревожить.

Хлопанье крыльев донеслось, кажется, с юга, и путник торопливо бросился прочь, ступая на обнаженные участки мертвой травы и стараясь не прикасаться к снегу. Нырнул под широкий каменный карниз, ничуть не опасаясь, что злокозненные горы расстанутся с ним ради убийства незваного гостя, и затих. Даже дышать перестал, хотя легкие тут же взбунтовались против такого небрежного отношения.

Зеленый, похожий на ящерицу дракон проскользнул мимо, едва не задев надгробие хвостом. Путник стиснул зубы, испытывая желание выйти и размазать небесную тварь тонким слоем по краю ближайшего обрыва, но все-таки сдержался. Вытерпел. Нет, ему нельзя себя обнаруживать.

Еще слишком рано.

Он закутался в длинный, тяжелый плащ, разглядывая безоблачное голубое небо. Отбросил капюшон, подставляя солнцу лицо. Взъерошенные русые волосы, коротко и неаккуратно остриженные, заблестели под рассеянными лучами, а жутковатые белесые глаза — глаза призрака, а не человека, — вспыхнули расплавленным золотом. Вспыхнули и тут же погасли, пряча магию заклинателя глубоко внутри — так глубоко, чтобы никто не смог ее отыскать.

Отдохнув, путник отряхнулся, хлебнул сладкого эльфийского эля из фляги и побрел назад, туда, откуда пришел. Ветер услужливо заметал его следы, а Южный Хребет забыл о своих собственных правилах и горестно, тоскливо подвывал, умоляя гостя не уходить. Но тому было без разницы, что чувствуют горы. Самому бы что-нибудь ощутить, и неважно, что — старательно изображаемую ярость, обиду или веселье. Он так отвык от всего яркого, теплого и шумного, что постаревшим сердцем завладело тягучее, мерзкое ничто — хотя вряд ли путник мог постареть.

К вечеру он пересек границу деревни, поздоровался со стражниками, стерегущими деревянные ворота. На частоколе болтались, позвякивая друг о друга, разномастные котелки, горшки и глиняные вазы, а кое-где — и простые чашки, не обремененные ни росписью, ни поверхностной резьбой. Все жители деревни довольствовались теми дешевыми предметами, что путник сумел достать, не привлекая к себе внимания.

Ставни уже закрыли, двери заперли, и по единственной улице неспешно прогуливались воины. Высокие, стройные, в серебристых кольчугах и шлемах, с острыми эльфийскими ушами. Последние эльфы империи. Те, кто рискнул поверить в едва зародившуюся угрозу, кто рискнул разрушить свои прежние дома и обставить все так, будто их уничтожили люди. И те, за кого путник был в ответе.

Он любил их — эльфов, связанных одной кровью, преданных своему народу и своим семьям. Эльфов, предназначенных для созерцания и творения, для создания прекрасных и удивительных вещей. Любил с тех самых пор, как впервые увидел.

Путник переступил порог дома, успевшего остыть и наполниться студеным, щиплющим в носу запахом зимы. Чтобы его прогнать, пришлось использовать весь оставшийся запас дров и, прихватив угловатый гномий топор, выйти к сараю. Там путник задержался на добрых полтора часа, разделив на части огромную ореховую ветку.

Было странно осознавать, что внизу, на равнинах и в городах, едва заканчивается лето, — ведь Южный Хребет был скован морозами постоянно, без передышек на

мимолетное тепло. Было странно осознавать, что внизу продолжают политические игры и войны, что предки нынешнего императора основали Орден, что заклинатели получили свободу и право распоряжаться своей магией так, как подсказывает ум. Было странно, потому что ему и его друзьям выпала прямо противоположная судьба, и они боролись за волшебство, пока не поняли, что это бессмысленно. Им бы стоило навеки пропасть, исчезнуть в какой-нибудь подобной деревне и перестать доказывать, как важны заклинатели драконов для развития Ильно. Но в те годы они были наивными дураками, за что и поплатились — вполне справедливо, но все равно страшно.

Перетащив новые дрова в кухню, путник сел на колченогую табуретку у окна. Почистил несколько картофелин, лук, морковь, разрезал на две половинки кусок говяжьего мяса. Продукты приходилось добывать в человеческих поселениях, тщательно следя за всеми, пусть и самыми незначительными, переменами. Мало ли — вдруг смертное племя догадается, кого пожалело и кому за ничтожно низкую цену продает запасы еды? Пока что ему удавалось скрывать свое истинное "я", а эльфы, если и сообразили, кем является их спаситель, не норовили превратить хрупкое тело путника в защитные амулеты. Он устраивал остроухих в нынешнем, целом и невредимом, виде. А еще дети звезд умели быть благодарными.

Не отвлекаясь от приготовления ужина, путник чутко прислушивался к мелодичным голосам на улице. Конечно, он искренне надеялся, что люди не сумеют найти это место, но природная осторожность давала о себе знать. И поэтому, едва уловив вроде бы смутно знакомый, но чужой для эльфийской деревни выговор, он променял кухонный нож на палаш и встал слева от не запертой двери.

— Кто вы, госпожа? — прозвенело снаружи. — И что вам от нас понадобилось?

Значит, госпожа? Это хорошо. С человеком остроухие не стали бы церемониться. Однако расслабляться все еще рано — мало ли, у людей достаточно союзников среди прочих разумных рас.

— Я ищу своего друга, — нежное контральто заставило путника вздрогнуть, выдохнуть и уронить оружие. — И он застыл изваянием за этой чертовой дверью. Можете меня обыскать. Пожалуйста. Я не причиню вреда никому из вас.

Тихий ненавязчивый шелест, виноватое покашливание. Шаги. Затем створка резко, грубо распахнулась, и в комнату вошла невысокая девушка, одетая в дорогой походный костюм. Она прожгла путника ярким зеленым взглядом, улыбнулась и спросила:

— С тобой все хорошо, Кайгэ?

Больше книг на сайте — Knigolub.net